

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ

DEACON

Annotation

В маленьком городке, где из развлечений — всего-то несколько ярмарок да праздник в честь основания города, люди научились находить "интересное" самостоятельно. Чаще всего это выливалось в травлю какого-то человека или даже целой семьи. Но однажды подобная забава привела к неожиданным последствиям...

I

То, что сейчас занимало высокого беловолосого мужчину, находилось в центре комнаты и располагалось на огромном деревянном столе. В комнатухе практически не было света, но расставленные по углам помещения ведра с вязкой зеленой жидкостью дымились, и этот странный дым служил своего рода освещением. Пол, выложенный каменными плитами, в некоторых местах потрескался, и в проемах темнела темно-коричневая глина, больше похожая на запекшуюся кровь. Окон в помещении не было, зато на стенах красовались какие-то символы, выполненные белой краской. Символы были расположены в определенном порядке, отчего напоминали своеобразный узор, но назвать их декорацией не поворачивался язык. Что-то в них было зловещее, что-то настолько запретное, что никто в здравом рассудке не рискнул бы начертить их у себя в доме.

Стук в дверь заставил беловолосого мужчину резко выпрямиться и наконец отойти от стола. Он вложил нож в кожаный чехол и положил его на сундук для инструментов. Затем покинул комнату и поднялся по лестнице. Работать в подвале было удобнее всего, так как отсюда можно услышать, как в двери стучатся незваные гости. В этот день не должно было быть посетителей, поэтому помощники получили заслуженный выходной, однако именно сегодня нога Лукио распухла настолько, что он едва мог на нее ступить. Невысокий полноватый мужчина средних лет стоял под дверью двухэтажного дома, мысленно повторяя в голове одну и ту же фразу, чтобы от волнения ее не забыть: «Простите, что тревожу, многоуважаемый благородный великодушный господин, но дотерпеть до завтра я не в силах...». Эта фраза казалась ему до невозможного длинной и сложной, отчего Лукио постоянно забывал одно из прилагательных перед словом «господин». Будучи простым рыбаком, он не привык изъясняться так витиевато, потому что рыба, сорвавшаяся с крючка, не требовала этикета. Тем не менее Лукио тревожился. Его супруга Матильда, по прозвищу Большая Ма, несомненно поколотила бы его, если бы прознала, что он неучтиво обратился к одному из самых толковых лекарей в их городке.

Лекарь этот, по мнению местных жителей, представлял собой весьма странный экземпляр. Лукио и его друзья не раз зубоскалили по поводу внешнего вида врача, но еще больше им нравилось обсуждать его личную жизнь. Доктор приехал сюда издалека один, и уже четыре года рядом с ним не было замечено ни одной женщины. В его доме работали только мужчины, причем все они были либо уродливы, либо смертельно больны. Джером, пропитый нищий старик, чьи ноги были парализованы с семнадцати лет, нашел в доме лекаря приют, и горожане были искренне поражены, когда спустя две недели Джером вышел на улицу на своих двоих. Правда, выглядел он несколько "поехавшим" — был угрюм, на вопросы жителей не отвечал, а его опухшее от выпивки лицо выражало нескрываемую ненависть. Похожая история произошла и с «двуглавым» Точи. Двадцатилетний юноша приехал в город на ярмарку с выступлением, но люди с ожесточением встретили уroda и едва не забили его насмерть. К лекарю принесли окровавленное тело, которое представляло собой месиво из переломанных костей, выбитых зубов и затекшего глаза. На одной из шей «двуглавого» красовался глубокий порез, оставленный ножом мясника Дэнжа. Ему первому пришла на ум мысль, как сделать урода «нормальным», и люди с ликованием подхватили эту идею. Городская стража с трудом разогнала разгоряченную толпу, а юношу или, скорее, то,

что от него осталось, солдаты отнесли к лекарю. «Двуглавого» Точи не видели несколько месяцев, и люди думали, что чудовище издохло, но спустя время юноша был замечен в лавке травника. Выглядел он не так, как прежде. Смуглая кожа казалась мертвенно-бледной, черные вьющиеся волосы поседели, карие глаза одной из голов выглядели пепельно-голубыми, глаза второй и вовсе теперь были постоянно закрыты. Когда кто-то из горожан попытался завести с ним разговор, Точи не ответил, но травник рассказывал, что «двуглавый» прекрасно изъяснялся, делая покупки для лекаря в его лавке. И голос его уж очень напоминал голос того, кто его исцелил. Спустя неделю на «двуглавого» снова решили поохотиться. Шайд, местный трактирщик и задира, Онгул, уличный бард и откровенный бездельник, да создатель «нормальных» в виде мясника Дэнжа подкараулили Точи, когда тот возвращался после очередного поручения лекаря. На следующий день всех троих нашли с выжженными глазами, подвешенными на позорных столбах в центре площади. Их головы были разрезаны на две части, отчего издалека убитые казались двуглавыми уродами. Руки были прибиты к телу, словно у солдат, построившихся перед своим командиром. В содеянном горожане попытались обвинить Точи, но лекарь сообщил, что весь вечер его помощник провел с ним, и его слова засвидетельствовал один из больных, который в тот день находился в доме врача.

Лукио еще раз мысленно повторил фразу, с которой он обратится к загадочному лекарю, и уже замахнулся было, чтобы сильнее ударить в дверь, как она внезапно распахнулась, и кулак чуть не угодил доктору в грудь. Глаза рыбака в ужасе округлились, и он разом забыл, что хотел сказать. Вместо того, чтобы выразить свое почтение, Лукио открыл рот, словно выброшенная на берег щука, а затем что-то промычал, глядя в бесстрастное лицо лекаря. Беловолосый молча царапнул его взглядом, а затем отступил на шаг, позволяя пройти внутрь. Лукио неуклюже переступил порог и снова что-то промычал, в этот раз уже более внятно:

— Нога это... Того. Почтенный... волдырь. Тута.

Губы лекаря тронула кроткая улыбка, точно перед Лукио стоял монах, вот только от этой улыбки рыбаку стало жутковато. Он невольно поежился и проследовал за лекарем в его кабинет, где его усадили на кушетку, и беловолосый начал внимательно осматривать его ногу. Все это происходило в неприятной тишине, отчего рыбак буквально сжался, боясь проронить хоть слово. С одной стороны, Лукио понимал, что бояться ему нечего, но почему-то этот тип внушал ему неподдельный страх. Что-то жуткое было в его красивой внешности. Что-то неестественное, настолько искусственное, что не могло быть живым. На миг Лукио показалось, что сердце существа, стоящего перед ним, не бьется уже многие годы, а оболочка не разлагается лишь потому, что жизнь сосредоточена в пронзительных зеленых глазах. От этой мысли рыбаку стало трудно дышать, и, когда он уже захотел броситься прочь, спокойный голос лекаря разорвал тишину:

— Укус водяной змеи акайи ядовит, и если бы вы помедлили еще немного, то непременно погибли бы.

— Змея? — несколько оживился Лукио. Наваждение исчезло, и он с благодарностью посмотрел на врача. — О, меня кусала змея. Но вроде это был уж...

— Вроде, — лекарь с мягкой иронией в голосе выделил это слово, и Лукио глупо рассмеялся, теперь уже глядя на врача едва ли не с обожанием.

— Я поправлюсь?

— Да.

Доктор прошелся по комнате и извлек из шкафа глиняную баночку с какой-то сладко пахнущей мазью.

— В течение пяти дней смазывайте рану и старайтесь не мочить ногу, иначе она еще больше опухнет.

— И это все? — радостно выпалил Лукио.

— Мазь похожа на мед, поэтому держите подальше от детей. Они могут ее съесть.

— А что будет, если съедят? — почему-то этот глупый вопрос слетел с языка рыбака, и он тут же сжался, вспомнив, как жена велела не «идиотничать» перед столь почтенным господином.

— Отправятся на тот свет раньше своего отца, который не может отличить ужа от акайи, — лекарь дружелюбно улыбнулся, наблюдая за тем, как Лукио старательно намазывает себе ногу.

— А я вас еще боялся, — хохотнул рыбак. — Знаете, мужики вас опасаются, мол, странный вы, а вы — хороший человек. Я теперь никому не позволю говорить о вас глупости. Вы — велико дух... Нет, не то хотел сказать... В общем, если хоть кто-то заикнется о вас...

— Если перестанут говорить обо мне, начнут говорить о вас, — улыбнулся лекарь. — Я-то привык, а вам каково будет? Супруга у вас довольно строгая, может и рассердиться на вас.

— Ой, да, что-то болтаю я много. Такой я... Не умею речи вести ученые. Но от всего сердца хочу поблагодарить вас. Вы мне жизнь спасли.

— Мелочи, — ответил лекарь. — Вы позвольте... Мне нужно вернуться к работе.

— Сегодня? В праздник города?

— Именно в праздники работается лучше всего. К тому же вечером ко мне наверняка повалят «пострадавшие» после бурного веселья.

— Тоже верно. Дьюи как напьется, так начинает драться, а Вардог так вообще... Ой, я снова болтаю. Спасибо, доктор, — с этими словами Лукио нелепо почесал затылок и, спрыгнув с кушетки, направился к выходу. — Спасибо еще раз!

— Поправляйтесь. И передавайте привет супруге, — ответил беловолосый. Но едва дверь за спиной рыбака захлопнулась, улыбка исчезла с губ доктора. Его взгляд вновь стал холодным, и именно в этот момент из подвала донесся приглушенный крик.

— С добрым утром, — произнес лекарь и стремительно направился вниз.

П

(немного ударений:

АмбрИдия Бокл

РОдон ДвЕль тОнЬ (эта фамилия разделяется при чтении)

ЭлУбио КАль ОнЬ (онь — окончание фамилий у господ в моем рассказе)

ЛазОя

НайАлла

ЛУкио

Эристель

АОриан

П

Праздник города для местных жителей представлял собой событие настолько грандиозное, что ни один нормальный человек не решился бы его пропустить. Грандиозным этот праздник был не потому, что народные гулянья порой затягивались до самого утра, а

потому, что это был единственный праздник в году. Не считая осенней и зимней ярмарок, остальное время в городке не происходило ничего интересного, и поэтому местным жителям приходилось придумывать себе развлечения самим. Выливалось это чаще всего в травлю какого-то человека или даже семьи, а иногда удавалось распознать ведьму или колдуна, и тогда развлечения растягивались на целую неделю.

Праздник города начинался с первыми лучами рассвета. В первую очередь местные жители украшали свои дома полевыми цветами, которых в это время года было в избытке. Молодые девушки плели венки и гирлянды, а юноши изготавливали фонарики, которые зажигались на главной площади после захода солнца. Там же для горожан устраивалось представление. Чаще всего показывались сценки, отражающие будни местных жителей, однако заметно подправленные сарказмом и, можно даже сказать, жестокостью. Амбридия Бокл, невысокая полноватая женщина пятидесяти лет, представляла собой ту самую неприятную активистку, которая любит высмеивать публично всех, кто когда-либо имел неосторожность перебежать ей дорогу. Для этого она использовала свои язвительные сценарии и лишь слегка изменяла имена главных героев. В маленьких городках, где все знают друг друга в лицо, понять, кто является прототипом персонажа, не составляло особого труда. Амбридия Бокл была настолько талантлива в своем деле, что в большинстве случаев именно после ее постановок жители города определяли, кто будет «развлекать» их после окончания праздника. Кроме спектакля зрителей ожидали выступления бардов, под веселые песни которых собравшиеся на главной площади могли потанцевать, поводить хороводы и, конечно же, выпить. Песнопения и народные пляски затягивались до самого утра, и лишь под крики петухов горожане расходились по домам — кто пьяный, кто побитый, кто с ребенком в животе.

За четыре года, проведенных в городе, лекарь посетил этот праздник лишь единожды, когда выпившие родители недоглядели за своим чадом, и маленькая девочка провалилась в колодец. Именно тогда его и заметила старшая дочь местного феодала, главного смотрителя города и первого богача. Назвать девушку красавицей не поворачивался язык, но при определенном освещении она могла показаться миловидной, даже симпатичной. Платья, что она предпочитала носить, выгодно подчеркивали ее миниатюрную фигуру, отчего горожане считали ее завидной невестой не только из-за состояния. Разумеется, отец девушки, Родон Двельтонь, не воспринимал симпатию дочери всерьез, так как давно присмотрел ей в супруги молодого феодала соседнего города Элубио Кальонь. Родон полагал, что союз между его дочерью и Элубио поможет объединить два города, тем самым сделав его самым большим на побережье реки Лазои. К счастью для феодала, приезжий лекарь совершенно не доставлял проблем, и даже подозрительно участвовавшие болезни девушки воспринимал исключительно профессионально. Найалла Двельтонь болела едва ли не каждую неделю, ей постоянно требовался осмотр молодого врача, и сегодняшний день не составил исключения. Примерно через час после ухода Лукио за доктором пожаловал слуга, и тому вновь пришлось отвлечься от происходящего в подвале.

Господин Двельтонь принял гостя в своем кабинете и сдержанно поприветствовал его. Это был мужчина лет пятидесяти, высокий и статный, с длинными темными волосами. Седина уже посеребрила виски феодала, но выглядел он по-прежнему молодо, разве что несколько морщин появились на его лице. Об этом человеке мало кто высказывался дурно, так как Родон Двельтонь был из тех редких людей, кто воспринимал свое богатство не как привилегию, а как большую ответственность. В отличие от своего покойного отца он

относился к простым людям так же, как и к господам, не выделяя среди них никого, если только они не совершают что-то хорошее для других или для города. Сам же господин Двельтонь активно занимался благотворительностью, а именно — помогал сиротам и больным, а также давал беспроцентную ссуду начинающим ремесленникам, которые должны были вернуть деньги только в случае успеха их торговли. Этот человек был своего рода идеалистом, поэтому стремился изменить не только себя, но и других. Долгие годы господин Двельтонь пытался бороться с пороками своего города, желая привить людям добродетель и порядочность, и, казалось бы, даже преуспел в этом, однако приезд «двуглавого Точи» свел на нет все его многолетние старания. В городе словно поселился невидимый паразит ненависти ко всем, кто хоть немного отличался от «нормального» человека, и «двуглавый Точи», разгуливающий по улицам города, действовал не иначе как катализатор. Зверское убийство троих шутников, которые хотели всего лишь позабавиться с уродом, вызвало у Родона странный резонанс. С одной стороны, он был поражен жестокостью и хладнокровием убийцы, но, с другой стороны, — эти мысли Двельтонь отталкивал от себя с особенной тщательностью — мужчина злорадствовал, что хоть кто-то в этом городе получил по заслугам.

Именно за этими мыслями Родона и застал появившийся на пороге врач.

— Эристель, друг мой, мне так неудобно отвлекать вас в праздничный день, — произнес Двельтонь мягко, но при этом достаточно холодно, чтобы лекарь не заблуждался в дружелюбии собеседника. Феодал поднялся с места и направился навстречу гостю, протягивая ему руку. — Высшие силы никак не желают щадить мою старшую дочь, и она вновь захворала. Приступ дурноты повторился утром и до сих пор не прошел, и я не нашел другого выхода, кроме как пригласить вас в свой дом.

— Вы поступили правильно, господин Двельтонь, — ответил лекарь, беглым взглядом осмотрев комнату. В кабинете феодала произошла перестановка, и дело было далеко не в мебели, отчего Эристель слегка насторожился. Его взгляд на миг задержался на запечатанном письме, на котором красовался герб в виде орла, несущего в когтях свиток. Такой герб мог принадлежать только гильдии Аориана, и тот факт, что Двельтонь ведет переписку со столь известным мудрецом, не мог оставить равнодушным. Тем временем Родон продолжал объясняться, но скорее из вежливости, нежели действительно испытывая неловкость за то, что его семья доставляет врачу неудобство. Единственный человек, к которому Двельтонь испытывал необъяснимую неприязнь, был этот чужеземец, который за четыре года так и не стал своим в городе. Родон знал, что люди относятся к беловолосому весьма странно — они высмеивают его за глаза, но робеют и боятся, глядя в лицо. Столь же неприятное чувство испытал и сам Родон, когда впервые встретился с лекарем на празднике города. В тот день Эристель чудом спас маленькую девочку, угодившую в колодец. Именно тогда господин Двельтонь почувствовал неприятный озноб, когда встретился взглядом с пронзительными зелеными глазами чужеземца, и даже его теплая улыбка не смогла скрасить ощущения того, что Родон заглянул в лицо чего-то неестественного. Разумеется, Двельтонь понимал, что все это ему показалось, что вызвано это ощущение тем, что северяне в их краях — огромная редкость, поэтому их внешность кажется непривычной и даже пугающей. К тому же приезжий проявил себя как талантливый лекарь, который, несмотря на молодость, был мастером своего дела. Выгнать из города столь ценного жителя было бы верхом неблагоразумия.

О лекаре Родону было известно немногое — сход снега уничтожил небольшое

поселение у подножия горы Скурт и унес жизни сотни людей, в том числе и супруги Эристея. Сам мужчина в то время находился в соседнем городе, где свирепствовала белая лихорадка, и лишь по этой причине остался в живых. Возвращаться ему было уже некуда, поэтому лекарь покинул север и направился на юг, желая в первую очередь излечить собственные раны. Эта история вызвала у Родона сочувствие, поэтому он попытался забыть странное ощущение, возникшее при их первой встрече, но когда Двельтонь заподозрил симпатию своей дочери к этому человеку, он мысленно ужаснулся. Найалла стремилась получить свое любыми путями, и Родону оставалось уповать на то, что, не встретив взаимности со стороны врача, девушка наконец успокоится.

Сейчас, направляясь с ним по коридору в покои Найаллы, Двельтонь то и дело бросал на своего спутника внимательный взгляд. Прошло четыре года с их первой встречи, но Родон неосознанно стремился вновь почувствовать нечто неестественное, исходящее от этого чужеземца. Двельтонь словно искал подтверждений затаившейся в мыслях догадки, что лекарь с севера представляет собой опасность, быть может, настолько страшную, что нужно было что-то предпринять, и как можно скорее. Родона постоянно преследовало ощущение, что он теряет время, путаясь в своих ощущениях, и первое впечатление было куда более настоящим, чем все, что происходило потом. Этот кроткий, спокойный и вежливый человек тревожил его куда больше, нежели самые буйные нарушители городского порядка. Тем не менее Родон сомневался. Он не мог допустить, чтобы его подозрения загубили жизнь невинного человека, который только начал восстанавливаться после гибели своей жены. Однако после зверского убийства трех «шутников» Родон все-таки решил написать письмо Аориану, полагая, что мудрец развеет его неприятные сомнения. Старик не отвечал долгие месяцы, но этим утром Родон внезапно получил письмо.

Когда молчание слишком затянулось, господин Двельтонь опять обратился к Эристею, желая разбавить тишину очередной незначительной фразой.

— Полагаю, Найалла попросту перенервничала перед праздником. Знаете ли... Эти женские тревоги, — Родон холодно улыбнулся и отворил дверь в покои дочери. С одной стороны, он думал, правильно ли поступает, позволяя девушке видеться с этим человеком. В конце концов, в городе есть еще несколько докторов. Однако с каждым разом Родон все больше убеждался, что выбрал верное решение, так как безответное чувство уже постепенно начинало вызывать у Найаллы разочарование. Оставалось лишь дожидаться, когда девушке наскучит ее избранник, и тогда спокойно вычеркнуть наличие этого человека в замке Двельтонь.

Несмотря на день, шторы в комнате Найаллы были завешены, лишь на прикроватном столике горела заплывшая свеча. На постели лежала худенькая девушка с длинными темными волосами и протягивала руку кормилице, которая держала ее за кончики пальцев, то и дело всхлипывая. Тусклый огонек с трудом освещал лицо Найаллы, и эти желтые всполохи делали ее особенно болезненной. Так выглядела комната умирающей от чахотки, и от этой мысли Родон встревоженно посмотрел на Эристея. Он прекрасно знал, что его дочь устраивает очередной спектакль, но, как любящий отец, мужчина не мог позволить себе поставить под сомнение здоровье дочери и предпочитал лишний раз убедиться в том, что постановка не превратилась во что-то серьезное.

— Ах, моя маленькая госпожа, когда же проклятая хворь покинет ваше тело, и вы вновь сможете улыбаться! — прошептала кормилица, ласково поглаживая руку несчастной. Найалла смогла лишь выдавить из себя слабую улыбку, но мысленно девушка рассмеялась.

«Когда отец сдастся, и Эристель станет моим женихом», — подумала «умирающая», и ее сердце забилося чаще, когда она услышала шаги за дверью.

— Как ты, моя дорогая? — раздался голос отца, и Найалла медленно обернулась к Родону, глядя на него с любовью и нежностью.

— О, отец, — выдохнула девушка, пытаясь улыбнуться пересохшими губами. — Уже лучше. Скоро все пройдет.

С этими словами Найалла сделала вид, что пытается приподняться, но в тот же миг беспомощно упала на постель. При виде этого кормилица запрочитала и начала протирать лицо девушки смоченным в прохладной воде платком. На лице отца на миг вновь появилась тревога, и он быстрым шагом приблизился к постели своей дочери.

— Быть может, лекарства нашего лекаря не столь действенны, и нужно пригласить доктора Клифаира, — пробормотал он и наконец обернулся на Эристеля, жестом приглашая его подойти ближе. Слова отца девушке крайне не понравились, и она уже задумалась о том, не слишком ли сильно переигрывает. Выставлять Эристеля дурным врачом ей не хотелось, но и вскочить с постели в заводном танце она уже тоже не могла. Завидев красивое лицо лекаря, Найалла почувствовала, как бешено стучит ее сердце, и ей буквально захотелось выставить всех вон, чтобы остаться с ним наедине. Отец обычно сам выходил, но кормилица становилась просто невыносима, сверля лекаря таким взглядом, точно он явился сюда с единственной целью — совершить нечто недостойное. Женщина давно заметила, как больная реагирует на своего лекаря, поэтому в моменты их встреч старалась казаться особенно строгой.

Как и предсказывала Найалла, отец вскоре покинул комнату, но кормилица не сдвинулась с места, мрачно наблюдая за тем, как лекарь приближается к больной. Первым делом ее удивило то, с каким неприкрытым раздражением мужчина бросил взгляд на закрытые шторы, но вслух он ничего по этому поводу не произнес и принялся задавать стандартные вопросы. Голос его звучал не так ласково, как прежде, и кормилица с долей удовольствия заметила, что Найалла начала отвечать бодрее и в то же время несколько неуверенно. Девушка ожидала, что, увидев ее в постели столь слабой и жалкой, Эристель ощутит трепетное восхищение, но вместо этого почувствовала себя провинившимся ребенком. Но вот тон доктора внезапно снова стал прежним, и кормилица опять помрачнела. Почувствовав смену его настроения, Найалла принялась оживленно рассказывать обо всех своих страданиях, достаточно правдоподобно, но при этом не давая ни одного определения, которое повлекло бы за собой точный диагноз. Теперь Эристель кивал, на его лице даже отразилась легкая тревога, и Найалла почувствовала, как ее сердце переполняет радость. Ей казалось, что в этот момент они стали близки как никогда и настало время дать Эристелю понять о своих чувствах. В эту же минуту лекарь поймал себя на мысли, что, быть может, больной уже пора заболеть по-настоящему и скоростижно оставить его в покое.

Выслушав выдуманные жалобы девушки, Эристель прописал несчастной пить обыкновенный ромашковый чай и хотел было удалиться, как вдруг почувствовал, как Найалла незаметно от кормилицы всунула ему в руку записку. Лекарь с трудом изобразил неловкое замешательство в тот миг, когда ему хотелось от души ударить девушку по щеке. Эти детские игры его раздражали хуже скрипа несмазанных колес, однако он все же принял записку и, распрощавшись с больной, покинул комнату.

Эристелю пришлось потратить еще несколько минут своего времени, чтобы объяснить

Родону, что девушка скорее хандрит, нежели хворает, на что Двельтонь устало усмехнулся и велел своему помощнику расплатиться с врачом и проводить его до дверей.

— Быть может, вашей дочери стоит обратить внимание на кого-то из молодых господ, которые мигом сумеют развеять ее скуку. В противном случае, я буду в вашем доме до отвращения частым гостем, — произнес лекарь, внезапно обернувшись на пороге. Родон удивленно вскинул брови, не ожидая столь непривычной прямооты, а затем его губы тронула улыбка. После Двельтонь укорял себя за такую реакцию, но уж больно ему понравилось то, что лекарь тоже не испытывает удовольствия от «болезненных» свиданий с Найаллой. В ту же минуту феодал ощутил и укол совести, что усомнился в порядочности чужеземца и тайно начал собирать про него информацию, обратившись к северному мудрецу.

Уже направляясь к дому, Эристель хотел было выбросить скомканный клочок бумаги, полученный от Найаллы, в ближайшую сточную канаву, но в этот самый миг внезапно передумал. Он остановился посреди дороги с видом человека, который что-то забыл, а затем обернулся в сторону замка. Острые башни чернели на фоне ярко-голубого неба, а пушистые облака словно пытались отполировать их до блеска. На одном из шпилей развевался флаг с гербом города в виде трех плещущихся в воде рыб. Вид черного громоздкого замка в окружении зелени и синева казался неестественным, быть может, даже безобразным, и Эристель почувствовал странную симпатию к этому каменному великану. Еще он подумал о том, что в замке Двельтонь есть только один человек, который может безнаказанно разгуливать по кабинету Родона и даже просматривать его бумаги. Кроме строгого выговора этому человеку ничего не грозило, поэтому Эристель еще раз бросил взгляд на клочок бумаги в своих пальцах и спрятал записку в карман.

III

Музыка, доносившаяся с улицы, становилась все громче, все веселее и, казалось, собиралась накрыть собой весь город. Она рассыпалась по камням, катилась по соломенным крышам, качалась на ветках деревьев и цеплялась за свисающие с балконов гирлянды. Когда один из бардов затянул очередную залихватскую песню, Найалла не выдержала и, спрыгнув с постели, поспешила к окну. Кормилицы в комнате не было, поэтому девушка получила небольшую передышку, прежде чем снова разыгрывать из себя больную. Женщина оставила ее в долгожданном одиночестве лишь тогда, когда Найалла притворилась спящей.

Девушка стремительно распахнула шторы, и солнечный свет на миг заставил ее зажмуриться. Когда глаза привыкли к яркому освещению, Найалла с интересом посмотрела вниз, туда, откуда доносилась песня. На площади весело отплясывали три женщины в ярко-голубых льняных платьях, а вокруг собрались зеваки, дружно хлопающие в такт музыке. Молодой бард Стагр, по прозвищу Колокольчик, забавно кривлялся подле брошенной на землю шляпы, надеясь получить за устроенное представление хотя бы несколько монет. В этот раз его старания окупались, и пекарь Ронди, поразительно толстый даже для своей профессии, отправил в шляпу пару медяков. Этот жест не смог не отразиться на окружающих, и, последовав поданному примеру, люди потянулись к кошелькам. С таким же воодушевлением эти самые горожане тянулись к палкам, камням и гнилым овощам, когда желали проучить чернокнижника, уroda или бесстыдника. Судебные заседания, которые раз в неделю устраивал господин Двельтонь с целью наказать преступников, не доставляли местным жителям должного удовольствия, так как виновника либо заключали в темницу, либо за неимением доказательств отпускали на волю. Люди же хотели вершить правосудие сами.

Наблюдая за танцующими женщинами, Найалла почувствовала легкий укол зависти. Она была уверена, что сумеет станцевать лучше, и, если бы не отец с его давно отжившими правилами этикета, ничто не помешало бы ей развлекаться на празднике вместе со всеми. Из года в год Найалла клянчила у отца разрешение хотя бы раз в день города выступить на сцене и каждый раз получала категорический отказ.

Когда за дверью внезапно раздались шаги, Найалла вздрогнула от неожиданности, поспешно запахнула шторы и бросилась на постель. Она едва успела натянуть на плечи одеяло, как в комнату вошел ее отец.

— Дарайа сказала, что ты задремала, но я вижу, что..., - услышала девушка его голос и обернулась, стараясь выглядеть сонной. Ее не насторожило то, что Родон внезапно прервался, точно что-то заметил, поэтому она ласково прошептала в ответ:

— Я и впрямь только что проснулась. О, дорогой отец, этот сон произвел какой-то чудодейственный эффект, и я чувствую себя заново родившейся. Головную боль как рукой сняло.

Господин Двельтонь едва заметно усмехнулся, пристально глядя на притворщицу, а затем произнес:

— А я думаю, что дело в музыке, которая раздается у нас под окнами. Быть может, одна юная особа вспомнила, что сегодня праздник города, и посчитала нужным поскорее исцелиться, чтобы успеть как раз к торжеству.

— Помилуйте, отец, если бы я могла обладать такими способностями, то давно бы прославилась как бессмертный воин. Но, раз вы изволили упомянуть праздник, я не буду лукавить, утверждая, что не желаю посетить вечернее представление. Мне кажется, что я достаточно окрепла...

В тот же миг по губам Родона проскользнула тень улыбки, и он вновь бросил взгляд на шторы, которые наконец перестали предательски колыхаться.

— В этом году праздник должен получиться особенно интересным, — Родон медленно прошелся по комнате и, уже не глядя на дочь, продолжил, — К нам пожаловали Пустынные Джинны... Группа факиров с песчаных земель, которая славится своими огненными представлениями. Говорят, самому юному джинну всего четыре года.

— И среди них есть девушки, — подхватила Найалла, заметно оживившись. — Дарайа слышала из разговора на рынке, что одна из них родилась в пламени, а ее тело состоит из горящих углей.

— Твоя кормилица слышит так же плохо, как виноградная улитка. В противном случае она бы отвечала на вопросы с первого раза, — усмехнулся Родон. — Или она обладает тем редким слухом, который восприимчив только к глупости?

— Вам не говорили, что вы слишком скептически для жителя этого городка? — девушка не сдержала озорной улыбки.

Родон улыбнулся в ответ.

— Ты повеселела, значит, действительно идешь на поправку, — произнес он, желая повернуть разговор в нужное ему русло.

— Несомненно, отец. И теперь я буду умолять вас дать мне совет: надеть на вечер белое платье или розовое? К розовому у меня есть подходящие украшения, но белое я еще ни разу не надевала, поэтому склоняюсь выбрать его.

— Полагаю, что белое будет выглядеть интереснее, — добродушно ответил Родон, но внезапно бархатная улыбка сошла с его губ и в голосе послышалась сталь. — Однако не

сегодня, так как этот вечер ты проведешь в постели по той причине, что я опасаясь, как бы болезнь не вернулась с новой силой.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Найалла резко села на постели, глядя на отца так, словно впервые увидела его, и ее губы несколько раз беззвучно приоткрылись.

— Но..., - выдохнула она растерянно, словно обманутый ребенок, которому на праздник подарили пустую коробку. Все возможные аргументы в адрес неправоты отца словно испарились из головы, и девушке потребовалось несколько секунд, чтобы найти хоть какие-нибудь слова.

— Но я же чувствую себя совершенно здоровой! — наконец воскликнула она. — Ради всего святого, не поступайте со мной так. Я ждала этот праздник целый год. Я готовилась к нему!

— И мне очень жаль, что ты захворала в столь неудачное время, — на лице Родона появилось фальшивое сочувствие. — Но я не могу рисковать жизнью своей девочки из-за какого-то праздника, который всегда можно посетить на следующий год.

— О нет, вы ничем не рискуете. Посмотрите на меня, я же... Я могу танцевать неделю напролет, настолько хорошо мне сейчас.

— Найалла, мое решение окончательное и обжалованию не подлежит, — Родон был неумолим. В течение нескольких месяцев он думал, как проучить притворщицу, а сегодня она сама подкинула ему прекрасную идею, которой он, Родон, не мог не воспользоваться.

— Вы не понимаете, отец! Я обещала, что буду на празднике. Я просто обязана на нем появиться! — в отчаянии вскричала Найалла.

— Ты меня услышала, — последовал холодный ответ.

— Нет, не услышала! Это жестоко. Это... Это бессердечно!

В тот же миг девушка разразилась громкими рыданиями. С нарочитым спокойствием отец извлек из кармана платок и положил его на прикроватный столик, не заботясь о том, насколько издевательски выглядел этот жест в глазах дочери. Батистовый лоскуток окончательно вывел Найаллу из себя, и, схватив его, девушка с вызовом швырнула его на пол.

— Я не буду с вами разговаривать тысячу лет! — выкрикнула она, в ярости глядя на отца сквозь пелену слез. Ей хотелось сказать что-то более резкое, связанное с ненавистью или более внушительной угрозой, но ее отец уже вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Щелкнул замок, и Найалла уткнулась лицом в подушку, истерично рыдая. Теперь она даже не могла попросить сестру, чтобы та передала Эристелю вторую записку, теперь уже объясняющую, почему Найалла попросила его прийти на праздник и при этом не явилась сама. Несчастливая пленница считала, что появление лекаря на главной площади станет показателем того, что их чувства взаимны, и, если отец будет препятствовать их любви, они попросту сбегут вместе.

IV

Новая мебель, появившаяся в кабинете господина Двельтонь, была собрана из светлых пород древесины, отчего комната моментально утратила свою прежнюю мрачность. Солнце наконец облюбовало это помещение, и Родону на миг показалось, что теперь разбирать дела горожан ему будет приятно. Впрочем, мысль эта немедленно улетучилась, когда Двельтонь вскрыл первое письмо. Написано оно было анонимно, как пишется практически любая неподтвержденная гадость, с большим количеством грамматических ошибок, но почерком настолько узнаваемым, что Родон почувствовал отвращение. Этот аноним писал ему едва ли не каждый день, желая разоблачить и покарать очередную ведьму. Данное письмо не стало

исключением: в нём говорилось о Сантарии Крэвель, молодой прачке, которая якобы была замечена за колдовством. Информатор видел в ее доме кости, животных с квадратными зрачками, а также пучки высушенных трав, которые, по мнению анонима, используют чернокнижники.

Родон открыл ящик стола и положил письмо на стопку других, написанных тем же почерком. В последнее время неизвестный отправитель интересовал мужчину куда больше, нежели разоблаченные «ведьмы», и именно этот интерес заставил Родона устроить на празднике города небольшую лотерею. Посреди площади установят большой глиняный кувшин, куда в течение дня горожане будут бросать клочки бумаги с написанными на них своими именами. Вечером господин Двельтонь наугад вытащит одну из записок и победитель получит десять золотых монет. Остальные записки Родон планировал просмотреть позже, надеясь, что аноним окажется достаточно алчным, чтобы забросить в кувшин свое имя.

Двельтонь взялся за следующее письмо, теперь уже от одного из ремесленников, который умолял одолжить ему еще немного денег. Райо Джох весьма недурно изготавливал медные украшения, однако его любовь к крепким напиткам приносила ему куда больше славы, чем само ремесло. Меньше всего Родону хотелось финансировать чьи-то походы по увеселительным заведениям, поэтому на данное письмо он решил ответить отказом.

Постепенно количество бумаг на столе уменьшалось, и все чаще Двельтонь бросал взгляд на конверт с печатью Аориана. Другой на его месте давно бы уже прочел заветное письмо, но Родон считал, что в первую очередь нужно разобраться с делами города, и лишь потом приступить к личным. Он ждал ответа старца несколько месяцев — ничего не изменится, если подождет еще несколько минут.

Когда Родон наконец сломал печать, он почувствовал, как его охватывает необъяснимая тревога. С одной стороны, он хотел, чтобы его подозрения оказались обоснованными, но все-таки холодное чувство страха охватывало его при мысли, что в его городе действительно появилось нечто потустороннее. Если оно на самом деле пришло в город, нужно четко знать, как правильно бороться с ним, чтобы не навлечь беды. Столько раз Родон слышал, как чернокнижники уничтожали целые города, едва почувствовав за собой слежку. К тому же если бы Эристель был связан с черной магией, то это давно бы сказалось на благополучии города.

Уже не в силах ждать, Родон погрузился в чтение. Он ожидал, что письмо расставит все по местам, прояснит до мельчайших деталей, однако в результате Двельтонь еще больше запутался. Старец ограничился всего четырьмя строками, из которых первой было приветствие, а четвертой — пожелание всего наилучшего. Две оставшиеся строки заключали в себя следующее:

"Случившиеся в вашем городе убийства — не что иное, как возмездие, которое могло быть совершено вашими же горожанами, так как ничего магического в произошедшем я не усмотрел. Что касается лекаря с северных земель, то его история чуть более запутанная: лавина действительно уничтожила город Майарк, когда в Ливирте свирепствовала белая лихорадка, однако надо заметить, что обе эти напасти были вызваны чернокнижником и, насколько мне известно, ни в том, ни в другом городе никто не выжил".

Сложив письмо, Родон поднялся и начал мерить шагами комнату. Белую лихорадку, созданную чернокнижником, могли усмирить только колдуны, а это означало, что либо Эристель лжет, либо относится к лекарям, которые незаконно практикуют магию.

Последних в мире было как крыс, поэтому особо с самоучками не боролись, главное, что бы те не переходили черту. Родон мог лично насчитать как минимум дюжину врачей, которые тайно используют мелкие заклинания, чтобы понизить жар, ускорить заживление раны или на какое-то время устранить боль.

Куда больше господина Двельтонь беспокоило преобразование слуг Эристея. Молодой лекарь несколько раз вызывался на допрос в связи с изменением внешнего вида Точи, однако все свелось к тому, что волосы юноши поседели от страха, пока его избивали, а цвет радужек глаз изменился потому, что он ослеп в результате полученных травм. Тем не менее горожане продолжали настаивать, что для слепого Точи ориентируется уж больно хорошо. В тот раз Родон сам пожелал закрыть дело, чтобы оставить несчастного юношу в покое.

Что касается парализованного старика, который после лечения у Эристея вдруг начал ходить, дело оказалось еще более странным: в молодости парень неудачно упал с лошади и действительно какое-то время не ходил. Однако, восстановившись физически, он никак не мог поверить, что исцелился, поэтому продолжал пользоваться каталкой до самой старости. К тому же парализованному милостыню подавали куда охотнее, и исцеляться ему стало уже материально невыгодно.

В остальном Эристель не совершил ничего такого, что могло показаться странным или предосудительным. Горожане воспринимали его как ученого зануду, который чах над книгами вместо того, чтобы развлекаться. Он был вежлив, трудолюбив и действительно знал свое дело, отчего все больше людей оставляло своих докторов и переходило лечиться к нему. На появление конкурента другие лекари отреагировали так, как было принято в этом городе: его начали подозревать в использовании темной магии, и количество писем с жалобами на «чернокнижников» в первый год заметно возросло. Больше всего Родона поразило письмо от Клифаира, почтенного пожилого лекаря, который ни разу не был замечен в клевете и интригах, направленных против других врачей. Старик настоятельно просил «присмотреться» к чужаку, так как излечение от гнилой проказы на последней стадии не может быть осуществлено даже очень древней магией.

Также вспомнился случай с Нироком Дофалем, которого отравили на праздновании собственного дня рождения. Кожа Нирока безобразно посинела, вены на шее вздулись, напоминая натянутые канаты, а на губах выступила зловонная желтоватая пена. То и дело по его телу пробегали судороги, и все присутствующие понимали, что Дофалю оставались считанные минуты. Не понимал только Эристель. Обычно, видя, что умирающего не спасти, врачи отказывались лечить его, чтобы не портить себе репутацию еще одним трупом. Северянин же брался за всех, и по большей части ему таки удавалось вытащить несчастного из могилы. Именно по этой причине люди не донимали его настолько, чтобы он прекратил заниматься медициной, а Родон не рассматривал обвинения против него до тех пор, пока Эристель приносил пользу.

V

К сегодняшнему представлению Амбридия Бокл готовилась особенно тщательно. Сценарий был проработан до мелочей, диалоги актеров преисполнены смысла, а костюмы достаточно походили на те, что носили прототипы основных персонажей. Только дурак, не имеющий ни ума, ни памяти, не признал бы в главной героине Шаоль Окроэ, настолько тошнотворную святошу, что Амбридия попросту не могла ее игнорировать. Именно эта девица имела наглость резко выразиться в адрес ее спектаклей. Рыжеволосая конопатая девчонка пятнадцати лет от роду заявила, что горожане ведут себя отвратительно, поощряя

аплодисментами лживые, а порой и жестокие сценки. Будучи дочерью простого каменщика, она не смогла привлечь к своим словам достаточно внимания, зато своей неосторожной фразой нажила себе заклятого врага. В тот день, когда Амбридия узнала о нелестном высказывании, она перечеркнула ранее написанный сценарий и начала сочинять заново, добавив в список действующих лиц имя Наоль.

Можно предположить, что характер Амбридии Бокл сформировался бы иначе, если бы мать не восхваляла ее красоту и таланты слишком заливисто. С детства девочке пророчили завидного жениха, богатый дом, лучшие наряды, знакомства с великими людьми, а, главное, театральное будущее. Амбридия верила, что однажды она уедет в столицу южных земель, где будет сочинять пьесы для самого правителя. Шли годы, девочка превратилась в девушку, девушка — в женщину, но ни завидного жениха, ни богатого дома, ни достойных знакомств так и не появилось. Чувствуя, что молодость уходит, Амбридия поспешно вступила в брак с мелким ремесленником, затем родила ребенка, расплнела и окончательно распрощалась со своими детскими грезами.

Когда Амбридии исполнилось сорок три года, ее муж покинул город, сообщив, что здесь он не может заработать даже ломаного медяка, и только в горных поселениях он видит хоть какие-то перспективы. С тех пор Амбридия о нем больше ничего не слышала. За отца расплачивался Корше, единственный ребенок в развалившейся семье, на котором мать вымещала свои обиды. Надо сказать, делала она это весьма изощренно, без устали упрекая юношу за все свои неудачи. Корше рос запуганным и нелюдимым, отчего сверстники часто высмеивали и даже поколачивали его.

Единственным утешением для Амбридии служил праздник города, где она могла осуществить свою последнюю мечту — ставить пьесы. Успехи первых спектаклей принесли ей уважение среди горожан, а также наделили некоторой властью, коей Амбридия не преминула воспользоваться. Первым делом женщина расправилась со своими подругами, которые то и дело злорадствовали над ее несостоявшейся жизнью.

Сценки, имеющие под собой настоящие истории из жизни, были восприняты с куда большим жаром, нежели придуманные сказки. В первые годы сюжеты все еще были правдивые, но вскоре Амбридия поняла, что где-то можно приукрасить, где-то солгать, а где-то и вовсе переписать настоящую историю по-новому. Желчные спектакли приносили не только возможность влиять на зрителей, но и хорошие деньги. Часть монет поступала из городской казны, часть — из мелких пожертвований, но большую половину денег давали сами зрители. Со стороны могло показаться, что люди невольно боялись, что, если Амбридия бросит заниматься пьесами и останется только портнихой, развлечений в городе станет значительно меньше.

Амбридия не знала, какой фурор произведет ее новый спектакль, но не могла не предвкушать бурных оваций в ее честь. Она долго выбирала, какое из трех мешковатых платьев наденет на свою расплывшуюся фигуру, и наконец остановилась на ярко-лиловом. Свои русые с проседью волосы она зачесала в тугий пучок и спрятала под чепцом. На пухлые пальцы женщина нацепила два серебряных кольца, доставшихся ей от матери, а запястье украсила плетеным кожаным браслетом с бусинами из того же металла.

— Что ты там копошишься, как раздавленный червяк? — крикнула она, обратившись к сыну, который все еще мыл посуду. Юноша вздрогнул от неожиданности, и мокрая тарелка выскользнула из рук, с громким звоном превращаясь в глиняные черепки. В такие моменты Корше казалось, что его кто-то проклял: чем больше он старался угодить матери, тем

меньше ему это удавалось. Когда он пытался вести себя за столом «прилично», кусочек еды обязательно соскальзывал с вилки и шмякался ему на рубашку. Когда Корше старался до блеска отмыть посуду, что-то из утвари обязательно разбивалось. Когда он силился говорить с матерью уверенно, его лицо покрывалось пунцовыми пятнами, он начинал мямлить, за что Амбридия обязательно награждала его пощечиной.

— Нет, ну это просто немыслимо! — воскликнула женщина, стремительно приближаясь к своему сыну. — За что небеса послали мне вместо ребенка тупую неуклюжую свинью?

— Простите, мату..., - пробормотал юноша, глядя на мать испуганными затравленными глазами. В тот же миг влажное кухонное полотенце обжигаяще больно хлестнуло его по лицу. Горячая полоса на коже мигом начала наливаться красным, и Корше судорожно всхлипнул. Этот полувздок еще больше разозлил Амбридию, и она замахнулась на юношу вновь, желая хорошенько проучить бестолкового ублюдка. Но в этот миг в дверь постучали.

— Скройся с глаз моих, глупая скотина, — прошипела Амбридия и, грубо толкнув сына, направилась встречать гостя. Юноша поспешно кивнул, точно кто-то дернул его как куклу, а затем бросился в свою комнату. Амбридия проводила его ненавидящим взглядом и распахнула дверь.

На пороге стояла крупная темноволосая женщина с настолько густыми черными бровями, что дети на улице называли ее «усатые глаза». К счастью, Матильда, более известная по прозвищу Большая Ма, о втором своем «имени» не слышала, иначе не преминула бы хорошенько оттрепать озорников.

— Тили, дорогая, — радостно воскликнула Амбридия, встречая подругу улыбкой. — Разве мы не договаривались, что ты придешь вместе с Лукио, чтобы он помог нам отнести костюмы?

— Именно поэтому я и пришла раньше, чтобы успеть сходить дважды. Мой увалень лежит дома с жаром и стонет, словно рожаящая корова.

— Вот же напасть! — Амбридия посторонилась, позволяя подруге войти в дом. — И что же приключилось с твоим мужем, что он даже в праздник города не может оклематься?

— Помнишь, я тебе говорила, что его цапнул уж? Так вот, это оказалась акайя! Если бы этот идиот обратился к лекарю раньше, а не ждал, пока нога раздуется до невменяемых размеров, сегодня он был бы уже в полном порядке. А теперь мы мало того что должны денег доктору, так еще и Лукио запретили мочить ногу. Представляешь, в ближайшее время рыбачить с остальными он не выйдет, а, значит, мы еще потеряем какую-то сумму денег.

— О, Тили, — Амбридия скорчила фальшивую гримасу сочувствия, однако ее настроение еще больше улучшилось при мысли, что алчная подруга теряет свои драгоценные медяки. Бокл даже забыла о разбитой тарелке и теперь ласково утешала свою гостью.

— Может, все не так плохо? — предположила она. — Может, доктор проявил излишнюю осторожность, поэтому и велел Лукио не мочить рану?

— А, может, мой болван попросту брешет, как вшивая дворняга! Захотел отлежаться дома вместо того, чтобы зарабатывать деньги. Знаешь, что я думаю? Я сама схожу к Эристелю и уточню, действительно ли Лукио нельзя мочить ногу, или это очередное его вранье? Тогда уж пусть лекарь запретит ему мочить еще и горло, а то едва я выйду за дверь, так Лукио напивается до полусмерти.

— Вы все еще ходите к Эристелю? — Амбридия покачала головой. — Говорю же, дорогая, смените лекаря. Ну что может насоветовать вам молодой докторишко, у которого репутация в городе хуже, чем у полоумного Игши? Ты никогда не задумывалась, почему

Эристель вечно таскается с книгами? Да потому что он ничего не знает. А те лекари, которые знают... Им книги не нужны.

Матильда нахмурилась, недовольная тем, что подруга усомнилась в ее «выгодной инвестиции». Эристель хоть и был молод, но в своем деле разбирался не хуже более опытных коллег. К тому же его услуги стоили дешево, и это стало для Матильды решающим фактором.

— Доктор Клифаир тоже постоянно сидит за книгами, — резко произнесла она. — А за работу берет в несколько раз больше.

Амбридия театрально закатила глаза и продолжила настаивать на своем:

— Клифаир стар, как само мироздание, вот и читает много потому, что уже все забыл. Говорю же, моя дорогая, присмотритесь к другим докторам. Эристель неспроста берет так дешево. Хорошие вещи попросту не могут стоить мало.

Матильда раздраженно дернула плечами, всем своим видом давая понять, что тема закрыта. Затем она направилась в гостиную, где были развешаны костюмы для спектакля.

— Это то, что я думаю? — улыбнулась она, коснувшись льняного зеленого платья с плетеным желтым поясом. В тот же миг ехидные огоньки заплясали в глубине ее темно-карих глаз. Амбридия улыбнулась в ответ и загадочно произнесла:

— А это мы узнаем на спектакле...

I

Около семи часов вечера Родон Двельтонь начал собираться на праздник. Именно в этот день он чувствовал себя особенно уставшим, словно кто-то залпом выпил из него все силы и оставил на потеху толпе. Родону предстояло выступить перед горожанами с очередной воодушевляющей речью, однако на деле мужчина понимал, что его слова не вызовут никакого отклика и станут всего лишь поводом опустошить очередной стакан. Раньше Родон готовился к выступлению за несколько недель, собирая информацию об успехах горожан в ремесле, медицине или науке, но в последние годы Двельтонь словно перегорел. Он наконец понял, что его слова тонут в реве пьяной толпы, которая каждое достижение воспринимает не как желание куда-то стремиться, а, в лучшем случае, как тост. Но было кое-что похуже. Те, кого ранее так недальновидно упоминал Родон в своей речи, по каким-то причинам либо покидали город, либо погибали. Молодой ювелир Жакар, чьи украшения были отмечены самим правителем южных земель, был убит в собственном доме. Пятьдесят четыре ножевых ранения искромсали тело мужчины настолько, что оно напоминало кровавое месиво, а вся мастерская была забрызгана кровью. В первый миг Двельтонь подумал, что произошло ограбление, однако позже выяснилось, что ни один драгоценный материал из дома Жакара не был взят. Спустя полгода погиб травник Хаин, чье жаропонижающее зелье оказалось востребованным далеко за пределами городка. Сам правитель пожаловал ему крупную сумму денег на дальнейшие исследования. Хаина отравили во время чаепития, на котором присутствовали травники южных земель, а убийцей мудреца оказался его собственный ученик, сирота, который с девяти лет проживал с ним под одной крышей. Когда юношу взяли под стражу, тот утверждал, что Хаин с первых же дней их проживания вместе грязно пользовался его телом и поэтому заслужил наказание. Но если это было правдой, Родону не давала покою мысль, почему все произошло именно после похвалы Его Высочества.

В какой-то миг господин Двельтонь посмотрел на свой город не как на скопление живущих в нем людей, а как на живой организм, который поглощает все, что хоть немного от него отличается. Отец Родона не раз говорил, что со скотом нужно поступать по-скотски, что чернь, ползающая под стенами замка, должна оставаться чернью, и если хоть один глупец попытается разглядеть в этом мусоре жемчуг, то он мигом лишится головы.

— Этот город понимает только жестокость. Если ты попробуешь погладить его, то сам не заметишь, как твоя рука окажется обглоданной до костей, — эту фразу старик повторял постоянно, и каждый раз его лицо перекашивалось от злости. В те минуты Родон чувствовал, что начинает ненавидеть отца за его жестокое высокомерие, но теперь он увидел то, что раньше было скрыто от его глаз. Быть может, по отдельности каждый, живущий в этом городе, был добр, отзывчив и любознателен, но вместе все эти люди превращались в кровожадную стихию под названием «толпа».

С этими мыслями Родон закончил повязывать шейный платок и велел слуге выяснить, готова ли к выходу юная госпожа. О Найалле он старался не думать, чтобы лишний раз не усомниться в правильности своего решения — наказать девушку за ее притворство. Младшая дочь, тринадцатилетняя Арайа, доставляла Родону куда меньше хлопот, потому что старалась поступать как благовоспитанная девушка из высокородной семьи. Она была

кроткой тихоней, которая большую часть времени проводила музицируя, вышивая или занимаясь иноземными языками со своей наставницей. Посещение праздника города Арайа воспринимала не иначе как обязательство, которое накладывает на нее фамилия, поэтому совершенно не разделяла стремлений сестры участвовать в подобном торжестве. Кто-то из слуг даже втайне посмеивался над девочкой, утверждая, что Арайа — это тот же Родон, только маленький и в юбке, так как и внешне, и по характеру юная Двельтонь была копией отца. Девочка росла не по годам серьезной, даже строгой, отчего голос ее звучал властно, а взгляд серых глаз был пристальным и внимательным.

Уже направляясь на главную площадь в сопровождении городской стражи, Родон не смог сдержать улыбку, когда Арайа тихо произнесла:

— Я хочу, чтобы вы знали, отец, что в случае с Найаллой я на вашей стороне. Однако могу я в последний раз попросить Вас послать за сестрой, так как мне бы хотелось, чтобы праздник наша семья провела вместе?

— А что бы ты сделала на моем месте, Арайа? — с легкой иронией поинтересовался отец, заранее зная, что она скажет. Девочка колебалась, но затем, не смея кривить душой, тихо произнесла:

— Я бы отказала в этой просьбе.

Арайа виновато посмотрела на отца, но затем бросила взгляд на толпу, собравшуюся на главной площади, и гордо вскинула подбородок.

Городская стража потеснила людей, помогая семье Двельтонь занять свое место в ложе, специально подготовленной для них, а затем праздник официально начался. Первым делом на деревянный помост поднялись нарядные девушки в алых платьях, которые открыли торжество танцем Жаркого Юга. Этот танец стал своего рода символом города, и толпа заметно оживилась, хлопая в ладоши и выкрикивая похвалу в адрес танцующих. Родон безразлично скользил взглядом по собравшимся, подмечая, как старательно они нарядились, как много цветов украшает девичьи прически и насколько сильно захмелели мужчины. Кто-то тоже пытался танцевать под музыку, отчего в толпе создавалась давка и кое-где уже слышалась брань.

В тот же миг Родон заметил белые волосы Эристея, которые казались неестественной кляксой на фоне черных и темно-русых волос местных жителей. На лице лекаря читалось несвойственное ему раздражение: он хмурился и с заметным неудовольствием вступал в разговор с особенно навязчивым соседом. То и дело люди начинали толкаться, желая пролезть поближе к сцене, отчего лекарь еще больше мрачнел. Настроение Эристея Родону было понятно. Удивляло то, что северянин вообще заявился на этот праздник. Двельтонь видел его здесь лишь однажды, и то потому, что произошел несчастный случай. Внезапно в памяти всплыли слова Найаллы, что она просто обязана появиться на празднике в этом году, и такое сочетание понравилось Родону еще меньше.

— Отец, вас приглашают выступить, — услышал он встревоженный голос Арайи и в то же мгновение понял, что музыка затихла, а глаза толпы обращены к нему. На помосте уже находилась госпожа Бокл в нелепом для ее возраста лиловом платье и жестом указывала на него. Родон поднялся, пытаясь вспомнить, с чего хотел начать свою речь, и, чтобы нейтрализовать неловкую паузу, он попросту поблагодарил присутствующих за внимание, похвалил их наряды и выразил надежду, что город и дальше будет расти и развиваться. Арайа озадаченно смотрела на отца, ожидая услышать от него совершенно другую речь, но толпа разразилась бурными аплодисментами, и девочка успокоилась. Родон слегка поклонился и

вернулся на свое место, чувствуя облегчение, что до конца вечера его больше не будут трогать.

— Отец, столь..., - Арайа замялась, подбирая более тактичное слово, — сдержанная речь вызвала куда больше радости, нежели ваши прежние. Я нахожусь в смятении.

— А я нет, — усмехнулся Родон. — Они радуются, что я закончил быстрее, поэтому и рукоплещут так яростно. Скажи мне лучше вот что, Арайа, твоя сестра случаем не упоминала о том, что ее лекарь будет присутствовать на празднике? Обычно Эристель предпочитает уединение.

Арайа скользнула взглядом по толпе и чуть нахмурилась, заметив беловолосого мужчину, который пытался избавиться от навязчивого собеседника в виде пьяного кузнеца. Тот что-то рассказывал ему о разбитом пальце на левой ноге и то и дело пытался показать его врачу, надеясь на бесплатную консультацию.

— Нет, отец, но я понимаю, почему господин лекарь не любит подобные праздники. Он похож на утопающего, которого окружили пираньи.

— Предлагаешь протянуть ему весло? — Родон откинулся на спинку кресла, словно этот вопрос он задал самому себе и теперь размышлял над ответом. С одной стороны, выделять кого-то из горожан было неуместно и даже опасно, но, с другой стороны, Двельтонь хотел выяснить, что же заставило чужеземца появиться на празднике.

— Вы — глава семьи, поэтому вам решать, — отозвалась девочка.

Арайа еще не решила, как правильно относиться к Эристелю, но то, что он приютил у себя двуглавого Точи, не могло не поразить ее. Ей казалось, что ни один человек в этом городе не сможет ежедневно смотреть на создание, которое чуждо всему привычному и естественному. Точи был обречен на жизнь с бродячим цирком, где его выставляли на потеху зрителям наравне с дрессированной обезьяной или удавом. Этот город мог навсегда закончить его страдания, если бы не другой чужеземец, который испытал сочувствие по отношению к несчастному. Арайа не знала, как все было на самом деле, но, судя по известной ей информации, она невольно задавалась вопросом: быть может, Эристель куда лучше вписался бы в семью Двельтонь, нежели всеми любимым красавец Элубио Кальонь? Впрочем, перед отцом свои мысли она озвучивать не торопилась.

Тем временем Родон поманил к себе одного из стражников и велел проводить Эристеля в ложу. Охранник кивнул и решительно направился в толпу, точно пловец, преодолевающий бурное течение. Послышался недовольный ропот, но именно в этот момент объявили следующее выступление. На помост поднялись музыканты и несколько детишек, которые, едва зазвучала мелодия, принялись старательно отплясывать недавно разученный танец. Многие из них не попадали в такт или путали шаги, поэтому этим зрелищем, казалось, были очарованы только их матери. Родон даже обрадовался, когда охранник наконец привел Эристеля к нему: быть может, этот вечер получится не таким скучным. Лекарь выглядел помятым и слегка настороженным, словно он испугался: зачем Двельтонь обратил на него свое внимание? Северянин поприветствовал Арайю легким поклоном, затем хотел было поприветствовать Родона, но тот заговорил первым.

— Садитесь, Эристель, — усмехнулся брюнэт, жестом указывая доктору на свободное кресло. — Вы выглядели как щенок, угодивший в водоворот, и даже мое черствое сердце, привыкшее ко всему, не выдержало такого зрелища.

— Благодарю вас, — лекарь вновь поклонился и опустил в кресло. Теперь он выглядел несколько смущенным, но Родону показалось, что именно эта эмоция скорее

наигранная, чем правдивая.

— Как вам праздник? — без особого интереса спросил Двельтонь, желая продолжить диалог.

— Пока не могу сказать ничего отрицательного.

— Как и положительного?

Снова смешок, и Эристель наконец встретился взглядом с серыми глазами Родона. И, к удивлению собеседника, усмехнулся в ответ.

— Положительное пока тоже затрудняюсь назвать. Какое-то время мне казалось, что я держусь края толпы, но не успел прийти в себя, как оказался в самом центре. Далее шла борьба за выживание, и я пропустил практически все, что происходило на сцене.

— Что же вы не пропустили? — «не» Родон выделил особенно насмешливой интонацией, и даже Арайа не удержалась от улыбки.

— Не пропустил вашего выступления, потому что в этот момент все разом соизволили замолчать, и того, что кресло, в котором я сейчас сижу, пустует. Я боюсь сделать вывод, что госпоже Найалле вновь нездоровится.

— Напротив, ей лучше.

В глазах Эристеля мелькнуло непонимание. В этот раз не такое фальшивое, как смущение, но все-таки недостаточно искреннее, чтобы поверить в него. Определенно, о чем-то лекарь догадывался — это читалось в его пристальном взгляде, слишком внимательном и остром для простолюдина. Однако своего вопроса Эристель вслух не озвучил, а Родон не торопился отвечать. Зато произнёс следующее:

— Однако мне крайне любопытно, почему вы, человек столь далекий от суеты, появились на празднике именно сегодня.

Эристель улыбнулся:

— Утром ко мне приходил рыбак по имени Лукио. Его укусила ядовитая змея, и, находясь у меня, он вскользь обронил фразу, будто местные жители считают меня странным, даже страшным. Как я понимаю, причиной тому в первую очередь является моя нелюдимость. Может, со стороны по мне не видно, что я иногда вспоминаю о своей репутации, но на пользу работе мое уединение точно не идет. Если я не изменю свои привычки, в ближайшее время от моих услуг откажетесь даже вы.

А вот эти слова уже прозвучали правдиво. Родону не верилось, что Эристель мог явиться на праздник только с целью увидеться с его дочерью. Нет, будь перед ним другой человек, например Элубио Кальонь, Родон, как и положено отцу, испытал бы негодование, что кто-то до сих пор не очарован его чадом, однако в случае с северянином испытать можно было только облегчение.

— На севере вас тоже считали странным? — поинтересовался он, вновь обратив взгляд к Эристелю. Тем временем на сцену поднялись четыре барда и затянули песню.

— Северян не заботят соседи, потому что все заняты тем, чтобы не замерзнуть в своих домах. Там, откуда я родом, снег не сходит даже в летние месяцы. Видимо, климат влияет на характер местных жителей, и на севере мы все по-своему нелюдимы.

— А у нас снега совершенно не бывает, — внезапно произнесла Арайа. — Я никогда не видела его и, наверное, никогда не увижу. Вы не скучаете по северу?

— Каждый данный мне день, госпожа, — губы Эристеля тронула мягкая улыбка, и девочка понимающе кивнула.

— Не скучайте слишком сильно, — небрежно бросил Родон. — Будет жаль, если столь

хороший лекарь покинет наши края.

— Пока я обосновался здесь, — уклончиво ответил лекарь.

Тогда Двельтонь решил перевести тему в еще одно интересующее его русло. С минуту он молча наблюдал за происходящим на сцене, подбирая правильные слова, а затем чуть тише произнес:

— Говорят, что чернокнижник, который разрушил ваш город и убил все население соседнего, пойман.

Взгляд Эристеля резко устремился к собеседнику, словно булавка, вонзившаяся в игольницу.

— Вам известно, кто он? — голос лекаря прозвучал хрипло, словно горло его пересохло или нечто сдавило его, мешая вдохнуть. Родон мысленно усмехнулся: когда Эристель явился в город, он ни слова не упомянул о чернокнижнике, а теперь вел себя так, словно прекрасно знал о случившемся.

— Полагаете, что заезжий купец может знать какие-то имена?

— Купцы могут наболтать что угодно, лишь бы слушатель приобрел его товар. На севере действительно ходит слух, что лавина вызвана чернокнижником, но то, что болезнь, поразившая соседний город, тоже связана с магией, кажется мне невероятным.

— Мне тоже, в противном случае вы бы заразились и наш нынешний диалог был бы невозможен.

«Почему ты не хочешь сказать правду, Эристель? Почему не признаешься, что тебя попросту не было в Ливирте во время эпидемии?» — думал Родон, задумчиво глядя на собеседника. «Я бы понял, если бы ты тайно ездил к хорошенькой девушке, а теперь стыдишься и поэтому лжешь о своем местонахождении. Но нельзя же лгать так жалко, что все рассыпается в пыль от самого незначительного вопроса».

Эристель молчал, и Родон решил не настаивать на продолжении диалога. Он выяснил, что свою биографию чужеземец подправил, и теперь оставалось разобраться в его мотивах. Тем не менее северянин выглядел удивительно спокойным, даже отстраненным, будто возникшая ситуация ничуть его не заботила. Зеленые глаза не выражали ничего, кроме холодной незыблемой пустоты, а красивое бледное лицо вдруг показалось Родону неприятным, каким-то неестественным, быть может, даже уродливым. Это лицо не могло принадлежать живому человеку — так выглядит кукла или, скорее, покойник, чье тело уже остыло, но еще не начало разлагаться. И когда взгляд зеленых глаз неожиданно встретился с серыми глазами Родона, Двельтонь почувствовал, как, несмотря на летний день, по его коже пробежал озноб.

II

Когда объявили о выступлении Пустынных Джиннов, Амбридия Бокл несколько заволновалась. Впервые она почувствовала, что внимание публики, такое сладкое и пленительное, может переметнуться к чужеземцам, а спектакль, над которым Амбридия так усердно трудилась, окажется незамеченным. То, что Родон Двельтонь вздумал пригласить Пустынных Джиннов на торжество, стало для Бокл полной неожиданностью. За день до мероприятия к ней явился посыльный и попросту поставил ее перед фактом, заявив, что господин Двельтонь желает, чтобы именно Джинны закрывали нынешний фестиваль. Амбридия едва сдержалась, чтобы не крикнуть служащему в лицо, чтобы он убирался в пекло и туда же прихватил своего господишку, который вечно сует нос не в свое дело. Понимая, что от выступления чужеземцев ей не избавиться, Амбридия решила, что хотя бы

выберет время, когда им выходить на сцену. Она боялась, что если завершить фестиваль будут факиры, то о ее спектакле к тому времени толпа и вовсе забудет. А это будет провал. Провал настолько непростительный, что Амбридия даже предпочла пожертвовать деньгами зевак, которые наверняка будут до последней монеты собраны чужеземцами. Заранее увидеть хоть кого-то из Джиннов Бокл не удалось, хотя она старательно искала встречи с лидером их группы. Чужеземцы поселились где-то за городом, чуть ли не в лесу, и свое местонахождение скрывали так тщательно, что даже охотники не обнаружили их шатров. Пустынные Джинны словно испарились и прибыли только к самому выступлению. Одежды они были в черные мантии, невольно напоминая мудрецов-отшельников, которые обосновались в горах задолго до прихода к власти семьи Двельтонь. Лица выступающих скрывали тяжелые серебряные маски, и, когда их лидер вышел на сцену, голос его звучал глухо. Тем не менее слова его рассыпались мурашками по коже присутствующих, и даже Родон на миг забыл о своем разговоре с Эристедем. Джинн затянул песню, и в тот же миг пламя окутало помост и устремилось вверх, словно желало сжечь облака. Раздался бой барабанов, и, когда огонь рассеялся, оставив после себя ключья дыма, на сцене появились четырнадцать фигур с черной как смоль кожей. Глаза существ были кроваво-красными, а радужки казались то медными, то золотыми. Джинны по очереди изменяли свое обличье, превращаясь в огненных хищников — грифонов, мантикор, фениксов, драконов и многоглавых гидр.

Люди зачарованно наблюдали за происходящим, не в силах вымолвить ни слова. Родон выпрямился в кресле и невольно подался вперед, забыв о том, что в его положении не пристало проявлять свои чувства слишком открыто. Еще более была поражена Арайа, которая из последних сил держалась, чтобы не вскочить с места и не приблизиться к сцене. Ее губы слегка приоткрылись, а глаза, обычно строгие и недоверчивые, удивленно расширились. Арайа не заметила, как веер соскользнул с ее колен и с глухим стуком ударился о деревянный пол.

Тем временем огненные хищники исчезли, растворившись в воздухе, словно в лампаде закончилось горючее вещество. На сцене остались только два джинна, которые стояли низко склонив головы, точно ожидали какого-то сигнала. Барабанная дробь затихла, и полилась музыка, сначала крадучись, а затем все нарастая и нарастая. Внезапно оба джинна посмотрели на публику, и их черная кожа начала светлеть, становясь нежно-смуглой. На запястьях и лодыжках появились золотые браслеты, в ушах — крупные кольца, и только потом люди смогли рассмотреть лица этих двоих. Одним из джиннов был мужчина, лет двадцати пяти, с черными как смоль волосами, которые доходили до поясницы. Одет он был в черную облегающую одежду без единой пуговицы или шнурка, а материал ее скорее напоминал какую-то маслянистую жидкость, нежели ткань. Когда лицо джинна обратилось к Родону, Двельтонь мысленно поразился пустым серебряным глазам, которые светились, словно в теле существа находилась луна.

Вторым джинном оказалась девушка. Она словно была близнецом мужчины: такие же длинные черные волосы, серебряные глаза, а платье, которое обнажало плечи и шлейфом стелилось по полу, было сделано из такого же странного материала. В тот же миг мужчина хлопнул в ладоши, и платье девушки вспыхнуло. Они начали танцевать, объятые пламенем, стремительно, жарко и настолько мастерски, что Арайа не удержалась и начала хлопать в ладоши. Зрители немедленно подхватили осторожные хлопки, но, когда за спинами танцующих выросли перепончатые огненные крылья и пара взмыла в воздух, толпа

возликовала.

Пара джиннов растворилась в воздухе, и их сменил огненный шар, который начал выжигать на деревянном помосте какие-то неизвестные дымящиеся руны. Толпа разразилась бурными аплодисментами, когда дым начал принимать форму и на сцене появилась уменьшенная копия их города. Губы Родона тронула тень улыбки, когда он увидел свой замок, выполненный настолько точно, что, казалось, среди джиннов был сам архитектор. А когда в окнах призрачного города зажглись огни, толпа вновь взорвалась аплодисментами. Тогда огненный шар исчез, и с ним испарился дымчатый мираж.

На сцене вновь появились все Джинны, теперь уже без мантий. Люди видели лишь верхнюю половину их тел: нижнюю скрывали воронки пламени, которые заменяли существам ноги. Один за другим джинны взмывали в небо, где рассыпались разноцветным фейерверком, пока наконец не исчезли совсем.

Толпа ликовала, сотрясая воздух шквалом аплодисментов, выкрикивала хвалебные слова, бросала на помост цветы и монеты. Джинны не вышли на поклон, но монеты волшебным образом исчезали, едва касались деревянной поверхности сцены, и это еще больше позабавило толпу.

Арайа обратила сияющие глаза к отцу, и губы мужчины вновь тронула улыбка.

— Это... Это было самое восхитительное, самое невероятное, самое запоминающееся зрелище из всех, что я когда-либо видела! — воскликнула девочка, и теперь Родон уже рассмеялся. Впервые он видел на лице своей юной дочери столь неприкрытые эмоции и не мог не радоваться тому, что ее не по годам строгая маска хоть на миг исчезла. — О, отец, я от всего сердца благодарю вас за это чудо.

— За какое чудо? — деланно удивился Родон. — Мне казалось, что все это время я сидел подле тебя и ничуть не влиял на само выступление. Чудеса творили джинны, не я.

— Вы прекрасно поняли, что я имела в виду, — рассмеялась Арайа, но тут она вспомнила, что в ложе находится еще и Эристель, и поэтому густо покраснела. Она поспешно подняла с пола веер и начала обмахиваться, смущенная настолько, что ее отец в который раз за этот вечер не сдержал улыбки.

— Это нормально — быть немного ребенком, — тихо произнес он, склонившись к уху дочери, и заговорщически ей подмигнул. Затем он перевел взгляд на ликующую толпу и только потом уже посмотрел на Эристеля.

— Надеюсь, вы все-таки не пожалели, что на время оторвались от книг, — произнес он, чуть сощурившись.

Лекарь кивнул, наконец переставая хлопать, и в его глазах Родон заметил неподдельный интерес. Двельтонь ни разу не видел этого пронизывающего блеска, словно Эристель пытался разгадать, что представляют из себя загадочные джинны. Лекарь не сводил взгляда со сцены, с которой медленно исчезали выжженные руны. Разумеется, дело было в магии, безобидной, но при этом при правильном обращении она могла оказаться весьма разрушительной. Создания, что только что развлекали толпу, не были настоящими ифритами, так как эти темные духи развлекаются в первую очередь сами, например, отрывая любопытные головы. На празднике города выступала труппа актеров, владеющих стихийной магией на достаточно высоком уровне, чтобы сойти за джиннов. Именно поэтому никто не мог отличить их от обычных людей, разыскивая по всему городу в первую очередь духов с воронкой вместо ног. Эристель предполагал, что эти актеры приехали вместе с ярмарочными торговцами и, скорее всего, поселились на разных постоянных дворах, чтобы не

привлекать лишнего внимания. Родон четко знал, с кем имеет дело, и, быть может, пригласил чужаков с целью хоть немного потеснить проросшую на своем театральном троне Амбридию Бокл. Его замысел удался на славу. Матильда с трудом успокаивала рыдающую навзрыд подругу, которая проклинала «фокусников» с такой ненавистью, что те непременно должны были взорваться по-настоящему. Теперь Амбридия была совершенно не уверена в том, как воспримет ее спектакль зритель. То и дело она обращала к Матильде свое заплаканное лицо и причитала о том, что проклятый Родон задумал ее извести.

— Ничего, ничего, я найду на него управу, — сквозь слезы повторяла она. — Я найду способ заставить этого зажавшегося богача не лезть не в свое дело. Клянусь всем, что у меня есть.

Матильда с деланным сочувствием поглаживала ее по плечам, мысленно смеясь над тем, что Джинны собрали со сцены все деньги, не оставив Амбридии даже ломаного медяка. Когда огненные создания попросту исчезли, Большая Ма испытала ужас, что деньги так и останутся лежать на сцене и их соберет следующий выступающий, то бишь Амбридия. Но, к счастью, даже темные духи, коими считала их Матильда, тоже не гнушаются копить деньги. В этот миг женщина испытала к ним искреннюю симпатию.

— Успокойся, Амбри, тебе еще нужно выйти на сцену, чтобы объявить о начале спектакля. Неужели ты хочешь предстать перед зрителем заплаканной? Господин Двельтонь наверняка будет хохотать всю ночь, вспоминая твое опухшее лицо.

Эти слова подействовали как увесистая оплеуха, отчего Амбридия мрачно уставилась на свою подругу.

— Ты права, Тили. Не хватало мне еще радовать этого феодалишку. Пусть думает обо мне, что хочет, но именно я буду смеяться последней, когда зрители начнут аплодировать. Я закрываю фестиваль, а это значит, что люди запомнят меня. Я слишком много усилий потратила, чтобы отдать свой триумф каким-то дешевым ярмарочным циркачам. Что там их вспышки да искорки, когда я показываю изнанку этого города. Все, кто пришел сегодня на эту площадь, пришли из-за меня. И я покажу людям то, что они хотят увидеть.

III

Время, чтобы успокоиться, Амбридия все-таки нашла. Вместо того, чтобы объявить первую сценку, она вновь изменила последовательность выступлений, и на помост поднялась Дизира Агль, высокая худосочная женщина в бледно-желтом платье. Цвет ее наряда не был таким вызывающим, как у Амбридии, однако на Дизире он выглядел не менее неудачно. Узкое сухонькое лицо, изрезанное первыми морщинами, выглядело настолько болезненным, что казалось, будто сразу же после выступления госпожа Агль отправится к праотцам. Старая арфа, которую вынесли следом за женщиной, только дополняла изможденный образ своей владелицы, и Арайа бросила взгляд на отца, гадая, видит ли тот ироничное сходство с картиной, что висит в каминном зале замка Двельтонь. На ней художник изобразил молодую девушку, сидевшую в элегантном желтом платье на берегу реки, а ее пальцы едва ощутимо касались струн старой арфы. Именно этот образ Дизира стремилась передать в своем выступлении. Будучи замужем за состоятельным землевладельцем, госпожа Агль не раз гостила в замке вместе со своим супругом, и увиденная картина произвела на нее неизгладимое впечатление. Дизира была удивительно точна в деталях. Жиденькие русые волосы она разделила пробором и позволила им свободно лежать на плечах. На запястье она повязала желтую ленту, на которой были вышиты белые цветы. Но удачнее всего Дизира передала позу. Она села подле арфы и в течение всей игры

драматично смотрела в небо, чуть приоткрыв губы, словно ждала, когда праотцы помянут ее к облакам.

В городе Дизира Агль была глубоко уважаема. Не последнюю роль в этом сыграли ее фамилия и, конечно же, материальное благополучие, но по большей части именно высокомерие подняло эту женщину до таких высот. Дизира быстро поняла, что чем сильнее унижаешь людей, тем больше они тебя боготворят. Госпожа Агль не лезла за словом в карман и для каждого могла найти такое определение, которое как минимум выжжет на щеках несчастного румянец, как максимум — слезы. Единственными, с кем Дизира предпочитала не проявлять характера, оставались ее супруг и, конечно же, семья Двельтонь. Детей у госпожи Агль не было, но не потому, что она страдала бесплодием, а потому, что напрочь не переносила «маленьких ублюдков». В ее защиту надо сказать, что супруг тоже предпочитал семье работу, поэтому брак получился весьма удачным.

Пехир Агль обладал внушительным участком леса, обширными плантациями, постоянным двором, а также несколькими любовницами и одним внебрачным сыном. В отличие от своей супруги господин Агль слыл дружелюбным весельчаком, однако в делах проявлял себя скрупулезным и настолько ответственным, что Родону нравилось с ним сотрудничать. Пехир Агль был тем редким человеком, который свое состояние сколотил с нуля, не имея ни фамилии, ни связей, ни начального капитала, и при этом не испортился. Все высокомерие, которое появляется с годами жизни в роскоши, передалось непосредственно супруге, и Дизира поразительно ловко управлялась с этой чертой характера.

Когда госпожа Агль закончила свое выступление, она смерила слушателей настолько презрительным взглядом, что люди в первых рядах потупили глаза. Затем Дизира обратила лицо к Родону и изящно поклонилась ему, после чего громко произнесла:

— Для меня большая честь выступать перед семьей Двельтонь, с которой я так сблизилась в последнее время. Родон, друг мой, примите мои глубочайшие поздравления с днем основания великолепного города, чьим отцом вы сейчас являетесь. Пусть небо хранит вас и вашу семью, и только самое чистое и светлое окружает вас.

Арайа вновь бросила взгляд на отца, желая понять, как правильно реагировать на приторные речи Дизиры, и следом за Родоном благодарно поклонилась выступающей. Затем девочка посмотрела на обычно бесстрастное лицо Эристея, и на миг ей показалось, что он усмехнулся. Уголок губ мужчины дрогнул, а в глазах промелькнуло нечто настолько презрительное, что Арайе показалось, что она видит отражение собственного сердца. К госпоже Агль девочка испытывала сильную антипатию после того, как та влепила их служанке пощечину за пролитую на блюде каплю чая.

Когда Дизира удалилась, настало время выступления барда по прозвищу Колокольчик. На сцену он поднялся с тремя молодыми женщинами, облаченными в льняные синие платья, и они устроили настолько веселое танцевальное представление, что толпа аплодировала в такт. В перерыве между куплетами Колокольчик так залихватски выплясывал, что в конце потерял равновесие и шлепнулся на пол, отчего зрители еще больше развеселились. Родон уже слышал эту песню, когда Колокольчик репетировал со своими барышнями под окнами его замка, но теперь он мог вблизи рассмотреть выступающих и внезапно понял, что все три женщины весьма недурны собой. Объединяли их не только Колокольчик, синие платья и хорошенькие личики: все три девушки упоминались в письмах некоего анонима, который утверждал, что они практикуют черную магию. В списке «ведьм» числились и другие

молодые девушки, которые имели неосторожность родиться красивыми и, скорее всего, этому анониму отказать. В первое время автором писем Родон считал духовного целителя, который проповедовал в городке добродетель и любовь к свету. Однако недавно Двельтонь получил книгу, переписанную почерком того самого представителя духовенства, и разом отверг свои подозрения. Теперь оставалось уповать на лотерею.

Когда Родону поднесли увесистый кувшин, наполненный обрывками бумаги, Матильда почувствовала, что ее сердце вот-вот выскочит из груди. Кровь стучала у нее в висках, отчего женщине стало тяжело дышать, и она начала интенсивно обмахиваться веером. Большая Ма, как и все жители маленьких городков, в чудеса верила, но не забывала еще и приложить к этим чудесам руку. За несколько минут до того, как кувшин унесли с пьедестала в центре площади, она договорилась со стражником, что даст ему треть выигранной суммы, если тот позволит засыпать поверх чужих бумажек целый ворох с ее именем. Прикинув, что Родон не будет просматривать все эти записки, охранник немедленно согласился, и теперь Матильда ожидала секунды, когда господин Двельтонь опустит руку в заветный кувшин.

Родон поднялся с места, принимая у стражника глиняный сосуд, и с лукавой улыбкой обвел взглядом толпу.

— Уважаемые горожане, — произнес он. — Надеюсь, каждый из вас сегодня попытает удачу и попробует выиграть десять золотых монет. На эти деньги вы не купите замок, но сможете месяц пожить в свое удовольствие. Как вы считаете, стоит ли проводить такую лотерею ежегодно?

Толпа дружно согласилась с оратором и разразилась бурными аплодисментами. Тем временем Арайа повернулась к Эристелю и тихо произнесла:

— А ваше имя есть в этом кувшине, господин лекарь?

Мужчина улыбнулся:

— Я не привык полагаться на свою удачу. Предпочитаю надежде знания.

— Тем же руководствовалась и я. К тому же мне было бы неловко вытащить из кувшина собственное имя.

В тот же миг девочка чуть нахмурилась и добавила с легким смущением:

— Я не успела посоветоваться с отцом, поэтому позвольте обратиться с этим вопросом к вам.

— Разумеется, — на лице беловолосого мужчины отразился интерес.

Арайа слегка прикусила нижнюю губу, а потом, приблизившись к Эристелю, прошептала:

— Как вы считаете, будет ли дурным тоном девушке из приличной семьи закатать рукав, чтобы поглубже скользнуть рукой в кувшин?

Она смутилась, ожидая, что лекарь рассмеется, но голос мужчины прозвучал без тени насмешки:

— Будет ли дурным тоном позволить участвовать в игре не только тем, кто оставил свое имя на поверхности?

Арайа удивленно вскинула бровь, тем самым еще больше напоминая своего отца, а затем шепнула сдержанное «благодарю вас».

В этот самый момент Родон подзвал ее к себе, предлагая опустить руку в кувшин и озвучить имя победителя. Девочка почувствовала, как ее охватывает волнение, но мысленно велела себе собраться. Она поклонилась горожанам с достоинством королевы, а сотни людей смотрели на нее затаив дыхание и втайне надеясь, что именно его имя произнесет

сейчас юная Двельтонь. Когда взгляд Арайи встретился с Родоном, мужчина чуть кивнул, после чего девочка улыбнулась ему и, по-детски закатав рукав своего платья, скользнула рукой на самое дно кувшина. Зажав между кончиками пальцев случайную записку, Арайа извлекла ее на свет и громко произнесла:

— Оверана Симь!

В толпе прокатился гул, и вскоре на сцену поднялась девушка в синем льняном платье, которая совсем недавно отплясывала подле Колокольчика.

— Я... Это я... Я — Оверана Симь.

Она выглядела столь растерянной, словно боялась, что ее имя произнесли в шутку, и сейчас все рассмеются, указывая на нее пальцами. Но, когда она поняла, что случившееся — правда, тут же залиvisto расхохоталась и захлопала в ладоши. Эта детская непосредственность вызвала улыбку на губах Арайи, а затем и самого Родона. Девочка с откровенным удовольствием передала победительнице черный бархатный кошель с вышитым на нем гербом города.

В этот момент стоявшей у самой сцены женщине с густыми черными бровями внезапно сделалось дурно, и ей первой пришлось покинуть столь долгожданный праздник.

IV

Прошло еще несколько выступлений, прежде чем Амбридия Бокл в последний раз припудрила лицо и поднялась на помост, чтобы звонким голосом объявить о начале долгожданного спектакля. Женщина надеялась, что представление, устроенное Пустынными Джиннами, хоть немного померкло в памяти зрителей после серии блеклых выступлений остальных. Проведенная Родоном лотерея слегка раззадорила толпу, но последующие песнопения здешних бардов навеяли такую скуку, что кто-то из присутствующих даже начал зевать.

Амбридия обвела взглядом зрителей и замерла, ожидая, когда в толпе воцарится гробовое молчание. Она чувствовала предвкушение собравшихся, и это ощущение всеобщего внимания заставляло ее вновь и вновь примерять невидимую корону, которую она уже несколько лет делила с ненавистным Родоном. Если семья Двельтонь управляла городом на бумаге, то Бокл властвовала негласно, предпочитая держаться в тени и только раз в году появляться перед своими подданными. Если у Родона была вооруженная стража, то у Амбридии — недовольная толпа, и кто знал, во что могло вылиться противостояние между мечом и молотом.

Когда смолк последний голос, госпожа Бокл ласково улыбнулась присутствующим и громким уверенным голосом произнесла:

— Уважаемые горожане! Мои дорогие братья и сестры! Я желаю от всей души поздравить вас с этим удивительным праздником, который заставляет наши сердца биться в унисон. В этот день нет ни господ, ни простолюдинов — мы все равны, мы все находимся в одной толпе, лишь иногда поднимаясь на эту сцену, чтобы развлечь друг друга. Все мы — одна большая счастливая семья, которая может подать исключительный пример другим городам. Трудлюбие, сострадание, взаимопомощь, уважение, любовь и доверие — все это делает нас жителями самого уютного, самого пригожего, самого процветающего города южных земель. Для меня большая честь жить в одном городе с такими порядочными и достопочтенными людьми. Мы не скрываемся за высокими стенами, а живем рядом, бок о бок, с легкостью преодолевая возникающие трудности. В своих спектаклях я освещаю те стороны жизни, которые нам неведомы. За подобными ситуациями мы можем наблюдать

только со стороны, ужасаясь и негодуя, что подобное где-то происходит по-настоящему. Теперь, мои дорогие, я уйду со сцены, но перед этим объявляю, что начинается очередное ежегодное путешествие по страницам жизни.

На этой ноте Амбридия закончила свою пафосную речь и протянула руки навстречу зрителям. Слова о начале спектакля были восприняты с ликованием, и люди выразили его бурными аплодисментами. В эту минуту госпожа Бокл на миг закрыла глаза, наслаждаясь всеобщим вниманием и, быть может, даже испытывая к присутствующим некую извращенную любовь, которую способна чувствовать хозяйка псарни, готовясь бросить собакам сочащийся кровью кусок.

Затем Амбридия посмотрела на Родона, с удовольствием замечая, что он помрачнел. Двельтонь глядел на толпу с тенью отвращения, но что-то еще примешивалось к этому чувству, что-то похожее на опасение или даже страх. Конечно же, Родон еще до конца не осознавал, что означает подобное ощущение, или не хотел осознавать принципиально, вот только этот страх присутствовал, пускай даже в столь завуалированном виде.

На личике юной Двельтонь тревога отражалась куда более явственно. Она скользила взглядом по толпе, слишком быстро перекидываясь от одного лица к другому, и, когда раздались аплодисменты, по коже девочки вдруг побежали мурашки. Тогда она повернулась к Эристелю, но в этот раз его глаза показались ей пугающе пустыми. Лекарь смотрел куда-то перед собой, не видя ни толпы, ни Амбридии, ни кого-либо вокруг. Он ушел в свои мысли, словно желая абстрагироваться от происходящего, прервать с ним любую связь, как человек, который в один день увидел слишком много смертей. Это безразличие показалось еще более отталкивающим, чем ликование толпы, отчего Арайе захотелось позвать Эристеля по имени, как-то отрезвить его, чтобы невидящие глаза лекаря вновь посмотрели осмысленно.

Спектакль состоял из четырех частей. Со стороны он мог показаться шутивным кривляньем, где нелепые люди совершали не менее нелепые поступки. Характеры персонажей были гипертрофированными, фразы пафосными, жесты кричащими, отчего происходящий на сцене каламбур ежеминутно вызывал взрывы хохота. Вот только Родон Двельтонь так ни разу и не улыбнулся. Не улыбались и еще несколько жителей города. В первую очередь, Шаоль Окроз. Когда на сцене появилась взлохмаченная рыжеволосая девица в зеленом платье, девушка смертельно побледнела. Хотя Амбридия и окрестила свою героиню Наоль Макоэ, никто не сомневался, о ком на самом деле идет речь. Люди все чаще оглядывались на девушку, весело зубоскаля и указывая на нее пальцами. В сценке актриса носилась от мужчины к мужчине, бесстыже задирая перед ними юбку, и те с удовольствием заглядывали туда.

В одном из актеров Эристель узнал себя: то был придурковатый персонаж по имени Эриэл, который был занят тем, что таскал с собой гору книг, надеясь тем самым казаться умнее в глазах окружающих. То и дело свои книги он терял, спотыкался о них, падал, стучался головой о пол, отчего толпа начинала гоготать еще громче. В конце сценки Эриэл оказался единственным, кто оттолкнул от себя Наоль, после чего актриса вышла вперед и громко выкрикнула мораль сей истории: мол, лучший мужчина тот, который ценит женщину не за внешность.

Горожане ликовали. Часть из них весело пялилась на Эристеля, но большинство тыкало пальцами в Шаоль. Девушка вздрогнула, когда один из мужчин положил ей руку на бедро и, дыша в лицо перегаром, промурлыкал:

— А чего это ты ко всем ходишь, а ко мне до сих пор не заглянула? Хочешь, я...

Девушка с отвращением оттолкнула от себя мерзкую ладонь и попыталась протиснуться через толпу, чтобы поскорее покинуть площадь. Но горожане не собирались так легко отпустить свою добычу. Никто из присутствующих не желал даже на миг вспомнить о том, что Амбридия свои сценки выдумывает. Теперь каждый считал своим долгом показать, как он относится к «падшим девкам», как решительно осуждает их, и пускай хотя бы одна такая блудница получит урок.

— Так вот к кому таскаются наши мужья, — произнесла какая-то женщина, и Шаоль почувствовала, как кто-то больно ударил ее локтем по груди.

— Потаскуха, — прошипела другая дама, и еще несколько горожанок ядовитым эхом повторили это оскорбление. Ненависть и ярость плескались в их глазах, но куда больше девушку испугали мужчины. Она чувствовала их грязные прикосновения, не в силах отстраниться от всех разом. Слезы застилали Шаоль глаза, но она изо всех сил пыталась не расплакаться прилюдно. Подобное проявление слабости непременно раззадоривало толпу еще больше, потому что считалось, что хнычут только виновные.

Заметив странное волнение в толпе, Родон отдал приказ стражникам выяснить, что происходит, и, если потребуется, разогнать особенно буйных. Затем он посмотрел на Эристеля, пытаясь по его лицу понять, о чем он думает. Он ожидал увидеть обиду, досаду, непонимание или, в крайнем случае, натянутую улыбку, говорящую, что все увиденное — забавно и он сам не прочь над собой посмеяться. Однако лицо Эристеля было совершенно непроницаемым. С таким же успехом Двельтонь мог смотреть на каменную статую, и это спокойствие несколько насторожило Родона.

— Эристель, вы, главное, не воспринимайте увиденное слишком серьезно, — произнес он, желая разбавить гнетущую паузу. — Вы, как чужеземец, можете подумать, что подобными кривляньями вас желали оскорбить, но, поверьте мне, актеры Амбридии Бокл изображали даже меня, и этот каламбур совершенно не относится к вам лично.

Эристель перевел взгляд на собеседника, и его губы внезапно тронула улыбка. Видимо, он все-таки решил сделать вид, что ему было смешно, но при этом слова, которые произнес лекарь, почему-то не вызвали у Родона желания улыбнуться в ответ. Они должны были прозвучать как шутка, но глаза Эристеля не смеялись, а улыбка выглядела как безобразная трещина на фарфоровой маске.

— Господин Двельтонь, — мягко произнес он. — Если вы боитесь, что после всего увиденного я начну травить местных жителей, то вы зря опасаетесь. Это слишком долгий и утомительный процесс, и вы вычислите меня раньше, нежели мои действия принесут ожидаемый результат. Посему я удаляюсь, чтобы поскорее приступить к разработке оружия, которое уничтожит всех моих обидчиков разом. Благодарю вас за то, что приютили меня в своей ложе, и желаю вам приятного вечера. Госпожа Двельтонь, мое почтение.

С этими словами Эристель поднялся с места, отвесил поклон сначала девочке, затем Родону, после чего направился прочь. Арайа тихо хихикнула, но взгляд отца мигом стер с ее лица неосторожную улыбку. В толпе послышался свист, кто-то начал кричать лекарю издевательские шутки, но тот ни разу не обернулся.

— А я бы не сильно расстроилась, если бы он отравил парочку горожан, — произнесла Арайа, провожая Эристеля взглядом.

— Ты не должна говорить подобного, — Родон чуть нахмурился, а затем, усмехнувшись, добавил: — Но думать о таком я тебе не запрещаю.

В ту же самую минуту феодал принял окончательное решение, что больше ни одна

постановка Амбридии Бокл не будет показана в его городе. Остальные сценки высмеивали мужеложцев, игроков в азартные игры и ростовщиков, и казалось, что эти истории не имеют никакого значения, однако наутро все они разом обрели смысл.

Ночью в дом Шаоль Окроз ворвались шестеро пьяных мужчин. Ее отца, Гринжи Окроз, избили до потери сознания, когда он из последних сил пытался заступиться за дочь. Мать девушки затащили в подвал, где несколько раз ударили и бросили взаперти лежать на земляном полу. Саму Шаоль жестоко изнасиловали, после чего, не выдержав унижения, она повесилась в своей спальне на отцовском ремне.

В доме Овераны Симь тоже произошло нечто интересное. Когда девушка вернулась домой с выигранной суммой денег, дома ее уже ждал супруг. Хагал сидел за столом и кухонным ножом выскабливал грязь из-под ногтей. Сначала мужчина был ласков и буквально умолял Оверану дать ему полученные деньги, чтобы он мог сделать ставку в игре в кости и, конечно же, приумножить их. Когда Оверана в очередной раз ответила отказом, в голосе Хагала послышалась сталь. Спустя несколько минут мужчина уже держал супругу за горло, а лезвие ножа утыкалось в щеку девушки. Он пообещал расплосовать жене ее "шлюшье лицо", если она немедленно не отдаст ему деньги. Получив заветный кошель, он ласково улыбнулся и удалился восвояси.

Не менее увлекательные события разворачивались под окнами дома пожилого Энила Кринь. Ему пришлось подняться с постели, чтобы закрыть ставни, так как долетающие с улицы крики не давали ему уснуть. Внизу какая-то подвыпившая группа юношей избивала своего ровесника, и старик даже подумал о том, что, может быть, стоит вмешаться и попытаться разогнать нарушителей порядка. Но уже через миг он представил, что стены его дома могут разрисовать, ручку двери вымазать навозом, а его доверчивую собаку попросту отравить. К тому же те юноши вряд ли послушают немощного старика и, скорее всего, ответят бранным словом, а то и вовсе начнут швырять в его окно камни. Когда кто-то из юношей обозвал свою жертву мужеложцем, господин Кринь почувствовал облегчение. Теперь он уже безо всяких сожалений уверенно затворил ставни.

За происходящим на улице весельем наблюдал еще один человек. Он спрятался за углом дома, решив выйти только тогда, когда пьяная компания отправится восвояси. Колокольчик не хотел, чтобы ему досталось из-за бестолкового отпрыска Амбридии Бокл, но в то же время бард был недостаточно бессовестным, чтобы оставить его на произвол судьбы. В этот момент мужчина проклинал себя за идиотскую идею сократить путь до «Подковы», пройдя по этой злополучной улице. Колокольчик сейчас мог сидеть в уютном трактире в обнимку с грудастой девкой и петь ей слащавую песенку, а не подпирать спиной стену дома, от которого разило помоями и мочой.

Наконец спустя еще какое-то время развлечение юношей перестало «рыпаться», и те удалились прочь, весело хохоча над тем, как мерзко визжала пойманная ими "свинья". Они знали, что Корше не был мужеложцем хотя бы потому, что он вообще ни разу ни с кем не был замечен, кроме своей матери. Однако увиденная на празднике сценка показалась юношам настолько увлекательной, что срочно захотелось этого самого мужеложца придумать.

Корше едва держался на ногах, когда Колокольчик дотащил его до дома Эристеля. Опустив его на крыльцо, бард постучал в дверь и мысленно выругался. Лекарь открыл не сразу, но было видно, что он не спал. Взгляд его был острым и пристальным, почти настороженным, а лицо в тусклом свете лампы казалось каким-то неприятным.

— Послушай, лекарь, не я его избил, не я ему близкий, поэтому денег за него платить не буду. Хочешь, оставь его на крыльце, это уже на твоей совести. Я больше о нем думать не желаю, — с этими словами Колокольчик стремительно направился прочь, не позволяя себе оглянуться, чтобы не увидеть, если лекарь все-таки решит закрыть дверь.

Скорчившись на крыльце, Корше обратил к беловолосому мужчине изможденное лицо и с трудом выдавил:

— Я домой пойду... Матушка рассердится.

С минуту Эристель молча смотрел на комок боли, который еще несколько часов назад назывался человеком. Нечто болезненно тощее и окровавленное таращилось на него большими затравленными глазами, точно косуля, которую чудом не загрызли насмерть. Лекарь перевел взгляд на удаляющегося барда, после чего, еще немного поколебавшись, обернулся куда-то в темноту своей прихожей и тихо произнес:

— Точи, занеси его в дом.

I

Первые лучи рассвета робко ознаменовали приход нового дня, который должен был позволить жителям города отоспаться, протрезветь и обменяться впечатлениями о вчерашнем празднике. Вопреки надеждам Амбридии Бокл, люди в первую очередь вспоминали о Пустынных Джиннах, о лотерее и только потом уже о спектакле. Красота огненного представления отпечаталась в памяти горожан, отчего некоторые даже поговаривали о том, чтобы написать господину Двельтонь благодарственное письмо. Городской казначей, человек расчетливый не только в деньгах, но и в отношениях с вышестоящими, не преминул рассказать наиболее болтливым, что выступление Джиннов Родон оплатил из своего кармана. Господин Карж не сомневался, что феодал укорит его за утечку информации, но на деле подобная сплетня будет ему приятна.

Утро после праздника, ленивое и размеренное, могло порадовать всякого, кто не обязан выпрыгивать из постели, едва кукарекнет какой-нибудь отчаянный петух. К сожалению, начальник городской стражи, рослый сорокалетний мужчина с густыми рыжими волосами, к счастливицам не относился, отчего с самого утра пребывал в отвратительном настроении. К полудню Двельтонь требовал от него отчет о случившемся за ночь, поэтому Инхиру приходилось вставать ни свет ни заря, чтобы хорошенько потряхнуть своих подчиненных. В целом, если вычеркнуть из жизни господина Гамеля подобные дни, среди солдат он слыл славным малым. В глазах горожан он старался казаться справедливым, правда, справедливость эта иногда хромала, если дело касалось хорошенькой женщины, которая имела неосторожность провиниться.

Гамель сидел в своем кабинете, когда стали поступать первые доклады о событиях в городе. В этом году пьяных дебоширов было куда меньше, однако без жертв и разрушений все-таки не обошлось. В первую очередь Инхира ужаснула трагедия, произошедшая в доме каменщика. После глупого спектакля, устроенного Амбридией Бокл, несколько пьяных молодчиков напали на семью Окроэ и совершили то, за что Родон без колебаний отправит их на виселицу. Четверых из них стражники нашли без труда, остальные двое покинули город, тем самым несколько осложнив Гамелю задачу. Страшнее всего было смотреть в пустые глаза матери девочки, и лучше бы она кричала и плакала, нежели хранила столь ужасное, близкое к помешательству спокойствие. Супруг госпожи Окроэ, которого подонки избили до беспомысленности, был отправлен к доктору Клифаиру за счет государственной казны. Однако от предоставленных монет лекарь категорически отказался, заявив, что ему не нужны деньги, когда дело касается таких ситуаций. В первую очередь он выразил желание облегчить хотя бы физическую боль несчастного, и предложенные деньги в данном случае его унижают.

Еще один лекарь, с которым Гамель за четыре года так и не познакомился, прислал краткую записку, что к нему доставили еще одного пострадавшего, на этот раз юношу по имени Корше. В письме говорилось, что Корше сильно разбили нос, и теперь ему нужно немного отлежаться. Об этом немедленно проинформировали мать юноши, однако госпожа Бокл не пожелала подняться с постели в такую рань, чтобы навестить своего непутевого сына. Получив известие о его избиении, Амбридия испытала разве что раздражение.

— Передайте доктору Эристелю, чтобы он немедленно гнал Корше домой, —

произнесла она в чуть приоткрытую дверь.

— Боюсь, что мальчик и впрямь..., - начал было солдат, но Амбридия уже заперлась на ключ и вернулась обратно в кровать. Она не собиралась позволить подобным недоразумениям испортить ей сегодняшнее утро.

Остальные происшествия были в порядке вещей — несколько краж, пьяные драки без особого кровопролития, проникновение в чужой дом по ошибке, а также мелкий вандализм. О них Гамель не собирался упоминать в особых подробностях, поэтому единственное, что ему может аукнуться, — это то, что двое подонков, изнасиловавших Шаоль, успели покинуть город.

В тот момент, когда Инхир собирался поставить подпись под своим отчетом, в дверь требовательно постучали. Словно предчувствуя беду, начальник стражи мысленно выругался и раздраженно отодвинул от себя чернильницу.

— Ну, войдите, войдите! — крикнул он, откидываясь на спинку кресла, и машинально принялся барабанить пальцами по подлокотнику. В комнату вошел смуглый темноволосый мужчина с карими, почти черными глазами. Непослушные пряди хаотично рассыпались по плечам незнакомца, отчего выглядел он так, словно этим утром не успел причесаться.

— Я хочу заявить о пропаже! — с порога выпалил посетитель.

Неучтивость молодого мужчины несколько покорибила Инхира, но он закрыл на это глаза, решив принять во внимание тот факт, что перед ним стоит чужеземец.

— И что же у вас пропало? — устало поинтересовался Гамель. — Если кошель, лошадь или любимая собачка вашей мамочки, то обращайтесь к кому-то, кто чином пониже. Я отвечаю в первую очередь за безопасность в городе.

— Пропала моя сестра, Лавириа Штан. И если вы отвечаете за безопасность в городе, извольте этим заняться сию же минуту!

Глаза темноволосого мужчины сверкнули яростью, отчего Гамель несколько оторопел.

— Как долго отсутствует ваша сестра? — спросил он, строго глядя на бесцеремонного посетителя. — И сядьте вы наконец. От вашего мельтешения толку не прибавляется.

Незнакомец нехотя опустил на стул и повторил:

— Моя сестра Лавириа пропала. Этой ночью она не вернулась на постоянный двор «Белая Сова», где мы остановились. Судя по всему, она даже не ночевала в своей комнате.

— Подождите, помедленнее... Начнем с того, как зовут вас?

— Какая разница?

Инхир скрестил руки на груди, явно давая понять, что, отвечая вопросом на вопрос, посетитель всего лишь теряет время. Тогда мужчина сдался и наконец представился:

— Мое имя Гимино Штан, я — старший брат пропавшей. Точнее, мы — близнецы, просто я родился раньше.

— Штан? Эта фамилия мне незнакома. С какой целью вы прибыли в город?

— Как с какой? Вы вообще были вчера на главной площади? Мы выступали перед вами в качестве факиров!

— Пустынные Джинны? — не поверил Гамель. Он пристально всматривался в лицо мага, но не узнавал его.

— Проклятье. Для выступлений мы изменяем свою внешность. Волосы делаем черными, глаза — красными... Лавириа танцевала со мной в паре в пылающем платье. Ну же, вы знаете, о ком я говорю!

— Да, эта девушка... Вы уверены, что она пропала? В нашем городе достаточно

привлекательных мужчин, с кем бы она могла...

— Лавириа не могла! Она никогда не покидает группу, и уж тем более ради незнакомцев.

— Да, но у вас совершенно нет доказательств, что девушка действительно пропала. Кто знает, чем она могла заниматься ночью? Если она даже не вернулась в свою комнату, быть может, она спит в чьей-то другой? Я не могу объявлять ее в розыск только потому, что взрослая девочка не отчиталась, с кем идет гулять. Ночь — это не срок. Другое дело — три ночи...

— Да вы с ума сошли! — Штан взвился на ноги, словно его ужалила ядовитая змея. — За три ночи с ней может случиться что угодно. Если вы ничего не предпримете, я... я пойду к господину Двельтонь. Это он пригласил Джиннов в ваш проклятый город, и именно ему отвечать за пропажу моей сестры.

— Еще одна угроза, и я запру тебя в подземельях, — сквозь зубы процедил Гамель. Его синие глаза опасно потемнели, а губы сжались в тонкую ниточку. Инхир чувствовал, что его нервы на пределе, и если этот сосунок будет продолжать проявлять характер, то он окончательно взорвется. — Теперь послушай меня, сынок! Ничего с твоей сестрой не случилось. Молодая, красивая девушка могла встретить здесь не менее молодого и красивого мужчину и захотеть провести с ним ночь. Давай договоримся: если в течение дня она не объявится, я подниму всю городскую стражу, мы обыщем каждый дом, каждый обоссанный закоулок и будем искать до тех пор, пока не найдем ее. Согласен?

На лице Гимира отразилось недоверие, и он с сомнением переспросил:

— Вы сделаете это?

— Даю слово.

В комнате повисло тяжелое молчание. С минуту Штан всматривался в хмурое лицо начальника стражи, а затем медленно кивнул.

— Если вы меня обманываете....

— Я тебя не обманываю, сынок. У меня у самого дочь, примерно твоя ровесница. И я понимаю твою обеспокоенность, но также понимаю, что у девок их возраста есть свои потребности. Я прикладываю все усилия, чтобы удержать свою козу от любовных похождений, но не всегда можно за всем углядеть. Слышишь меня?

— Слышу, — пробормотал Гимира. — Но еще я слышал, как солдаты говорили об изнасиловании. И что двое ублюдков скрылись из города.

— Если бы ты изнасиловал девку и бежал из города, то тащил бы еще одну на плече? — Гамель вопросительно вскинул бровь и усмехнулся, когда собеседник отрицательно покачал головой.

— Вот и чудненько. Теперь иди. Я пришлю за тобой ближе к вечеру в «Белую Сову». Уж постарайся оказаться на месте.

— Да, я буду. Спасибо вам.

Инхир кивнул и, едва Гимира скрылся за дверью, снова взялся за перо. Он все еще должен был поставить подпись, но теперь вся решимость куда-то исчезла. Кто знает, быть может, список происшествий пополнится еще одним, не менее уродливым, чем все, что является в этом городе интересным или веселым. На миг Гамелю показалось, что здешние улицы в очередной раз собрали свой кровавый урожай и, насытившись им до отрыжки, заснули, готовые пробудиться как раз к следующему празднику...

Тем временем в небольшом двухэтажном доме, расположенном на периферии города,

худощавый юноша по имени Корше проснулся и осторожно приоткрыл глаза. Первое, что он почувствовал, сделав осознанный вздох, была боль. Казалось, тяжелая кувалда ударила его по груди, отчего ребра вдруг начали трескаться, а затем боль моментально распространилась на лицо, концентрируясь в области носа, нырнула в рот, вонзаясь в десны, и ковырнула в животе, куда угодил тяжелый кулак Орана Иклива. Здоровяк Иклив, сын одного из городских стражников, бить умел на славу, а когда он собирал подле себя своих дружков-поощрителей, то и вовсе превосходил все ожидания. Веселилась эта компания обычно вместе, так как в дружбе нет ничего приятнее, чем общее увлечение. Чаще всего в роли «общего увлечения» выступали изгой, которые были хилыми и шатались поодиночке. Оран любил сначала выслеживать свою добычу, загонять ее на безлюдную улицу и уже там поработать над ней кулаками. О подвигах своего сына Дагль Иклив не был наслышан, потому что избитых настолько запугивали, что те боялись даже заикаться о случившемся. Они говорили, что лиц нападающих не видели, потому что либо потеряли сознание, либо им на голову нацепили мешок. Тем не менее Дагль замечал разбитые костяшки сына, и осторожная догадка проскальзывала в его мыслях, но он тут же отбрасывал ее прочь, словно дохлую крысу. Его замечательный сильный мальчик однажды станет начальником стражи, и он попросту не может делать то, в чем его так подло подозревает собственный отец.

Корше попытался подняться на постели и едва не застонал. Боль вцепилась в него с новой яростью, вонзая свои зубы так глубоко, что юноша приоткрыл губы в безмолвном крике. Его лицо исказилось, но вот Корше наконец справился с новым приступом боли и скользнул взглядом по незнакомой комнате. Он смутно помнил, как кто-то дотащил его до дома доктора Эристея и оставил его на пороге, откуда доктор его и подобрал. Юноша не мог знать, как сильно его изувечил Иклив с компанией, но уже представлял, в какой ярости будет пребывать его мать, если он в ближайшее время не появится дома.

«Небо, помоги мне», — подумал он, мысленно набираясь мужества, чтобы вновь встретиться с болью при попытке подняться. Корше решил досчитать до трех, но на цифре два в комнату медленно вошло существо, которое ночью юноша принял за галлюцинацию. Это был двухголовый человек, о котором то и дело говорили в городе и которого Корше увидел только сейчас.

«Тригор... Торик... Тогар...» — имена копошились в памяти, словно черви, и, когда существо направилось к постели Корше, юношу охватила паника. Ему казалось, что он буквально кожей чувствует ненависть, исходящую от этой твари, и, когда двухголовый протянул к его шее жилистую руку с черными обломанными ногтями, с пересохших губ Корше сорвалось имя:

— Точи...

Существо замерло, словно раздумывая, что делать с услышанным, а затем его губы искривила плотоядная улыбка. Обе головы улыбались, словно предвкушая нечто интересное, а белые глаза одной из голов слепо пялились на испуганное лицо Корше.

— Пожалуйста, не надо..., - прошептал юноша. — Я не виноват, что вас покалечили. Меня там не было.

— С каких пор мольба оказывает должный эффект? — внезапно раздался холодный голос.

— Доктор Эристель..., - вырвалось у Корше. — Я не знаю, чем разозлил его. Я только проснулся.

В тот же миг Точи медленно отступил назад, позволяя лекарю приблизиться к постели

больного. Теперь существо замерло, опустив обе головы, словно провинившийся ребенок, вот только ощущение ненависти, исходящее от него, не проходило.

— Точи, как и я, не любит, когда его умоляют, — продолжил Эристель. — Когда-то он сам имел неосторожность умолять местных жителей, чтобы те не отрезали ему голову, но, видимо, упустил какие-то важные детали, отчего мне доставили его практически обескровленным.

Корше судорожно сглотнул и затравленно посмотрел на существо.

— И как твое самочувствие? — в голосе лекаря послышалась легкая ирония, словно происходящее его забавляло.

— У меня все болит, — выдавил из себя Корше, все еще не сводя с Точи настороженного взгляда. — Можно ли как-то прекратить это?

— Я могу сломать тебе шею.

Теперь взгляд юноши в панике метнулся на бесстрастное лицо лекаря, пытаюсь понять, шутит ли тот. Благо, доктор решил развить свою жуткую мысль, отчего Корше испытал заметное облегчение.

— Больно тебе, потому что ты жив. Тебе сломали несколько ребер, выбили челюсть и несколько зубов, разбили нос, а также практически проломили череп. Но голова ведь у тебя не болит?

— Нет.

— Потому что мне показалось, что именно головой стоит заняться в первую очередь.

Лекарь усмехнулся и протянул Корше пузырек с какой-то мутно-белой жидкостью. Юноша послушно выпил ее, чувствуя, как боль в груди начинает медленно исчезать. Но то было не просто обезболивающее. Что-то происходило с костями, отчего Корше начал испытывать легкое жжение. Он судорожно вдохнул, и его глаза широко распахнулись.

Спустя пару минут Корше сидел на постели, лихорадочно пытаюсь собраться с мыслями, при этом больше не чувствуя даже намека на боль. Язык нащупал во рту восстановленные зубы, и юноша недоверчиво посмотрел на врача.

— Это невозможно...

Лекарь скользнул по нему презрительным взглядом:

— Невозможно жить смирившись с теми обстоятельствами, с которыми смирился ты. Когда выйдешь отсюда, ты ведь пойдешь домой к матери, которая тебя ненавидит, по той улице, где тебя едва не убили. И именно поэтому ты всегда будешь умолять, чтобы тебя не били слишком сильно.

В тот же миг Эристель наклонился к Корше, а затем внезапно схватил его за волосы на затылке, причиняя боль. Юноша увидел, как красивое лицо лекаря начинает меняться, становясь каким-то неестественным. Теперь над Корше склонялось лицо мертвеца, чьи глаза были слишком живыми для человека.

— Убирайся из этого города, — произнес холодный голос, от которого по телу Корше побежали мурашки. — Убирайся сразу же, как выйдешь за эту дверь, и начни наконец жить, пока еще можешь...

В ту же секунду Корше проснулся по-настоящему. Чувство дежавю на миг нахлынуло на него, когда он скользнул взглядом по потолку незнакомой комнаты. Боли он не почувствовал, поэтому с легкостью поднялся на постели.

"Какой дурацкий сон", — подумал он, осторожно потягиваясь.

Первой мыслью юноши было найти доктора и поблагодарить его за оказанную помощь.

Затем нужно возвращаться к матери и вымаливать у нее прощение.

Однако, когда Корше вышел за дверь, он решительно направился к главным воротам, ведущим прочь из города. Повинуясь какому-то непонятному инстинкту, он не взял с собой никаких вещей, но почему-то четко знал, что в этот город он больше никогда не вернется.

II

Утро в семье Двельтонь, такое же солнечное, как и у других горожан, тем не менее складывалось пасмурно. В замке разворачивались целые военные кампании, где в роли стратегического объекта выступала Арайа. Все началось с того, что Найалла категорически отказалась спуститься к завтраку и теперь требовала, чтобы младшая сестра все время проводила с ней, тем самым показывая отцу, что та на ее стороне. В свою очередь Родон настоятельно попросил Арайю держаться от «капризной барышни» подальше, чтобы та не думала, будто ее выкрутасы кто-то собираются поощрять. Найалла и Родон упрямо продолжали не разговаривать, отчего младшая Двельтонь наконец не выдержала и заявила, что не будет даже смотреть в сторону обоих враждующих до тех пор, пока один из них не пойдет навстречу другому. При этом Арайа как бы невзначай бросила фразу, что ей безумно хотелось рассказать сестре о празднике и о том, кого она там повстречала.

Услышав это, Найалла совершенно потеряла покой. В голове постоянно крутились мысли о молодом враче, и, если сестра подтвердит, что он был на празднике, это могло означать, что чувства Найаллы взаимны. Взволнованная девушка мерила шагами свою комнату, не в силах прикоснуться ни к книгам, ни к еде, ни к вышивке. В течение получаса Найалла боролась с собственной гордостью, после чего любопытство все-таки победило. Приняв самый что ни на есть кроткий вид, старшая Двельтонь направилась к отцу. Как и всегда в это время, мужчина находился в своем кабинете. Последние шаги до двери Найалла проделала буквально на цыпочках. В этот миг ей казалось, что сердце в груди стучит настолько громко, что его наверняка сейчас слышит весь замок. Мысленно сосчитав до пяти, девушка повернула ручку и осторожно заглянула в комнату.

Родон сидел за столом, склонившись над внушительной горой мелких бумажек, и внимательно просматривал каждую. Рядом лежало письмо, написанное крупным корявым почерком. Обилие ошибок в тексте говорило о том, что отправитель не был хорош в грамоте, а наличие множества чернильных клякс намекало на то, что человек вообще не привык писать слишком часто.

Найалла обратила внимание и на отдельную кучку записок, которую Родон то и дело пополнял. Он был настолько погружен в свое занятие, что совершенно не замечал приоткрывшуюся дверь, отчего голос старшей дочери прозвучал для него неожиданно.

— Что вы делаете, отец? — вкрадчиво поинтересовалась Найалла и проскользнула в кабинет. Затворив за собой дверь, она замерла на пороге и потупила глаза, чувствуя, как внимательный взгляд Родона остановился на ее лице. Несколько секунд мужчина хранил молчание, точно прикидывая, как правильно себя повести, и Найалла испытала облегчение, когда отец наконец ответил:

— Вычисляю анонима.

В этот раз Родон решил не становиться в позу и не посмеиваться над своей старшей дочерью. Он сделал вид, что утренней ссоры не было, поэтому голос его звучал так же, как и всегда.

— Он пишет вам гадости? — Найалла осторожно сделала шаг к столу и вновь замерла, ожидая реакции отца.

— Не обо мне. О других. Если верить этому писаке, то весь наш город переполнен ведьмами, чернокнижниками и некромантами. Причем все они исключительно хорошенькие женщины. Я даже задумался, к чему мне тратить деньги на войско, когда я могу нанять несколько ведьм и выплачивать им жалованье платьями или шляпками.

— О, небеса, неужто опять этот борец с нечистью? — Найалла искренне рассмеялась, и Родон, улыбнувшись в ответ, в доказательство протянул ей письмо. Брови девушки поползли вверх, когда она дочитала до последней строчки, а затем вернула письмо обратно. — Быть может, это полоумный Игша никак не успокоится?

Родон отрицательно покачал головой:

— Нет, это какой-то новый сумасшедший. Почерк Игши я знаю. К тому же пишет он сухо, как и положено предсказателю, коим он себя называет.

— Кстати, вы разгадали его последнее пророчество?

— Какое из? — усмехнулся Родон. — О пришествии морских пегасов? О том, что в городе будет столько пыли, что ни одной метлой не выметешь? Или о том, что рядом со мной разгуливает смерть?

— Про гуляющую смерть я от вас еще не слышала, — Найалла рассмеялась вновь, а затем указала на кучку бумаг на самом краю стола. — А это что такое? Еще один аноним?

— Нет, тут как раз сплошные имена. Некая Матильда так страстно желала заполучить десять золотых монет, что подкупила стражника, отвечавшего за соблюдение правил лотереи. Из этого вороха я извлек около сотни бумажек с ее именем, а они все не кончаются. У меня чешутся руки слегка проучить эту дамочку. Может, пусть выплатит по медяку за каждую записку с ее именем?

— И выигрыш вернет! — решительно добавила Найалла.

— Самое забавное то, что она так и не выиграла.

В этот самый миг отец и дочь весело расхохотались. Ощущение утренней ссоры окончательно растворилось, и Найалла, поддавшись порыву, ласково накрыла руку отца своей.

— Неужели мы из тех отвратительных семей, где мирятся с помощью злорадства над чужими трагедиями? — в притворном ужасе добавил Родон, и оба вновь рассмеялись.

— Тогда надо срочно придумать наказание для провинившегося стражника, чтобы сблизиться еще больше, — выдавила из себя девушка, прижимая к губам кончики пальцев. — И закрепить все это злорадством над разоблаченным анонимом!

— Сначала надо его вычислить. Поможешь мне сравнить почерк? — Родон посмотрел на девушку, гадая, как она отреагирует на его просьбу. С одной стороны, Найалла вряд ли захочет проводить время, рассматривая какие-то бумажки, но, с другой стороны, девушка вполне могла тем самым заслужить прощение. Сомнение, на миг промелькнувшее в серых глазах дочери, мысленно повеселило Родона, но вот Найалла взяла записку и, скользнув взглядом сначала по ней, затем по письму, отложила ее в сторону.

— Держу пари, я первой найду этого прохвоста! — воскликнула она и, улыбнувшись отцу, быстро схватила следующую записку.

Найалла оказалась права. Спустя какое-то время она действительно извлекла записку, которая содержала в себе имя, написанное тем же почерком, что и само письмо. С довольным видом девушка протянула найденный клочок бумаги отцу и насмешливо произнесла:

— И кто же такой этот Колокольчик?

Спустя несколько минут Найалла впорхнула в комнату младшей сестры и, счастливо улыбаясь, запрыгнула к ней на постель. Арайа как раз заканчивала читать «Историю Юга», когда пальцы старшей Двельтонь сомкнулись на уголке книги и стремительно вырвали ее из рук девочки.

— Рассказывай! — выпалила Найалла, не в силах больше ждать. Арайа вскинула бровь, вопросительно глядя на сестру, отчего в этот самый миг стала особенно похожа на Родона.

— Кажется, мы договаривались, что пока вы с отцом не помиритесь...

— Мы уже давно помирились, к тому же еще и вычислили анонима, который заваливал отца дурацкими письмами про ведьм.

— Неужели? — Арайа все еще недоверчиво смотрела на сестру.

— Этот аноним — Колокольчик. От кого я могла узнать про это прозвище, если не от отца? — с этими словами Найалла улеглась на живот и положила захваченную книгу на пол. — О, ради небес, не томи меня. Если не веришь, сходи к отцу, он сам тебе скажет, что у нас все хорошо.

— Ладно, я верю! — Арайа довольно улыбнулась, а затем чуть тише произнесла, — про что ты хочешь узнать? Про выступление Пустынных Джиннов? Или, может, про даму с арфой в виде госпожи Агль? Или про очередной отвратительный спектакль госпожи Бокл?

— Почему отвратительный? По-моему, ее постановки довольно смешные, — протянула Найалла. Но уже через миг, испугавшись, что сестра начнет рассказывать не с того конца, напрямую поинтересовалась, присутствовал ли на празднике доктор Эристель.

Арайа кивнула.

— Отец крайне удивился, когда увидел его в толпе. Даже пошутил, что господин лекарь напоминал щенка, который угодил в водоворот, и, кстати, именно поэтому пригласил его к нам в ложе.

— Эристель сидел подле отца? — недоверчиво переспросила Найалла, чувствуя, что от волнения вот-вот разучится дышать.

— Прямо на твоём месте, — хихикнула девочка.

— О, небо! О чем они говорили? Эристель что-то спрашивал обо мне?

Арайа отрицательно покачала головой.

— Лишь спросил, насколько ухудшилось твое состояние, раз ты не явилась на праздник. А говорили они больше о прошлом самого доктора Эристеля.

В тот же миг девочка чуть нахмурилась. Она не была уверена, что стоит рассказывать сестре о том, что лекарь несколько подправил свою историю жизни и что Родон его в этом уличил. С одной стороны, Арайа не видела ничего такого, в чем господин Эристель провинился, но, с другой стороны, ей, как и отцу, хотелось понять причину его лжи. Затем девочке вдруг вспомнилось холодное лицо доктора с пустыми, точно глазницы черепа, глазами. От этой мысли Арайе стало не по себе, и она замолчала.

— Ну же, рассказывай дальше! — нетерпеливо потребовала сестра.

— Можно я кое-что скажу тебе, а ты пообещаешь выслушать меня и подумать о сказанном безо всякой обиды?

Взгляд Найаллы стал более настороженным, и веселая улыбка немедленно сошла с ее губ.

— Говори...

Несколько секунд Арайа молчала, пытаясь собраться с мыслями и найти нужные слова, а затем произнесла практически шепотом:

— Мне кажется, что доктор Эристель — не совсем тот, кем хочет казаться. Понимаешь, он... Он вроде бы хороший человек, который помогает горожанам, но при этом меня не покидает ощущение, что он всего лишь играет роль. Я наблюдала за ним во время торжества, и его улыбка казалась мне какой-то нарисованной, ненастоящей. Найалла, ты — моя старшая сестра, ближе тебя и отца у меня никого нет, поэтому, пожалуйста, я тебя очень прошу, перестань искать с доктором Эристелем встреч. Этот человек не для тебя, он не сделает тебя счастливой. Я вообще сомневаюсь, в состоянии ли он приносить кому-то счастье. Я понимаю, что тебя привлекает его необычная внешность, тонкие черты лица, бледная кожа, молочно-белые волосы. На фоне смуглых южан он, бесспорно, выделяется, как луна на беззвездном небе. Но ты не должна смотреть только на его внешность. Говорят, снег тоже красив, но он никогда никого не согреет. Вы слишком разные, моя милая, дорогая сестра. Ты теплая и солнечная, он же напоминает промозглый туман. Ему нужна другая женщина, больше похожая на него, а тебе — другой мужчина, такой же светлый и жизнерадостный, как ты.

Найалла слушала свою сестру, не перебивая и мысленно удивляясь серьезности ее слов. Тринадцатилетняя девочка рассуждала, как их отец, но при этом нежность в ее голосе напоминала их покойную мать. Однако последняя фраза, произнесенная Арайей, разом перечеркнула произведенный эффект.

— Как складно ты говоришь, — произнесла Найалла, и в ее голосе послышался холод. — Так складно, что и не скажешь, что маленькая. И улыбку его рассмотрела, и черты лица. Такое ощущение, что никакого представления вам на празднике не показывали, раз ты только и делала, что смотрела на Эристеля. Говоришь, ему нужна другая женщина? Не такая веселая и жизнерадостная? Может, ты имеешь в виду себя? Сидишь, как затворница, за книгами, балы презираешь, танцевать отказываешься. Даже на праздник города ходишь только потому, что тебя якобы обязывает положение. Вот тебе и сестричка... Кто бы мог подумать, что такая маленькая, а уже засматривается на чужих кавалеров.

— Нет, Найалла, все не так! — девочка растерянно смотрела на сестру, все еще надеясь, что та вдруг расхохочется и закричит: «Провела! Провела!». Но Найалла не шутила. В ее глазах стояли слезы обиды, губы дрожали, а грудь вздымалась так часто, словно девушка с трудом сдерживала рвущиеся из нее рыдания.

— Найалла, пожалуйста...

— Замолчи! — оборвала ее старшая сестра, поднимаясь с постели так резко, словно рядом с ней лежала ядовитая змея. — Ты еще маленькая! Тебе вообще еще нельзя думать о мужчинах! Если отец узнает, то так тебя накажет, что ты больше никогда ни на кого не посмотришь. Тебе еще рано влюбляться! Читай свои дурацкие книжки и играй в куклы, а не засматривайся на моего мужчину. Знаешь, почему он пришел на праздник? Потому что я передала ему записку, что хочу увидеться с ним. И раз он пришел, то также ко мне неравнодушен. А ты просто маленькая глупая девчонка, которая влюбилась в него, и теперь завидуешь!

Лицо Арайи вспыхнуло ярким румянцем. Слова сестры вызвали у нее удивление, обиду, непонимание, но еще сильнее этих чувств оказался стыд. Необъяснимый, горячий, уродливый, словно Арайа сделала нечто настолько постыдное, что даже небеса непременно должны от нее отвернуться.

Не дожидаясь ответа, Найалла выскочила из комнаты и громко хлопнула дверью. Только после этого Арайа почувствовала, как по ее щекам текут крупные слезы. Она

судорожно вздохнула, пытаясь справиться со своими эмоциями, затем поспешно провела ладонями по лицу.

«Успокойся. Успокойся, пожалуйста!» — повторяла она сама себе. «Плачут только дети... Глупые маленькие дети, которые не умеют держать себя в руках. Арайа Двельтонь не должна реветь. Никогда».

Девочка не хотела признавать, что, несмотря на громкую фамилию, она до сих пор еще ребенок. Ей было проще верить, что это слезы бессильной ярости, недостойные настоящей дамы из приличной семьи. Сестры Двельтонь ссорились часто, но еще никогда в жизни их разногласия не причиняли такой боли. Арайа не могла вспомнить, когда последний раз плакала из-за обиды на сестру, да и конфликты были настолько пустячными, что решить их можно было простыми объятиями. Вот только в этот раз слова Найаллы обожгли ее, словно раскаленное железо, и эта рана могла еще долго причинять девочке боль. Обвинения старшей Двельтонь были необоснованны и от этого еще более унижительны.

Единственное, в чем Арайа никак не могла разобраться, так это в чувстве стыда, которое почему-то охватило ее, словно она оказалась застукана за воровством. Арайа впервые подумала о том, что доктор Эристель красив, только после того, как произнесла это вслух. А теперь от этой мысли лицо девочки вновь залилось румянцем.

III

В доме доктора Эристеля в это утро было непривычно тихо. Несмотря на то, что время близилось к полудню, шторы до сих пор плотно завешивали окна, отчего в комнатах царил мягкий полумрак. Пахло деревом, сушеными травами и какими-то терпкими лекарственными настойками, которые Эристель прописывал больным. Обычно первые посетители являлись на осмотр еще до рассвета, чтобы с восходом солнца успеть на работу. То были преимущественно представители низших сословий, у которых никогда не водилось в кармане лишнего медяка. В каком-то смысле остальные здешние лекари испытали облегчение, так как с появлением Эристеля у них отпала проблема бороться с муками совести, что они в очередной раз отказали в помощи бедняку. Нацепив на себя ласковые улыбки, доктора немедленно отсылали своих нищих посетителей к Эристелю, который якобы намного лучше разбирался именно в их недугах. В каком-то смысле северянину действительно приходилось разбираться в недугах намного лучше хотя бы потому, что бедняки запускали свои болезни настолько, что едва отличались от лежащих на кладбище мертвецов. Их тела покрывались нарывами и язвами, раны чернели и гноились, легкие раздирали кровавый кашель, а вены вздувшейся паутиной расцветали под кожей.

Про Эристеля говорили, что он работает с живыми мертвецами, и, когда те каким-то чудом выздоравливали, некоторые врачи не могли удержаться от язвительного высказывания, мол, зачем продлевать жизнь всякой швали, от которой город всеми силами пытается очиститься. «Шваль» выживала до неприятного часто, возвращалась в свои лачуги и продолжала копошиться, пока болезнь не попытается снова лишить их жизни.

Амбридия Бокл себя к швали не относил. Когда она направлялась к дому Эристеля, то искренне надеялась, что никакой нищий не пристанет к ней, выпрашивая на лечение очередной медяк. Как-то раз во время подготовки к спектаклю Амбридия случайно разговорилась с представительницей высшего сословия касательно городских бедняков. Дизира Агль бросила фразу, что надо бы подговорить доктора Эристеля заменять лекарства ядом, который с легкостью очистит город от нищеты и стариков. К последним Дизира испытывала особое отвращение, так как считала, что эти беспомощные существа не

приносят городу никакой пользы и давно отжили свое.

Госпожа Агль несколько раз выгоняла с работы кучеров только потому, что те останавливали повозку, если какая-то жалкая старуха не успевала перейти улицу. Особенно ее разозлил Лагон Джиль, когда ослушался приказа и не ударил кнутом пожилого мужчину. Старик рассыпал яблоки посреди дороги и силился их собрать. В тот день Дизира Агль торопилась на ужин к семье Двельтонь, отчего была особенно раздражительна. Шел сильный дождь, улицы развезло, и земля словно подернулась пленкой жидкой грязи. Когда Лагон остановил повозку, Дизира пришла в ярость и потребовала, чтобы тот подогнал проклятого деда хлыстом. Джиль кивнул, спрыгнул с козел и, держа кнут в руке, направился к старику. Однако, вместо того, чтобы ударить его, он опустил кнут подле мужчины и принялся помогать ему собирать яблоки. Когда последнее улеглось обратно в корзину, Лагон подмигнул старику и направился обратно к карете. Подобное непослушание заставило Дизире задрожать. Ее лицо покрылось красными пятнами, губы превратились в тонкую ниточку, а глаза сверкнули такой ненавистью, что ее сухонькое личико показалось уродливым. Лагон приблизился к карете, распахнул дверцу и, несмотря на жуткий визг и угрозы, вытащил женщину под дождь и толкнул в грязь. После этого он весело рассмеялся и, потешно откланявшись, направился прочь.

В тот день в замок Родона госпожа Агль так и не попала. Во-первых, ее роскошное розовое платье из перьев свалялось, отчего дама напоминала мокрую курицу, угодившую в лужу, а, во-вторых, она оказалась посреди улицы без кучера, и ей пришлось долго ждать, пока кто-нибудь доставит ее домой. Продрогнув в мокрой одежде, она слегка захворала и еще неделю не выходила на улицу. Разумеется, Лагон был наказан за свое нападение на госпожу. Начальник стражи приговорил его к десяти ударам розгами на главной площади, а после виновник еще неделю провел в подземельях.

Госпожа Бокл приблизилась к дому Эристея и несколько раз требовательно постучала. Она раздраженно поджала губы оттого, что ей не открыли в первую же секунду, и собралась непременно высказать свое недовольство доктору. К Эристею она всегда относилась с откровенным презрением, в первую очередь потому, что тот работал со столь убогими больными. Она до сих пор не могла поверить, что Родон Двельтонь пустил этого жалкого докторишку на свой порог и к тому же доверил ему свою старшую дочь.

— У вас помрешь на пороге, пока дождешься, когда наконец откроют! — бросила она в лицо Эристея язвительную насмешку, едва тот распахнул дверь. — Ну, и где же мой сын? Вы уже убили его или все еще пытаетесь?

— И вам доброго утра, госпожа Бокл, — губы лекаря тронула улыбка. — Умиряющие не стучат так яростно, поэтому я не счел нужным торопиться. Что касается вашего сына, то он уже ушел, сообщив, будто мать рассердится, если он немедленно не явится домой.

— Что значит ушел? — Амбридия скрестила руки на груди, сверля Эристея недоверчивым взглядом. — Если бы мой сын так сказал, он бы приполз домой даже полумертвым, потому что воспитан так, что никогда не расстроит свою мать. Тем не менее домой Корше так и не вернулся. А это означает, что он все еще у вас.

— У меня его нет, — коротко ответил Эристель. Теперь в глазах доктора появилась презрительная ирония, и Амбридия моментально заметила эту перемену.

— Послушай меня, докторишко, — процедила сквозь зубы она. — Ты, видимо, не очень хорошо понимаешь, с кем связался. Позволь мне тебе объяснить. Я знакома с такими людьми, что одно мое слово вышвырнет тебя за пределы этого города, и ты никогда сюда

больше не вернешься. Если ты решил мне так отомстить за спектакль, то, клянусь небесами, ты за это заплатишься. Если мой Корше немедленно не вернется домой, тебя высекут на глазах у всего народа, а потом выгонят как шелудивую псину.

На миг на лице Эристея отразился наигранный испуг, но уже через секунду он тихо рассмеялся.

— Да вы весьма опасны, госпожа Бокл. Не удивлюсь, если ваш многострадальный сын сбежал от вас туда же, куда и супруг. В мире вряд ли найдется храбрец, который в состоянии дожить с вами до глубокой старости. Теперь я вынужден с вами распрощаться. Меня ждет работа.

Прежде чем Амбридия успела ответить, дверь захлопнулась перед ее лицом. Несколько секунд женщина тупо пялилась перед собой, а затем разразилась такой бранью, что из окон соседних домов начали выглядывать люди.

— Он убил моего сына! О, небеса! Это чудовище убило моего маленького Корше!

Спустя несколько минут несколько десятков горожан уже барабанили в дверь Эристея, требуя, чтобы тот вернул женщине ее сына. Жалобные всхлипывания Амбридии не могли не впечатлить сердобольных горожан, и теперь каждый пытался выкрикнуть в адрес доктора какую-то угрозу. Это могло продолжаться до самого вечера, пока на улице не показался один из стражников. Когда он сообщил, что один из караульных видел, как Корше покинул город и направился в сторону соседнего города, наступила неловкая пауза.

Но вот до Эристея донеслось новое обвинение, мол, это он настроил мальчика против любящей матери, чтобы отомстить ей за шутки в ее спектакле. Этот аргумент показался горожанам менее весомым, и постепенно они начали расходиться. К тому времени их уже ждало нечто куда более интересное.

Все больше и больше людей стекалось на городское кладбище, где с минуты на минуту должен был выступить сам Родон Двельтонь. Весть о смерти юной Шаоль разнеслась так быстро, что в первый миг горожане не знали, как на это реагировать. Кто-то упрямо повторял, что такое никак не могло случиться, мол, подумаешь, глупая шутка в спектакле, но те, кто знали историю более подробно, сейчас пребывали в ужасе. С чувством стыда женщины вспоминали, как накинулись на девушку, обзывая ее блудницей, мужчины, в свою очередь, неловко отводили глаза, уже протрезвевшие и осознавшие всю глубину их жестокости. Разумеется, вслух они говорили, что спектакль тут ни при чем и впечатлительная девочка повесилась из-за насильников. Оскорбления на главной площади они и вовсе пытались выставить шуткой, будто никто на самом деле блудницей ее не считал. Однако были и те, кто говорил, что Шаоль не повесилась бы, будь она на самом деле невинной. Вешаются только те, кто действительно занимался грязью, и, когда об этом все узнали, Шаоль попросту устыдилась.

Тело погибшей девушки поместили в Склепе Прощания, выполненном из белого мрамора, где покойная будет находиться трое суток, прежде чем ее предадут земле. Склеп представлял собой небольшое строение в самом центре кладбища, от которого могилы расходились в виде спирали как нечто, символизирующее бесконечность. По краям широких ступеней были выложены цветы, а у самого входа горели лампы, свет которых означал, что в склепе находится усопший. После погребения на кладбище вновь воцарялась темнота, являвшая собой глубину скорби родственников ушедшего. В Дни Прощания любой житель города мог приблизиться к открытому гробу, чтобы в последний раз увидеть покойного, возложить цветы или прочесть молитву.

Головка Шаоль Окроз покоилась на голубой подушке, которую несколько лет назад сшила для нее мать. Тело девушки было облачено в тонкое белое платье, отчего она выглядела еще более юной и невинной, чем при жизни. Пышные рыжие волосы рассыпались по плечам, и лишь несколько прядей слегка обвивали широкие белые ленты. Ладони девушки покоились на груди, и казалось, что она всего лишь заснула, однако горожане знали, что под толстым слоем пудры скрываются искусанные в кровь губы и кровоподтеки, оставленные руками насильников. Напудрены были даже ресницы и брови девушки, отчего ее лицо выглядело совершенно кукольным.

Родон Двельтонь появлялся на похоронах крайне редко, поэтому люди внутренне содрогнулись, предчувствуя его гнев. Сотни глаз устремились на бледное лицо мужчины, на фоне которого даже розы, которые он держал в руках, не казались такими уж белыми. Родон поднялся на верхнюю ступень Склепа Прощания, и его губы дрогнули, когда он увидел мертвую девушку. Она была ненамного старше Арайи, и при мысли о собственной дочери по коже мужчины пробежал холодок. Среди присутствующих он не увидел Амбридии Бокл, но это ему не помешало впервые высказать о ее спектаклях то, что давно уже было пора. Не было среди собравшихся и Эристея, который либо не знал, что случилось в городе, либо не пожелал знать. Труднее всего Родону было смотреть на избитое лицо господина Окроз и его почерневшую от горя супругу. Оба глядели вперед, куда-то сквозь говорящего, не слыша ни единого его слова, а, когда Двельтонь возложил цветы, госпожа Окроз пошатнулась и потеряла сознание.

Инхир Гамель провел весь этот день в соседнем городе, где вместе с отрядом солдат пытался найти двух сбежавших. Вернулся он глубоко под вечер, уставший и совершенно разбитый. Утром Родон наверняка снова вызовет его к себе, но пока что результаты поисков были неутешительными. Грубо выругавшись, мужчина вошел в кабинет и тяжело опустился в кресло. Требовательный стук в дверь заставил его вздрогнуть от неожиданности. В тот же миг на пороге возник Гимино Штан.

— Значит, вот так вы держите обещания в своем проклятом городе? — произнес он угрожающе тихо, и начальник стражи вновь крепко выразился, вспомнив, что обещал этому юноше помочь найти его сестру.

— Послушай, сынок, день был такой, что хоть в пекло прыгай. Я замотался как трактирная шляха и совершенно забыл, что нужно было... А, впрочем, плевать! Что с сестрой твоей? Вернулась домой?

— Я говорил вам, что она пропала. Вы же сказали, что все хорошо, что она всего лишь развлекается с мужчиной.

— Сынок, я сказал это потому...

— Не называйте меня «сынком»! Будь я вашим сынком, вы бы никогда не позволили себе так ответить. Вы бы искали свою дочь как обезумевший, а не давали пустых обещаний. Проклятье, если бы я знал, что всего лишь теряю с вами время...

— Должно пройти три ночи с..., - начал было Инхир, но Гимино резко перебил его.

— Горите вы все в пламени! Я буду смеяться, если однажды ваш город превратится в пепел.

В тот же миг глаза юноши окрасились желтым и, прежде чем Гамель успел среагировать, весь кабинет оказался охвачен огнем. Начальник стражи с трудом успел прохрипеть одно-единственное заклинание, которым владел, после чего на шее Гимино проступила печать, и огонь погас.

— Совсем голову потерял! — выкрикнул Инхир и тут же сильно закашлялся. На глазах выступили слезы, которые Гамель раздраженно стер рукавом камзола. Весь кабинет превратился в содержимое камина после холодной зимней ночи. Едкий запах, гарь и копоть буквально пронизывали всю комнату, отчего дышать стало практически невозможно.

Гимиро растерянно смотрел на начальника стражи, прижимая ладонь к шее и до сих пор не веря, что Гамель владеет магией ничуть не хуже него самого.

— Что глаза пялишь? — рявкнул Гамель, окончательно разозлившись. — Думал, Родон поставит начальником стражи какого-нибудь молокососа? А теперь слушай меня, сынок, я не буду сечь тебя на главной площади или привязывать к позорному столбу на потеху толпе. Твоя злость мне совершенно понятна. Но вот за твою несдержанность отправлю тебя ночевать в подземелья. Сам разберусь с твоей сестрой.

— Будьте вы прокляты! — закричал юноша и попытался ударить Инхира кулаком. Но и здесь начальник стражи превзошел его, мигом скрутив и поставив подле себя на колени.

— Я и так уже проклят, — прохрипел Гамель. Он выволок буйного посетителя за порог кабинета и передал первым попавшимся стражникам, чтобы те оттащили его в подземелья.

Было глубоко за полночь, когда Гимиро проснулся от какого-то то ли скрипа, то ли лязга. Прислушавшись, он различил звук, похожий на тот, который издает металл, когда его волокут по каменной поверхности. Затем он услышал, как что-то железное с грохотом упало на пол, и в тот же миг дикий крик ужаса эхом прокатился по подземельям.

Темница представляла собой башню, которая уходила глубоко под землю, поэтому Гимиро не мог знать, что на других этажах подобные крики повторялись еще три раза.

IV

Ночи в маленьких городках славятся своей молчаливостью. Именно в это время суток местные жители предпочитают не только спать, но и не слышать, не видеть и, желательно, не разговаривать. Ближе к полуночи улицы стремительно сбрасывают с себя шкуру людской суеты, после чего по обнаженной брусчатке начинают разгуливать суеверия. В эти часы снаружи остаются разве что пьяницы, о которых не будут скорбеть даже винные лавки, да сумасшедшие вроде полоумного Игши. Разумеется, нельзя не упомянуть и городскую стражу, которая якобы должна следить за порядком на улицах, отчего трактир «Подкова» прекрасно позволяет совмещать приятное с полезным: здесь тепло, особо отзывчивые женщины, и в случае проверки всегда можно найти какого-нибудь дебошира. Дебоширами этими чаще всего оказывались спящие под лавками выпивохи, которые имели неосторожность вырубиться раньше, чем дошли до собственного дома, и на которых проще всего повесить придуманное обвинение.

Когда же в городке на самом деле случалось нечто интересное, разговоры стражи с местными жителями практически никогда не приносили пользы. Люди разом становились слепыми, глухими и крайне молчаливыми. Каждое слово нужно было буквально соскребать с языков свидетелей, отчего расследования Гамеля Инхира сильно растягивались по времени. Начальник стражи не любил заниматься той работой, которую был в состоянии перепоручить, но ситуация с пропавшей Лавирией Штан вызвала у него неподдельную тревогу. Ее брат-близнец за считанные секунды умудрился уничтожить внушительных размеров комнату, и Гамель не мог игнорировать тот факт, что похитителя скорее всего заинтересовали именно способности девушки. Лавириа не уступала своему брату в мастерстве, отчего можно было предположить, что пропавшая все еще жива и дожидается своей участи в подвале какого-нибудь неприметного дома. Мысль о том, что девушка

попросту ушла из города, отпала, как только Инхир получил доклад от своих дозорных: за это время ни одна женщина за черту стен не выходила.

Ближе к рассвету Гамель решил вернуться домой, чтобы позволить себе поспать хотя бы несколько часов. Этот день вымотал его настолько, что Инхиру не верилось, что солнце вообще когда-нибудь зайдет за горизонт. Однако ночь долгожданного отдыха так и не принесла. Затраченное на поиски пропавшей время не окупилось, а первые лучи рассвета швырнули в лицо Гамеля такую новость, что даже он не мог не содрогнуться.

Дагль Иклив, бледный как призрак, встретил начальника стражи у входа в темницы. Прежде чем заговорить, он несколько раз судорожно сглотнул, точно пытался вытолкнуть из одеревеневшего горла хотя бы приветственное слово. Обычно спокойные глаза Дагля теперь лихорадочно блестели, и в их глубине Гамель впервые прочитал неподдельный ужас.

— Как это случилось? — резко произнес Инхир, смерив подчиненного уничтожающим взглядом. Единственный человек, в чьи смены никогда ничего не случалось, был Дагль, но именно в этот проклятый день даже он умудрился принести дурные вести.

Вместо того, чтобы произнести хоть что-то внятное, Дагль лишь растерянно смотрел на своего начальника. Он снова сглотнул и облизал пересохшие губы, будто надеялся, что на них еще остались крошки вчерашних слов.

— У меня..., - Иклив начал и тут же прервался, чем вызвал у Гамеля новую волну раздражения.

— Не мямли, солдат!

— У меня нет объяснения, главнокомандующий. У такого... Не бывает объяснений.

Инхир не верил своим глазам. Обычно собранный и невозмутимый, теперь Дагль напоминал испуганного ребенка, который заглянул в лицо своему кошмару. Мысленно выругавшись, Гамель оттолкнул от себя солдата и стремительно спустился вниз по лестнице, желая увидеть произошедшее лично.

Позже начальник стражи с трудом вспомнит, как добрался до подземелий, но то, что он в них нашел, запомнилось до мельчайших деталей. Увиденное буквально впечаталось в мозг и еще долгое время сочилось в памяти подробностями, словно гнойная рана.

В нескольких камерах от той, где был заперт Гимиро Штан, содержался не кто иной, как Зеинд Клоэф, более известный в городе под кличкой Рубило Кло. Свое громкое прозвище он получил за то, что среди местных лесорубов лучше всех управлялся с топором, и объемы проделанной им работы могли поразить даже самых опытных работников. Зеинд представлял собой крепкого рослого мужчину с темной от загара кожей. Глаза его были голубыми, а в сочетании с черными волосами казались особенно светлыми. Среди женщин он пользовался популярностью, вот только сердце его не принадлежало ни одной из них. Несмотря на свой внешний вид, Зеинд не искал быстрых связей. Напротив, он предпочитал опыту невинность, отчего юная Шаоль Окроэ представлялась ему весьма лакомым кусочком. Девочка эта, по его мнению, была что надо: белокожая, тонкая, хрупкая, практически невесомая. Она напоминала ему ландыш, который буквально пах свежестью и невинностью, и этот самый ландыш ему не терпелось сорвать. Наверное, в этом году Клоэф даже решил бы предложить ей руку и сердце, если бы не небольшой спектакль, шуточный настолько, что стало совсем не смешно. То, как после сценки, Шаоль бросилась прочь, и как другие мужчины грязно прикасались к ней, вызвало у Зеинда приступ ярости. Однако гнев его был направлен только на юную Окроэ, которая каким-то образом позволила всему происходящему совершиться. Девушка, которую Клоэф считал невинной, оказалась не лучше

трактирной девки, которую могли хватать все, кто хотел испачкать ладони, и тогда Зеинд решил, что он тоже не прочь испачкаться. Выпитый алкоголь только добавлял ему решимости, а веселые подбадривания друзей-лесорубов еще больше горячили кровь.

Теперь же кровь Зеинда остыла и свернулась, а его тело представляло собой месиво из костей и плоти. Привыкший ко многому Инхир почувствовал приступ дурноты, глядя на то, что когда-то именовалось человеком. Зеинд Клоеф оказался зарублен топором, причем тот, кто это совершил, был явно безумен. Куски тела валялись по всему периметру камеры, кровь окрашивала пол бордово-коричневыми лужами, но самым страшным выглядело лицо убитого, чьи глаза в ужасе вылезали из орбит.

Судорожно сглотнув, Инхир отвел глаза и посмотрел на стоящего рядом Дагля.

— В остальных трех камерах?

— То же самое, главнокомандующий.

— Проклятье!

Это единственное, что смог произнести Гамель. У него никак не укладывалось в голове, кто мог совершить такое с людьми, которые и так были приговорены к смертной казни через повешение. Родон лично подписал приговор и объявил о нем в своей речи на кладбище. Но, видимо, кто-то так и не смог дождаться...

Мысли о том, что подобное совершил отец девушки, отпадали хотя бы потому, что старик едва держался на ногах и все это время находился у доктора Клифаира. Его супруга, хоть и выглядела помешавшейся, тоже вряд ли сама могла проникнуть в подземелья.

— А что это с замком? — внезапно произнес Инхир, поднимая ржавый кусок металла, который немедленно развалился еще на две части. — Вы что, совсем обезумели закрывать пленных вот на это?

С этими словами Гамель в гневе отшвырнул замок от себя, но, когда Дагль молча указал на новенькие замки соседних камер, начальник стражи почувствовал, как у него перехватывает дыхание. С минуту он слепо пялился на заржавевший предмет, расколовшийся на несколько кусков, точно глиняная фигурка, и собственный голос прозвучал как-то глухо, словно из-под земли:

— Неужто черная магия...

— Господин начальник, — вот теперь Дагль решил подойти к самому главному. — Стражники могли заснуть на посту, но ни в коем случае все разом. Ни один человек не мог пройти через такую охрану, уничтожить замки, сотворить все это и уйти прочь незамеченным. Возможно, вы поднимите мои действия на смех, но я тоже подумал о черной магии, поэтому отправился на городское кладбище. Платье покойной оказалось перепачкано кровью, и я боюсь, что это не жест правосудия со стороны какого-то любящего ее человека. Боюсь, что Шаоль Окроэ наказала своих насильников сама.

Гамель встретился взглядом со своим подчиненным, чувствуя, как по его коже рассыпаются мурашки. Холодный липкий страх начал проникать под кожу вместе с сыростью подземелий, а в памяти всплыла картина, как некто расправился с обидчиками двуглавого Точи, хвастливо развесив их тела на позорных столбах. Тогда преступник так и не был найден, но теперь все складывалось.

— Отправь в дом Шаоль Окроэ солдат, пусть обыщут каждый проклятый угол и найдут мне доказательства, что девка или ее полоумная мать практиковали черную магию! — резко произнес Инхир, и его глаза гневно потемнели. — Не хватало еще, чтобы эти одержимые суки вершили правосудие в моем городе.

— А если ничего не обнаружится? — усомнился Иклив. — Я не говорил, что именно девушка практиковала черную магию. Быть может...

— Продолжим у меня в кабинете, — резко перебил его начальник стражи. Он еще раз с отвращением посмотрел на кровавое месиво на полу камеры, и первым направился к лестнице.

Спустя несколько минут оба мужчины скрылись в новой комнате, выделенной для Гамеля, пока прежняя будет отстраиваться заново.

— Послушай, Дагль, — произнес мужчина, присаживаясь в кресло. — Родон Двельтонь крайне не любит, когда преступления остаются нераскрытыми. Он едва не вышвырнул меня с должности в прошлый раз лишь потому, что я не знаю, кто расквитался с обидчиками двуглавого уroda. А теперь история ясна, как никогда. Вместо того, чтобы вышивать по вечерам, малышка Окроз и ее чокнутая мамаша с помощью колдовства уничтожали негодных. Все сходится!

— Но, господин начальник, если у нас не будет доказательств...

— Значит, сделаешь так, чтобы доказательства были. Подложишь пару книжонок одной из Окроз под матрац, и мы закроем это дело раз и навсегда.

— Господин Гамель, я... Я не могу так. Наши семьи всегда были дружны, и... Вы же знаете, какому позору подвергнете отца девушки. Он и так лишился дочери, неужели вы готовы еще и отправить на костер его супругу? Несчастливая девочка была изнасилована и наложила на себя руки, а теперь ей еще и будет отказано в погребении. Тело ее так же предадут огню!

— Ах вот как ты закудахтал, Дагль! А ты подумал, что будет с твоей семьей, когда начальником стражи поставят кого-нибудь еще? Я дал тебе обещание, что твой сын когда-нибудь займет мою должность, но тебя ведь больше заботит подошедшая ведьма, которая никак не хочет утихомириться. Иклив, не будь дураком. У нас в городе творится нечто необъяснимое. Двуглавый Точи не мог самостоятельно надругаться над телами своих обидчиков. Доктор Эристель говорил, что все это время он находился с ним, и его слова подтвердили еще несколько больных. А здесь — девка в окровавленном платье, да еще ее насильники, порубленные в месиво. Да обезумевшая старуха, которая не может выдать из себя ни слова, лишь таращится в никуда, как выброшенная на берег рыба. Открой глаза, Иклив! Я понимаю, что это твои друзья, и ты хочешь защитить их, но, проклятье, посмотри вокруг. Они действительно чернокнижники. Молодая ведьма наложила на себя руки, чтобы стать сильнее и обрести бессмертие. Она поднялась из могилы и уничтожила своих врагов. Или же, это сделала ее мать, а затем измазала платье дочери кровью, чтобы показать ей, что она отомщена. Других вариантов здесь быть не может. Этим же показушничеством занимались те, кто убили врагов двуглавого уroda. Слышишь меня?

— Да... Наверное, — выдохнул Дагль. Он затравленно смотрел на своего начальника, не в силах поверить в то, что Гамель говорит серьезно. Инхир всегда представлялся ему справедливым человеком, но, видимо, когда дело касалось его должности, моральный компас Гамеля уже был не с такими прямыми стрелками. С одной стороны, начальник стражи рассуждал верно, и картинка складывалась как нельзя четко, но, с другой стороны, приговорить человека к смерти на основе подброшенных улик, Дагль попросту не мог.

— Вы можете поручить это кому-нибудь еще? — чуть помявшись, произнес Иклив. — Я никому не скажу о нашем разговоре....

— Ты о нем не скажешь, потому что сделаешь все сам, в противном случае своей

болтовней подставишь нас обоих.

С этими словами Инхир извлек из стола небольшой предмет прямоугольной формы, обернутый в плотную бумагу и перевязанный шерстяной веревкой.

— Только не распаковывай, а то еще, упаси небо, подцепишь проклятье, — предупредил его начальник, и Даглю ничего не оставалось, как взять книжку и сунуть ее под ткань камзола.

— Тогда я поехал, — пробормотал мужчина и, чуть поклонившись Гамелю, стремительно направился прочь.

— Ты еще спасибо мне скажешь, Иклив. То, что мы сейчас делаем, спасет этот несчастный городишко. Вот увидишь. Даже если у меня не будет доказательств, я точно знаю, что прав.

В тот же миг в глазах Дагля отразилось отчаяние, и он тихо прошептал:

— Или пощади нас небо...

V

День Лукио Жикирь не задался с самого начала. Не потому, что нога все еще побаливала, и ступать на нее по-прежнему лишней раз не хотелось, а потому, что его супруга сегодня собиралась заглянуть к доктору Эристелю, чтобы наконец заплатить за его услуги. Консультация у врача стоила недорого, но мазь, которую предоставил лекарь, в эту цену не входила, отчего Матильда с самого утра пребывала в бешенстве. В вопросах денег эта женщина была непреклонна, как скала, а если дело касалось непредвиденных расходов, то в эти минуты Лукио предпочитал и вовсе держаться от нее подальше.

С самого утра большая Ма ходила по дому, раздраженно поджав губы. Робкое «доброе утро» со стороны мужа она проигнорировала, но тарелку с завтраком швырнула на стол с такой яростью, что она проскользила по поверхности еще добрый метр. В этот миг Лукио в очередной раз проклял себя за то, что вообще согласился на женитьбу. Матильду ему присмотрел отец, считавший своего сына тюфяком, который никогда бы не нашел себе невесту самостоятельно. До брака Тили и впрямь была довольно милой, однако спустя несколько месяцев начала стремительно меняться, причем не в самую приятную сторону. В первую очередь Матильду заботили деньги, и все было бы терпимо, если бы здоровое беспокойство бедняка не мутировалось в скупость и даже одержимость.

Когда Матильда уже готова была переступить порог и отправиться к доктору Эристелю, Лукио совершил ошибку, задав неосторожный вопрос по поводу стоимости лечебной мази. В тот же миг супруга набросилась на него, словно разъяренная фурия, потрясая перед его лицом внушительного размера кулаками.

— Все рыбаки как рыбаки, только тебя, непутевого, вечно кто-то кусает! — прошипела она. — На что глаза тебе воткнули в голову, если ты не видишь, когда к тебе кто-то ползет? А теперь лежит, увалень, брюхо свое почесывает вместо того, чтобы работать идти. А мне платить! Платить! Сколько грошей ты домой приносишь, столько и отдаем врачам да целителям.

— Тили, смилуйся, я же не нарочно, — взмолился Лукио, словно испугавшись, что жена вот-вот примется его колотить.

— Не нарочно? Конечно же, нарочно! Бездельник! Дармод! Висит на шее, как камень, и не сорвешь, не выбросишь! Зачем я вообще за тебя замуж пошла? Лучшие годы жизни отдала, и кому, спрашивается? Жила бы одна, припеваючи, хозяйством бы занималась. Хорошо хоть сына в подмастерье сапожнику отправила, лишней рот из дома вытолкала.

Услышав о Райаме, Лукио заметно помрачнел. Мальчику было всего одиннадцать лет, когда Матильда нашла для него «работенку» и отправила невесть куда с заезжим сапожником. Довольный старик даже подарил Большой Ма сандалии, отчего та целую неделю пребывала в преотличнейшем настроении.

Заметив, что муж смиренно затих, Матильда еще раз смерила его испепеляющим взглядом, набросила на себя шаль похуже и направилась к лекарю. Всю дорогу до дома Эристея она старательно готовила речь, которая заставит доктора проникнуться и хоть немного уменьшить требуемую сумму, поэтому, когда Эристея открыл дверь, на него смотрели полные печали и боли глаза страдальцы.

— О, господин лекарь, — жалобно произнесла Матильда и, шмыгнув носом, поправила проеденную молью шаль. — Я так благодарна вам, что вы спасли жизнь моему несчастному мужу.

В тот же миг женщина схватила доктора за руку и старательно облобызала ее, словно перед ней стоял представитель духовенства. На секунду Эристея даже опешил, но затем поспешно высвободил пальцы из цепкой хватки Большой Ма и тихо произнес:

— Право, не стоило. Это моя работа, которую вы оплачиваете.

Последнее слово подействовало, как удар кнута. Матильда настороженно посмотрела в глаза Эристею, а затем вновь запричитала:

— Нет, доктор, вы не понимаете! Вы — подарок судьбы! Свет нашего города! Мудрость небес!

— Вы преувеличиваете, — теперь на губах Эристея появилась легкая усмешка. Происходящее начинало его забавлять, однако забавлялся он отнюдь не в хорошем смысле этого слова. Одно дело, когда к нему приходили голодные попрошайки, у которых не то, что на мазь, на крошку хлеба не хватало денег. Здесь же перед ним унижалась хоть и бедная, но далеко не нищая женщина. Однако Матильда презрения не замечала. Она вновь попыталась схватить Эристея за руку, благо, в этот раз доктор был уже готов и вовремя отстранился.

— Я хочу хоть как-то отблагодарить вас! — воскликнула Большая Ма, и в тот же миг достала из-под шали поношенные перчатки своего мужа. На большом пальце одной из них красовалась дыра, на другой — несколько уродливых заплаток. Вдобавок сей роскошный подарок пропах рыбой и даже после стирки сохранял столь удивительный аромат. — Мы из бедных людей, господин Эристея. Каждый день рыщем по городу в поисках куска хлеба. Муж мой сейчас не работает, и мы голодаем. Небо — свидетель, как мы голодаем!

— Я уж вижу, — ответил Эристея. — Что же, пройдите в дом, я угощу вас завтраком.

Услышав это, женщина воспрянула духом и улыбнулась доктору как можно более нежно и благодарно.

«Пусть эта дура Бокл ходит по дорогим лекарям, а я буду ходить к этому, ничего не платя, да еще и завтракая бесплатно!» — подумала Матильда и улыбнулась еще ослепительнее, радуясь тому, какая безмозглая у нее подруга.

Усевшись за стол, женщина с интересом осмотрела обеденную, мысленно прикидывая, сможет ли она что-то незаметно унести из этого дома. К Эристею ходит много всякой рвани, поэтому он вряд ли догадается, кто похитил какую-нибудь безделушку. К сожалению, обеденная была пуста, на деревянных полках не было ничего стоящего, и это несколько омрачило радостное настроение женщины. Зато немедленно родилась новая идея. Наблюдая за тем, как Эристея расставляет посуду и выносит простую, но приличную еду, Матильда испуганно воскликнула:

— О, господин лекарь, вы так щедры и добры ко мне, но я не могу съесть даже крошку, когда мой бедный измученный муж умирает от голода.

На миг лекарь замер. Его пальцы так и не отпустили чашку, которую он поставил перед Матильдой, словно Эристель настолько поразился наглости дамы, что забыл о своих действиях.

— Я попрошу Точи завернуть немного еды, — наконец произнес он и сел напротив женщины. Услышав такой ответ, Большая Ма засияла, словно начищенный медный таз, и с ликованием принялась за еду. Есть она совершенно не хотела, однако в течение всего завтрака впихнула в себя столько, что с трудом поборола приступ дурноты. Доктор наблюдал за этой трапезой совершенно спокойно, однако, когда Матильда сообщила, что ей пора возвращаться домой, в комнату внезапно появилось существо, тень которого заставила Большую Ма подскочить на стуле. Двуглавый Точи опустился подле гостьи на стул и повернул к ней обе головы, слепо пялясь в испуганное лицо Матильды.

— А, Точи..., - улыбнулся Эристель. — Ты как раз вовремя. Заверни госпоже Жикирь оставшуюся еду с собой, и она как раз рассчитается с тобой за мазь.

— За мазь? Но..., - на миг Матильда забыла, как дышать. — Но, доктор...

— Прошу меня извинить за это неудобство, — продолжал Эристель. — Наверное, мне надо было вам сразу сказать, что мазь готовил не я, а Точи, и вам расплачиваться нужно с ним. Я только помог вашему супругу советом.

— Так это... ему можно перчаточки? — выдавила из себя Матильда, чувствуя, что последний кусок хлеба застревает у нее в горле.

— Перчатки нужны в первую очередь вашему супругу. Но вы можете попробовать договориться. Я оставлю вас на пару минут, если вам будет удобнее. Точи прекрасно понимает номинал монеты на ощупь, поэтому моя помощь его только раздражает. Даже травы для мази он различает по шероховатости или по запаху. А варит он и подавно лучше меня!

В тот же миг обе головы Точи уродливо улыбнулись, и женщина ощутила, как ее охватывает страх. Существо таранилось на нее, источая какое-то жестокое безумие, отчего по коже Матильды побежали мурашки.

— Не оставляйте меня с ним! — взвизгнула она, стараясь отодвинуться от двуглавого подальше, а затем поспешно высыпала на стол несколько монет. Если вначале она еще думала слукавить и обсчитать слепого, то теперь радовалась тому, что хотя бы завтрак достался ей бесплатно. Перчатки она, разумеется, забрала с собой, и единственное, что согревало ее по дороге домой, это переданная для Лукио еда.

Уже оказавшись на своей улице, расстроенная женщина успокоилась окончательно, утешив себя тем, что доктор Эристель — редкий простофиля, у которого и дальше нужно лечиться. Главное, заранее договориться, чтобы он предоставлял лекарства своего приготовления. На миг женщина даже посочувствовала бедолаге. Мало того, что его все дурят, так он еще живет с такими чудовищами, что злейшему врагу не пожелаешь. Хотя нет, было бы забавно, если бы двуглавый Точи заявился в дом Амбридии Бокл. Вот бы она визжала.

От этой мысли Матильда невольно улыбнулась и еще крепче прижала к груди полученную еду. Теперь ее настроение заметно улучшилось, и она даже начала тихонько напевать какую-то песню. Ярко светило солнце, на улицах было полно горожан, и она приветливо здоровалась то с тем, то с другим. В то же время зоркие глаза Большой Ма

старательно исследовали брусчатку под ногами в надежде увидеть оброненную кем-то монетку.

Матильда не сразу услышала, как кто-то зовет ее по имени. Погрузившись в собственные мысли и наслаждаясь ласковым теплом утреннего солнца, она не заметила, как к ней через улицу спешил городской стражник.

— Госпожа Жикирь! — в очередной раз позвал он и мягко ухватил женщину за локоть.

— О, небо! Господин Саторг, неужели вам не говорили, что нельзя подкрадываться к даме? — воскликнула Матильда, вздрогнув уже во второй раз за день. — Что это за тараканьи уловки!

— Прощу меня извинить! Я кричу, кричу, а вы меня не слышите, — Файгин виновато улыбнулся и смущенно пригладил свои непослушные темные волосы. — Я к вам как раз направлялся, а тут смотрю, вы идете, ну, я и думаю, дай окликну, чтобы не бежать до вашего дома.

Матильда улыбнулась молодому мужчине, немного смущенная вниманием столь привлекательного солдата. Несмотря на то, что Большая Ма никогда не относилась к разряду красавиц, тем не менее смотреть на интересных мужчин она не стеснялась. Файгин Саторг был высоким и стройным, с выразительными карими глазами, смуглой кожей и иссиня-черными волосами. Именно такие привлекали Матильду больше всего.

— И зачем это такому юному красавцу искать со мной встреч? — кокетливо спросила она, жалея лишь о том, что не умеет иронично вскидывать бровь, как делают это другие женщины.

Файгин несколько смутился, а затем достал из внутреннего кармана камзола письмо с печатью семьи Двельтонь.

— У меня для вас послание. Из замка.

— И о чем же оно? — продолжала улыбаться Матильда. — Ну же, вскрой и зачитай его мне. Может, господин Двельтонь хочет пригласить меня на ужин?

Кокетливая улыбка мигом сошла с полных губ Большой Ма, когда солдатик сообщил, что она обязуется уплатить в городскую казну 163 медяка за подтасовку результатов лотереи. Именно столько раз Матильда успела написать свое имя, прежде чем настал момент уносить кувшин с площади. В тот же миг Файгин Саторг показался Большой Ма настолько уродливым, что на его фоне даже Двуглавый Точи выглядел прекрасным эльфом. Лицо Матильды исказилось яростью, отчего солдат невольно отшатнулся от нее и машинально положил руку на рукоять меча.

— Да ты... Да он... Да я..., - выдавила из себя Матильда, не в силах понять, чего ей хочется больше: броситься на мерзавца с кулаками или разрыдаться. — Я не буду! Я не получала никаких писем!

— Нет, получали! — нахмурился Файгин. — Я только что лично вам его зачитал.

— НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ! — закричала женщина так громко, что прохожие начали на нее оборачиваться. Глаза Матильды затуманились слезами, и она бросилась в сторону дома, уже не оглядываясь на зов оторопевшего солдата.

«Надо сказать Родону, что это была идея Пикинда Грыго. Это он сторожил кувшин и придумал, как получить деньги. Скажу, что он мне угрожал, и мне пришлось...» — в отчаянии думала женщина.

Когда Лукио увидел заплаканное лицо своей супруги, он буквально сжался. Видимо, доктор Эристель оказался не таким простачком, коим рисовала его в своем воображении

Матильда. Рыбак с трудом поднялся с дивана и собрался было поскорее уйти от приближающейся бури, как супруга бросилась к нему на грудь и громко разрыдалась.

— О, Лукио, сами небеса против меня! Мало того, что меня обокрал двуглавый урод, обитающий в подвалах доктора Эристея, так еще и Родон Двельтонь приговорил меня к смерти.

— К смерти? — вырвалось у Лукио. Теперь отчаяние супруги перекинулось на него. — Но за что? Нет, это какая-то ошибка!

— Умру я, несчастная. Все делала для семьи, для дома, жила только ради счастья мужа и сына, а теперь на плаху меня...

— Нет, этого не может быть. Я немедленно отправлюсь к господину Двельтонь. Я скажу, что ты ни в чем не виновата! — с этими словами рыбак крепко прижал несчастную к груди. Но в тот же миг Матильда в ярости оттолкнула Лукио от себя.

— Конечно же, не виновата! Ты виноват, болван проклятый! Если бы тебя не укусила дурацкая змея, я бы не писала сто шестьдесят три раза твою отвратительную фамилию! Пыталась выиграть десять золотых, чтобы оплатить лечение такой бестолковой скотины, как ты! А он еще, видите ли, ножку мочить не может. Возомнил себя Родоном Двельтонь. Может, еще к нему в замок попросишься? Лентяй! Дуралей! Обманщик! Из-за тебя мне велено уплатить 163 медяка. Из-за тебя, пустоголового!

— Так казнят или заберут деньги? — Лукио окончательно растерялся.

— А разве это не одно и то же, дурила? — рявкнула на него супруга. — А я, наивная, все в семью, все тебе на блюдечке подносила, не доедала, не досыпала, а теперь последние гроши должна отдать этому проклятому феодалу. На костях моих пировать будет! А ты... Что вылупился? А ну выметайся из дома и не появляйся, пока не заработаешь денег. Ишь, кабан ленивый! Не может он... Одной ногой постоишь в лодке, тоже мне, немощный! Пшел вон, пока я тебе по второй ноге не захала!

— Сумасшедшая! — вырвалось у Лукио.

— Ты у меня поговори еще!

Уже оказавшись на улице, рыбак все еще слышал, как через закрытую дверь до него доносится брань расстроенной супруги. Он не знал, каким образом ее ограбил Двуглавый Точи, и зачем она вообще придумала обманывать господина Двельтонь, но мужчина четко понимал, что до заката сегодня лучше не возвращаться. В идеале, если Матильда вообще устанет и ляжет спать прежде, чем Лукио осмелится прошмыгнуть обратно в дом. В этот самый момент мысли рыбака устремились в соседний город, где его сынишка возится с чьими-то поношенными сапогами. Интересно, как выглядит он теперь, такой же тощий и низкорослый или, напротив, вытянулся и набрал в весе? Быть может, ему нравится какая-нибудь девочка, о которой ему хотелось бы рассказать отцу. Или, кто знает, возможно, заезжий сапожник жесток к нему и настолько загружает работой, что он окончательно исхудал и осунулся.

Тяжело вздохнув, Лукио еще раз оглянулся в сторону дома и, прихрамывая, потащился к реке. Он надеялся, что в случае неудачи, кто-то из рыбаков сжалится и одолжит ему завалившуюся рыбину, чтобы на рынке за нее выручить хотя бы пару медяков.

I

Лин Стагр или, лучше сказать, Колокольчик, этим утром облюбовал небольшую скамеечку в тени грушевого дерева и теперь старательно перетягивал струны на своей лютне. После вчерашней пьянки голова барда напоминала тяжелый камень, который зачем-то прикрутили к шее и заставили носить до начала следующего дня. То и дело мужчина болезненно морщился и потирал виски. Яркое солнце его раздражало, но именно эту скамейку он выбрал не из-за близости тенистого дерева, а оттого, что она находилась как раз под окнами доктора Клифаира. В планах Колокольчика было выклянчить у старика какое-нибудь опохмелительное зелье, которое в один миг уничтожит все последствия вчерашней пирушки. Разумеется, врачам не улыбалось раздавать свои лекарства бесплатно, но спорить с Лином было себе дороже. В отличие от горожан, которые либо платили врачам, либо выпрашивали у них лекарства, Лин предпочитал использовать совет своего учителя, утверждающего, что истинная сила заключается в музыке. Как выяснилось, для врачей нет ничего ужаснее, чем концерты, устроенные под их окном после полуночи. Даже почтенный доктор Клифаир не выдерживал и, всклокоченный, распахивал окно, чтобы от души побраниться с проклятым бардом. Кто-то вызывал городскую стражу, однако, когда те являлись ловить нарушителя, Колокольчика на месте уже не обнаруживалось.

Этим утром Лин сначала подумывал отправиться к Эристелю, но, вспомнив, как оставил ему избитого Корше, прикинул, что этот доктор в ближайшее время угостит его разве что крысиным ядом. В свою очередь, Клифаира бард не навещал достаточно давно, чтобы можно было заявиться сегодня. Именно поэтому Колокольчик стал первым, кто увидел, как к дому доктора приближается вооруженная стража. Их было человек десять, причем двое из них занимали высокие должности. Они ехали верхом, и Лин невольно приоткрыл рот от изумления, когда разглядел мрачные лица всадников. То были Инхир Гамель, главнокомандующий городской стражи, и Лархан Закэрэль, один из самых опытных светлых магов этого городка. Лархан был человеком скрытным, его практически никто никогда не видел, так как он предпочитал суете отшельничество. За сорок четыре года уединения колдун появлялся в городе всего два раза, и оба случая были связаны с чернокнижниками.

Один из солдат велел Стагру убираться, пока не началась заварушка, после чего остальные стражники выбили дверь и ворвались в дом. До Лина донеслись крики, и вскоре на улицу выволокли Акейну Окроэ, мать девушки, чье тело сейчас лежало в Склепе Прощания. Спрятавшись за угол соседнего дома, Колокольчик, затаив дыхание, наблюдал за происходящим, и увиденное никак не укладывалось в голове. Следом за стражниками на пороге появился муж арестованной и затем уже сам доктор Клифаир.

— Да вы что, совсем стыд потеряли? — кричал старик в бессильной ярости. — Какая она — ведьма, глупцы? Дайте человеку покоя. Еще дочь похоронить не успела, как опять началось какое-то безумие!

— Не ведьма, не ведьма она! — в отчаянии повторял господин Окроэ, пытаясь удержать одного из стражников за локоть. — Позовите начальника стражи, он вам скажет!

— В этом нет нужды. Я уже здесь! — резко произнес Инхир, глядя на несчастного сверху вниз. — В вашем доме обнаружили запретные книги. Я до последнего не верил, что

столь достойная семья занимается черной магией, но господин Закэрэль, величайший маг южных земель, подтвердил, что найденная книга — не что иное, как предмет тьмы.

— Нет, нет, нет! — вскричал Окроэ. — Вы не понимаете. Это какая-то ошибка! Моя жена не может. Она не умеет.

Он перевел испуганные глаза на заплаканное лицо Акейны, надеясь, что та начнет защищаться, но женщина лишь безразлично смотрела себе под ноги. Тогда господин Окроэ бросился к Даглю Икливу, надеясь, что тот подтвердит невиновность арестованной.

— Дагль, родненький, ты мне как сын, ну, скажи им! — пальцы несчастного вцепились в плечи солдата, но тот отшатнулся от него, словно от прокаженного. На лице Дагля вспыхнул лихорадочный румянец, глаза забегали, и он отступил еще на несколько шагов.

— Бесстыжие! — вновь попытался заступиться за семью Окроэ доктор. — Да вы совсем головы потеряли? Или сердца? Какая же она ведьма, если даже дочь уберечь не смогла? Несчастливая мать, вот кто она! А вы — безжалостные...

— При всем моем уважении, лекарь, но еще одно слово, и я отправлю вас в темницы! — Гамель смерил старика тяжелым взглядом. — Уводите ее.

— Нет! Умоляю! — господин Окроэ попытался схватить жену за руки, но его грубо оттолкнули. Несчастный не удержался бы на ногах, если бы Клифаир не подхватил его.

— Безумцы! Я найду на вас управу! — закричал доктор. — Еще только заявитесь ко мне со своими болячками, всех потравлю, как гадов! Ну же, тише, господин Окроэ, мы так все не оставим. Я не я, если невинную женщину отправят на костер. Я немедленно поеду к господину Двельтону и потребую, чтобы он утихомирил своих собак.

Крики на улице вызвали интерес у прохожих, отчего люди начали стремительно стекаться к дому, чтобы поглядеть на происходящее. Из окон выглянули соседи, и каждый не преминул высказать свое мнение по поводу происходящего. Среди собравшихся была и госпожа Бокл. Подобные истории вызывали у нее невероятный интерес, и глаза женщины буквально светились от удовольствия. К семье Окроэ она испытывала омерзение, и то, как утаскивали безмолвную Акейну, заставило ее губы искривиться в усмешке.

Новость разлетелась с неумолимой скоростью, и спустя час уже весь город обсуждал поимку чернокнижницы. Люди бросали свои дела, чтобы отправиться на кладбище и воочию увидеть окровавленное платье Шаоль. Девушка лежала в склепе в той же позе, ее лицо было все так же напудрено добела, однако на ресницах пудры больше не наблюдалось, словно кто-то стер ее тыльной стороной ладони. Но куда больший интерес вызвал подол платья покойной, который был весь в грязи и кровавых разводах. Бордовые брызги усеивали платье практически до груди, словно обезумевшая швея захотела разнообразить скучную белизну. Неподалеку от кладбища нашли выброшенный топор, на котором красовалась густая запекшаяся кровь. Говорили и о книге в обложке из черной кожи, которые покрывали неизвестные руны проклятия. Книга эта была скрыта плотной бумагой, однако господин Закэрэль с первого взгляда понял, что за предмет лежал перед ним. Защитное проклятье, исходившее от рукописи, было столь сильным, что одно прикосновение к обложке могло убить обычного человека.

Горожане с огромным ажиотажем восприняли новость о казни ведьмы. В полдень главная площадь была заполнена настолько, что можно было подумать, что проводится еще один праздник города. Толпа гудела, как потревоженный улей, люди отчаянно спорили между собой, пытаясь доказать друг другу свою точку зрения по поводу виновности госпожи Окроэ. То, что она хранила молчание, говорило не в ее пользу, однако Оверана Симь то и

дело повторяла, что несчастная молчит лишь потому, что вместе со своей дочерью утратила смысл жизни. Лагон Джиль и вовсе на все лады оскорблял бестолкового отшельника, который чувствует злую силу книжонки, но при этом совершенно не ощущает магическую энергию ведьмы.

— Как вообще можно кого-то казнить, толком не разобравшись? Почему все, что касается черной магии, решает начальник стражи, а не Двельтонь? — кричал он. — Правосудия!

— Правосудия! — эхом повторяли другие горожане, но большинство смотрело на них с непониманием. Всем было известно, что чернокнижников уничтожают сразу же, без суда, а управляющую городом семью попросту ставят перед фактом. Этот вопрос не может быть оспорен хотя бы потому, что сей закон исходит от самого Верховного Хранителя, и даже правитель Южных Земель не может препятствовать ему, не говоря уже о такой мелкой сошке, как Родон Двельтонь.

На площади как раз начали возводить костер, когда Колокольчик добрался до замка. Он был мокрый насквозь, и пот крупными каплями стекал по его лицу. Все эти часы бард отчаянно соображал, надо ли вообще ему вмешиваться в историю с какими-то там ведьмами, а когда узнал, что дело идет к казни, неожиданно для себя изо всех сил бросился к Родону Двельтонь. Он был уверен, что его даже на порог не пустят, и пытался успокоить себя тем, что доктор Клифаир уже давно известил феодала. Однако спокойствия это не добавляло. С семьей Окроз он не был знаком слишком близко, однако юная Шаоль какое-то время бредила ему душу. После нескольких отказов Колокольчик так обиделся, что не удержался и написал анонимную записку Родону, стгоряча обозвав девушку бессердечной ведьмой. Такие вот колдуньи дюжинами ходили по улицам, а Стагр утешал себя тем, что жаловался на них всепонимающему Двельтонь. Ни одно письмо пока что не выходило Лину боком, но в этот раз он искренне испугался, решив, что его легкомысленную записку могут использовать, как обвинение.

К великому удивлению Стагра, Двельтонь принял его буквально сразу же. В кабинете мужчины уже сидел доктор Клифаир, чье лицо выражало такое негодование, что можно было подумать, что пожилой лекарь лично собирается свернуть барду шею.

— Ну, да, да! — выпалил с порога Колокольчик. — Наврал я! Никакая она не ведьма! Сгоряча написал! Сдуру!

От волнения Лин даже забыл поклониться. Серые глаза Родона пригвоздили его к месту, отчего все остальные мысли начали разбегаться, как перепуганные крысы.

— Глупец, — процедил сквозь зубы Клифаир. — Если бы эта записка попала начальнику стражи, то их бы в тот же день казнили!

— Да не хотел я! — выкрикнул Старг, тяжело дыша. Он жадно хватал ртом воздух, а его взгляд лихорадочно метался по комнате. — Говорю же, со злости написал. Отказала она мне!

— Неудивительно, что отказала, — холодно произнес Родон. — Господин лекарь, что же вы от меня хотите? Книга ведь черная. Если я выступлю против казни, это означает, что я поддерживаю темных колдунов. Вы понимаете, чем это грозит мне и моей семье?

— А спать вы спокойно сможете, если не попытаетесь? — глаза старика вспыхнули огнем. — Вы ведь не трус, господин Двельтонь. Я знал вашего отца. У него не сердце было, камень. Но вы-то другой. Мы ведь для вас не свиньи. Дайте время разобраться. Соберите магов со всех краев. Как-то ведь можно проверить, кто работал с книгой. Наверняка, какой-

то черно книжник пользуется происходящим. Шаоль Окроз была невинной девочкой. Она не знала мужчин, не говоря уже о простейшем колдовстве. Я больше черно книжник, нежели этот ребенок. А ее мать даже суп годный сварить не может, не говоря уже о темных зельях. Господин Двельтонь, не бросайте семью Окроз на произвол судьбы. Вы рискуете, но есть те, кто будет рисковать с вами. Посмотрите на этого болвана. Даже он примчался с повинной, чтобы спасти несчастную женщину.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Примчался! Болван! — эхом повторил Колокольчик, кивая головой, словно кукла, которую отчаянно дергали за веревочки.

Губы Родона дрогнули, и он в который раз устремил взгляд в окно. Площадь колыхалась, словно озерная гладь в ветреную погоду, предвкушая одну из самых жутких казней за всю историю города. Впервые Двельтонь столь явственно чувствовал неукротимую стихию людской жажды зрелищ.

— Но кто-то же надругался над телом умершей. Кто-то измазал ее платье кровью, словно принес жертву темным силам, — сомнения вновь начали брать вверх, и Родон никак не мог решиться на правильный поступок. — Черная книга, окровавленное платье, испорченные замки... Это не мог сделать обычный человек, который любил девушку. Все указывает на то, что это работа могущественного колдуна, который пытался выставить все так, будто Шаоль сама уничтожила своих врагов. Но я не вижу смысла. Их и так должны были сегодня казнить. Зачем все это?

— Сейчас, главное, не допустить казни матери девушки. Господин Двельтонь, у меня есть мысли, кто мог сотворить подобное «правосудие». И вы прекрасно знаете, кого я подозреваю. Но видит небо, сейчас нужно спасти невинную, а уже потом выявлять кукловода. Существо, играющее с нами, гораздо умнее и, я думаю, куда сильнее господина Закэрэль. Нельзя попросту стучать кулаками в его дверь и кричать: «ты арестован!». Вы должны подготовиться, тайно призвав в город сильнейших магов Южных Земель. Его нельзя спугнуть, нельзя, чтобы он что-то заподозрил, иначе беды не миновать. Подумайте, господин Двельтонь, я столько раз говорил вам, что невозможно починить то, что сломано навсегда. А он чинит. Небо — свидетель, он чинит! И девочку он тоже... «починил».

— Кто починил? Какую девочку? — внезапно раздался голос Колокольчика. Тот удивленно уставился на Клифаира, пытаясь понять, что за ерунду несет этот старик, однако на лице Родона Двельтонь отразилась еще большая обеспокоенность. Мужчина был бледен, как полотно, но в его глазах наконец появилась решимость.

— Тогда не будем терять время, — тихо произнес он и первым стремительно направился прочь из кабинета. Родон велел слуге седлать коня, и в этот момент доктор Клифаир ласково посмотрел на Колокольчика.

— Болван ты..., — мягко произнес он вместо «спасибо». — Поехали на площадь. К счастью, я не отпустил кучера.

Лин неловко пожал плечами и тут же кивнул, готовый провалиться сквозь землю. Он совершенно не понял, кто кого починил, но от этих слов мужчине стало не по себе. Барду казалось, что на миг ему приоткрылась какая-то ужасная тайна, от которой можно сойти с ума или даже умереть. Что-то зловещее было в слове «починить», что-то запретное и потустороннее, отчего Стагр уже не был уверен, что хочет знать истинное значение услышанного разговора.

Появление на площади Родона Двельтонь вызвало сильное волнение среди собравшихся

зевак. Казалось, уже нет ничего такого, что могло удивить горожан за сегодняшний день, но отряд всадников семьи Двельтонь никак не мог остаться незамеченным. Инхир Гамель настороженно смотрел на приближающегося Родона, предчувствуя крайне неприятный разговор.

— Неужто очередной балаган с ведьмами? — услышал он ледяной голос Двельтонь. — Господин Гамель, уж вы то всегда представлялись мне человеком, который использует голову чаще, чем большинство горожан вместе взятых.

— Господин Двельтонь, мое почтение! — Инхир поклонился, чувствуя, как его сердце от волнения начинает стучать сильнее. — Увы, и в этот раз мне пришлось использовать голову, иначе бы давно воспользовался сердцем. Видит небо, я не хочу происходящего!

— А что, собственно, происходит? Допустим, вы нашли книгу, которую в пустой дом мог подбросить любой мерзавец, чтобы окончательно опорочить честь несчастной семьи. И вы считаете это достаточным основанием, чтобы отправить женщину на костер?

Сталь в голосе Родона совершенно не нравилась Гамелю. Он терпеть не мог, когда его отчитывали, как мальчишку, но в этот раз Инхир был уверен, что правда была на его стороне.

— Считаю, мой господин. А еще я думаю, что именно эта женщина и ее дочь расквитались за нападение на двуглавого уroda по имени Точи. С помощью темной магии они надругались над телами несчастных. Вы помните, как прогневались на меня за то, что я не смог вычислить преступников? Так вот, я сделал это. И не моя вина в том, что наши неуловимые мстители — женщины семьи Окроэ.

Эти слова заставили Родона насторожиться, однако на губах его появилась насмешливая улыбка.

— Так это вы передо мной выслужиться стараетесь?

От этих слов Гамель невольно заскрежетал зубами. Бессильная злость охватила его, и мужчина всеми силами сдерживался, чтобы не высказать феодалу нечто оскорбительное. Проклятый Родон имел полномочия даже казнить, если в его адрес направлено какое-то резкое слово, поэтому Инхир посчитал нужным промолчать.

— В первую очередь я выслуживаюсь перед своим народом, — тихо произнес он, смиренно опустив глаза. — Вы ведь знаете, как я дорожу...

— Своей должностью, — договорил за него Родон. — Конечно же, знаю, Инхир. Я знаком с вами не первый день. Именно поэтому я пока еще прошу вас по-хорошему отменить казнь и отпустить Акейну Окроэ спокойно ухаживать за избитым мужем.

— Боюсь, я не могу этого сделать. Верховный Хранитель лично подписал...

— Закон, который вступает в силу, если есть соответствующие доказательства. Если наш мудрец не в состоянии разобраться, кому принадлежит книга, мне придется призвать на помощь более опытных.

— Господин Двельтонь, разумеется, воля ваша, — с этими словами Инхир нарочито смиренно развел руками. — Однако позвольте со всем почтением напомнить вам, что нарушение закона касательно ведьм может навлечь беду непосредственно на вас. Управляющий городом не может изменять его или оспаривать, так как это будет означать только то, что вы с чернокнижниками заодно.

— Я знаю, — Родон чуть нахмурился, но в его взгляде ожидаемое сомнение так и не промелькнуло. — Мне нужно несколько дней, и я смогу доказать невиновность этой женщины.

— Откуда подобная уверенность, господин? — Гамель настороженно смотрел на

Двельтонь, пытаясь понять, знает ли он что-то о действиях Дагля. Нет, конечно же, не мог знать. Этот дурак Иклив никогда бы не рискнул поставить под удар свою семью.

— Мне кажется, я знаю, кто на самом деле должен понести наказание, но мне не хватает доказательств. Отмените казнь, Инхир. Вскоре вы сами будете рады своему решению.

— Но вы же понимаете, что если я отпущу ведьму восвояси, то до утра она все равно не доживет. Я могу поместить ее в темницы.

— Она и ее супруг останутся в моем замке. Разумеется, под наблюдением господина Закэрэля. Ухаживать за ними будет доктор Клифаир.

На миг Родон замолчал, словно раздумывая над своими словами, после чего добавил:

— И пошлите за доктором Эристелем. Пускай будут работать два лекаря. Сообщите северянину, что несколько дней он проведет в моем замке, поэтому пусть возьмет все необходимое.

«В первую очередь то, что намекнет на его причастность к темным силам».

Гамель выдавил из себя фальшивую улыбку и, поклонившись, направился к своим солдатам. Только сейчас Родон почувствовал, как сильно он нервничал. Его губы пересохли, ладони были холодными, а сердце глухо стучало в груди. Если отсрочка казни позволит ему выиграть время, чтобы доказать невиновность семьи Окроэ, риск стоит того, но, если доктор Клифаир ошибается, в глазах собственного народа Родон Двельтонь станет пособником темных сил. В тот же миг его мысли обратились к северянину, человеку, который пытался тихонько жить на краю города и заниматься врачеванием. Несмотря на странное чувство при первой встрече, Родон не испытывал к нему отвращения. Напротив, приезжий лекарь всеми силами старался удержаться на новом месте, добросовестно работал и ни с кем никогда не имел конфликтов. На него поступали жалобы исключительно из-за его скрытности, мол, сидит постоянно дома и копошится в своих книгах, не женат, не имеет детей. Почему-то народ искренне возмущало то, что странный лекарь до сих пор не выбрал супругу. Это было совершенно дико и отвратительно, ведь цель любого нормального человека найти спутника жизни и обзавестись потомством. Горожане не понимали, зачем посвящать свою жизнь каким-то пучкам сушеной травы да чернильным завитушкам, в то время как приличные мужчины хвастаются своими подрастающими детьми. Интерес к открытиям в медицине со стороны Эристеля вызывал у людей недоумение и смех. Как можно хотеть найти лекарство от проказы вместо того, чтобы искать хорошенькую жену? Северянин хоть и говорил, что его супруга погибла, но люди слабо верили в его историю и все больше говорили о том, что доктор Эристель попросту ненормальный. Дурацкая травинка, купленная у заезжего торговца, могла вызвать у него блеск в глазах, в то время как приличные господа таким взглядом смотрят на хорошеньких девушек. В своей страсти северянин был нелепым и смешным, отчего его ценности казались еще более жалкими, нежели он сам.

Эристель появился в замке Двельтонь после полудня. На главной площади его не было, но Родон с первого взгляда понял, что этот господин прекрасно осведомлен о случившемся. Тем не менее он был совершенно спокоен, взгляд его не бегал, а голос звучал уверенно и твердо. Двельтонь предполагал, что Эристель мог встревожиться, что-то почувствовать, но внешне северянин ничем себя не выдавал. Его не пугало даже присутствие в замке мудреца, который внимательно наблюдал за ним пронзительными черными глазами.

— Благодарю, что не отказали в моей просьбе, — произнес Двельтонь, сдержанно поприветствовав гостя. Он, Лархан и доктор Клифаир дожидались лекаря в каминном зале.

где было достаточно уютно, чтобы побеседовать наедине, не вызывая лишних подозрений. Родона беспокоило лишь то, что теперь Найалла и Эристель неизбежно будут встречаться за обеденным столом, и придуманные чувства его дочери могли произвольно окрепнуть. Глянув на северянина, Родон не мог не поразиться тому, как можно было предпочесть этого приезжего самому Элубио Кальонь, о чьей красоте на юге слагали легенды. Мужчина искренне надеялся, что дочь просто потянуло на необычное, и он уже подумывал свозить ее на север, чтобы Найалла пресытилась лицезреть «бесцветных» светловолосых мужчин.

Эристель ответил понимающей улыбкой, затем кивком поприветствовал остальных присутствующих и с позволения Родона занял свое место в кресле подле камина. Огонь в этой комнате разжигался крайне редко, так как даже зимы на юге были достаточно теплыми. Сам зал представлял собой просторное помещение, с большим количеством картин. Особенное внимание привлекало изображение юной красавицы в желтом платье, которая сидела подле старой арфы и глядела в небо. Это изображение несколько позабавило Эристеля ассоциацией с представлением Дизиры Агль, благо, лекарь виду не подал, иначе его смешок прозвучал бы неуместно. Присутствующие обсуждали сложившуюся ситуацию, делились предположениями по поводу происходящего, и Родон то и дело обращал взгляд внимательных глаз к Эристелю, пытаясь прочесть на его лице хоть какую-нибудь подозрительную эмоцию. Лекарь хоть и проявлял интерес, однако не выглядел ни взволнованным, ни тем более напуганным. Тогда Родон решил обратиться к нему напрямую, желая посмотреть, как лекарь поведет себя на этот раз.

— Доктор Эристель, вы, наверняка, обеспокоены тем, что происходит в городе. И, к сожалению, я не могу сказать, что ничего серьезного не случилось. Видите ли, подобные расправы совершенно чужды нашему городу, и мне бы хотелось, чтобы вы поделились с нами своим мнением. Быть может, вы сталкивались с подобным на севере?

— С подобным? — вежливо переспросил Эристель. — С клеветой? Травлей? Насилием? Избиением? Убийством? Разумеется. И у нас, на севере, подобное процветает даже в самой захудалой деревеньке, где и живет-то от силы человек пятнадцать.

— Я имел в виду черную магию, — пояснил Родон, отчего даже немного разозлился. Лекарь словно забавлялся происходящим, или это только так казалось со стороны? В его глазах читалось участие, но почему-то господину Двельтонь совершенно не верилось в искренность этих чувств. Эти эмоции выглядели наклеенными, как заплатка на старом башмаке.

— С черной магией все куда более неоднозначно. Я затрудняюсь даже предположить, что относится к этой самой черной магии, — пояснил Эристель.

— Оживление мертвецов, — внезапно произнес Клифаир. — Использование сил тьмы, накладывание проклятий или убийство людей посредством болезни.

Эристель кивнул и продолжил:

— Магов, что практикуют такое, практически не осталось. А те, кто еще пытается заниматься подобным, либо преследуются, либо уже давно находятся в подчинении Верховного Хранителя, Его Высочества Короля. К тому же, насколько мне известно, предрасположенность к столь сложной магии является совершенной редкостью, отчего я искренне сомневаюсь, что хоть кто-то в этом городе может совершить оживление. А вот черная магия с последующим осквернением тела убитой кажется мне куда более правдивым. Черных колдунов можно насчитать по три-четыре в каждом городе, поэтому, на месте такого вот мага, я бы тоже запутывал следы, преподнося историю так, как она представлена

сейчас. Пока все ищут в озере дракона, рыбы могут заниматься, чем хотят.

Родон тихо усмехнулся, не сводя взгляда с говорящего. Размышлял Эристель весьма складно, и боковым зрением Двельтонь заметил, что Лархан то и дело слегка кивает, соглашаясь с собеседником. Клифаир, напротив, взирал на лекаря строго, благо, не выдавая свою подозрительность.

— А что вы думаете по поводу самой семьи Окроэ? — продолжил интересоваться Родон.

— Они — хорошие люди, с которыми произошло очень много плохого. Беда в том, что горожане, пытаясь покарать зло, совершают куда более страшные вещи.

— Уж не хотите ли вы сказать, что на зло нужно закрывать глаза? — усмехнулся Клифаир.

— Боюсь, что зло — слишком размытое понятие, чтобы мы могли увидеть его глазами. Если смотреть на добро с разных сторон, появляется слишком много граней, чтобы быть уверенным, что перед нами не зло. Все войны начинаются во имя добра, все кровопролития, вся жестокость. Прав тот, кто вовремя назвал злом другого, но так ли это на самом деле? Если бы люди следили за собой, а не за соседом, история могла складываться иначе.

В комнате воцарилось неловкое молчание, и Эристель посмотрел в окно, где на площади до сих пор еще оставались люди. Он не мог видеть их лиц, слышать их крики, но прекрасно понимал, что многие крайне недовольны тем, что зрелище отменилось. О том же самом сейчас думал и Родон. Он был уверен, что кто-то уже пишет письмо правителю южных земель о том, что семья Двельтонь поддерживает чернокнижников. Быть может, теперь он сам является злом, с которым все это время так отчаянно боролся?

II

Если не обращать внимания на крыс и всепоглощающую сырость, местная темница не представляла собой самое устрашающее место этого мира. После прихода к власти Родона Двельтонь, узников перестали пытаться, отчего под сводами подземелий душераздирающие крики больше не разносились. Исключением стал тот день, когда четверо арестованных оказались изрублены на куски, а платье юной Шаоль Окроэ окрасилось бордовым.

Гимирос Штан допрашивали несколько раз, но молодой человек не мог быть свидетелем того, от чего его отделяли стены. Юноша лишь повторял, что слышал лязг железа и крики, однако полученная информация не произвела на Инхира Гамеля особого впечатления: мужчина рассчитывал, что Гимирос уловил хотя бы диалог между убийцей и жертвой.

Чего Гамель не понимал, так это зачем убийца волочил топор по полу, словно оружие было для него невероятно тяжелым. На миг мужчине даже показалось, что это дело рук ребенка, например, какой-нибудь тринадцатилетней девочки, которая обладала не только желанием отомстить, но и способностями мага. Разрушить замок не являлось чем-то сложным, вот только колдун не разбивал его. Чернокнижник состарил железо настолько, что оно покрылось толстым слоем ржавчины и расколосось, точно глиняный кувшин. Подобная магия затрачивала слишком много времени, если колдун не был достаточно силен, но тогда, спрашивается, зачем столь могущественному чернокнижнику тащить топор, если можно было поднять его одной силой мысли.

Когда Гимирос Штан в очередной раз поинтересовался по поводу своей пропавшей сестры, Инхир окончательно помрачнел. На сегодня ему хватило неприятных разговоров с Родоном Двельтонь, поэтому оправдываться перед мальчишкой совершенно не хотелось. Темные глаза юноши буравили его, словно пытались добраться до правды, и тогда Инхир

тихо произнес:

— Полагаю, твою сестру убили. Две ведьмы, которые проникли в крепость и уничтожили узников, могли с легкостью расправиться даже с опытным магом, не говоря уже о молодой девушке. Сегодня я пытался казнить старую колдунью, но Родон Двельтонь вступился за нее и укрыл в своем замке... Прости, сынок. Мне очень жаль твою Лавирию. Наверняка, она была славной девочкой.

От этих слов Гимири вздрогнул, как от удара, и приоткрыл губы, словно желал что-то возразить, но в итоге так и не произнес ни слова. Невидящим взглядом он уткнулся в стену, оглушенный жестокой правдой, которую швырнул ему начальник стражи так внезапно.

— Вы..., - наконец выдал он, но тут же прервался, не в силах собраться с мыслями. Какая-то странная тупая боль забила ему в грудь, мешая сделать вдох, отчего кадык несколько раз судорожно дернулся, словно юноша пытался ее проглотить. Портреты на стене вновь и вновь теряли свои четкие очертания, размытые слезами, которые наворачивались на глаза, несмотря на то, что Гимири изо всех сил пытался сохранить самообладание.

— Вы нашли ее тело? — Штан заставил себя договорить то, что разрывало ему сердце. Слова показались горькими, словно передержанная заварка, и от них к горлу подкатила тошнота. Гимири судорожно вдохнул и перевел взгляд на лицо Инхира, боясь прочесть на нем сострадание. Почему-то слова, направленные на успокоение, всегда дают обратный эффект, и человек, поклявшийся было держаться, трескается, как упавшее на брусчатку стекло.

— Нет, сынок. Ведьмы могли использовать его для своих кровавых ритуалов. Быть может, сожгли где-то в лесу или... Мне, правда, жаль. Я боюсь представить, что ты сейчас чувствуешь.

Инхир внимательно наблюдал за лицом юноши. На миг в глазах Гимири вспыхнула ярость, но вот его губы задрожали, и Гамель решительно поднялся с места, чтобы подать юноше воды. Коснувшись графина, начальник стражи помедлил и внезапно плеснул в стакан алкогольную настойку, после чего Штан залпом выпил ее.

— Я хочу, чтобы ты понимал, что наш город не разделяет точку зрения Двельтонь, — продолжал Инхир. — Он, полоумный старик, да приезжий — это все, кто считают семью Окроэ невиновными. Остальные поддерживают мое решение. Я клянусь тебе, сынок, что приложу все усилия, чтобы добраться до поганой ведьмы. Одна уже лежит на кладбище, но тело ее по-прежнему бродит по ночам. А со старухой мы уж как-нибудь справимся. Я напишу семье Кальонь и запрошу помощи. Быть может, смотритель соседнего города сумеет образумить Родона и не допустить дальнейшего безумия.

Но в этот самый миг Гимири медленно покачал головой.

— Нет, господин Гамель, вы сейчас только предполагаете. А что если ваши догадки неверны? О семье Окроэ я слышал от солдат, но никто из вас лично не видел, как эти ведьмы колдовали.

— Мы нашли их книгу, спрятанную под матрацем. Сомнений быть не может.

— Но вы не нашли моей сестры. И говорить, что ее прах развеян по ветру, попросту неправильно. Вы не видели, как это происходило. Вы не обнаружили никаких вещей моей сестры, поэтому я продолжу свои поиски. Я не буду хоронить ее лишь потому, что вы не знаете, что с ней.

Инхир лишь криво усмехнулся:

— Я понимаю. В тебе говорят отчаяние и нежелание принять, что сестру твою убили колдуньи. Ты думал, что сила огня защитит ее от любого врага, но судьба распорядилась иначе. Я слышал, что твоя группа собирается уезжать в течение трех дней, ведь наш город — не единственный, где вы должны были выступить.

Гими́ро бросил встревоженный взгляд на начальника стражи. Ему никак не верилось, что актеры, с которыми он путешествовал столько лет, предпочтут закрыть глаза на пропажу одной из них, чтобы заработать лишний серебряник.

— Так запретите им! Они обязаны помогать!

— Ничего они не обязаны, — вздохнул Гамель. — Они ответили на вопросы моих людей. Никто твою сестру не видел. Я никак не могу удерживать Пустынных Джиннов здесь против их воли.

Штан невольно стиснул кулаки, чувствуя, как его охватывает бессильная ярость. Больше не проронив ни слова, он резко поднялся с места и бросился к выходу. Гими́ро понял, что у него осталось всего три дня, прежде чем магический контракт заставит его покинуть город насильно. Несколько лет назад маг, который собрал Пустынных Джиннов, велел дать присягу, что в течение пяти лет ни один актер не оставит трупку во имя своих интересов. Находясь на расстоянии от остальных, беглец терял жизненную силу, после чего немедленно умирал. Благодаря этому состав Пустынных Джиннов оставался неизменным, пока две недели назад в их команде не появился четырнадцатый участник. То был четырехлетний ребенок, обладающий такими способностями, что им мог позавидовать взрослый человек. Именно он мастерски создавал призрачные города из дыма, которые так нравились зрителям.

Меккаира нашли в сиротском приюте, где он своими огненными фокусами нагонял страх на духовных целительниц да воспитателей. Силы свои мальчик не контролировал, поэтому, когда Пустынные Джинны прибыли с выступлением, основатель приюта передал ребенка им. Теперь же актеров вновь стало тринадцать, но Гими́ро не мог в это поверить до тех пор, пока не найдется хотя бы одно доказательство.

Инхир Гамель проводил юношу усталым взглядом. Он так и не сомкнул глаз за эту ночь, отчего темные круги легли на его лице, словно затертые чернильные пятна. Грубо выругавшись, Инхир принялся мерить шагами комнату, лихорадочно соображая, что же ему делать дальше. В этом паршивом городишке он сам был всего лишь приезжим, который удачно пристроил задницу, благодаря своей предрасположенности к магии. В противном случае, Двельтонь не удостоил бы его даже взглядом.

Долгие годы Гамелю приходилось выслуживаться перед Родоном, чтобы зацепиться в городе и заполучить свою должность. У Инхи́ра не было ни фамилии, ни связей, ни каких-то экстраординарных знаний, отчего единственным шансом удержаться здесь была магия. Являясь сыном охотника, максимум, что светило Инхи́ру, это продолжить отцовское ремесло и раз в полгода мотаться по ярмаркам в надежде продать добытые шкуры да рога. По счастливой случайности Родон лично стал свидетелем того, как двадцатилетний Гамель разругался с заезжим магом и, когда тот хотел показать очередной фокус, юноша попросту блокировал его силы нелепыми взмахами рук. Поначалу Двельтонь посчитал это глупым, но рыжий парнишка привлек его внимание, и Родону показалось, что неплохо бы иметь такого горе-волшебника среди своих солдат. Более опытные маги подтвердили предрасположенность Гамеля к колдовству, после чего Родон лично оплатил его обучение. Надо признаться, Инхир не оправдал его ожиданий, так как смог освоить лишь «Магическую

Печать», временно лишаящую противника колдовских сил. Никакие другие заклинания Гамелю не давались, а стихийное колдовство и вовсе приносило ему вред. Во время одной из тренировок юноша едва не сгорел заживо. Это разочарование неприятной трещиной легло в отношениях между Родоном и Инхиром, что феодал даже не считал нужным скрывать.

Не нравились Гамелю еще несколько черт зрителя города: поучать, язвить и крайне редко выражать благодарность. Родон был скуп на похвалу, зато в случае неудачи готов был спустить шкуру с любого. Будучи по характеру вспыльчивым и горячим, Гамель с невероятным трудом усмирлял свой пыл. Любое пренебрежение со стороны Родона он воспринимал болезненно остро и в последние годы их отношения окончательно обострились. Быть может, небеса наконец услышали его молитвы и откликнулись, ниспослав на город проклятого чернокнижника.

Выпив немного холодной воды, чтобы взбодриться, Гамель обмакнул перо в чернила и принялся составлять письмо, адресованное господину Кальонь. История с ведьмами могла показаться этому человеку весьма занятной, поэтому начальник стражи не скупился на додуманные подробности.

Тем временем в замке Двельтонь одна юная особа тоже сидела за письменным столом, сжимая в пальчиках гусиное перо. Она вновь и вновь пыталась сложить свои мысли в стихи, но написанное казалось ей то слащавым, то неправдоподобным, то попросту глупым. Мысли девушки были обращены к любимому, с которым она по воле злой судьбы оказалась разлучена. Стихи должны были отразить глубину ее чувств, но в итоге с кончика пера сорвалась чернильная клякса, которая безобразно расплзлась по невинной белизне листа.

— Вот же...! — сердито воскликнула Найалла и отложила перо. Она поднялась с места и начала прогуливаться по комнате, то и дело останавливаясь у окна. На главной площади людей практически не осталось, и девушка могла наблюдать за тем, как разбирают возведенный костер. История о ведьмах Окроэ не на шутку испугала ее, и она совершенно не понимала, как отец мог поддерживать это чудовищное семейство. Узнав, что колдунья будет жить в замке, Найалла собралась было к Родону, чтобы отговорить его от этого безумия. Однако, когда кормилица сообщила, что вместе с семьей Окроэ в замке будет проживать доктор Эристель, гнев Найаллы мигом улетучился. Теперь девушка мечтала поскорее увидеть своего возлюбленного, и она готова была терпеть в своем доме хоть зловонного тролля, если это позволит ей находиться рядом с Эристелем.

Разумеется, суровая кормилица радости Найаллы не одобряла. Она настрого запретила юной Двельтонь лишней раз заговаривать с доктором и уж тем более искать с ним встреч. Дарайа упрямо повторяла, что своими легкомысленными действиями девушка может навлечь на свою семью позор, и ее отец попросту сгорит от стыда.

— Благородной даме не пристало стеречь мужчину, как паук — добычу! — ворчала Дарайа. — Где это видано, что девушка выпрашивает внимания, мельтеша перед своим возлюбленным, как глупая мышь перед обьевшим котом?

— Так паук или мышь! — не выдержала Найалла. — Ты уж определись, моя дорогая кормилица. И вообще, твои сравнения неуместны: к доктору Эристелю я совершенно равнодушна.

— Да, да, так равнодушны, что хватаете его глазами с такой силой, что чудом не мнете на нем одежду!

— А ты старая и завидуешь, что я молодая и красивая! — выпалила Найалла, после чего прогнала почтенную даму и уселась за стихи. Однако нужные строки совершенно не

получались, а все мысли девушки были обращены к тому моменту, когда все соберутся на обед.

Когда Дарайа постучалась в дверь, чтобы позвать Найаллу к столу, старшая Двельтонь металась по комнате, не в силах выбрать из дюжины новеньких платьев самое лучшее. Ей казалось, что в одном она слишком полная, в другом — недостаточно соблазнительная, в третьем и вовсе — бесцветная моль. В итоге девушка выбрала светло-розовое платье и, покусав губы для придачи им яркости, едва ли не бегом поспешила в обеденную. Пожилая кормилица с трудом за ней попевала, сердито причитая, что небо прокляло господина Двельтонь, настав на него кару в виде такой неугомонной дочери.

Разрумянившись и тяжело дыша, Найалла вошла в обеденный зал, где уже присутствовали Родон, Арайа, доктор Клифаир, Лархан Закэрэль и Эристель. Младшая Двельтонь жалась к отцу и казалась такой смущенной, что старшая сестра мысленно позлорадствовала, подумав о том, что Арайа в ближайшее время уж точно не сможет с ней конкурировать. Найалла с откровенным удовольствием поприветствовала каждого мужчину улыбкой, но взгляд, адресованный Эристелю, был заметно нежнее, отчего кормилица сердито поджала губы.

За столом говорили в первую очередь мужчины, и тема их разговора опять-таки посвящалась многострадальной семье Окроэ. Найаллу подобное несколько раздражало, так как она надеялась, что все внимание будет направлено на нее. Она отчаянно ловила взгляды Эристеля, но тот вел себя не лучше статуи, что украшали зал. Арайа, напротив, старалась вообще не смотреть в сторону северянина, отчего уткнулась взглядом в тарелку и совсем не поднимала головы.

Когда доктор Клифаир заговорил о том, что господин Окроэ после полученных травм так и будет хромать до конца жизни, Эристель быстро посмотрел на старика, словно желая убедиться, что тот шутит. Он даже приоткрыл губы, решив что-то возразить, но в итоге счел нужным в очередной раз промолчать.

Родона в свою очередь куда больше заботила накалившаяся ситуация в городе. Ему пришлось уже несколько писем с просьбой одуматься и не губить свою жизнь во имя проклятой ведьмы. Впервые господин Двельтонь не был уверен в завтрашнем дне, и собственный замок теперь представлялся ему роскошной тюрьмой, за пределами которой его попросту растерзают. Разговоры о семье Окроэ вызывали у него все большую тревогу, и он наконец решил озвучить свою мысль вслух:

— Господин Закэрэль, неужели нет никакой возможности выяснить, кто пользовался книгой, найденной в доме Окроэ, в последний раз?

Маг чуть нахмурился, пытаясь найти более достойный по смыслу ответ, нежели «Это не в моих силах».

— Я бы рекомендовал пригласить в город несколько мудрецов, чтобы каждый мог предложить свои варианты, — наконец произнес Лархан. — Ситуация складывается щепетильная, поэтому, чем больше светлых колдунов выскажется в вашу поддержку, тем лучше.

— Я уже разослал письма, но господа придут не раньше, чем через три дня. Единственный, кто сумеет оказаться здесь утром — маг семьи Кальонь.

— Сей напыщенный индюк не может отличить проклятье от карточного фокуса, поэтому рассчитывать на этого почтенного господина я бы не стал, — Лархан искривил губы в усмешке. Почему-то большинство магов юга на дух не переносили друг друга, испытывая

неприятную конкуренцию. Каждый стремился осмеять способности другого, тем самым возвысив себя в глазах слушателей.

Доктор Клифаир заметно помрачнел.

— Мы не можем сидеть сложа руки все это время, — произнес он. — Репутация господина Двельтонь находится под угрозой, поэтому я предлагаю провести обыск в каждом доме нашего города с целью обнаружения каких-либо темных предметов.

— Господин Эристель? — Родон нарочно обратился к северянину, желая посмотреть на его реакцию. Если этот лекарь был виновен в том, в чем его подозревали, провокационная идея Клифаира никак не могла ему понравиться.

Эристель отложил столовые приборы, и Найалла ободряюще улыбнулась ему, решив, что так мужчина почувствует себя увереннее.

— Боюсь, что обыск еще больше разгорячит горожан, — задумчиво произнес северянин. — Посудите сами: во-первых, ни одному человеку не нравится, когда вторгаются в его дом, а, во-вторых, вы сдерживаете горожан только их собственными сомнениями. В свою очередь обыск укажет на то, что у вас нет доказательств невиновности семьи Окроэ, и вы вслепую ищете, на кого бы свалить преступление.

— Господин Эристель совершенно прав, отец, — начала было Найалла, желая поддержать лекаря, но Родон жестом заставил ее замолчать.

— Продолжайте, — произнес он, не сводя взгляда со спокойного лица северянина. — Я хочу знать, как бы поступили вы, чтобы выдержать эти три дня?

— До момента, пока приедут мудрецы, я бы сообщил толпе, что у меня есть анонимный свидетель, который видел, как книгу в дом семьи Окроэ подложили. Вам всего лишь нужно выиграть время и бросить собаке что-либо, чтобы она перестала лаять. Не суть важно, будет ли это свиная кость или палка, главное, что собака занята.

— Не поверят, — Родон отрицательно покачал головой.

— Но и не проверят, — настаивал Эристель. — Анонимные свидетели на то и нужны, чтобы никто о них так и не узнал. К тому же мне крайне любопытно, почему столь могущественные ведьмы, коими выставили женщин Окроэ, хранят под матрасом одну единственную книгу? Для колдовства, как и для приготовления лекарств, требуется что-то еще. Разве не так, господин Закэрэль?

— Верно, — маг утвердительно кивнул, уже догадываясь, к чему клонит северянин.

— Не означает ли это, что предмет чернокнижника, действительно, могли подложить, чтобы история обрела связь? Мне кажется, что дело даже не в ведьмах, а в осознанном желании некоего человека или даже группы опорочить семью Двельтонь, тем самым лишив ее власти.

— Полагаете, что мне нужно было отказать Окроэ в помощи? — нахмурился Родон.

— В случае отказа вас бы обвинили в равнодушии, едва бы выяснилось, что казненная невиновна. В любом случае вы теряете уважение своих горожан. Предлагаю лгать и тем самым тянуть время.

— А вы, господин лекарь, часто лжете? — поинтересовался Клифаир.

— Я предпочитаю молчать. Молчание крайне трудно обратить против себя, а вот неверно подобранное слово может выйти говорящему боком.

— И тем не менее господину Двельтонь вы советуете лгать? — настаивал старик.

Эристель чуть улыбнулся:

— Я советую ему защищаться. Люди готовы назвать добром все, что имеет красивое

оправдание: сражение во имя мира, убийство во благо живых, разруха во имя очищения. Не важно, насколько правдива эта причина, главное, хорошо звучит. Говоря проще, если семью Двельтонь пытаются оболгать, нужно лгать в ответ. Причем, куда громче, чем остальные. Анонимный свидетель — беспроегрешный вариант.

— А если люди потребуют представить этого самого свидетеля? — Родон все еще колебался.

— Скажите, что он стоит среди них. Если захочет, сам признается.

— Да они же поубивают друг друга! — испугался Клифаир. — Вы не представляете, на что способны люди в стремлении ткнуть в кого-нибудь пальцем.

Северянил пожал плечами:

— Вы спросили меня, как выиграть время. Вопросы, как спасти толпу от самой себя, я не припоминаю.

Присутствующие за столом растерянно переглянулись. Хладнокровие Эрестеля вызывало непонимание, граничащее с раздражением. Лишь Найалла не сводила с мужчины нежного взгляда, невольно восхищаясь его спокойствием. Арайа тоже оторвалась от созерцания своей тарелки и теперь пристально всматривалась в лицо северянина. Ей было неловко признаваться, что она частично разделяла подобное предложение. Быть может, придуманное «добро» покажется людям правдоподобнее, нежели настоящее?

В свою очередь Родон продолжал сомневаться. Он еще надеялся, что к утру разгневанные горожане несколько остынут, и тогда можно будет попытаться еще раз поговорить с ними. Но сегодня было рискованно даже на короткий срок покидать замок.

III

Господин Агль вернулся домой, когда солнце уже окрашивало небо предзакатными всполохами. Путь был долгим, поэтому мужчина чувствовал себя уставшим, хотя результаты поездки с лихвой окупали затраченное время. Весь день Агль провел, осматривая свои плантации близ города Горхан, после чего оформил преудачнейшую сделку касательно приобретения нового земельного участка.

Дизира встретила супруга в гостиной. Она удобно расположилась в кресле у окна и неторопливо пила чай из изящной позолоченной чашки. Внешне женщина выглядела совершенно расслабленной, но едва господин Агль переступил порог и поприветствовал ее, Дизира немедленно выпрямилась и поставила чашку на край стола.

— Я чуть с ума не сошла, дожидаясь тебя здесь в одиночестве! — воскликнула она, взволнованно прижимая руку к груди. — Ты даже не представляешь, что кругом делается. Того и гляди Двельтонь лишатся своих полномочий, и чернь захватит их замок. Небо, что будет с нами?

— Да слышал я эти басни про ведьм, — спокойно произнес мужчина, одновременно ослабляя узел шейного платка. Он опустился в кресло напротив и со снисходительной улыбкой посмотрел на сухонькое лицо своей супруги. В этот момент оно показалось ему особенно некрасивым, отчего мысли невольно вернулись в полдень, в те минуты, когда он навел свою хорошенькую любовницу и отпраздновал с ней удачную сделку.

— Это не басни, Пехир! Эти нищие пали настолько, что занимаются черной магией!

— Если бы они занимались черной магией, то в первую очередь нищими были все, кроме них. Народ вечно кудахчет, придумывая всякие истории. Надо же, чтобы хоть кто-то был страшнее их, чтобы лучше спалось по ночам.

— Ведьмы существуют! — взвизгнула Дизира, отчего мужчина раздраженно

поморщился.

— Я не говорю, что их не существует. Конечно, в нашем мире достаточно как светлых, так и темных колдунов, но, поверь мне, чернокнижники сидят в замках, а не ютятся в двухкомнатной халупе с просевшей крышей. Семья Окроэ невиновна, а Родон ввиду своей порядочности попросту не смог закрыть глаза на очередное безобразие в нашем городе.

— Амбридия Бокл утверждает, что Двельтонь покровительствует колдунам. Он с ними в сговоре. Он уже лишил горожан права устраивать спектакли на праздниках города, потому что в такие моменты люди проявляют свободу слова. А этого он допустить не может! Госпожа Бокл...

— А кто такая эта госпожа Бокл? — вяло поинтересовался супруг. — Очередная тетка, у которой нет в жизни другого интереса, кроме как кривляться на сцене?

— Нет, вы только поглядите... Настолько не интересуешься женой, что даже не знаешь, с кем она общается. Постоянно в разъездах, постоянно в работе. А, когда какой-то мерзкий кучер хватал меня грязными руками и валял в грязи, где ты был в тот момент?

— Его же выпороли? Пару раз.

— Выпороли? Настоящий мужчина добился бы смертного приговора, а ты только и делал, что кивал Родону, словно болванчик. Мерзавца следовало казнить! Пытать, а затем публично четвертовать.

От этих слов господин Агль лишь весело рассмеялся.

— Какая кровожадность. Позволь тебе напомнить, что Родон отменил пытки, и такая мера наказания у нас больше не практикуется. Поезжай к семье Кальонь. Насколько я помню, там множество законов, связанных с пытками, казнями, а также истреблением нищих, стариков и брошенных младенцев.

— И это правильно! — процедила сквозь зубы Дизира. — Правильно, что в других городах от этого скота избавляются. А Родон развел тут свинарник. Что может быть человечнее, чем отравить новорожденного ублюдка, которому суждено расти в нищете и умереть пьяницей? Разве это неправильно — помогать старикам умереть, когда их возраст не позволяет им приносить пользу городу. Пожили свое и хватит. Зачем им волочиться по этой земле, едва переставляя ноги от многочисленных болезней? Я вообще считаю, что бедняки не должны размножаться. Я требую, чтобы ты немедленно написал семье Кальонь и выразил глубочайшую озабоченность происходящим в нашем городе. И присягнул на верность!

— Кто же будет вспахивать поля и заваривать тебе чай? — в голосе господина Агль внезапно послышалась сталь. — Я сам из нищих, и ты, самодовольная идиотка, выбрала себе в супруги голодранца. Вот только я смог выкарабкаться, потому что я работал, как скотина, а ты пришла на все готовенькое. Твоя семья разорилась, и я женился на тебе лишь потому, что мне нужно было укрепиться в обществе. Любви между нами никогда не было, уважения тем более. Но если ты, визгливая взбалмошная дура, еще раз посмеешь у меня что-то требовать и нести подобный бред под крышей моего дома, то я отправлю тебя к твоим горячо любимым Кальонь на самом паршивом осле, которого куплю у самого обнищавшего земледельца. Ты поняла меня?

Губы Дизирьы задрожали, и она, резко поднявшись с места, стремительно покинула комнату. Господин Агль проводил ее мрачным взглядом, а затем направился в свой кабинет. Устроившись за письменным столом, он быстро обмакнул перо в чернила и обратился к Родону, сообщая ему, что полностью поддерживает его в сложившейся ситуации и готов

предоставить свою личную охрану в случае волнений среди горожан. Следом господин Агль черкнул записку еще одному человеку, велел ему собрать необходимые вещи, ребенка и уехать из города до тех пор, пока он, Пехир, не позволит вернуться обратно. К письму прилагалась внушительная сумма денег, а так же двое вооруженных охранников.

Ближе к вечеру Эристелю позволили пройти в свои покои и отдохнуть перед ужином. Он и Клифаир еще раз осмотрели господина Окроэ, который по-прежнему находился в тяжелом состоянии, а также уделили внимание его супруге. Женщина, казалось, совершенно не понимала, где находится, и какие тучи сгустились над ее головой. Она невидящим взглядом смотрела в стену и машинально поглаживала руку больного мужа. Пустое безразличие разбитой куклы сквозило в глазах женщины, и лишь иногда по ее щеке соскальзывала скупая слеза. Клифаир старался облегчить страдания несчастной успокоительными чаями и снотворными зельями, но госпожа Окроэ продолжала отказываться от еды, отчего выглядела все хуже. Ее лицо осунулось, под глазами залегли темные круги, а губы пересохли и потрескались. Когда-то красивая женщина теперь напоминала призрак, который мог лишь держать своего мужа за руку и перебирать воспоминания, связанные с Шаоль.

— Акейна, милая, вы не должны замыкаться в себе! — в который раз повторил доктор Клифаир, поглаживая несчастную женщину по плечам. — У вас еще есть, ради кого жить! Вы нужны своему супругу. Не сдавайтесь, моя хорошая. Помогите друг другу.

Эристель по обыкновению не проронил ни слова. Его глаза не выражали сострадания, но и безразличие почему-то сохранять не получалось. Глядя на эту женщину, лекарь видел свою покойную мать, и меньше всего северянину хотелось вспоминать о ней. Он извинился и первым отправился в свою комнату, где наконец мог побыть наедине со своими мыслями.

Спальня Эристеля представляла собой внушительных размеров помещение, украшенное множеством картин. Резной потолок напоминал мозаику из разных пород деревьев, отчего комната выглядела теплой и уютной. В центре расположилась большая кровать, а в углу со стороны двери аккуратно примостились письменный столик и небольшой книжный шкаф. Тяжелые занавески касались самого пола, покрытого мягким ковром, в котором, словно во мху, утопали шаги.

Эристель приблизился к окну и посмотрел на главную площадь, где суетились люди. Кто-то торопился по делам, кто-то возвращался домой, но были и те, кто стояли небольшими группами и что-то обсуждали. То и дело кто-то из людей указывал пальцем в сторону замка Родона, и мужчина тихо усмехнулся. Ему не нужно было слышать разговоры, чтобы понять, что горожане обсуждают способы, как добиться правосудия. Добро попросту не могло смириться с тем, что их наспех придуманное зло укрыли за стенами замка, через которые так просто не перебраться. Проклятый Родон мешает вершить добродетель, а это означало, что помеху нужно срочно устранить. Быть может, уже ночью случится нечто такое, о чем еще долго будут помнить южане. Быть может, именно сегодня свергнут семью Двельтонь, которая правила здесь уже второй век.

Эристель прошелся по своей комнате, внимательно рассматривая портреты на стенах. Он не знал этих людей, да и не стремился узнать, но само расположение картин пришлось ему по душе. Несколько секунд он медлил, а затем, повернув ключ в замке, вновь вернулся к портретам. Сняв один из тех, что находился как раз напротив двери, Эристель поставил его на пол и прошел к письменному столу, где нашел нож для бумаги. Затем лекарь вновь вернулся к стене, где еще несколько минут назад красовался портрет, после чего мужчина

начал выскабливать на ней ножом какие-то символы. Его губы беззвучно шевелились, словно лекарь читал молитву, но вот он слегка поморщился, проводя рукой по сложившейся надписи. В тот же миг по его запястью потекла кровь, словно странные руны глубоко вспороли ладонь и теперь пили багровую жидкость. Эристель не боялся, что господин Закэрэль почувствует магическую силу, потому что отшельник был куда слабее, чем хотел казаться.

Лекарь почти закончил колдовать, когда в дверь внезапно постучали. Эристель вздрогнул от неожиданности, но договорил заклинание, после чего аккуратно повесил портрет на место, тем самым закрывая руны. Сжав израненную руку в кулак и спрятав ее за спиной, Эристель мысленно выругался и открыл дверь. Нож для бумаги он сунул в стоящую рядом вазу с цветами, поэтому когда Найалла поприветствовала его, лекарь даже слегка улыбнулся.

— Господин Эристель, прошу меня извинить, что потревожила вас, но... Я не могла не извиниться перед вами за то, что не появилась на площади в день города... Небо, как же у вас холодно!

— Полно, госпожа Двельтонь, вы плохо себя чувствовали, и я не смел даже надеяться увидеть вас в тот день, — спокойно ответил он, отступая в глубь комнаты, чтобы девушка могла войти. Найалла чуть смутилась, впервые оказавшись в столь двусмысленной ситуации, однако все-таки шагнула вперед и закрыла за собой дверь.

— Прошу, не подумайте, что я так легко могу войти в комнату постороннего мужчины, — лицо девушки вспыхнуло, и она разом забыла все, что хотела сказать. В этот самый миг она заметила, что Эристель прячет правую руку за спиной и встревоженно посмотрела в глаза лекаря.

— Что-то случилось? Вы что-то... скрываете? — поняв, как прозвучали ее слова, Двельтонь окончательно растерялась и снова хотела было извиниться, как Эристель протянул ей руку, демонстрируя совершенно чистую ладонь. Ни крови, ни тем более пореза на ней не было.

— Небо, что я говорю такое, — пробормотала Найалла. Она надеялась, что Эристель хоть как-то поддержит разговор или предложит ей хотя бы присесть, но лекарь молчал, словно забавляясь ее мучениями.

— Как вам праздник? — зачем-то поинтересовалась Найалла, отчего снова на себя разозлилась. В ситуации, когда весь город ополчился против ее отца, это был не самый уместный вопрос, но в этот раз Эристель ответил.

— Праздник как праздник. Вы ничего не потеряли, не посетив его. Быть может, вам даже повезло.

— Отчего же? — все так же робко спросила девушка. Она впервые находилась с Эристелем наедине, без отца и кормилицы, и в ее воображении всегда рисовались страстные признания, клятвы быть вместе навсегда, но никак не такой строгий и сухой разговор. Найалле казалось, что перед ней стоит ее собственный отец, перед которым она отчитывалась за свое плохое поведение.

— Я не считаю забавным то, что вызвано насмешками и вином, — ответил лекарь. — Как можно считать людей интересными, если без хмельных настоек они не могут даже веселиться? Соглашусь, Пустынные Джинны были хороши, но даже их приезд не стоил того, чтобы этот праздник вообще проводился. Учитывая его последствия.

— Людям нравятся спектакли Амбридии Бокл...

— А вам?

— Нет! — слишком поспешно воскликнула девушка, чтобы ей поверить. — Я, как и отец, осуждаю эти глупые сценки.

Эристель чуть улыбнулся.

— Приятно, что такая юная дама видит грань между шутками и издевательством. Обычно такое понимание приходит с возрастом. По сути, это ведь забавно, когда кого-то дразнят, а ты стоишь в толпе и наблюдаешь со стороны. Главное, чтобы тебя не трогали.

— Нет, я бы такого никогда не позволила, — Найалла отрицательно замотала головой. — Я вообще считаю, что нельзя обижать людей. Если происходит недопонимание, нужно объясниться, и все будет хорошо.

Лекарь улыбнулся вновь, забавляясь наивностью своей собеседницы, однако развивать тему не торопился. Он даже испытывал какое-то жестокое любопытство, наблюдая за тем, как Найалла отчаянно ищет слова, чтобы поговорить с ним еще. Она лихорадочно скользила взглядом по комнате, словно ваза или подсвечник могли подсказать ей хоть какую-то тему для разговора. Но в итоге девушка смогла лишь вымолвить:

— Я пойду. Спасибо, что помогаете отцу.

— Не благодарите за это, — Эристель чуть нахмурился. — Я не могу ему помочь. Одно дело, когда болеет тело, но, когда заражен целый город, тут уже врачи бессильны.

— Тем не менее вы находитесь рядом, — тихо произнесла она и, подавшись порыву, коснулась ладонью лица северянина. — До вечера... Эристель.

— Да. До вечера.

Когда Найалла вышла за дверь, она ощутила, как ее глаза заволакивают слезы. Ей казалось, что от ее прикосновения, Эристель расчувствуется и наконец скажет, что к ней испытывает. Однако лекарь напоминал кусок льда, у которого не то, что тепла, даже жизни не было. Найалла бросилась в свою комнату и, упав на постель, беспомощно разрыдалась. В голову лезли разные мысли, начиная с той, что Эристель ее ненавидит, и, заканчивая тем, что ему интересна другая женщина. Одна идея казалась бредовее другой, отчего Найалла все никак не могла успокоиться. И как она вообще могла подумать, что этот холодный мужчина испытывал к ней какой-либо интерес?

За окном тьма уже вступила в свои права, но горожане не торопились расходиться по домам. Многие из них устремились в трактир «Подкова», где Колокольчик напевал какую-то веселую песенку. В какой-то миг все помещение оказалось переполнено людьми, и даже хозяин трактира не слишком обрадовался такому количеству посетителей. Когда дверь отворилась в очередной раз, и в зал вошла Амбридия Бокл, Колокольчику велели заткнуться, чтобы почтенная дама смогла выступить перед горожанами. Сопровождала ее Матильда, крайне недовольная тем, что придется покупать в трактире какую-нибудь еду или выпивку, иначе громила Вигал, хозяин этого притона, мигом вышвырнет ее вон.

— Воды. Буду я тут еще травиться, — прошипела большая Ма, когда супруга Вигала поинтересовалась, что она будет пить. Молодая женщина раздраженно закатила глаза, но заказ приняла. Матильда разместилась на краю лавки, с которой согнала какого-то мужчину, и стала ждать, когда ее подруга скажет заготовленную речь. Амбридия буквально лучилась хорошим настроением, отчего Большая Ма злилась еще больше. Всю жизнь ей хотелось, чтобы однажды ее подругу обстреляли гнилыми овощами, и чтобы самый зловонный влетел ей прямо в разинутый рот. Однако горожане болтовню Амбридии любили и даже оплачивали, отчего Матильде становилось особенно обидно.

Амбридия встала в проходе между столами в самом центре зала и громко произнесла:

— Дорогие мои друзья и соседи, братья и сестры, жители самого лучшего города на земле! Мы собрались здесь, не в силах равнодушно смотреть на то, как колдуны и ведьмы захватывают наш город. Как мы можем спать спокойно, когда тьма в любой миг может зайти в наши дома и убить наших детей? Родон Двельтонь пал настолько низко, что не только лишил нас свободы слова, запретив мои спектакли, так еще укрыл проклятую Окроэ от правосудия в своем замке. Мы не должны сидеть сложа руки. Мы должны оказать достойное сопротивление этому жестокому тирану. Если мы не в состоянии добратся до старухи, мы уничтожим ее молодую ведьму, которая после смерти продолжает разгуливать по нашим домам. Защитим себя сами, если Двельтонь перешел на сторону тьмы. Промедление убивает! Поднимемся, народ, пойдем на кладбище и сожжем поганую ведьму. Я уже сомневаюсь, что Зеинд Клоэф действительно мог причинить вред этой подколодной змее. Несчастный юноша был трудолюбивым лесорубом, а семья падшей девки оболгала его и пятерых других мучеников. Двое теперь в бегах, опозоренные клеветой, а остальные пали от злых чар. Защитим наш город сами, мои дорогие! Восстанем же! Пусть Двельтонь видит, что с ним будет, если он не отдаст нам старую ведьму. Небо на нашей стороне!

— Небо на нашей стороне! — эхом повторили горожане. Следом выступили еще несколько человек, после чего большая толпа двинулась в сторону кладбища. В руках они сжимали факелы и пели песни так громко, что перебудили половину города.

Когда дозорные доложили о происходящем, Инхир Гамель велел не вмешиваться, желая посмотреть, как будет выкручиваться Родон Двельтонь. Теперь происходящее казалось ему забавным, и он с нетерпением ждал, когда в игру вступит еще один участник — семья Кальонь. Инхир был уверен, что грянет переворот, и Родона либо убьют, либо вышвырнут из города.

Новость о творящемся безумии настигла господина Двельтонь, когда он уже готовился ко сну. В один миг в каминном зале собрались господин Закэрэль, доктор Клифаир и Эристель. Маг выражал опасения, как бы толпа не переметнулась на замок, а Клифаир, напротив, считал, что нужно спасти тело Шаоль Окроэ от надругательств. В какой-то миг феодал уже готов был отправить на кладбище свое личное войско, не в силах оставаться в стороне от происходящего, но в этот самый момент Эристель сказал одну фразу, которая заставила Родона передумать:

— Не жертвуйте живыми ради мертвых.

Ближе к полуночи тело Шаоль Окроэ предали огню. Его даже не стали выносить из Склепа Прощания, и люди ликовали, глядя на то, как языки пламени пожирают ненавистную ведьму. Прежде чем огонь лизнул платье девушки, один из мужчин сломал скамейку подле склепа и попытался вонзить острый деревянный штырь в грудь покойной. В какой-то момент завязалась драка: Лагон Джиль, подоспевший на кладбище как раз, когда разозленные горожане оплевывали лицо Шаоль, попытался помешать осквернить тело девушки. Однако люди набросились на него, повалили на землю и пинали до тех пор, пока Лагон не испустил дух.

Этой ночью безумное пламя танцевало в центре кладбища, облизывая мраморные стены склепа. Желто-красные языки вырывались из окон и дверей, а вокруг ликовал народ, упиваясь своей великой победой. Проклятья в адрес сожженной смешивались с громким смехом и улюлюканьем, звоном бутылок и залихватским свистом. Ведьма была уничтожена. Справедливость восторжествовала.

IV

Ближе к рассвету улицы наконец опустели. В окнах погасли огни, голоса стихли и воцарилась гнетущая тишина, что растеклась по городу вместе с дымом, принесенным с кладбища ночным ветром. Казалось, все застыло, и редко в каком доме люди, лежа в своих постелях, смели еще перешептываться, обсуждая произошедшее. Теперь, когда ярость остыла, кто-то думал о том, не вернется ли ведьма в обличье мстительного призрака, кто-то предполагал, что ждет семью Двельтонь, но были и те, кто в ужасе вспоминал, как насмерть забили невинного человека. Лагон Джилль не был ни колдуном, ни джинном и уж тем более чернокнижником. Единственным его недостатком было неумение закрывать глаза и вовремя отходить в сторону, когда в городе начиналось что-то особенно интересное. Многие считали Джиля бесстрашным дураком, иначе какой нормальный человек в здравом уме, будучи кучером, осмелится вывалить в грязи почтенную даму. Два старших брата Лагона хватались за головы, узнав, что выкинул их младший в очередной раз. Его несколько раз секли на главной площади, запирали на семь суток в подземельях, угрожали выгнать из города и даже казнить, если Лагон не остепенится. Джилль был главным героем едва ли не всех спектаклей Амбридии Бокл, но юношу это ни сколько не задевало. В свои двадцать четыре года он был твердо уверен, что беда людей не в том, что они совершают какие-то ошибки, а в том, что другие люди, видя это, не пытаются их остановить. Равнодушие горожан и их извращенное чувство справедливости вызывало у Лагона ярость. Он любил повторять, что будь у него хотя бы капля власти, то все силы приложил бы к тому, чтобы изменить людей. Джилль считал, что Родон, хоть и пытается улучшить благосостояние города, совершенно не заботится о его нравственной стороне. Когда Шаоль Окроэ имела неосторожность выразить неодобрение в адрес спектаклей Амбридии Бокл, Джилль стал единственным, кто поддержал смелую девушку. Однако пользы это особой не принесло. Про Шаоль начали судачить, что одобряют ее разве что идиоты, у которых вместо головы — кочан гнилой капусты. Старшие братья изо всех сил пытались образумить младшего дурака, но тот вновь и вновь наступал на прежние грабли, пока не погиб. Жаок и Треаль осмелились забрать тело брата только тогда, когда на улице уже никого не осталось. На кладбище они не ходили, а о случившемся узнали от Колокольчика. Лин прибежал к их дому, напуганный, и сообщил, что Лагона, кажется, забили до смерти. Крик, который издала пожилая госпожа Джилль, напомнил плач раненого зверя. В этот момент Лин мысленно выругался на себя за то, что сообщил о такой новости с порога. Женщина упала на колени, сотрясаемая громкими рыданиями, и старик Джилль опустился подле нее, крепко прижимая к себе. Больше всего Колокольчик боялся вопроса, почему он, будучи свидетелем происходящего, не вмешался, но ни старики, ни оба брата не стали задавать подобное.

Огонь на кладбище практически погас, когда бездыханное тело Джиля подняли с сырой земли и понесли домой, чтобы омыть его.

То, как выглядело кладбище, страшно поразило обоих мужчин. Когда-то белоснежный мрамор Склепа Прощания был практически полностью покрыт сажей, резные деревянные двери и ставни полностью сгорели, плитка на полу и ступенях уродливо потрескалась. Но еще страшнее выглядели истоптанные могилы с поваленными обелисками, разбитые кувшины из-под цветов, развороченные клумбы и сломанные скамейки. Это место больше не казалось самым тихим и спокойным в городе. Всё в этом месте хранило ненависть и жажду расправы — каждый помятый цветок, каждая сломанная ветка. Прежде Колокольчик любил приходить сюда, чтобы побыть вдали от людской суеты и сочинить слова какой-нибудь

песни, однако теперь единственным его желанием было уйти отсюда как можно скорее. Это «новое» кладбище пахло дымом, жестокостью и позором, отчего Лин здесь буквально задышался. Он вновь и вновь пытался оправдать себя, что не решился помочь кучеру, а остался стоять в стороне. А ведь Лин был всего на несколько лет старше Лагона. Они росли и играли вместе.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — вырвалось у Лина, когда он заметил, что Жаок пытается скрыть слезы.

— Он сам виноват, — голос старшего Джиля дрогнул. — Вечно лез впереди повозки со своей дурацкой справедливостью. Как будто он мог что-то изменить. Пусть этим занимаются те, кто сидит во власти. Мы то что можем? Нас затопчут и даже не заметят. Перешагнут и пойдут дальше делать то, что делали. Если люди не боятся даже Родона, то на что надеялся наш дурак? На что? Вот и поплатился.

— Он всегда был таким, — добавил Треаль. — Мы говорили ему, что не нужно вмешиваться. Живешь себе тихо, и живи. А он даже слушать не желал. Говорил, что все плохое творится с нашего равнодушного позволения. И что в итоге? Убили его и все тут. Если даже Двельтонь не высунулся из замка, чтобы остановить свой народ, на что надеялся Джилль? Небо, как же мать-то выдержит?

— Родон как-раз таки высунулся, — вздохнул Лин. — Спрятал же у себя господина Окроэ и его супругу.

— И что с того? — теперь в голосе Жаока послышалась злость. — Что с того, что спрятал? Свергнут его и за мгновение нового посадят. И не будет никакого Родона Двельтонь. И до семьи Окроэ доберутся, помани мое слово. Глупость он сделал, этот Двельтонь. Не знаю, о чем он думал? Видимо, как и наш братец, такой же ненормальный. Что хорошего с того, что он спас эту старуху. Хорошо, пускай, она невинна. Но разве мой брат должен был гибнуть вместо нее? Если бы Родон позволил казнить Акейну, народ бы успокоился. А теперь непонятно, кто еще погибнет во всем этом ужасе.

— Ты не прав, Жаок, — тихо произнес Треаль. — Если мы так будем рассуждать, то где гарантии, что не придут за нашей матерью? Лагон — дурак, но я уверен, что Двельтонь принял такое решение не просто так. Богатые расчетливы, они ничего не делают, подавшись сердечному порыву.

— Доктор Клифаир тоже богатый, — заметил Лин.

— Он — лекарь. Они все странные, — горько усмехнулся Треаль. — А доктор с севера точно хочет озолотиться, поэтому не отказал в помощи семье Окроэ. Все видели, как он сидел подле Двельтонь на празднике. Он что-то задумал. Угрюмый, замкнутый, а на самом деле — скользкий, как червяк. Смотришь на него: вроде улыбается, а что в голове — непонятно. Глаза стеклянные. Мне вообще кажется, что он чокнутый...

Тем временем в другой части города на постоялом дворе «Белая Сова» практически не осталось гостей. Видя, как накаляется обстановка, торговцы и просто приезжие спешили покинуть эти места от беды подальше. Занятыми остались лишь три домика, где поселились двенадцать мужчин, одна женщина и четырехлетний ребенок. Все они приехали сюда, чтобы поглазеть на выступление «Пустынных Джиннов», но уже после праздника случилось нечто такое, что никак не позволяло им уехать. Молодая девушка по имени Лавириа Штан пропала и до сих пор не была найдена. Ее брат Гимино без усталости разыскивал ее, спрашивая горожан. В какой-то миг подключился и сам начальник городской стражи, но занимался он этим всего несколько часов, к тому же посреди ночи, когда никто не был настроен на

откровения.

Гими́ро Штан вызывал у горожан сочувствие. Женщины, в первую очередь, не могли не оценить его внешность, а мужчины — его нежелание сдаваться. Этот юноша ни в какую не хотел принимать соболезнования и решительно отвергал любые предположения о смерти своей сестры. Никто из жителей даже не догадывался, что их спрашивают те самые ифриты, которые творили на празднике невообразимые чудеса.

Этой ночью Гими́ро вновь явился к Старшему, желая попросить его отсрочить отъезд еще на несколько дней.

— Я верю, что она жива, Викард, — произнес он после того, как Старший подал ему чашку чая. — Если ее тело до сих пор не найдено, мы должны продолжать поиски. Мы не можем оставить ее.

— Ты лично присутствовал при обряде, когда я призывал духов огня найти Лавирию. Если бы она была жива, то тепло ее тела выдало бы ее местоположение. Духи не почувствовали ее, а это означает, что теперь она принадлежит холоду.

— Нет! Не обязательно! — возразил Гими́ро. — Лавирию могли заколдовать. Вы же слышали, что здесь ведьмы и чернокнижники.

— Нет в этой Акейне Окроэ магических сил. Не чувствую я ее способностей. А это значит, либо она действительно одна из самых могущественных ведьм на земле, либо, что скорее всего, обычная женщина, утратившая дочь. Не наши это дела, Гими́ро! Не нам в это лезть, и не нам здесь наводить порядки. Уедем отсюда и научимся жить заново, уже без нашей юной девочки. К тому же, если она действительно жива, расстояние поможет мне почувствовать, что она ослабевает, и тогда мы вернемся.

— То есть, речи о мести вообще не идет? Любой может прийти и убить одного из нас, а мы попросту закроем на это глаза? Викард, я вас прошу, помогите мне!

— Я помог! — резко ответил мужчина. — Мы все искали твою сестру, но не забывай, что актеры не обязаны оставаться подле тебя в ущерб своим собственным интересам.

— Тогда я хочу разорвать магический контракт!

Викард лишь развел руками:

— Ты прекрасно знаешь, что это невозможно. Я даю тебе еще два дня, после чего мы немедленно уезжаем. В городе небезопасно, и наше промедление может стоить нам жизни. Кто знает, кого следующим обвинит это безжалостное стадо.

— Вы чувствуете наличие темного мага в городе?

— Да. С тех пор, как пропала твоя сестра, горькая энергетика тьмы напитала воздух. Но я не могу определить чернокнижника, потому что он скрывает свои способности. Он сильнее меня. Я всего лишь стихийный маг, в моем подчинении — пламя. А у твари, что появилась в этом городе, магия черная, жгучая, безжалостная. Я чувствую ее так сильно, что иногда становится больно дышать. Даже если я вычислю чернокнижника, он с легкостью уничтожит меня. Всех нас, включая колдуна-отшельника. В этом городе есть еще одна энергия, но она проявилась лишь раз, когда четверых насильников нашли зарубленными. Я ни разу не сталкивался с подобной, и мне даже непонятно, темная ли это магия или светлая. Одно могу сказать точно: чернокнижников здесь двое, и если один совершает убийства своими руками, то второй — посредством других.

С губ Гими́ро сорвалось тихое ругательство. Он поставил чашку на край стола и приблизился к окну. Тьма лежала на брусчатке, уже подкрашенная первыми лучами рассвета, и невольно хотелось пошире распахнуть окно, словно от этого утро придет

быстрее. Гими́ро чувствовал, что запутывается окончательно.

— Как думаешь, что этим двоим чудовищам здесь нужно? — спросил он, обернувшись к Старшему. — Какую цель они преследуют? Свергнуть Родона Двельтонь?

— Не знаю, — Викард пожал плечами. — За тридцать восемь лет я слышал многое о чернокнижниках, и действия их влекли за собой совершенно непредсказуемые последствия. Верховный Хранитель недаром старается истребить эту пададь. Если уж его колдуны не могут обнаружить самых хитрых из этих змей, то мне уж и подавно это не удастся.

— Мне кажется, вы бы могли стать великим магом, если бы больше практиковались, — внезапно произнес Гими́ро. — Моя сестра мечтала стать могущественной ведьмой. Она говорила, что чувствует силу других колдунов куда сильнее, чем остальные Джинны. После выступления она сказала мне одну фразу, которой я не придавал значения. Лави́риа вскользь упомянула какое-то странное ощущение, будто во время нашего танца она чувствовала, как нечто темное не сводит с нее глаз. И словно эта темнота наблюдает за ней постоянно. Еще она сказала, что в город пришло зло. Столь сильное, что никто не сможет остановить его. И будто бы это зло угрожает даже нам. Затем она рассмеялась, сказала, что пугает меня, и ей интересно было посмотреть на мое лицо. Мы не стали развивать эту тему, потому что рядом бегал Меккаир, и нам не хотелось пугать его. А после продолжить уже не получилось.

На лице Викарда на миг отразилась тревога. Он ничего не ответил, не зная, что на такое сказать, но способности Лави́рии и впрямь были выше средних, и маг охотно верил, что девушка могла что-то почувствовать.

— Полагаю, чернокнижник был среди зрителей, и он понял, что моя сестра представляет для него опасность, — продолжил Гими́ро. — Она могла попросту разоблачить его.

Рассвет обозначился в небе кровавыми разводами, словно передразнивая ночное ликование горожан. Правосудие совершилось, и известия о нем легли на стол Родона Двельтонь в очередном донесении. Впервые в жизни феодал чувствовал себя загнанным в ловушку. Предложение Эристе́ля выступить перед толпой со лживой историей казалось ему диким, даже издевательским, однако на утро все предстало совершенно в другом свете. Родон узнал, что произошло на кладбище, и как это проигнорировал Инхир Гамель. Выяснилось, что погиб какой-то молодой мужчина, имя которого много раз упоминалось Дизирой Агль во время ее визитов в замок. Также Родону доставили письмо Пехира, и тень печальной улыбки тронула губы мужчины, когда он дочитал последнюю строку.

Стук в дверь кабинета заставил Родона отложить письмо и пригласить войти нежданного посетителя. В комнату проскользнула Арайа, бледная и уставшая после бессонной ночи.

— Ты так и не сомкнула глаз? — ласково произнес мужчина и, поднявшись с места, приблизился к дочери. Теплая ладонь отца скользнула по щеке девочки, и этот жест заставил Арайю чуть улыбнуться.

— Вы все-таки решили выступить перед народом, отец? — тихо спросила она, внимательно вглядываясь в лицо Родона.

Мужчина усмехнулся, поражаясь тому, как быстро Арайа переходит к делу. Ни пожелания доброго утра, ни слова о том, что она напугана. В голосе девочки звучала решимость, которой в эту минуту так не доставало самому Родону.

— У меня нет выбора, Арайа. Если я останусь за стенами, они поймут, что я не могу с ними справиться.

— Пусть с ними справляется господин Гамель. Это его прямая обязанность!

— Боюсь, Инхир больше не на нашей стороне, дорогая. Я буду честен с тобой и скажу прямо: на данный момент я могу рассчитывать только на свое личное войско.

— Мне никогда не нравился этот человек. Он приторный, как жженный сахар, но при этом горький. В городе — волнения, а он не делает ничего! Дарайа вчера пришла с рынка и сказала, о чем болтают купцы. Пропала заезжая девушка по имени Лавириа Штан. Говорят, что ее убили ведьмы Окроз, а прах ее развеяли в лесу. Люди хотят...

Услышав имя пропавшей, Родон резко переменялся в лице.

— Лавириа Штан? — эхом переспросил он. — Это же одна из...

На миг Двельтонь запнулся, вспомнив, что он обязался не разглашать имена Пустынных Джиннов.

— Одна из...? — Арайа чуть прищурилась, пытаясь понять, кого Родон имеет имеет в виду. — Отец, вы можете быть со мной откровенны, я...

— Я знаю, что ты не из болтливых, однако позволь мне оставить эту фразу недоговоренной, — ответил Родон. Теперь ему стало ясно, почему Пустынные Джинны до сих пор не покинули город. Новость о том, что Лавириа пропала, неприятно поразила его, но в то же время подкинула ему идею. Быть может, Джинны оскорбятся и больше никогда не захотят иметь с ним ничего общего, но, может быть...

— Мне нужно написать письмо, — тихо произнес Родон. — Я позову тебя, когда закончу.

— Отец, я скажу лишь одну фразу: если вы будете выступать перед горожанами, я пойду с вами. Надеюсь, у них хватит чести, чтобы не растерзать ребенка.

Двельтонь посмотрел на свою дочь и, подавшись порыву, притянул девочку к себе и поцеловал в лоб.

— Я запрю тебя в башне, — с улыбкой произнес он, отстранившись.

— А я убегу и все равно буду рядом, — с вызовом ответила Арайа и, театрально поклонившись, покинула комнату.

Оставив отца в одиночестве, девочка направилась в библиотеку. Все эти разговоры о ведьмах и колдунах вызывали у нее сплошное негодование. Быть может, Арайа была всего лишь глупым наивным ребенком, но она никак не могла поверить, что семья Окроз действительно представляла опасность. Та изможденная женщина, которую провели по коридорам в сопровождении доктора Клифаира и Эристея, была матерью убитой девушки, супругой жестоко избитого мужчины, но никак не ведьмой, коей запугивали всю округу. Чтобы не быть голословной в своих суждениях, девочка решила сама разобраться, что из себя представляют эти самые чернокнижники, отчего со вчерашнего дня все свободное время проводила в библиотеке. Юная Двельтонь считала, что, прежде чем о чем-то утверждать, надо разобраться в вопросе, изучить все точки зрения и уже после составить собственное, а не повторять то, что твердят окружающие. Арайа даже готова была оспорить доводы отца, если что-то из найденного в библиотеке заставит ее усомниться.

У семьи Двельтонь хранилось невероятное количество книг на разных языках, большинство из которых Арайа не знала. Тем не менее попадалась литература, которая хотя бы частично могла ответить на вопросы любознательной девочки. Особенно юную Двельтонь привлекла книга о разновидностях магии. Арайа едва не свалилась с лесенки, вытаскивая тяжеленную рукопись с самой верхней полки. Книга была пыльной, отчего платье на груди девочки покрылось серыми клочьями, а сама Арайа закашлялась. Кое-как

отряхнувшись, она забралась на подоконник и, открыв заветную книгу, углубилась в чтение. Уже через несколько минут, она почувствовала, что ей становится страшно. Описания темных заклинаний и тех зверств, что творили чернокнижники, вызывали у девочки ужас, и в какой-то миг ей захотелось захлопнуть жуткую книгу и убежать в свою комнату. В конце-концов, она — еще ребенок и не должна проводить время за подобной литературой. Но юная Двельтонь переборола себя и, закрывая ладонью самые страшные рисунки, продолжала читать.

Предстать с ним перед горожанами, Родон девочке не позволил. В свою очередь, старшая дочь умоляла отца послать кого-нибудь другого вместо себя, но мужчина был непреклонен. Также его приятно поразило то, что доктор Клифаир вызвался идти вместе с ним.

— Я — человек старый и уважаемый. Половину этих людей я лечил собственноручно, и, если у них осталась хоть капля совести, они не станут вершить расправу, — произнес старик, направляясь с Родоном к карете.

— Я не буду прикрываться вами, господин Клифаир, — ответил мужчина. — Это мой народ, и мне держать перед ним ответ. Тем не менее я искренне благодарен вам за ваши слова. Подобное отношение куда ценнее, чем награды Южного Правителя.

Клифаир смущенно хмыкнул в седые усы и, поправив на голове шляпу, решительно устроился в карете подле Родона.

— Уж не прогоняйте старика, — пробормотал он и улыбнулся.

Толпа уже собралась на площади, когда Родон поднялся на помост. Он был бледен, как полотно, но взгляд его был полон решимости. Личная охрана семьи Двельтонь готова была защищать своего господина, отчего напряжение буквально звенело в воздух. Доктора Клифаира Родон попросил остаться в карете, и старик подчинился, однако мысленно пообещал себе, что, если Родону придется тяжело, то немедленно вмешается.

— Отдайте нам ведьму! — раздался осторожный выкрик, и Родон царапнул толпу ледяным взглядом. Было в его появлении что-то величественное, отчего горожане затаили дыхание, ожидая, что скажет их правитель. Двельтонь надеялся лишь на то, что его голос не дрогнет, и, когда он будет лгать, слова будут звучать уверенно и правдоподобно.

Среди присутствующих мужчина увидел Инхира Гамеля. Начальник стражи был одет в простую одежду, чтобы никак не выделяться среди других горожан, однако на фоне остальных его рыжие волосы все равно горели, как факел. Здесь же Родон увидел Амбридию Бокл в сопровождении Дизиры Агль. Обе женщины искривили губы в такой презрительной усмешке, что Двельтонь невольно поразился. Ладно, Бокл, но с каких пор жена Пехира участвует в общей травле? С краю стояла красивая молодая женщина, в которой Родон узнал победительницу лотереи. Лицо ее было напуганным, а в глазах Родон прочел то ли сочувствие, то ли извинение.

— Ну же, господин Двельтонь, прошу вас, объяснитесь перед своими жалкими подданными! — внезапно выкрикнула Амбридия, и толпа с жаром подхватила эту провокацию. Раздался свист, кто-то даже обозвал Родона «ведьмолюбцем», но Двельтонь молчал до тех пор, пока в толпе вновь не воцарилась тишина.

— Я собрал вас здесь не потому, что собираюсь объясняться за свои решения, а потому, что мне нужна ваша помощь.

Слова Родона вызвали бурное перешептывание, и, когда первое волнение утихло, Двельтонь продолжил:

— Среди вас есть человек, который прислал мне вчера утром письмо, где сказано, что черный предмет в дом семьи Окроз был подброшен, и этот аноним лично видел того, кто это сделал. Если тот, кто совершил преступление против достопочтенной семьи, признается, я обещаю простить его и не приговаривать к смертной казни. Анонима же я прошу прислать мне еще одно письмо, где будет названо имя того, кто подбросил книгу. Я понимаю, что ему сейчас страшно, но я гарантирую защиту. А также сотню золотых в награду за его храбрость.

В толпе вновь прокатилась волна перешептываний. Теперь уже люди в открытую выкрикивали:

— Какой же подлец мог подкинуть книгу?

— Анониму не нужно бояться, пусть выйдет и расскажет все!

— Мы сами защитим человека, который боится мерзавца.

— Наверное, женщина какая-то или кто-то из стариков, раз боится.

Родон хлопнул в ладоши, вновь привлекая к себе внимание. Растерянные люди никак не могли успокоиться, вновь и вновь повторяя вопрос, кто мог свершить такое мерзкое преступление. Когда наступила тишина, Родон бросил последние слова:

— Прежде чем удалиться и продолжить расследование, я скажу вам еще одно: то, что вы сотворили с телом оболганной девушки, то, как безжалостно убили невинного юношу, то, как опорочили священное место, где покоятся ваши предки, непростительно. В следующий раз подумайте об этом, прежде чем снова вершить свое "правосудие".

Тяжелое молчание обрушилось после последнего слова, и никто из присутствующих больше не осмелился выкрикнуть хоть какое-нибудь опровержение. Инхир Гамель, казалось, и вовсе стоял, оглушенный.

«Кто? Кто видел?» — пульсировало у него в голове, и мужчина почувствовал, как бешено колотится его сердце. Он был одним из первых, кто покинул площадь после Родона, чтобы поскорее попасть в Крепость Правосудия. Оказавшись в своем кабинете, мужчина залпом опустошил полстакана виноградной настойки, после чего велел Даглю Икливу немедленно явиться к нему. Солдат предстал перед своим начальником, дрожа всем телом. Нервный озноб покалывал кожу, и Дагль не смел поднять на Гамеля глаза.

— В...вызывали, господин начальник? — пробормотал он и судорожно сглотнул. Он также присутствовал на площади, поэтому прекрасно знал, о чем сейчас пойдет разговор.

— Что же ты наделал, Дагль, — тихо произнес Гамель. Мужчина закрыл лицо руками, пытаясь успокоиться и думать трезво, после чего спросил:

— Ты видел человека, который застал тебя за моим поручением?

— Никак нет, господин начальник. Я никого не видел.

— Тем не менее видели тебя. Если бы ты знал имя анонима, который написал Родону, можно было исправить твою ошибку, попросту убрав этого «писаря». А так... Я даже понятия не имею, что теперь делать.

— Все отрицать. Я... Я скажу, что ничего не делал.

— Думаешь, Родон тебе поверит? Да тебя сама толпа растерзает, если узнает, что ты подбрасываешь черные предметы неугодным.

— Я не хотел этого делать. Вы мне велели.

— Вот именно, что я. И теперь несу за тебя ответственность. Тебе нужно уезжать из города. Бери жену, сына, садись в повозку и поскорее покинь это небом забытое место.

— Но куда же я поеду? Мой дом... Мой сын...

Дагль не верил своим ушам. Еще недавно ему казалось, что этот город обеспечит его до

самой старости, а сын займет место сначала среди помощников Инхира, и, если будет справляться, то после сам делается начальником стражи. Своими действиями по отношению к семье Окроэ он поставил на кон будущее своего сына, а теперь все рассыпалось на глазах, точно песчаный замок.

— Тебе нужно покинуть город, иначе Двельтонь уничтожит тебя и всю твою семью. Ну же, Дагль, не будь глупцом. Он сказал, что пощадит, если кто-то признается, но Родон всегда так говорит. И что? Он хоть раз отменил казнь?

Иклив отрицательно покачал головой и на негнущихся ногах отступил было к двери, как Инхир окликнул его.

— Подожди, дурак. Не оставлю же я тебя на произвол судьбы, — с этими словами мужчина снял портрет Родона Двельтонь и вытащил несколько кирпичей, тем самым открывая полость в стене. Оттуда мужчина извлек кожаный кошель и вложил его Даглю в ладонь.

— Здесь тридцать золотых монет. Как закончатся, напиши мне, и я пришлю еще. Теперь ступай.

— Спасибо вам, господин начальник.

— Не благодари, дурак. Я сам навлек на тебя это, и теперь никогда себе не прощу того, что сейчас происходит. Уезжай. И береги семью. Если я продержусь здесь, и меня не разоблачат, я смогу тебе помогать. Не бери много вещей. Едьте налегке. И не болтай с кучером. Иди. Иди, кому говорят!

Дагль стиснул кошель дрожащими пальцами и спрятал его во внутренний карман камзола. Затем поклонился начальнику и быстро покинул комнату. У него не было времени, чтобы объяснить семье, что произошло, благо, супруга лишь молча залилась слезами. Страшное подозрение после услышанного на площади поразило ее, но она искренне надеялась, что Дагль — это тот самый аноним, который писал Родону об увиденном. Конечно же, ее благородный тихий супруг не мог подставить семью под удар, а теперь они покидали город, боясь возмездия со стороны подлеца, которого Дагль уличил. Он как раз дежурил в ту ночь, поэтому все сходится. Сын воспринял новость об отъезде куда более резко. Мальчик попытался было воспротивиться, мол, здесь его друзья и будущая работа, но спорить с отцом было себе дороже: в таком состоянии мужчину еще ни разу не видели.

Собрав самое необходимое и поймав кучера, Дагль велел отвезти их в соседний город, где он решил пересесть в другую повозку и отправиться дальше. Извозчик хотел было поинтересоваться, куда они собираются, но бледное лицо Иклива и заплаканные глаза его супруги, мигом лишили его говорливого настроения. Их отъезд показался ему несколько подозрительным, однако Дагль предложил хорошенькую сумму, отчего все вопросы разом отпали. Ехала семья Иклив в полном молчании. Супруга все еще плакала, не веря тому, что муж запретил даже выглядывать в окно повозки. Лишь когда они выехали из города, Дагль вздохнул с облегчением. Ясный солнечный день был в самом разгаре, и впервые за эти часы мужчина почувствовал себя в безопасности. Кучер что-то насвистывал себе под нос, отчего хотелось расслабиться и закрыть глаза. После бессонной ночи и пережитого волнения, усталость навалилась на Дагля с такой силой, что он невольно задремал. Проснулся он от того, что повозка резко остановилась. Снаружи до него донеслась какая-то возня, и мужчина потянулся к шторкам, чтобы понять, отчего повозка остановилась. В тот же миг дверца распахнулась, и прежде чем Дагль успел понять, что происходит, лезвие кинжала глубоко полоснуло его по горлу. Раздался пронзительный крик супруги, но уже через секунду то же

окровавленное лезвие вонзилось ей в шею. Последним убили мальчика, так же перерезав ему горло. Затем один из убийц извлек из внутреннего кармана камзола убитого увесистый кошель с деньгами и довольно усмехнулся.

— Не соврал же..., - хохотнул он, заглянув в мешочек. — Ладно, валим отсюда. Мало ли кто поедет...

Второй мужчина кивнул, и, запрыгнув на лошадей, оба наемника помчались через поля, желая поскорее исчезнуть с открытого пространства. На дороге остались четверо людей с перерезанным горлом, которые могли лишь улыбаться своими нарисованными кровавыми «ртами» и молчать. Конечно же, молчать.

V

Волна недовольства, прокатившаяся по ночному городу, к полудню рассыпалась брызгами сомнений и пересудов. Слова, звучавшие в темноте кладбища, при ярком освещении больше не казались такими правильными, а действия и вовсе выглядели чудовищными. Прежняя уверенность покрылась сетью трещин, и теперь горожане не знали, как правильно реагировать на происходящее. Выступление Родона Двельтонь произвело неприятный эффект, отчего чувство вины забралось в подсознание и царапало мысли острием совести. Кто-то из горожан все еще пытался успокоить себя тем, что некий аноним попросту солгал, но большинство пребывало в растерянности. После собрания людям пришлось вернуться к работе, но некоторые уже направились на кладбище, желая немедленно начать приводить его в порядок. Там по-прежнему пахло дымом, уже не так сильно, как ночью, но горечь все еще чувствовалась при каждом вдохе.

Всё последующее после собрания время Инхир Гамель проводил в своем кабинете. Он испытал искреннее облегчение, когда ему сообщили, что за чертой города было совершено разбойное нападение на Дагля Иклива и его семью. То, что убитыми оказались местные жители, могло вызвать небольшие проблемы, но территория преступления была нейтральной, отчего расследованием занимался тот город, к которому место разбоя было ближе. Это означало, что Гамелю не нужно было докладывать Родону о случившемся, объясняя, каким образом Дагль Иклив покинул службу, не объяснившись. Наемники сполна заслужили свои деньги, выполнив заказ до мелочей, и Инхир почувствовал себя несколько лучше.

Господин Гамель откинулся на спинку кресла и подлил себе еще немного виноградной настойки. Теперь оставалось дожидаться действий семьи Кальонь, и, если все сложится так, как рассчитывал Инхир, скоро он будет подчиняться совершенно другому человеку. Стук в дверь заставил его оторваться от приятных мыслей, и Гамель позволил посетителю войти. Файгин Саторг немедленно поклонился, приветствуя начальника стражи, и протянул ему письмо с печатью семьи Двельтонь. Инхир усмехнулся и, без лишних слов приняв послание, быстро пробежался глазами по строчкам.

— Ублюдок, — злобно выплюнул он, после чего внезапно заливисто рассмеялся.

— Простите? — на красивом лице солдата отразилось непонимание. Он не сомневался, что Гамель обращался к нему, но не мог даже предположить, чем вызвано это оскорбление.

— Да не ты... Двельтонь. Этот проклятый зажавшийся ублюдок велел меня рассчитать. Что ты на это скажешь, сынок? — начальник стражи искривил губы в улыбке и, отсалютовав солдату стаканом, залпом проглотил его содержимое.

— Я сожалею, — произнес Файгин, но его лицо не слишком соответствовало сказанному. На самом деле Саторг ликовал. Он никак не мог поверить, что после приказа

игнорировать действия толпы на кладбище, этот человек удержится в своем кресле. Инхир велел своим солдатам под угрозой смертной казни в случае неподчинения, оставаться в стороне, даже если народ двинется на замок. Разрушения на кладбище и смерть невинного человека не могли не вызвать среди многих стражников недовольства. Все они были простыми людьми, и каждый на месте Акейны Окроэ представлял свою мать, отчего негодование крепло.

— А я вот не сожалею! — пьяно возразил Инхир. — Я вообще не вижу смысла сожалеть, особенно в моем положении. Ты ведь ничего не понимаешь, сынок. А я кое-что понимаю... Ну, я пойду тогда, или мне сидеть здесь до скончания времен? Только ты не прощайся со мной надолго. И не позволяй другим солдатам обо мне злословить, иначе, когда я вернусь, я буду очень-очень сердит.

С этими словами Гамель поднялся с места и, грубо хлопнув солдата по плечу, направился прочь. Со своим кабинетом он не прощался, поэтому и к казначею за расчетом идти не спешил. Выйдя на улицу, Инхир подставил лицо яркому полуденному солнцу и довольно улыбнулся. Но затем его взгляд устремился в сторону замка Двельтонь, и он громко прокричал «Ублюдок!», после чего на нетвердых ногах направился к дому.

Тем временем сам Родон праздновать победу не торопился. Утихнувшее было волнение в любой момент могло всколыхнуться вновь, отчего мужчина по-прежнему не чувствовал себя в безопасности. Совет Эристея оказался достаточно толковым, чтобы заставить народ остановиться, однако гарантий, что люди вновь не примутся за самосуд, ни у кого не было. Придуманый лекарем аноним теперь был самым обсуждаемым человеком в городе, и Родон испытывал беспокойство, как бы люди не начали тыкать пальцами друг в друга, или, что еще неприятнее, объявятся самозванцы. Однако пока все было тихо, и семья Двельтонь могла спокойно пообедать в кругу своих немногочисленных союзников.

В этот раз главной темой разговора стала реакция жителей на ложь Родона и ее возможные последствия. В какой-то миг доктор Клифаир даже заговорил с Эристею чуть дружелюбнее, отчего атмосфера в комнате сделалась теплее. Старик даже иронично осведомился, все ли северяне столь изворотливы, на что чужеземец мягко улыбнулся. Господин Закэрэль в разговоре участвовал с привычной ему сдержанностью, однако он стал первым, кто похвалил новое платье Найаллы, отчего девушка буквально расцвела. Она бросила осторожный взгляд на Эристея, но тот продолжал держаться отстранено, и старшая Двельтонь успокаивала себя тем, что это лишь представление для ее отца. Младшая, напротив, в этот раз была куда разговорчивее. При этом задавала она вопросы касательно магии, чем немало удивила свою семью. Прежде девочка никогда подобным не интересовалась, а сейчас отшельник едва успевал прожевать, чтобы отвечать снова.

— Юная дама, если вы и дальше будете задавать столько вопросов, господин Закэрэль останется голодным, — Родон решил прийти на помощь колдуну и немного утихомирить свою дочь.

— Прошу извинить мою несдержанность, — тихо произнесла Арайа, опутив глаза, но тут же торопливо продолжила, — Но магия... Она такая непонятная. Она представляется мне самой неточной наукой на земле. Если верить книгам, то даже дрожь в голосе может испортить заклинание и сотворить такое, что потом всю жизнь придется исправлять. У некоторых колдунов даже отваливались языки. Представляете, прямо брали и отва... Прошу меня извинить.

Под строгим взглядом отца девочка наконец опомнилась, густо покраснела и уткнулась

взглядом в тарелку. Найалла тихо прыснула со смеху, отчего кормилица сердито посмотрела на нее. На миг воцарилась тишина. Эристель наблюдал за происходящим молча, однако любознательность девочки забавляла его, напоминая о временах, когда он сам задавался подобными вопросами и гонялся за своим учителем, словно одержимый.

Теперь разговор перешел в другое русло. Доктор Клифаир первым озвучил то, о чем постоянно думал Эристель, прикидывая, как бы задать свой вопрос более правильно.

— Господин Двельтонь, — обратился пожилой доктор, вежливо понизив голос. — Я все хочу поинтересоваться, действительно ли мне необходимо постоянно находиться в замке? Кроме семьи Окроз мне нужно заботиться о других своих больных. Благодаря нашим с доктором Эристелем стараниям, господин Окроз пошел на поправку. Быть может, я могу оставлять его на некоторое время, чтобы поработать с остальными нуждающимися?

— Не могу не поддержать доктора Клифаира, — тут же подхватил Эристель. — И у меня есть больные, о которых необходимо заботиться. Быть может, вы позволите нам работать вне замка хотя бы какое-то время, например, с рассвета и до второго завтрака?

Родон молчал. Ему не хотелось выпускать Эристеля из виду, однако он понимал, что этим двоим попросту необходимо хотя бы какое-то время проводить с другими больными.

— Меня беспокоит, как бы народ не проявил нетерпимость по отношению к вам, господа лекари, после того, как вы помогали семье Окроз, — начал было Родон, но Клифаир лишь фыркнул в седые усы, а Эристель отрицательно покачал головой. Ни тот, ни другой не желал прятаться за стенами замка, и Родон спорить не стал. Было решено, что после обеда оба доктора смогут провести несколько часов за работой у себя дома, а затем вернуться обратно в замок. Двельтонь полагал, что ночью в городе вновь могло стать небезопасно.

Вскоре каждый удалился по своим делам. Отшельник вернулся к изучению магического ритуала, позволяющему вычислить, кто последним пользовался тем или иным предметом, Арайа вихрем умчалась в библиотеку, Найалла пожелала музицировать, а сам Родон направился в кабинет, спеша ознакомиться с присланным от Викарда письмом. Двельтонь написал ему первым, выразив обеспокоенность пропажей Лавирии Штан и предложив помощь в поисках. Также он поинтересовался, способны ли стихийные маги узнавать, кто из колдунов использовал черный предмет. В своем ответе Викард сообщил, что в городе они задерживаться не станут, так как не хотят вмешиваться в то, к чему они совершенно непричастны. Свое решение Старший Джинн обосновал тем, что их группа и так рискует, находясь в месте, где люди на данный момент столь агрессивно настроены против любого проявления магии. Что касательно вычисления владельца книги, Викард сообщил, что в теории это возможно, однако на практике он подобного не делал и в ближайшее время не собирается. В этом вопросе маг предпочел солгать: ему попросту не хотелось заниматься не своим делом. В конце концов, он и его люди — актеры, а не следопыты.

Едва Эристель вернулся в свой дом, то первым делом сбежал по ступенькам в подвал и с облегчением обнаружил, что символы на стенах стерлись лишь слегка, а существо, лежавшее на столе, по-прежнему не шевелилось. Обновив несколько знаков, лекарь вернулся на первый этаж. Двуглавый Точи лежал на полу гостиной и, казалось, спал, напоминая брошенную собаку, которая отчаялась дожидаться своего хозяина. Старик Джером валялся на кухне, сжимая в руке чудом не разбившийся стакан. При появлении Эристеля он пошевелился и открыл глаза. Что-то прощамкав беззубым ртом, калека поднялся на ноги и, поставив стакан, потащился на второй этаж. За ним последовал Точи.

Где-то около часа северянин провел в одиночестве, готовя лекарственные зелья, но слух

о том, что доктор вернулся в свой дом, быстро облетел ближайшие улицы, отчего вскоре в двери постучались. На пороге стояла красивая молодая женщина, лет двадцати пяти. Ее внимательные карие глаза скользнули по лицу доктора насторожено, словно она пыталась понять, можно ли доверять этому человеку. Волосы посетительницы были скрыты под шалью, словно она желала спрятаться от посторонних глаз.

— Проходите, — мягко произнес Эристель, отступая в глубину прихожей. Называть женщину по имени он не стал, хотя прекрасно узнал, кто перед ним стоит. Только когда дверь захлопнулась за спиной гостьи, и они прошли в кабинет, лекарь задал следующий вопрос:

— Чем могу быть полезен?

Женщина сняла с себя шаль, и на ее красивом лице отразилась тревога.

— Послушайте, я не смогу заплатить вам сразу, потому что денег у меня сейчас нет. Дайте мне несколько дней отсрочки, я смогу немного отложить, чтобы муж не заметил, — с этими словами Оверана Симь затравленно посмотрела на лекаря. Она была прекрасной швеей, и ее услугами пользовались многие горожане, отчего Эристель никак не мог поверить, что эта женщина бедна. Однако в последнее время Оверане и впрямь приходилось несладко. Муж пил и играл, отчего деньги утекали так стремительно, что она едва успевала зарабатывать на хлеб. То, что она вымалывает у лекаря отсрочку, казалось Оверане еще унижительнее, чем побои мужа, но в этот раз она не могла иначе.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Эристель, словно не слыша ее объяснений. Оверана на миг замешкалась, точно пыталась подобрать слова, а затем чуть тише произнесла:

— Говорят, вы не из болтливых, поэтому я и пришла к вам. Тут вот что...

Даже смуглая от загара кожа не смогла скрыть румянца, выступившего на лице Овераны, когда она коснулась шнуровки на своей рубашке. Затем женщина пристыженно обнажила левое плечо, демонстрируя наскоро наложенную повязку. На ткани уже виднелись алые пятна крови.

— Всё утро течет, и я никак не могу остановить. Я бы сама, если бы умела.

Под повязкой Эристель обнаружил глубокий порез, предположительно оставленный ножом. Лекарь не стал задавать ненужных вопросов, и Оверана была ему за это благодарна.

— Нужно зашить, — северянин предпочел лишь пояснить свои действия и предложить пострадавшей обезболивающее, однако она решительно отказалась, боясь, что это будет стоить куда дороже, и недостачу такой суммы муж точно заметит.

Эристель настаивать не стал. Он видел боль на лице госпожи Симь, пока занимался раной, но не проронил ни слова, будто происходящее совершенно его не касалось. Оверана заговорила сама, горько усмехнувшись:

— Вам, наверное, забавно, что приходится "зашивать" швею? Амбридия Бокл обязательно устроила бы из этого каламбура веселое представление.

— Мне куда забавнее наблюдать за тем, как люди готовы терпеть что угодно, лишь бы сохранить иллюзию счастливой жизни, — ответил Эристель. — Главное, чтобы представление нравилось соседям.

— Это не ваше дело, — резко ответила женщина, и ее глаза царапнули доктора строгим взглядом. — Представление и так всем нравится, раз швее приходится танцевать на празднике города, чтобы заработать несколько монет.

— Разумеется, не мое, — ответил мужчина, не отрываясь от работы. Оверана в который

раз поморщилась от боли, когда доктор закончил обрабатывать рану, но, когда в его руке блеснула игла, женщина мысленно содрогнулась. Вот только той самой пронзительной боли она не почувствовала.

— Вы все-таки использовали обезболивающее. Я не хотела...

— А я не хотел, чтобы вы кричали на весь дом, — ответил Эристель.

— Я бы выдержала!

— А я бы вряд ли, — последовал насмешливый ответ, после чего Оверана замолчала.

— Спасибо вам, — чуть тише добавила она, наблюдая за тем, как ловко Эристель орудует иглой. — Хотите, я сошью вам что-нибудь? Например, рубашку? Сейчас в моде очень широкие рукава и кружево, а у вас — ни того, ни другого.

Лекарь улыбнулся, но отвечать не стал. Всю оставшуюся работу он проделал в полной тишине, и Оверана не отвлекала его. Она ожидала, что боль позволит ей забыть о неловкости, а теперь получилось наоборот: все мысли были связаны с прикосновениями прохладных рук к горячей коже плеча. Если бы муж увидел ее подле этого доктора, то избил бы их обоих, поэтому Оверана молила небо, чтобы никто из «сердобольных» горожан не поспешил доложить о «неверности» супруги.

— Повязку не мочите и не меняйте слишком часто. Раз в день будет достаточно. Через несколько дней швы необходимо будет снять. Приходите на шестой день, посмотрим, что получится. Но шрам останется. С ним уже ничего нельзя сделать.

— Как и с моей жизнью, — еле слышно ответила Оверана, натягивая ткань блузки на плечо. — Благодарю вас, господин Эристель. В ближайшее время я передам для вас деньги.

Затем женщина вновь спрятала волосы под шалью и, распрощавшись с доктором, стремительно покинула дом. Она обернулась лишь раз, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. В окне второго этажа она заметила Двуглавого Точи. Неприятный холодок пробежал по коже женщины, и ей вспомнились злые сплетни горожан о том, какой ненормальный этот доктор Эристель. Северянин и впрямь с первого взгляда показался ей неприятным. Было в нем что-то отталкивающее, неестественное и издевательски фальшивое. Но позже Оверана почувствовала стыд за свое первое впечатление. Эристель мало того, что помог ей, так еще и дал обезболивающее, которое помогло вытерпеть весь процесс накладывания швов.

Но куда сильнее в мыслях Овераны отпечатались слова доктора о том, сколько еще готовы вытерпеть люди, чтобы не признаваться соседям, что они несчастны. Женщина с ужасом представляла, как возвращается в деревню, в которой всего-то одиннадцать обветшавших домиков и маленькая заброшенная мельница. Она уехала оттуда вместе с младшей сестрой и поклялась себе, что никогда не вернется обратно. В городе Оверана мечтала стать востребованной швеей, и так оно и получилось, если бы в ее жизни не появился Хагал Симь. Их роман был стремительным и жарким, а сам Хагал проявлял себя ласковым и заботливым, отчего юная Оверана быстро согласилась выйти за него замуж. Но уже через год у господина Симь поменялись друзья, а с ними и интересы. Столяр, который раньше зарабатывал неплохие деньги, начал пить, играть и таскаться по женщинам. Красота Овераны ему приелась, а в кабаках всегда находились дамочки, которые любили хорошо провести время. Работу Хагал полностью забросил, решив довольствоваться доходами своей супруги, которые были весьма неплохими.

Постепенно ругань в семье звучала все чаще. Оверане даже приходилось оставлять младшую сестру у соседки, если муж заявлялся домой особенно пьяным. В последнее время

мужчина начал поднимать на жену руку, когда эта «глупая шлюха» не хотела отдавать ему заработанные деньги. Иногда Хагал пытался быть ласковым, но чаще предпочитал не тянуть время и разбираться быстро, например, ударив супругу в живот или в другие места, где синяков никто не увидит. А бывало, что Хагал был настолько пьян, что в порыве злости насиловал свою «бестолковую дрянью», чтобы у нее и в мыслях не было усомниться, кто в доме хозяин.

Оверана не раз грозилась уйти, однако понимала, что покоя ей в этом городе не будет, а возвращаться в родную деревню ей было попросту стыдно. Разумеется, можно было переехать и в другой город, но где гарантии, что муж не достанет ее и там? Нельзя не упомянуть еще тот факт, что столь радикальные перемены означали бы, что всё придется начинать с нуля: искать место жительства, заказчиков, поставщиков тканей, в то время как на данный момент у Овераны совершенно не осталось сбережений.

К тому же, спустя какое-то время в семье наступало перемирие, и можно было пытаться жить дальше, пока всё не повторялось сначала. Как например, сегодня, когда Хагал снова поколотил супругу. Правда, в этот раз Оверана уж слишком сильно противилась воле мужа, не отдавая ему деньги, вырученные за продажу платья, отчего он решил ее проучить. Под руку как раз попался кухонный нож, и Хагал задействовал его так, чтобы «непослушная девка» навсегда запомнила, как это — перечить мужу.

VI

Вечера в маленьких городках приходят незаметно, напоминая карманников, которые подкрадываются со спины и осторожно выуживают остатки солнца. Темнота медленно растекается по крышам, будто кто-то перевернул чернильницу, и невольно хочется ускорить шаг, чтобы поскорее оказаться дома. Единственной, кто никогда не спешил удалиться с рыночной площади, была Матильда Жикирь, которая изо всех сил сражалась с торговцами за каждую монету. Ближе к вечеру пекари, мясники и молочники несколько понижали цены, чтобы продать как можно больше, так как на следующий день люди куда менее охотно покупали черствый хлеб или мясо, лежавшее ведь день на солнцепеке. Именно в такие моменты в стремлении заполучить заветный кусок сыра или говядины, Большая Ма становилась особенно беспощадной. Она могла выхватить свиную ногу прямо из рук другого покупателя, растолкать локтями любые препятствия и даже поколотить буханкой хлеба особо упрямого продавца. Последнее, правда, произошло лишь единожды, но тот случай торговцы запомнили навсегда. Всех продавцов Матильда знала в лицо и к каждому имела свой подход: одних она бранила на всю площадь, обвиняя в том, что они торгуют червями да плесенью, перед другими, напротив, плакала, сетуя на свою голодную жизнь. В любом случае, и те, и другие, стремясь отвязаться от надоедливой дамы, шли на уступки, и в такие вечера Большая Ма пребывала в отличнейшем настроении. Своего мужа на рынок Матильда не посылала: в ее глазах Лукио был конченным болваном, который безропотно отдаст последний медяк любому хапуге, стоящему за прилавком. Она же была достаточно изворотлива, чтобы оставить наглецов в дураках, да еще и в убытке.

В этот день Большая Ма прогуливалась по рыночной площади под руку со своей закадычной подругой, Амбридией Бокл. Женщины делились впечатлениями по поводу сказанного Родоном Двельтонь, а также обсуждали внешний вид других горожанок.

— Что это она напялила себе на голову? Ни дать ни взять, кормушка для птиц! — хихикнула Амбридия, заметив, как одна из дам поправляет новенькую шляпку. Но едва «кормушка для птиц» заметила госпожу Бокл и поприветствовала ее, как Амбридия

растянула губы в сладенькой улыбке и промурлыкала:

— Какая шляпка, моя дорогая! Как она тебя украшает! Прическа выглядит богаче, а цвет лица... Залюбуешься!

Матильда немедленно подхватила заданный тон и тоже не поскупилась на комплимент, правда, с таким видом, словно ей только что отдавили ногу.

— От Корше нет вестей? — поинтересовалась Большая Ма, когда они распрощались с дамой в шляпке. Амбридия лишь закатила глаза.

— Не продолжай! Я ему сделала столько добра, а этот неблагодарный щенок попросту сбежал от меня, и неизвестно, в каком городе он теперь ютится. Надеюсь, перед тем, как он подохнет где-нибудь в канаве с крысами, он вспомнит, как ему было хорошо со мной. Такой же, как и его никчемный папаша!

— Бедная Амбри, — грустно произнесла Матильда, но глаза ее при этом вспыхнули так радостно, словно она нашла кошелек с деньгами. — Ну, ничего. Зато лишний рот из дома пропал. Можешь жить для себя и во имя себя, а не жертвовать всем ради неблагодарного отпрыска. Брюхо набивают, как барабан, а толку для семьи — ноль. Способны лишь истреблять урожай, словно поганая саранча! Единственное, что успокаивает меня в такие моменты, это мысли о докторе Эристеле. Становится не так обидно.

— А что тебе этот доктор? — любопытствовала Амбридия, начиная улыбаться.

— Ну, как что? У него же живет двуглавый человек, а, значит, он и ест за двоих. Представляешь, у тебя в доме жил бы такой уродливый обжора!

— Фу! Лучше тысяча тараканов, нежели такое! — Амбридия наигранно поежилась, и обе женщины весело рассмеялись. В тот же миг они услышали торжественный звук рога, ознаменовавший приезд почтенного человека, и обе, не сговариваясь, бросились вперед, чтобы поглазеть на интересного гостя. Жители города увидели отряд, состоящий из тридцати всадников, среди которых был никто иной, как Элубио Кальонь. Ехал он верхом на молочно-белом жеребце, облаченный в ярко-красные одежды цвета знамени своего города. Люди с восхищением наблюдали за этой процессией, которая направлялась к замку Родона Двельтонь. Яркий флаг с изображением пегаса развевался в руке одного из всадников, и люди начали приветствовать гостей аплодисментами. Элубио махал горожанам, словно был освободителем рабов, и довольная улыбка не сходила с его красивого лица. На фоне солдат, облаченных в черное, господин Кальонь казался необычайно ярким и вызывающе прекрасным. Длинные черные волосы обрамляли его лицо, карие глаза светились дружелюбием, а белозубая улыбка казалась особенно притягательной. Молодые дамы зачарованно смотрели на лицо приезжего красавца, не в силах отвести от него взгляда.

— Я приехал, чтобы помочь вам! — крикнул Элубио, несколько опьяненный столь теплым приемом. — Я спасу ваш город от любой нечисти, и добро снова восторжествует! Вы заживете куда лучше, чем сейчас. Клянусь именем семьи и своей честью!

— Защитник! Защитник! — скандировала толпа, радостно хлопая в ладоши. Торговка цветами даже бросила под копыта лошади несколько белых роз, отчего Элубио отвесил ей грациозный поклон.

Родон не мог различить слова, которые доносились с площади, однако появление представителя семьи Кальонь удивило и даже несколько насторожило его. Обычно отец Элубио заранее присылал письмо, в котором сообщалось о предстоящем визите, но в этот раз молодой Кальонь прибыл без предупреждения.

— Отец, вы знали о приезде Элубио и не сообщили мне? — услышал Родон голос

Найаллы и на миг оторвался от созерцания процессии. Старшая Двельтонь выглядела настолько взволнованной, что даже забыла постучаться, врываясь в кабинет отца. Следом за ней появилась Арайа.

— Я не получал такого известия, — задумчиво произнес Родон, заметно мрачней. В этот раз появление сына Кальонь в городе не казалось ему чем-то радостным, напротив, этот приезд мог быть опасным. Двельтонь не относился к тем людям, кого легко ввести в заблуждение, и в его глазах решение Элубио приехать именно сейчас не выглядело невинным проявлением соседского дружелюбия. С гостем прибыло как минимум тридцать солдат личного войска семьи Кальонь, и, учитывая накалившуюся ситуацию в городе, нельзя было это игнорировать. Была, конечно, вероятность, что Родон ошибается, и в свете недавних событий заговоры мерещатся ему повсюду, но господин Двельтонь в этом сильно сомневался.

— Быть может, послание потерялось? Впрочем, это не важно. В любом случае, наш долг — встретить его с радостью и принять в замке надлежащим образом, — продолжала Найалла, с интересом выглядывая в окно. Приезд Элубио показался ей весьма удачным. В замке как раз гостит доктор Эристель, и он сможет лично убедиться, что Найалла — крайне желанная невеста. Младший Кальонь испытывал к ней симпатию, и девушка сама была не прочь пококетничать с ним, однако всерьез она своего ухажера не воспринимала. Несмотря на его удивительную красоту, Найалле постоянно казалось, что мужчина этот больше увлечен собой, нежели женщинами. Старшая Двельтонь однажды не удержалась и сказала своей сестре, что она обречена встречать неправильных мужчин. Один едва ли не танцует с бубном при виде зеркал, другой — при виде засушенных листьев.

Арайа радости сестры не разделяла. Услышав ответ отца, она строго нахмурилась, словно желала изобразить мрачное настроение Родона на своем юном личике.

— Если этот Кальонь не сообщил о своем приезде, пусть размещается на постоялом дворе. Это не его замок, чтобы являться сюда, когда вздумается. Давайте запрем двери и уляжемся спать. Пусть стучатся, пока не отвалятся руки — мы не обязаны их услышать, — голос Арайи прозвучал так гневно, что Родон невольно усмехнулся, а сестра несильно толкнула ее в бок.

— У тебя вместо головы — тыква! — прошептала Найалла.

— А у тебя даже тыквы нет! — немедленно огрызнулась Арайа.

— Юные дамы, я трачу столько денег на ваше образование не для того, чтобы вы вели такие разговоры, — решительно прервал их отец. — Еще раз услышу, отправлю вас спать в кладовую, где кухарка хранит овощи, чтобы вы к утру поняли, чем отличаются тыквы от ваших голов.

— Простите, отец! — хором воскликнули обе Двельтонь.

— Хорошо. Приведите себя в порядок. Мы встретим Элубио Кальонь, как полагается в приличном обществе. Однако, будьте осторожнее и старайтесь тему магии за столом не поднимать. Арайа, тебя это касается в первую очередь.

— Как скажете, — девочка кивнула, и вскоре Родон вновь остался наедине с собственными мыслями.

Элубио и впрямь был принят, как добрый друг, с теплом и радушием. В честь него был накрыт праздничный ужин, дочери Двельтонь нарядились в свои лучшие платья, а сам Родон старался вести себя как можно более гостеприимно.

— Прошу простить меня за столь неожиданный визит, — произнес Элубио, крепко

пожимая ладонь Родона обеими руками. — До моей семьи стали доходить ужасные слухи о том, что ваш город подвергся нападению чернокнижников, и я немедленно собрался в дорогу, желая помочь вам разобраться с этой чудовищной напастью. Я привез с собой двух лучших колдунов своего города, и они готовы служить вам верой и правдой, и я лично без колебаний отдам жизнь за семью своей любимой женщины.

От этих слов Найалла слегка покраснела, чувствуя себя польщенной, однако Родон лишь сдержанно улыбнулся.

— Оставьте свою жизнь при себе, Элубио. Она вам еще пригодится. Слухи, которые дошли до вашей семьи, видимо, раздулись от ветра, поэтому, если вы им поверите, то колдуны вам будут мерещиться за каждым углом. Если послушать, о чем болтают горожане, весь мой замок кишит чернокнижниками.

Элубио весело рассмеялся, обнажая ряд ровных белоснежных зубов:

— Я знал, что все это не более, чем глупые пересуды. Я бы никогда не поверил, что Родон Двельтонь, которым я восхищаюсь, как собственным отцом, может покровительствовать злу. Наши города являют собой тот хрупкий оплот света, который нужно оберегать всеми силами. Когда наши семьи помогают друг другу, само небо благосклонно наблюдает за нашей добродетелью.

Бровь Родона чуть дернулась, однако мужчина выдавил из себя подобие улыбки. Двельтонь изо всех сил пытался списывать пафосные речи Элубио на юный возраст, но, слушая подобное, он никак не мог побороть раздражение и едва сдерживался, чтобы не сказать что-нибудь резкое.

Когда все заняли свои места за столом, молодой Кальонь представил собравшимся двух колдунов, которые прибыли с ним, а Родон в свою очередь познакомил гостей с Ларханом Закэрэль, доктором Клифаиром и Эристелем. Последний заинтересовал Элубио больше всего.

— Эристель... Это имя мне знакомо, — с этими словами Кальонь загадочно улыбнулся и многозначительно посмотрел на Эристеля, желая получить реакцию на сказанное.

— Неудивительно, — тон лекаря прозвучал с откровенным безразличием. — Имя очень распространено на севере, и в моем родном городе Эристелем не называли разве что девочек.

— О, я не об этом, — Элубио дружелюбно рассмеялся, желая расположить к себе собеседника. — Дело в том, что до меня дошли слухи, будто именно вы на празднике города находились по правую руку от господина Двельтонь. Это меня несколько озадачило, так как в нашем городе считается, что подле смотрителя города может сидеть посторонний человек лишь в одном случае. В случае помолвки с одной из его дочерей. Учитывая, что Арайа Двельтонь еще слишком молода, я почувствовал, что лучше прояснить эту ситуацию прямо сейчас.

— Наши города хоть и связаны торговлей, тем не менее законы и значение некоторых событий у нас разные, — произнес Родон, чувствуя некоторое облегчение. Если Элубио примчался сюда с целью выяснить, в силе ли его брак с Найаллой, то хвала небесам. — Скажите мне лучше вот что, мой дорогой Элубио: сообщили ли вам эти самые слухи, где на момент праздника находилась Найалла?

Кальонь слегка замешкался, пытаясь понять, не поставит ли он своим ответом себя в неловкое положение, но затем произнес:

— Госпожу Двельтонь не видели на празднике.

— Вот именно. Интересно свидание, на которое является лишь одна сторона, в то время, как другая не появилась даже на торжестве.

— Я приболела, господин Кальонь, — добавила Найалла с теплой улыбкой.

— О, простите меня за столь гнусные подозрения, — воскликнул Элубио, в тревоге глядя на свою возлюбленную. — Надеюсь, вы чувствуете себя лучше, иначе я никогда не прощу себя за свои слова.

— Все хорошо, — Найалла кокетливо опустила глаза. — Я окончательно поправилась. Жаль, праздник уже случился, и мне так и не довелось его посетить. Хорошо, что хоть доктор Эристель смог посмотреть выступления наших талантливых горожан.

— Я устрою для вас тысячу праздников, — губы молодого Кальонь тронула нежная улыбка, и щеки девушки вновь заалели. Родон воспринял это восклицание снисходительно, а Арайа и вовсе чуть нахмурилась. Элубио она величала за глаза не иначе как павлином, причем глиняным, так как юноша представлялся ей абсолютно пустым. Девочке постоянно казалось, что она наблюдает за актером, который каждый свой жест делает для того, чтобы привлечь к себе внимание. Речь Элубио звучала так, словно ее написали заранее, а улыбка сверкала настолько приторно, что однажды Арайа даже поинтересовалась у отца, почему на зубы юного Каольонь до сих пор не слетелись все мухи южных земель. Если доктор Эристель в ее глазах притворялся, потому что так требует этикет, то Элубио — чтобы расположить к себе как можно больше людей.

Но вот молодой гость вновь обратился к Эристелю, ласково улыбаясь, но при этом его слова уже звучали куда менее приятно:

— Наверное, здесь вам приходится тяжело. Южане не любят замкнутых и молчаливых людей, и я не раз слышал, что вас здесь считают странным. На севере вы, наверняка, были неприметны, и, если можно так выразиться, безымянны, судя по распространенности вашего имени. Например, мое имя — единственное в своем роде, и никто не имеет права давать его новорожденным, пока я жив. Я являюсь первым носителем этого имени, и только в мою честь родители могут называть им своих детей.

— Потрясающе, — прокомментировал Эристель таким тоном, что Элубио чуть нахмурился.

— Вот именно, что потрясающе. Редко кто может похвастаться тем, что его имя войдет в историю Южных Земель.

— И впрямь, обычно в историю входят достижения, — не удержалась Арайа, за что отец строго на нее посмотрел, а Найалла и вовсе наступила сестре на ногу.

— Расскажите, как поживают ваши почтенные матушка и отец? Здоровы ли? Не собираются ли погостить в нашем городе? — старшая Двельтонь попыталась спасти ситуацию, благо, Элубио немедленно улыбнулся и принялся рассказывать о том, что происходит в его семье.

Доктор Клифаир слушал этот разговор вполуха, больше думая о том, зачем вообще приехал сюда этот хвастливый плут. Мысли о том, что явился Элубио сюда не просто пообщаться, не покидали его с самого начала, поэтому, когда разговор внезапно перешел к семье Окроз, он ничуть не удивился.

— Мои колдуны могут хоть сегодня вычислить того, кто последним пользовался черным предметом, — теперь голос Элубио звучал куда холоднее. — Давайте после ужина проведем ритуал и выясним, что к чему. Полагаю, никому из присутствующих нечего опасаться, поэтому к чему отлагательства?

— Тем не менее я бы предпочел проводить подобные ритуалы днем, — ответил Родон. — Вы устали с дороги, да и я сам уже не прочь отправиться в постель.

— Это не займет слишком много времени, — настаивал Элубио, но Двельтонь остался непреклонен. Кальонь выдавил из себя подобие улыбки и продолжал ужин уже молча. Теперь в комнате повисло неприятное молчание. Родон не мог не замечать недовольства со стороны своего гостя и его колдунов, однако не хотел признаваться себе в том, что он попросту боится услышать ту правду, которая может ему не понравиться.

I

Утро началось с небольшого дождика, который будто бы случайно высыпался из тучи, как из прохудившегося мешка. Юг, обычно скупой на любое проявление осадков, сегодня расщедрился, отчего деревья выглядели глянцево-зелеными, словно их только что покрасили. В неровностях дорог собрались небольшие лужи, в которые так и норовили наступить неугомонные дети, а женщинам приходилось придерживать юбки, чтобы подол не превратился в мокрое месиво. В воздухе пахло свежестью, пыль, притоптанная влагой, улеглась, а сам город казался умытым и сияющим.

Элестиа Гамель как раз хозяйничала на кухне, когда в комнату вошел Инхир. Выглядел он не лучшим образом, так как к полуночи успел опустошить едва ли не все запасы виноградной настойки, хранившейся в доме. Его рыжие волосы были еще спутаны после сна, а на теле красовалась все та же вчерашняя рубашка, в которой он завалился в постель.

— Извини за вчерашнее, — произнес он, наливая в стакан холодной воды. — Мне жаль, что вчера тебе пришлось лицезреть пьяную свинью, которая не в состоянии ни говорить, ни уж тем более думать.

— Мне повезло, что мой супруг в отличие от большинства предпочитает завалиться спать, нежели дебоширить на улице, — ответила женщина и чуть улыбнулась уголком губ. Элестии недавно исполнилось тридцать девять лет, однако выглядела она довольно молодо, отчего люди не давали ей и тридцати. Элестиа Гамель была высокой и худенькой, с выразительными карими глазами, смуглой кожей и темными длинными волосами. Некоторые друзья Инхира подтрунивали над ним, мол, совершенно не кормит жену, хотя сам уже в области живота отрастил небольшие запасы. Надо сказать, Гамель гордился своей супругой: она была красива, умна и умела вести себя в обществе, не имея при этом никакого образования. Элестиа даже читала с трудом, но, глядя на нее, Родон Двельтонь как-то сказал Инхиру, что можно знать дюжину языков, арифметику и даже какие-то заклинания, но при этом оставаться дураком, а можно быть сдержанным, внимательным и чутким, и от этого быть самым мудрым человеком на земле.

До того, как Инхир сделался начальником стражи, Элестиа работала ткачихой, но нынешнее жалованье супруга позволило ей оставить свое прежнее занятие и заниматься только хозяйством. Свободное время госпожа Гамель любила проводить у Овераны Симь, где обучалась искусству шитья. Обе женщины были подругами и, если Амбридия Бокл и Матильда Жикирь являли собой лишь подобие этого слова, то дружба Элестии и Овераны была искренней. До сегодняшнего дня.

Этим утром, встретившись на рыночной площади, госпожа Симь отвела взгляд, сделав вид, что не слышит приветствия подруги. Так же повели себя Сантария Крэвель, Дарайа Ливард, Жаок Джиль и, что особенно поразило, Колокольчик, который своей болтливостью мог замучить до смерти даже глухого. Заглянув в лавку пекаря, женщина заметила, как поспешно от нее отвернулась пожилая госпожа Саторг, а сам Ронди быстро вручил Элестии буханку хлеба и бросился к другому покупателю. Обычно этот мужчина был приветлив и улыбчив, но сегодня город словно подменили. Казалось, дождик смыл маски с лиц некоторых горожан, отчего взгляд их стал холодным, а улыбка — натянутой.

Элестиа покинула рыночную площадь в спешке, чувствуя, как ее охватывает дрожь.

Когда Гамель нервничала, она не могла скрывать свои эмоции, отчего предпочла поскорее скрыться за стенами собственного дома. Женщина прекрасно понимала, чем вызвана такая перемена, и теперь, дождавшись на кухне своего супруга, решила поговорить с ним за завтраком начистоту. Благо, Инхир первым начал этот неприятный разговор.

— Что говорят в городе? — спросил он и, отщипнув кусок теплой лепешки, отправил его в рот.

— Всякое, — уклончиво ответила Элестиа, но от мужа не укрылась перемена в ее лице. Женщина опустила глаза, не выдержав пронзительного взгляда голубых глаз Инхира.

— Тебя кто-то обидел? — в голосе Гамеля послышались металлические нотки, и Элестиа поспешила разубедить его.

— Напротив, все подчеркнуто вежливо. Однако в глаза никто не глядит, словно я — ведьма какая-то. Раньше мне прогулка по рыночной площади была в радость, а сегодня я бежала, не смея оглянуться. Мои подруги не пожелали приветствовать меня, сделав вид, что не услышали моего голоса. Даже пекарь, казалось, стремился поскорее отделаться, хотя в ту минуту из посетителей у него были только я да госпожа Саторг.

— Что же это они носы воротят? — усмехнулся Инхир. — Узнали, что я больше не начальник стражи, и решили показать себя в истинной красе? Так это всего на несколько дней, могут не радоваться.

— Дело не в этом, Инхир. Я думаю, ты знаешь в чем. Не все горожане одобряют случившееся на кладбище и многие из них считают, что ты, как начальник стражи, должен был это предотвратить. Хорошо, пусть ты отказался поддерживать «ведьмолюбца», но почему ты позволил горожанам устраивать беспорядки? В результате погиб невинный юноша.

— Лагон Джиль никогда не был невинным, — нахмурился Гамель. — Сколько раз его пороли за бесчинства? Сколько раз запирали в подземельях? Его никто не просил лезть под копыта разъяренного стада. Мог постоять в стороне, как и остальные, кто сейчас на тебя косится. Тоже мне, судья недоделанные... На себя бы поглядели!

— Вот именно, что не Лагон Джиль должен был лезть под копыта. Это твоя обязанность — охранять город от любого рода безумств. Я не упрекаю тебя, Инхир, я пытаюсь понять тебя.

— Нечего тут понимать. Если в городе будут бесчинства, а Родона Двельтонь объявят пособником чернокнижников, место главного зрителя займет Элубио Кальонь. Я давно переписываюсь с его отцом и докладываю о происходящем. Ситуация с семьей Окроз пришла как нельзя кстати. Вот увидишь, Элестиа, скоро все у нас наладится. Заживем не хуже Пехира Агль. И подруги у тебя станут новые, достойные тебя и твоего положения.

— Как же это..., — выдохнула Элестиа, не сводя с супруга испуганных глаз. — Это же предательство. За то, что ты доносишь на Родона Двельтонь, не сносить тебе головы. Небо, зачем ты пошел на такое? Живем мы что ли хуже всех? Зачем тебе продавать свой собственный город семье Кальонь? Ты хоть знаешь, по каким законам они живут? А я знаю. Моя семья бежала оттуда, когда я была еще младенцем, потому что люди там живут не лучше скота. В любой день могут прийти и убить за выдуманный проступок. Кальонь собирает с горожан такие налоги, что матери душат во сне своих детей, не в силах смотреть, как они умирают от голода. Кальонь стремятся превратить свой город в морскую державу. Их город уже поглотил два приморских, опустошил и теперь стремится поглотить еще один. И знаешь, что самое страшное? Людям внушают там, что они преследуют великие цели, что

они под защитой от иноземного врага, а любой заезжий торговец лишится языка, если скажет хоть одно дурное слово против семьи Каольонь и их методов правления.

— Глупости! Ты уехала оттуда младенцем. Откуда ты знаешь, как теперь правят в соседних городах? Зато я знаю точно, что семья Кальонь намного богаче Двельтонь, и если их законы приносят такие деньги, будь я проклят, если откажусь от предложенного мне состояния. Я не такой дурак, чтобы ютиться в этом домишке и принимать подачки от Родона, в то время, когда могу жить, как король.

— Да как же в глаза соседям смотреть будешь? — воскликнула Элестиа, не веря, что перед ней сейчас находится ее супруг. Лицо Инхира исказилось ненавистью, и он закричал:

— А ты свиньям часто в глаза заглядываешь? Вспомни, кем была ты, пока мы не встретились. Ткачихой! Тощей. Голодной. До сих пор откормить тебя не могу. Того и гляди, переломишься. Вот что дал тебе Родон Двельтонь? А сейчас посмотри на платье свое нарядное, на туфли, которые не сбивают тебе ноги в кровь, на кольца с драгоценными камнями. Как думаешь, кто оплатил тебе твою красивую жизнь? Родон Двельтонь? Нет, моя милая голубка, не он, родимый. И ради того, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась, я готов сжечь тысячу ведьм, не важно, виновны они или невинны, как небеса.

— Ты ли это? — прошептала Элестиа. Она почувствовала, что лицо ее мужа размывается пеленой слез, наворачнувшихся на глаза, отчего поспешно покинула кухню. Оказавшись в спальне и закрыв за собой дверь на щеколду, женщина опустилась на пол и беззвучно заплакала. Обняв свои колени, Элестиа дрожала всем телом, с трудом сдерживая рвущиеся из груди рыдания. Затем она сорвала с пальцев все кольца и швырнула их от себя, отчего они с глухим стуком закатились под кровать и замерли у стены. В этот самый момент на кухню вошла Катэриа Гамель и опустилась на стул подле отца.

— Я слышала, как вы ругались, — мягко произнесла она, беря руку отца в свои ладони. Инхир грустно улыбнулся и ласково потрепал дочь по волосам свободной рукой. Как же она была на него похожа: такие же непослушные рыжие волосы, ярко голубые глаза, разве что форму губ переняла у матери да чуть смугловатую кожу.

— Твоя мать всегда была слишком порядочна для этого мира, — тихо произнес Инхир.

— Она успокоится и смирится. Матушка вечно принимает все близко к сердцу. То Шаоль Окроэ оплакивала, теперь Лагона Джиль. А кто все эти люди для нее? Что они сделали?

— Ты должна поддерживать ее, дорогая. Твоей матери сейчас непросто. Она привыкла быть хорошей в глазах окружающих и не понимает, что окружение у нее совершенно не то. Твоя мать достойна дружбы с Дизирой Агль, а не какими-то с швеями да прачками.

— Я всегда мечтала дружить с Найаллой Двельтонь, а не с Шаоль Окроэ и ей подобными, — рыжеволосая девушка нахмурилась. — Скажи мне, отец, почему одним дается все с рождения, а другим приходится работать из последних сил и так никогда и не достигнуть желаемого? Почему счастливы только те, у кого есть огромные деньги, в то время, как я обязана жить просто и скромно. Я видела кольцо Найаллы Двельтонь на приеме... Разве мое сравнится с ее?

С этими словами девушка вытянула руку, с презрением глядя на золотое колечко, украшенное небольшим рубином.

— Я так хочу жить в роскоши, отец. Хочу носить лучшие платья, украшения, туфли, шляпки, мечтаю танцевать на балах у правителя Южных Земель. Каждый вечер перед сном я молю небеса, чтобы пришло время, и я вышла замуж за такого знатного красавца, как Элубио

Кальонь. Но вот я просыпаюсь и понимаю, что нужно помогать матери заниматься стиркой, готовить еду и убирать дом. И я знаю, что пока моя рука полощет простыни, ни один знатный кавалер никогда не поцелует ее. За мной будут таскаться всякие Файгины Саторги и остальные ничтожества, которые будут топтать мои мечты, пока я не умру.

— Все изменится, дорогая, я обещаю тебе! — произнес Инхир. — Когда семья Кальонь подарит мне титул, все станет совершенно иначе. Ты будешь танцевать на балах самого Верховного Хранителя, и самые достойные юноши этого мира будут мечтать о тебе. В конце-концов, род Двельтонь тоже начинался с улицы. Дед Родона был обычным кузнецом, который даже читать не умел. А теперь погляди, где живут его потомки.

— Пусть небо услышит тебя, отец, — прошептала Катэриа и порывисто обняла его. — Пусть так и случится.

Ее взгляд устремился в окно, откуда виднелись черные башни замка семьи Двельтонь. Сердце девушки наполнилось трепетом, и она еще крепче прижалась к отцу. Она представляла, как сейчас Найалла Двельтонь и ее сестра завтракают, сидя в роскошной обеденной, украшенной мрамором и позолотой. Их пальцы сжимают изящные серебряные приборы, а вокруг суетится прислуга, спеша подать очередное блюдо или подлить чай. Сидящие за столом весело смеются и обсуждают разные новости, и в их жизни нет ничего такого, от чего улыбки могут хоть на минуту померкнуть.

В чем-то Катэриа Гамель была права: семья Двельтонь сейчас действительно завтракала в окружении своих гостей, однако улыбки на их устах были натянуты, а разговор звучал подчеркнуто прохладно. Элубио Кальонь все еще пытался выглядеть приветливым, однако его слова разбивались о стену молчания со стороны Родона или о деланные улыбки со стороны Найаллы. Казалось, старшая Двельтонь наконец поняла, что над ее семьей ступили тучи, и особенно заметно это было после вчерашнего спора по поводу проведения ритуала. Отец дал ясно понять, кто в замке — хозяин, и Элубио это не понравилось. Господин Закэрэль тоже не стремился общаться с гостями, а оба доктора и вовсе отсутствовали за столом ввиду обязательств перед другими больными. Арайа, в свою очередь, за весь завтрак не проронила ни слова. Лицо ее выглядело уставшим, будто девочка спала всего лишь несколько часов. Это действительно было так: едва кормилица потеряла бдительность, Арайа бросилась в библиотеку и практически до утра искала информацию о том, как проводится ритуал поиска последнего владельца предмета. Ближе к пяти утра, девочке наконец удалось найти нужные страницы, и теперь она чувствовала себя хоть немного подготовленной. Скорей всего отец не позволит ей присутствовать при этом событии, но Арайа надеялась, что Элубио пожелает, чтобы как можно больше людей увидело его стремление помочь, поэтому примет сторону младшей Двельтонь.

Пока Элубио рассказывал о том, что его отец планирует увеличивать флот до семидесяти кораблей, Родон внезапно насторожился и пристально посмотрел на своего гостя. Услышанное не произвело бы такого впечатления, если бы в памяти господина Двельтонь не промелькнуло воспоминание о записках одного из горожан. Они состояли из обрывистых фраз, нелепых настолько, что еще совсем недавно Родон и Найалла весело смеялись, обсуждая их. Теперь же записки внезапно обрели смысл, во всяком случае, одна из них, и теперь мужчина гадал, что значили остальные. Родону вспомнился крупный почерк Полоумного Игши, городского сумасшедшего, которого всерьез не воспринимал ни один нормальный человек. В первой записке Игша набросал следующее:

«Вторжение морских пегасов будет черным»

Родон почувствовал, как его сердце начинает биться быстрее. В этот самый миг ему захотелось подняться из-за стола и направиться в кабинет, где можно было уединиться со своими мыслями. Понимание обрушилось на мужчину с такой силой, что он невольно затаил дыхание, пытаясь успокоиться. Перед глазами едва ли не наяву развевалось знамя семьи Кальонь, на котором красовался гарцующий пегас, а слова Элубио о флоте добавили смысл слову «морской». Что Игша имел в виду под «черным», оставалось загадкой. Быть может, он хотел сказать, что Кальонь-младший придет ночью или тайно, или, что еще скорее, его визит несет за собой дурные последствия. Или городской дурак на самом деле был Видящим, который предсказал появление в городе чернокнижников или указывал на черный предмет.

Мысли мужчины лихорадочно метнулись ко второму пророчеству:

«Редко какая смерть разгуливает рядом с тем, кого не собирается забирать»

Теперь господин Двельтонь не мог посмеяться над этой фразой, как делал это прежде. Кого имел в виду Игша, он не мог понять, но предполагал, что речь идет о семье Кальонь. Видимо, Элубио все-таки не планирует причинять ему вреда, хотя у Родона не было гарантий, что он мыслит в правильном направлении. Возможно, городской сумасшедший имел в виду Инхира Гамеля или даже самого чернокнижника. Если последним являлся Эристель, то все сходится, но если все-таки нет? Что делать тогда?

Третье предсказание звучало еще более странно:

«Ни одна метла не выметет столько пыли, сколько будет в этом городе»

Что означало последнее видение пророка, мужчина понять не мог. Неужто город поглотит песчаная буря, которых здесь отродясь не было?

Родон терялся в догадках. Кто знает, быть может, «морские пегасы» — это всего-лишь глупое совпадение, и подобному вообще не стоило придавать значения? Да и смерть, если подумать, разгуливает с каждым живым. Вот только эти рассуждения ничуть не успокаивали.

Внезапно мужчина, словно на что-то решившись, подозвал к себе слугу и едва слышно произнес:

— Передай Виару, чтобы немедленно нашел мне Игшу, городского сумасшедшего, и как можно скорее доставил его в замок.

Слуга молча кивнул, после чего покинул комнату. Родон проводил его мрачным взглядом. То, что какой-то чокнутый выбил из колеи самого зрителя города, никак не укладывалось в голове, однако и закрывать глаза на свои догадки в данном случае могло быть непростительно опасно.

Элубио продолжал заливисто рассказывать о достижениях своей семьи, а Родон смотрел куда-то в пустоту, думая лишь о том, что еще может сообщить ему Полоумный Игша, и успеют ли они встретиться до проведения ритуала?

II

Обычно то, что вечером напоминает катастрофу, на рассвете утрачивает своим мрачные очертания. Солнечные лучи соскабливают тени со всего, что ночью кажется безысходным, и в сознание закрадываются первые штрихи надежды. Но, к сожалению, бывают и исключения. Время имеет свойство либо накаливать обстановку, либо охлаждать. В случае Родона Двельтонь любая, даже самая незначительная минута играла против него. Элубио Кальонь настаивал на проведении магического ритуала уже с вечера, отчего окончания завтрака ждал с нескрываемым нетерпением. Но, когда господин Двельтонь вновь начал

диктовать свои условия, молодой мужчина уже откровенно выразил свое недовольство:

— Если вам нечего бояться, то к чему промедление?

В этих словах прозвучал вызов, не прикрытый уважением ни к старшему, ни к хозяину дома. В карих глазах Элубио даже промелькнула снисходительная насмешка, словно он был охотником, который загнал свою добычу в угол. Юноша чувствовал свою власть, потому что впервые в жизни она у него появилась, отчего Кальонь-младший был буквально опьянен ей. Прежние отношения с Родоном оказались с легкостью перечеркнуты, и теперь Элубио не желал «пресмыкаться». Ответ Двельтонь вызвал в нем лишь очередную волну раздражения.

— Повторяю, мы проведем ритуал, когда вернутся оба лекаря, — голос Родона звучал холодно и резко. — Я не обязан объяснять свои решения, но в этот раз закрою глаза на твою дерзость, Элубио, и отвечу: утром я принимаю посетителей, и я не собираюсь менять свои привычки в угоду твоему нетерпению. Сегодня хороший день. Пойдите с Найаллой на прогулку. Когда есть, чем заняться, время тянется не так медленно.

С этими словами Родон кивнул на дверь, точно подгоняя Элубио, как глупого мальчишку. То, что молодой Кальонь так бесцеремонно является в его кабинет со своими требованиями, крайне не понравилось мужчине. Обычно сияющий и лучезарный Элубио словно утратил свою золотую маску, и теперь уродливая ржавчина красовалась на его истинном лице. Впрочем, больше Элубио спорить не стал. Криво ухмыльнувшись и отвесив театральный поклон, молодой мужчина стремительно удалился. Звать на прогулку Найаллу он не стал, а уединился в своей комнате, где начал составлять письмо своему отцу. Элубио нервничал, как бы проклятый Двельтонь вообще не отказался от проведения ритуала.

Дописав последнюю строку, Кальонь вызвал своего посыльного и передал ему запечатанное послание, после чего немедленно отправился к своим колдунам. Рикид и Баркал без колебаний согласились на верховую прогулку по городу, но влекли их не красоты местных улочек, да шумливая базарная площадь, а уединенный берег реки, где можно было спокойно поговорить о сложившейся ситуации. Как известно, любые стены имеют уши, поэтому Элубио счел нужным остановиться на мосту, откуда любой незваный гость будет замечен издали.

— Если он будет и дальше тянуть время, придется вмешаться отцу, — начал молодой Кальонь, мрачно глядя на бегущую внизу воду. — Подумать только, я еще буду опозорен в глазах собственных родителей из-за этого проклятого феодала. Как вообще эта сошка смеет огрызаться?

— Вы всегда можете доложить о происходящем правителю южных земель. Уж он заставит Родона подчиниться, — Рикид заговорил первым, желая успокоить своего господина. То был седовласый мужчина лет пятидесяти семи с холодными синими глазами. Его голос звучал низко, поэтому с непривычки у большинства собеседников по коже пробегали мурашки. Лицо Рикида отличалось резкими чертами и длинным носом, отчего внешне мужчина напоминал хищную птицу. Облачен этот человек был в черную мантию без каких-либо узоров, лишь на его шее висели какие-то странные амулеты из серебра, а на пальцах красовались кольца с полудрагоценными камнями.

Второй колдун, Баркал, был моложе Рикида всего на пару лет, однако волосы его были жгуче-черными, длинными и спутанными, словно мужчина понятия не имел, что такое гребень. Глаза его были карими, а взгляд острым, как кинжал, который испаривал собеседника с насмешливой жестокостью. Если бы не манера колдуна при разговоре кривить губы, Баркала можно было считать привлекательным, вот только с женщинами этот

человек был весьма жесток. Его первая жена скончалась через несколько месяцев после брака от неизвестной болезни, на самом деле вызванной ядом. Вторая попросту исчезла без следа, благо, семья Кальонь помогла замять эту неприятную историю.

Оба мага с черными предметами были знакомы не понаслышке. Именно Рикид предоставил в пользование Инхиру ту самую злополучную книгу, дабы вызвать в городе Двельтонь дополнительные волнения. История с некоей семьей, которая под носом Родона будет практиковать черную магию, разрабатывалась не один месяц. Все началось с того, когда травля двуглавого Точи завершилась жестокой расправой с его обидчиками. С одной стороны, случившееся не выглядело, как нечто темное и магическое, поэтому не могло служить достаточным аргументом, чтобы обвинить город Двельтонь в сокрытии чернокнижников. Но именно этот случай показался отцу Элубио особенно интересным. Мужчина предположил, что, если его правильно развить, что ситуация могла накалиться до самой невероятной температуры.

В первую очередь, Кальонь-старший перекупил несколько доверенных лиц Родона Двельтонь: господин Карж, казначей, стоил куда дороже Инхира Гамеля, но и пользы приносил немало. Он докладывал ему обо всем до таких мелочей, что даже о приезде Пустынных Джиннов Кальонь узнал раньше, чем сам Родон определился, что хочет видеть их у себя на празднике. Остальные продажные сошки стоили гроши, но работали не менее старательно: был кто-то из личной стражи Родона, кто-то из слуг, даже конюх пытался доносить за лишнюю монету.

Так как к господину Двельтонь люди относились довольно хорошо, первой задачей было скомпрометировать его в глазах собственного народа. Толпа рубила головы своим любимцам так же легко, как и заклятым врагам, поэтому семья Кальонь даже не сомневалась, что сложностей тут не возникнет. Когда в городе начнутся беспорядки, информация о том, что Родон не справляется, начнет поступать правителю Южных Земель, и это поможет очернить семью Двельтонь уже в глазах всего юга. А когда слухи дойдут до Верховного Хранителя, имя Родона можно будет смело вычеркивать из списка смотрителей городов.

Лучшим способом скомпрометировать семью Двельтонь — это заклеить их «ведьмолюбцами». Нет ничего проще, чем незаметно прислать в город чернокнижника, который начнет использовать откровенно магические приемы, например, повторив тот случай с Двуглавым Точи. Семью Окроз выбрали абсолютно случайно, решив, что их история может показаться людям особенно пугающей. Человек больше всего боится именно тогда, когда знает, что заслуживает кары, и от этого он готов поверить во что угодно, будь то ведьма, призрак или любая другая нечисть. Мертвец, разгуливающий по городу и уничтожающий всех своих обидчиков, пришелся как нельзя кстати. Появились, конечно, и некоторые осложнения. Одна из Пустынных Джиннов вычислила чернокнижника раньше, чем он успел закончить свои дела, отчего от девицы пришлось избавиться. Инхира Гамеля, как начальника стражи, решили во все нюансы не посвящать, чтобы он мог безупречно играть свою роль, пока от него не избавятся. Его главной задачей оставалось — подбросить книгу, и с ней он превосходно справился.

Элубио Кальонь еще несколько минут молча наблюдал за стремительным потоком реки, а затем заговорил вновь:

— Отец еще просил разобраться, что там за второй колдун, которого так сильно чувствует наш, но при этом не понимает, откуда дует ветер. Вы что-то заметили?

— Я тоже чувствую его энергетику в городе, — ответил Баркал. — Холодная, я бы даже сказал, сырая. Маг воды или, скорее, земли, не иначе.

— Можно и иначе, — усмехнулся Рикид. — Энергетика некромантов тоже холодная и сырая. Правда, скрывать ее гораздо сложнее.

Баркал искривил губы в неприятной улыбке:

— Тогда это довольно жалкий некромантишко, раз он предпочитает отсиживаться в тишине, а не собирать войска нежити, как делают это истинные чернокнижники.

— И кто это может быть? — нетерпеливо перебил их Элубио. — Небо, за что я вам вообще плачу?

— Терпение, мой почтенный господин, — спокойно ответил Рикид. — Любой маг, кем бы он ни был, рано или поздно делает что-то, что позволяет его вычислить. Если этот скрытный господин рискнет произнести хоть одно магическое слово, я найду его с закрытыми глазами.

— То есть, в окружении Родона вы его не чувствуете? Закэрэль отпадает?

— К сожалению.

— А этот старикашка Клифаир и чужеземец? С ними что?

Рикид бросил взгляд на Баркала, а затем, чуть помедлив, ответил:

— Очень много лекарей обладают минимальными навыками магического целительства. У старика они выражены сильнее, у северянина — слабее. Пока нужно набраться терпения и просто ждать.

— Отец точно придет в ярость. И все из-за вас! — в такие моменты Элубио напоминал ребенка, который так боялся наказания, что готов был злиться на кого угодно, обвиняя их в своих провалах. Оба колдуна привыкли к столь раздражительной черте характера молодого Кальонь, но за глаза не брезговали высмеять самодовольного дурака и даже поделиться, какими способами можно его прикончить.

Тем временем в замок Родона Двельтонь привели человека, которого и человеком-то назвать не получалось. Перед зрителем города предстал всклокоченный седой старик, тощий настолько, что можно было посчитать все его ребра. Тело мужчины скрывали драная рубаха да широкие штаны. Одежда была грязной и мешковатой, отчего старик выглядел еще более худым. Обувь на ногах мужчины и вовсе отсутствовала, словно этот человек даже понятия не имел, для чего она может быть нужна.

Родон смотрел на трясущееся изможденное существо, и в его мыслях появилось неприятное ощущение, словно беда с чернокнижником обрушилась на него именно потому, что само небо пожелало наказать зрителя города за столь жалкое существование его подопечных. Почему-то в памяти возник момент, когда Родон покупал для Найаллы кольцо из драгоценных камней, и торговец назвал ему цену. Теперь же эта цена звучала несколько иначе: блестящая безделушка стоила десятков жизней голодающих бедняков, и от этой мысли Родону стало не по себе.

«Как много еще таких людей в городе? Эригель говорил, что они приходят к нему лечиться, находясь практически при смерти, потому что обратиться раньше им не позволяет отсутствие денег», — подумал Родон.

— Поклонись господину Двельтонь, — внезапно прозвучал резкий голос стражника, и старик задергался еще сильнее, отчего Родону стало неловко.

— Оставь нас!

Приказ зрителя города несколько озадачил солдата. Он бросил настороженный

взгляд на старика, прикидывая, хватит ли у того силенок навредить Родону, но спорить с господином не стал. Поклонившись, он покинул кабинет, после чего Двельтонь приблизился к старику и молча поставил перед ним стул.

— Садись... тесь, — Родон сам от себя не ожидал, что обратится к городскому сумасшедшему на «вы», но тот будто не услышал его. Старик смотрел куда-то в стену невидящим взглядом, словно в комнате кроме него вообще никого не было.

— Вам тяжело стоять, присядьте, — повторил Двельтонь, но его странный гость по-прежнему не двинулся с места. Тогда Родон продолжил:

— Послушайте, Игша, я бы не потревожил вас без видимой на то причины, но ваши пророчества начали сбываться. Если я правильно вас понимаю, то я хочу узнать подробности того, что вы видели. Что за смерть разгуливает со мной? Что за пыль заметет улицы города?

— Ннн..., - в тот же миг старик вздрогнул и отчаянно замотал головой. — Ннн...

Это был единственный звук, который наконец издал Игша. Горожане не зря называли его полоумным: то он выкрикивал какие-то безумные фразы, то не мог выдать из себя ни слова.

— Прошу вас, Игша, помогите мне.

— Ннне... Ннне преследуй. Не преследуй. Ни за что не преследуй, — бормотал сумасшедший, дрожа всем телом. В какой-то миг Родону показалось, что этот человек вот-вот потеряет равновесие — так яростно он мотал головой и отмахивался руками.

— Я не собираюсь вас преследовать. Только скажите мне, что означают ваши записки.

— Не преследуй! Не преследуй! Не преследуй! Не преследуй! НЕ ПРЕСЛЕДУЙ!!!

Последнее слово старик закричал, и его тело резко дернулось, словно в нем что-то сломалось. Глаза Игши метались из стороны в сторону, а его дикие вопли становились все громче. Охранник ворвался в кабинет без стука, испугавшись, что ненормальный старик может что-то сделать. Родон, бледный, как полотно, стоял поодаль, не сводя взгляда с безумного существа, не зная, что ему делать.

— Проводи его домой, — севшим голосом произнес Двельтонь, обратившись к охраннику. — И вели кухарке дать ему еды... Как можно больше еды. Небо...

Последнее слово Родон произнес уже шепотом, когда он остался в кабинете один. Увиденное произвело на него жуткое впечатление, и он с нетерпением ждал возвращения доктора Клифаира. Хотелось поговорить с ним об этом сумасшедшем и понять, лечится ли подобное безумие, и бывают ли у такого минуты просветления. У мужчины никак не укладывалось в голове, как существо, которое дрожит всем телом, умудряется писать ему записки столь ровным почерком. И вообще, действительно ли их писал Полоумный Игша? Или это был кто-то другой, тот, кто не пожелал назвать своего настоящего имени?

Ближе к полудню Элубио Кальонь получил то, что хотел. Он вместе со своими магами, а так же Родон, господин Закэрэль, доктор Клифаир, Эристель, Найалла и Арайа сидели в каминном зале вокруг небольшого стола, в центре которого лежал сверток прямоугольной формы. Шторы в помещении были плотно завешаны, отчего солнечные лучи беспомощно уткнулись в ткань, не в силах проникнуть в комнату. Дневной свет заменяли горящие свечи, которые были расставлены на каминной полке, сохраняя в зале необходимый для ритуала полумрак. Сегодня эту комнату наполняли совершенно противоречивые чувства: самоуверенность, предвкушение, тревога, непонимание и даже страх. Среди собравшихся был только один человек, кого совершенно не волновал исход ритуала, поэтому за все время подготовки он не проронил ни слова. Эристель молча наблюдал за действиями Рикида и

изредка поглядывал на Родона, который изо всех сил старался скрыть свое волнение. Благо, у него это получалось. Что касается сестер Двельтонь, на их лицах, напротив, читалось откровенное беспокойство, а Найалла, казалось, и вовсе хотела поскорее покончить со столь ужасным занятием. Арайа же больше волновалась за семью Окроэ и своего отца, нежели от того, что ритуал может быть опасен. Хотя Родона и уверили в том, что ничего плохого произойти не может, тем не менее черный предмет оставался черным, и никто не знал, какие тайны скрывает в себе кожаная обложка.

— Не волнуйтесь, — произнес Рикид. — Книга не может принести вреда, если вы ее не коснетесь. Рискую только я. Я не раз сталкивался с черными предметами и находил их владельцев, поэтому верьте мне. Сохраняйте спокойствие, и все пройдет как нельзя лучше.

— Я бы предпочел подождать еще пару дней, когда сюда придут остальные маги, — нахмурился Родон. — Ваша спешка может навлечь на нас беду.

— Или ваше промедление, господин Двельтонь, — вмешался Элубио, и в его голосе прозвучала насмешка. — Насколько мне известно, вы никогда не относились к тем, кто боится правды, но последние часы буквально вынуждают меня начать сомневаться. Приступайте же, Рикид. Или вам нужна еще тысяча лет, чтобы успокоить каждого? Черный предмет перед вами, действуйте!

Арайа бросила взгляд на Элубио, и в ее глазах читалась неприкрытая ненависть. Девочка изо всех сил пыталась вести себя, как положено кроткой даме из почтенной семьи, но ее сердце переполнял гнев на самодовольного мерзавца. Родон проигнорировал выпад в свой адрес, словно его вообще не интересовало тявканье мелких шавок, но на лице доктора Клифаира нельзя было не заметить раздражения. Он чувствовал негодование от того, что молодой человек, будучи в этой семье гостем, не стыдится оскорблять хозяина, который всегда был добр к нему.

Господину Закэрэль подобная обстановка тоже была неприятна. Все эти годы он предпочитал держаться от людей подальше, не в силах примириться с их жаждой власти, богатства и славы. В городе Закэрэль и вовсе стремился появляться как можно реже, так как именно здесь ненавистные ему человеческие пороки приобретали наиболее выраженную окраску. Лархана тянуло к дикой, нетронутой природе, к животным и птицам, отчего он искренне дорожил своим уединением, предпочитая общаться разве что со зверями. Мужчина любил долгие прогулки по лесам и болотам, куда редко ступала нога человека. Он легко узнавал птиц по чириканью, а животных — по их следам. Все, что связывало его с лесом, было чистым, невинным и искренним, в то время, как город источал зловоние человеческой сущности. Сидя в этой комнате, мужчина думал о том, как сильно ему хочется вернуться домой, наполнить кормушку для птиц и пройтись по любимому лесу. Он хотел жить тихо, в уединении, не связываясь с людьми и не требуя у них ничего взамен. Покой был для него единственным истинным сокровищем, отчего Лархан после ритуала решил сразу же покинуть город.

Мысли Эристеля окружающим были не ясны. Его взгляд то и дело останавливался на прямоугольном свертке, отчего Элубио не выдержал и, хлопнув его по плечу, весело заявил:

— Да не бойтесь вы так, доктор. Ничего вам эта книжонка не сделает. Будет, что внукам рассказать, если, конечно, таковыми обзаведетесь. А то люди всякое говорят...

Баркал тихо рассмеялся, и Элубио подмигнул северянину, желая обратить все в невинную шутку. Эристель улыбнулся в ответ, и впервые молодой Кальонь почувствовал, как сильно ему неприятен этот человек. И дело было даже не в том, что он был приближенным

Родона. Что-то в этом чужеземце казалось неестественным, словно кукла пыталась выдать себя за живого человека. Его белые волосы, бледность и чересчур яркие глаза вызывали ощущение какой-то карикатурности, а отсутствие южного темперамента и вовсе раздражало. И тем не менее было что-то еще, что Элубио никак не мог разобрать. Оно проскользнуло при первой встрече, нечто отталкивающее, но затем укрылось в памяти и уже не возвращалось. Теперь Элубио видел перед собой лишь тихого докторишку, который, наверняка, был напуган при виде черного предмета.

— Вы, наверное, такого даже близко не видели? — продолжал веселиться молодой Кальонь, подтрунивая над приезжим. Но вот Рикид сделал знак, и в комнате воцарилось молчание. Собравшиеся устремили взгляд на сверток, который маг начал осторожно разворачивать. Когда появился уголок книги, по телу присутствующих пробежал холодок. Теперь глаза каждого в этой комнате были буквально прикованы к черному предмету, и невольно хотелось задержать дыхание. Черная обложка, на которой были выдавлены неизвестные письмена, мрачно выделялась на поверхности стола, и в этот самый миг присутствующим показалось, что книга тоже смотрит на них. Она заглядывала прямо в сердце, отыскивая самое сокровенное, проникала под кожу холодом и сыростью, наполняя сознание привкусом отчаяния и безнадеги. Солнечный день, что пытался пробиться сквозь шторы, внезапно унесся куда-то далеко, и собравшиеся чувствовали, как о ставни царапается холодная ночь. Огоньки на свечах задрожали, словно дыхание мрака коснулось их, поглощая жалкие крупички тепла, а затем пламя стремительно вытянулось.

Рикид обвел взглядом окружающих, а затем начал произносить магическое заклинание. Голос его звучал глухо и вбивался в сознание присутствующих ударами, глаза затуманились, словно мужчина полностью погрузился в другую реальность. Дрожащая рука колдуна легла на поверхность книги, отчего пламя свечей начало искрить.

— Имя, — услышали присутствующие. — Имя...

В тот же миг Рикид взял со стола приготовленный кинжал и, порезав себе ладонь, вновь прижал ее к поверхности книги. Пламя свечей вытянулось вновь, словно черный предмет получил то, что хотел. Кровавые разводы начали собираться в буквы, и Эристель первым отвел взгляд от книги, посмотрев на господина Закэрэль. На лице мага он прочитал нескрываемый ужас, и северянин мысленно выругался. Его взгляд метнулся к свечам, пламя которых оставалось неизменно вытянутым, и это понравилось ему еще меньше. Кровавые буквы собрались в имя, прочитав которое Найалла тихо вскрикнула, а Родон побелел, как полотно.

Черный предмет представил своего последнего владельца.

Им была Акейна Окроэ.

III

Есть вещи, которые, казалось бы, очевидны, однако, сколько ни стараешься, поверить в них все равно не удастся. Сознание отталкивает их обеими руками, как нечто фальшивое и от этого еще более безобразное.

То, что сейчас происходило в каминном зале замка Двельтонь, напоминало чью-то жестокую шутку, от которой не то что смеяться, заговорить никак не получалось. Молчание обрушилось на присутствующих тяжелой глыбой, вот только молчалось всем почему-то по-разному. Безмолвие одних звучало ликованием, которое отражалось в глазах снисходительной насмешкой, другие же были поражены настолько, что попросту не знали, что сказать. Единственный, кто здесь действительно смеялся, был черный предмет, обложка

которого плотоядно поблескивала, насытившись кровью. Книга представила своего владельца и теперь смаковала последствия.

Доктор Клифаир был первым, кто прервал эту страшную тишину.

— Нет, — решительно произнес он. — Это совершенно невозможно. Я знаю эту семью едва ли не с детства. Произошла ошибка.

— Ритуал был исполнен по всем правилам, — спокойно возразил Рикид, глянув на Элубио, отчего тот довольно кивнул.

— Я не говорю, что именно вы что-то сделали неверно. Быть может, эта книга уже была заколдована, и она могла назвать любого из нас? — Клифаир беспомощно посмотрел на господина Закэрэля, надеясь на поддержку с его стороны. Однако Лархан молча опустил глаза. Меньше всего на свете ему хотелось вступать в столь бессмысленный спор. Отшельник изо всех сил старался избегать людей и теперь проклинал себя за то, что вообще согласился приехать в этот проклятый город. Нужно было сослаться на плохое самочувствие и дальше заниматься хозяйством, а не тонуть в магических интригах более могущественных колдунов.

Слова Клифаира заставили Элубио неприятно улыбнуться:

— Для скромного лекаря из маленького городка подобные познания в черной магии кажутся необычными.

Родон посмотрел на старика и чуть заметно отрицательно покачал головой, прося его не продолжать. Он понимал чувства Клифаира и сам не желал верить в увиденное, однако Двельтонь опасался, как бы доктор не поплатился за свои неосторожные слова жизнью.

Элубио иронично прищурился, наблюдая за тем, как пожилой доктор начинает еще больше горячиться.

— Вот что я тебе скажу, мальчик, — воскликнул Клифаир. — Любой, уважающий себя лекарь должен хоть немного разбираться в колдовстве, иначе, как отличить природную болезнь от магического проклятия? За свою жизнь я прочитал немало книг и учился у множества мудрецов, и я не собираюсь оправдываться за свои знания перед каким-то зарвавшимся...

— Довольно, — прервал его Родон, не желая, чтобы конфликт разгорался еще больше. — Прошу вас, не нужно.

Клифаир снова посмотрел на Закэрэля, но отшельник продолжал хранить молчание. Эристель же казался напуганным, отчего старался вовсе не привлекать к себе внимания. Северянин смотрел на книгу, точно боялся поднять глаза на Элубио и встретиться с ним взглядом. Арайа и Найалла тоже не вмешивались, все еще не в силах поверить в увиденное. Родон тем временем продолжил говорить, теперь уже обратившись к колдунам Элубио:

— Господа, я благодарю вас за оказанную помощь. Надеюсь, объединив усилия, мы сумеем докопаться до правды и наказать виновных. Книга признала своим последним хозяином Акейну Окроэ, но не означает ли это, что черный предмет попросту находился в доме той семьи? Быть может, он вообще не применялся никем из женщин Окроэ?

— Увы, господин Двельтонь, — Рикид покачал головой. — Черный предмет указывает только на тех, кто им пользовался. К тому же, я слышал о магическом ритуале, когда колдун покидает собственное тело и вселяется в другое. В данном случае, в тело покойной Шаоль. Это очень сложное и опасное заклинание, темное настолько, что обратного пути уже нет. Поверьте мне, ведьма крайне сильна, и ее необходимо уничтожить.

— Если она настолько сильна, то почему до сих пор находится в замке? — не выдержала Арайа. — Любая бы на ее месте уже давно сбежала. А по дороге прикончила бы

нас, еще до проведения ритуала. Чего она дожидается?

Теперь уже в разговор вступил Баркал:

— Я полагаю, что после столь тяжелого заклинания, ведьма выдохлась. Магические силы не безграничны, и даже самый сильный маг в такие моменты оказывается уязвим. Но, наверняка, она уже знает, что мы придем за ней. И что жить ей осталось недолго.

— Не спешите, господин Баркал, — произнес Родон. — Я все еще собираюсь дождаться приезда остальных магов. Они старше и опытнее, и поэтому...

— Как вы не понимаете, — вскричал Элубио. — С каждой минутой ведьма становится сильнее! Потраченная энергия восстанавливается, и если мы и дальше будем ждать, она нас всех уничтожит!

В тот же миг он достал из внутреннего кармана своего камзола письмо с печатью правителя южных земель.

— Здесь сказано, — продолжал Кальонь, — если черный предмет назовет своего хозяина, то и колдуна, и его проклятую книгу нужно немедленно сжечь! Если же вы, господин Двельтонь, будете мешать, мне придется запереть вас в темнице. По воле правителя юга, на время разбирательства вы отстраняетесь от своих обязанностей, и вашу должность поручено занять мне. Пока что я еще верю, что вы не покрываете чернокнижников, но все может измениться. Или вы тоже хотите погибнуть в пламени?

С этими словами молодой мужчина поднялся на ноги и швырнул Родону письмо, подписанное правителем южных земель. Родон даже не взглянул на него. Глаза мужчины потемнели от гнева, ясно давая Элубио понять, что он наконец понял, что творилось вокруг него все это время. Арайа в страхе посмотрела на отца, затем на господина Закэрэль, надеясь на его защиту, но отшельник по-прежнему не поднимал глаз. Молчал и Эристель, лишь на лице Клифаира читалось негодование.

— Нет, умоляю! — первой не выдержала Найалла. По щекам девушки покатались слезы, и она бросилась к молодому Кальонь, хватая его за руки. — Умоляю, Элубио, мой отец не виноват. Чернокнижники обманули его, как и всех нас. Отец — честный и порядочный человек. Он хороший, клянусь всем, что у меня есть. Он действительно хороший!

— Или ты слишком наивна, моя дорогая, — резко ответил Кальонь, смерив девушку насмешливым взглядом. Он вырвал свои ладони из пальцев девушки и отступил на несколько шагов, словно эти прикосновения были ему отвратительны. — В любом случае, пока идут разбирательства, все будет именно так, как скажу я. И не вздумайте мне противиться.

Услышав эти слова, Родон тихо усмехнулся.

— Забавно, — произнес он, теперь уже не скрывая своего презрения. — Ты так жаждешь своего куска власти, Элубио, что не задумываешься, а сумеешь ли проглотить его? Может и поперек горла встать.

— Ты лучше за свое горло беспокойся, Родон. Мало ли какая веревка может вокруг него обвиться, — молодой Кальонь впервые назвал мужчину по имени, отчего почувствовал себя еще более значимым. Затем Элубио обратился к магам:

— Велите моему войску собрать людей на площади. Сегодня будет интересное представление. К тому же, думаю, горожане захотят познакомиться со своим новым правителем. Сообщите об этом всем высокопоставленным лицам: казначею, начальнику стражи, всем, кто имеет хоть какое-то влияние в этом городе. Предъявите им письмо правителя южных земель и велите сложить на площади костер. Ты тоже там будешь

присутствовать, Родон, чтобы раз и навсегда запомнить, как горят чернокнижники.

— Безумцы, — прошептал Клифаир. — Небо, что же вы такое творите?

— А что касается вас, доктор, — Кальонь снисходительно улыбнулся, — я советую вам поостеречься говорить хоть что-то, что может мне не понравиться. Пока идет расследование, вы все являетесь пособниками чернокнижника, а, значит, будете оставаться в замке под наблюдением, пока все не прояснится.

— Я ничего не знаю, — теперь уже не выдержал Закэрэль. — Позвольте мне уехать восвояси и жить спокойно в лесу, никого не трогая. Меня сюда призвали, чтобы найти чернокнижника. Теперь он найден. Я хочу уехать.

— Скажите спасибо, что я вас еще в подземелья не упрятал, — резко ответил Элубио. — Правитель юга велел не быть с вами слишком суровым, пока идет разбирательство. И я буду верен своему обещанию, если вы не спровоцируете меня. На этом все. Разговор окончен. Расходитесь по своим комнатам и... Хотя нет, скажу последнее: учитывая возможную вину господина Двельтонь, он будет содержаться под арестом в своей комнате, и ему запрещается видеться со своими детьми.

— Нет, вы не посмеете! — воскликнула Арайа и, вскочив со стула, хотела было броситься к отцу, но внезапно почувствовала, как прохладная рука Эристея поймала ее за запястье, удерживая на месте. Девочка непонимающе посмотрела на северянина, но его лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

Не желая, чтобы Кальонь смаковал этот момент, Родон сам поднялся с места и, бросив ледяной взгляд на Элубио, первым покинул каминный зал. Следом за ним немедленно направились два солдата из личной стражи Кальонь, которые поджидали его за дверью, словно уже знали, чем закончится это собрание. Спустя несколько минут удалился и новый смотритель города в сопровождении своих магов. Черный предмет Рикид, конечно же, унес с собой.

Теперь в полумраке комнаты находились только новоявленные «пособники» чернокнижников. Сестры Двельтонь, господин Закэрэль и оба лекаря еще какое-то время оставались на своих местах, не в силах произнести ни слова. Найалла, спрятав лицо в ладонях, тихо плакала, и старик Клифаир первым не выдержал и прижал девушку к груди. Господин Закэрэль смотрел на них, и в его глазах отражалась неподдельная боль.

— Я — не предатель, — прошептал отшельник. — Я всего лишь хочу вернуться домой. Мне еще кошулю выходить надо. Она в капкан угодила. Надо кому-то о ней позаботиться.

Его слова не вызвали реакции. Найалла лишь заплакала сильнее, а Клифаир погладил девушку по волосам:

— Крепись, дорогая. Еще не все потеряно. Южный правитель мудр, он ценит вашего отца. Он не допустит...

Арайа до боли кусала губы, силясь не заплакать, как старшая сестра, хотя девочку буквально душили слезы. То, как отец покидал комнату, до сих пор стояло у нее перед глазами. Он был спокоен и горд, словно лев, вокруг которого скалились трусливые гиены. Глядя на него, Арайа поклялась себе, что будет такой же сильной.

— Зачем вы удержали меня? — прошептала она, с негодованием посмотрев на Эристея. В этот момент она вновь сильно прикусила губу, чувствуя, что лицо северянина теряет четкость в тумане слез.

— Не хотел доставлять им удовольствия видеть вашу слабость. Ничто не делает нас такими уязвимыми, как наши близкие, — с этими словами Эристель поднялся и, слегка

поклонившись, покинул комнату. Несмотря на внешнее спокойствие, северянин был откровенно зол. Ситуация начинала выходить из-под контроля, что лекарю особенно не нравилось. Быть запертым в замке по приказу амбициозного идиота, в планы Эристеля не входило, однако и привлекать к себе ненужное внимание мужчина не хотел.

Арайа проводила северянина взглядом, пораженная его хладнокровием, но уже через миг она ощутила благодарность. Но вот, посмотрев на Найаллу, девочка почувствовала, как у нее сжимается сердце, и она, приблизившись к сестре, нежно обняла ее.

— Мы не должны сдаваться, — шептала Арайа, поглаживая Найаллу по плечам, словно сама была старшей в этой семье. — Не будем радовать этих шакалов своей слабостью.

Вечер скользнул на город, точно покрывало, принося с собой долгожданную прохладу. Утренний дождь уже испарился в памяти местных жителей, так как зной, пришедший после него, мигом иссушил город до прежнего состояния. К вечеру пыль снова разлетелась по улицам, приликая к обуви и подолам юбок, а предзакатным лучам так и не удалось окунуться в теперь уже пересохшие лужи.

Несмотря на тяжелый рабочий день, большинство жителей города не спешили улечься в постель. Люди стремительно стекались к главной площади, смакуя новые известия о том, что господин Двельтонь утратил свою власть. Слухи в маленьких городках распространяются быстро, поэтому практически все уже знали, что услышат на главной площади. Город гудел, как потревоженный улей: люди терялись в догадках, какую судьбу уготовят ведьмолюбцу и его семье. То, что на площади возведен костер, было уже известно, отчего горожане в благоговейном страхе предвкушали самую жестокую казнь из тех, что были разрешены на юге. Сюда шли и богачи, и нищие, и мудрецы, и необразованные. Кто-то еще вспоминал об анонимном письме, присланном Родону в защиту семьи Окроэ, но теперь эти слова были пропитаны насмешкой. Люди хохотали и бахвалились, вспоминая, как собственноручно расправились с телом молодой ведьмы, пока бесхребетный Двельтонь колебался. Имя Лагона Джиля тоже мелькало в речах, но в этот раз его упоминали в сочетании со словом «ведьмолюбец». Разрушенный Склеп Прощания и истоптанные могилы больше не вызывали у горожан чувства вины. Все чаще звучали восклицания «Все правильно сделали!» или «В пекло ведьм Окроэ!».

Люди раззадоривали друг друга жестокими высказываниями, а кто-то даже предлагал отправить в огонь самого Родона, который все это допустил.

— Ведьмы бесчинствуют в нашем городе, а проклятый Двельтонь сидит в своем замке и бед не знает! — произнес господин Симь, обратившись к своим соигрокам в кости, когда они направлялись к площади. — Я бы лично сжег этого богатенького ублюдка, а его дочурок отправил бы в бордель. В бесплатное пользование на благо горожан.

Шутка пришлась на «ура», и мужчины весело рассмеялись.

— Интересно, насколько богатенькие девки отличаются от обычных шлюх? Снаружи то все одинаковые! — подхватил другой игрок, и снова в группе прокатился смех.

— А я бы лучше посмотрел, как они будут визжать, когда их поджарят заживо! — вмешался еще один. — Всех этих богачей нужно в пекло. Чем не чернокнижники? Пусть видят, на что способен народ!

— Пора защитить наших жителей от этих богатых паразитов, — согласился господин Симь. — Обворовывают нас и живут, а мы бедствуем. И торговцев этих проклятых тоже надо в пекло.

— И продажных докторишек, которые за какую-то горькую воду берут денег, как за

бочонок доброго вина.

— И этих магических лентяев, что за книгами штаны просиживают.

Игроки в кости говорили все громче, отчего к разговору добавлялось все больше единомышленников. Их слова находили отклик у народа, а крики о том, как нужно расправиться с семьей Окроэ, звучали все слаженнее.

Тем временем на площади уже появилась Амбридия Бокл в сопровождении своей заклятой подруги в виде Матильды Жикирь. Обе женщины проявляли крайнее любопытство, поэтому спешили занять место поближе к костру, чтобы разглядеть все в мельчайших подробностях. Амбридия Бокл пребывала в отличнейшем настроении, в то время, как Большая Ма выглядела несколько напуганной.

— Не знаю, не слишком ли все это? — пробормотала госпожа Жикирь, глядя на помост, где еще совсем недавно проводились танцы. — Может, отстегать эту ведьму ремнем и прогнать из города? Пусть колдует на болоте с остальными жабами.

— Тили, я тебя умоляю, — протянула Амбридия, наблюдая за тем, как площадь постепенно заполняется людьми. — Семья Окроэ — чудовища, которых нужно сжечь. Благо, с младшей мы покончили своими усилиями. Теперь осталось уничтожить Акейну и ее мерзкого муженька.

— А муженек-то тут причем? — усомнилась Матильда. — Ладно, Акейна колдовала, но господин Окроэ — всего лишь каменщик. Очень вежливый, надо сказать. Дешево залатал нам дыру в стене.

— Тебе лишь бы дешево! — фыркнула Амбридия. — Для тебя это главный показатель хорошего человека.

— Плохой дешево не сделает! — резонно заметила большая Ма. — Уж лучше Родона пусть в огонь отправляют. Сто шестьдесят три медяка у меня украл, поганый! Это же целые годы лишений, отказ от любых излишеств. И ради чего? Чтобы какой-то толстосум ограбил меня посреди бела дня? Да пусть он провалится в самое пекло!

С этими словами Матильда раздраженно всплеснула руками. Тот момент, когда присланный казначеем стражник, забрал у нее часть накоплений, отпечатался в памяти женщины, точно клеймо. Большая Ма страдала той устрашающей формой бережливости, когда одежда занашивается до дыр, продукты покупаются самые плохонькие, зато под матрацем монеток собирается все больше. Именно ощущение присутствия денег заставляло женщину чувствовать себя богатой, а то, как она выглядела, и чем питалась, не сильно заботило ее. Любые непредвиденные расходы и вовсе выводили ее из равновесия на долгие недели, и в такие моменты Лукио готов был бежать на край света.

Вскоре на площади появились Оверана Симь и Сантария Крэвель. Их третья подруга Элестиа Гамель, придет позже, но встанет уже не подле них. Женщина будет держаться своего мужа и дочери, прекрасно понимая, что вновь будет отвергнута своим прежним окружением.

Оверана выглядела встревоженной. Улыбки горожан казались ей дикими, а непонятное веселье, охватившее людей, чуждым и отвратительным. Брань в адрес Окроэ и Двельтонь сыпалась со всех сторон, и госпожа Симь никак не могла поверить, что подобная жестокость исходит от ее соседей и знакомых. Казалось, город отражался в кривом зеркале, и то, что люди называли добром и справедливостью, на самом деле воняло злобой и безжалостностью. Местные жители, которые раньше улыбались Акейне Окроэ, шутили с ее дочерью и почтительно обращались к ее супругу, теперь желали им смерти с той же

легкостью, с какой на праздниках обычно желают счастья.

Толпа ожила, обретя лицо какого-то уродливого безумия, которое сквозило в каждом слове, взгляде или жесте. Слепая ярость клокотала в одних, а другие подхватывали ее, усиливая и разнося, как смертельную болезнь.

Сантария Крэвель, молоденькая прачка, казалось, пребывала в ужасе.

— Мне кажется, я не выдержу тут. Я не смогу на это смотреть, — произнесла она, обратившись к подруге.

— Мы должны хотя бы попробовать. Вдруг пощадят. Если Кальонь услышит выкрики в толпе, он может передумать.

— Оверана, ты сама не веришь в то, что говоришь. Этот Кальонь сам определил, что Акейна — ведьма, неужели после всего этого он будет ее оправдывать?

— Говорят, он любит казаться добрым в глазах толпы.

— Не в данном случае! — Сантария отрицательно покачала головой. Ее хорошенькое личико выглядело так, словно девушка вот-вот заплачет. — Сам город требует казнить ведьму.

— Не весь город! Семья Джиль тоже против, и семья доктора Клифаира, и, говорят, даже сам Пехир Агль не согласен. И еще много других семей. И пускай мы в меньшинстве, все равно надо попытаться.

— Я боюсь, Оверана. Нас могут забить до смерти. Помнишь, что сделали с Лагоном? Вдруг нас тоже назовут «ведьмолюбцами»? Ритуал же был проведен, и Акейну Окроз признали ведьмой.

— Но не господина Окроз! — резко ответила Оверана. В этот самый миг кто-то из горожан случайно толкнул ее, и женщина схватилась за плечо, морщась от боли.

— Что с тобой? Тебе плохо? Небо, тебе нужно вернуться домой, — запричитала Сантария, но Оверана лишь отрицательно покачала головой. Она не знала, что случится этим вечером, но была уверена в том, что молчание в данном случае ничем не отличается от все той же жестокости.

IV

Несмотря на то, что события складывались как нельзя лучше, Элубио Кальонь не мог не испытывать волнения. Находясь все время в тени отца, юноша даже представить себе не мог, что однажды ему будет дозволено проявить себя в столь сложном деле, и теперь больше всего на свете он боялся не оправдать ожиданий семьи. Дарий Кальонь был человеком властным и промахом не прощал даже своему сыну. Особенно своему сыну. Кальонь-старший любил иронизировать на тему внешности Элубио, утверждая, что юноша из всех предложенных ему благ умудрился унаследовать лишь красоту своей матери, в то время, как ум, расчетливость и логика отца не достались ему совершенно. Дарий надеялся лишь на то, что его непутевый сын очарует старшую Двельтонь, женится на ней и тем самым присоединит к территориям Кальонь еще один город. Благо, к этому и шло до тех пор, пока одна из служанок семьи Двельтонь не подслушала разговор Найаллы с Арайей, где старшая сестра говорила, что некий доктор Эристель кажется ей куда более привлекательным.

— Элубио — это павлин, — смеялась девушка. — Яркий, нарядный, самодовольный, к тому же нравится всем, кто на него посмотрит. А Эристель похож на белого ястреба, которого мы видели в садах господина Агль. Он держится особняком, никогда не болтает лишнего, не стремится всем нравиться, и от него исходит какая-то... опасность. Элубио — это рыцарь в сияющих доспехах, который скорее будет очаровывать дракона, нежели

сражаться с ним. А Эристель... Он умный: дракон погибнет, а его даже не заметит.

Те слова крайне не понравились Кальонь-старшему, и с того момента он начал собирать информацию на некоего доктора Эристеля. Люди отзывались о нем не хорошо и не плохо. Свое дело лекарь знал, деньги брал небольшие, был вежлив и услужлив. Казалось, его ничего не интересует, кроме книг, растений и редких прогулок по берегу реки. Единственное, что привлекало к нему внимание горожан, это ненормальная любовь ко всяким уродам вроде Двуглавого Точи, которых лекарь по доброте душевной старался у себя приютить. История с жестоким убийством обидчиков Точи не могла не заинтересовать Дария, однако, сколько его люди не пытались выведать нечто особенное, все сводилось к тому, что никакой магии в содеянном не было.

В какой-то момент интерес Дария Кальонь к приезжему доктору начал угасать, но ровно до тех пор, пока Найалла не начала подозрительно часто болеть. Вначале семья Кальонь по-настоящему встревожилась, боясь, как бы возможная невеста не умерла раньше времени. В дальнейшем смерть Найаллы пришлось бы как нельзя кстати, но пока Кальонь-старший даже подумывал прислать к Родону своего личного лекаря. Двельтонь наверняка бы оценил такой жест со стороны соседей, однако, прежде чем Дарий успел отдать такой приказ, картинка начала проясняться. Эристель зачастил в замок, после чего Найаллу несколько дней замечали прогуливающейся по городу в прекрасном расположении духа, а затем загадочная хворь возвращалась снова. Именно тогда Кальонь-старший понял, что пора действовать другим путем. Менее красивым, но куда более эффективным.

Оскорбленный неверностью Найаллы, Элубио выразил свое желание поквитаться с семьей Двельтонь. В тот момент Дарий почувствовал некоторое облегчение, что его сын наконец отложил зеркало и решил заняться делами семьи. Кальонь-старший до последнего сомневался, справится ли Элубио с возложенной на него задачей, и даже подумывал поехать к Родону лично, вот только сын едва ли не впервые твердо стоял на своем решении, отчего Дарий все-таки согласился.

Элубио отчитывался за каждый свой шаг, но при этом чувствовал себя свободным и окрыленным. Всю жизнь он мечтал о том, что однажды отец посмотрит на него без насмешки, и теперь, когда все начало получаться, юноше не терпелось вернуться домой и бросить к ногам отца ключи от главных ворот "завоеванного" города. Те маги, которых предоставил в распоряжение Дарий, служили Элубио хорошей опорой, а письмо, полученное от правителя юга, и вовсе делало план семьи Кальонь практически беспроблемным. Теперь оставалось заручиться поддержкой горожан и свергнуть Родона с его трона. К сожалению, с последним пунктом все было не так хорошо. Ремесленники, купцы, ученые, доктора, а так же большинство знати поддерживало правление Двельтонь, и до юноши уже донеслись слухи, что новый смотритель города многим не в радость. К счастью, нашлись и те, кто Родона откровенно ненавидел. Эти люди слабо представляли, кто может занять его место, как эти перемены повлияют на отношения с другими городами и уж тем более на внутреннюю экономику. Но именно эти ненавистники позиционировали себя, как особую ячейку общества, которая отличается от серой массы «рабов».

Одной из самых ярких представительниц врагов Родона Двельтонь, была Амбридия Бокл. Эта неприметная женщина, не наделенная красотой или особыми умственными способностями, тем не менее являлась любимицей толпы. В первую очередь, интересна она была из-за своих ехидных сценок, и Элубио даже подумывал позволить этой даме устраивать спектакли каждый месяц, где за определенную сумму денег она будет высмеивать и

позорить неугодных. То, что Бокл согласится, он даже не сомневался, и поэтому, когда получил от нее ответное письмо, Элубио уже знал, что там написано. Но это могло произойти только в будущем, сейчас же требовалось разобраться с тем, что имеется на данный момент, а именно, с ведьмой.

Выступать перед большим количеством людей для Элубио Кальонь было привычным делом. Внимание он любил, и взгляды, направленные на него, юношу совершенно не смущали. Однако в этот раз его уверенность впервые дала трещину. Толпа затаилась, словно зверь, принюхиваясь к чужаку, который предстал перед ним на помосте. Сотни глаз устремились на Элубио: кто с подозрением, кто с любопытством, кто с неподдельным страхом. Но вот, заметив на губах Амбридии Бокл одобрительную улыбку, юноша наконец набрался смелости и заговорил:

— Достопочтенные горожане! Я, Элубио Кальонь, сын Дария Кальонь и смотрителя всего южного полуострова, собрал вас здесь, чтобы сообщить вам, что ведьму наконец разоблачили. Несмотря на то, что кто-то пытался защитить ее в своих анонимных письмах, ссылаясь на то, что черный предмет ей подбросили, магический ритуал доказал, что именно Акейна Окроз является той самой чернокнижницей, которая творила бесчинства в вашем городе. Посему, именем правителя Юга эта женщина приговаривается к смерти через сожжение.

В толпе прокатился гул. Люди не могли скрыть своего волнения, отчего немедленно начали переговариваться.

— А почему это сообщаете вы? Где Родон Двельтонь? — выкрикнул пекарь Ронди, и в толпе послышались недовольства. В этот самый миг Элубио понял, почему Рикид и Баркал так старательно отговаривали его приводить Родона с собой. Увидев своего правителя, люди могли повести себя непредсказуемо, причем эта непредсказуемость могла быть направлена в первую очередь против самого Элубио. Кальонь думал, что, едва Родон появится на помосте, люди начнут его высмеивать, но настроение горожан говорило об обратном. В итоге Двельтонь так и остался сидеть в карете, в сопровождении нескольких стражников, мысленно радуясь поддержке со стороны горожан. Он узнавал голоса ремесленников, которым когда-то помог, ссудив необходимую сумму денег, различал резкий хриплый голос нового начальника стражи, которого поставил совсем недавно взамен Инхира Гамеля, а также звонкие женские восклицания.

— Тише! Замолчите! — попытался перекричать толпу Элубио. — Родон Двельтонь обвиняется в сокрытии чернокнижников, и, пока идет разбирательство, по воле правителя юга, я буду управлять этим городом. Клянусь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваш город расцвел. Вы не бываете за воротами, и поэтому не знаете, как плохо живете по сравнению с жителями других земель.

— Я как раз таки бываю очень часто за пределами города, и я вижу, как часто обещания не выполняются, — теперь до Родона донесся громкий голос Пехира Агль. В толпе вновь прокатился гул, а Элубио несколько опешил, увидев, как дюжина вооруженных всадников во главе господина Агль, приближаются к площади. Разумеется, их было меньше, чем солдат Элубио, но все же юноша в страхе посмотрел на толпу, боясь, как бы в случае заварушки люди не поддержали Пехира.

— Тогда вы очень удивитесь, когда я сдержу свою клятву! — попытался парировать юный Кальонь. — И моим первым решением будет уничтожение того зла, которое допустил Родон Двельтонь. Больше проклятая ведьма не будет убивать ваших детей, насылая болезни,

не сможет уничтожать урожай и вызывать голод, больше не поднимет мертвецов и не сотворит расправу. Именем южного правителя я приговариваю Акейну Окроэ к смерти!

А вот эти слова горожанам пришлись по душе. Толпа громко заулюлюкала, когда на помост затащили измученную женщину. Она была напугана, но не проронила ни слова. Глядя на то, как толпа беснуется у ее ног, выкрикивая оскорбления, женщина не пыталась молить о пощаде или просить одуматься. Госпожа Окроэ могла утешаться лишь мыслью, что скоро она вновь увидит свою любимую дочь.

Кто-то в толпе закричал, чтобы сожгли и ее пособника-мужа, отчего люди подхватили эти слова, подражая чудовищному эхо.

— Сжечь семью Окроэ! Уничтожьте ведьм и их пособников!

Слушая это, Родон чувствовал, как его охватывает бессильная ярость. Если бы не проклятое письмо правителя юга, Двельтонь с легкостью бы вышвырнул зарвавшегося юнца прочь из города. Маги из гильдии Аориана прибыли бы послезавтра на рассвете и провели ритуал, в действительности которого уже никто бы не сомневался. Двельтонь даже представить себе не мог, что когда-нибудь окажется в таком положении. У него не было конфликтов с соседями, и при его правлении горожане ни разу не устраивали волнений. Наверное, именно поэтому настоящий чернокнижник облюбовал это место. Как говорится, змеи гнездятся там, где их сложнее всего заметить.

Рев толпы становился все громче, невольно напоминая бушующее море. С подачи Амбридии Бокл люди в предвкушении скандировали «В пекло семью Окроэ!». Элубио с трудом сдерживал улыбку, наблюдая за тем, как Акейну привязывают к столбу. Ее супруга держали поодаль, и, если вначале казнить господина Окроэ Элубио не планировал, то сейчас поведение толпы заставило его задуматься об обратном.

Кальонь смотрел на связанную женщину и впервые чувствовал, как чья-то жизнь находится в его руках. Ощущение какого-то невероятного могущества, сродни божественности, пьянило его, отчего юноша невольно улыбнулся.

— Акейна Окроэ, вы хотите что-либо сказать, прежде чем вас и ваш черный предмет уничтожат? — произнес Кальонь, бросив книгу к ногам женщины. Акейна вздрогнула, как от удара, и невидящим взглядом обвела собравшихся горожан. Лица расплывались, словно в тумане, а голоса сливались в какой-то сумасшедший гул, обрушивающийся на нее тяжелыми волнами. Кто-то пытался перекричать это безумие, но их жалкие «пощадите» тонули в ликующем реве толпы.

— Повторяю, ведьма Окроэ, есть ли у вас хоть слово в ваше оправдание? — прокричал Элубио. — Есть ли вам что сказать горожанам?

Секундного молчания хватило, чтобы стоящие в первых рядах люди услышали тихий голос Акейны Окроэ:

— Да простит вас всех небо...

— Нет, умоляю! — в отчаянии вскричал господин Окроэ, из последних сил пытаюсь вырваться из рук стражников. Но в тот же миг палач получил сигнал от Элубио и бросил горящий факел в солому у ног Акейны. Языки пламени лизнули предоставленное угощение, а затем огонь начал разгораться, словно распробовал лакомство. Акейна попыталась отстраниться от огня, но вскоре пламя перекинулось на ткань ее юбки. Женщина дико закричала, чувствуя, как горит ее плоть, и в этот момент толпа возликовала.

— Сдохни, ведьма! Гори, чудовище! Отправляйся в пекло! — кричали люди. Пламя отражалось в их глазах, словно сама ненависть обрела форму и теперь вырвалась наружу.

Господин Окроэ в ужасе закрыл лицо руками, не в силах видеть мучения своей жены. Сейчас он все бы отдал, чтобы поменяться с ней местами. Господин Окроэ предпочел бы сгореть вместе с супругой, нежели стоять в стороне, не в силах сделать хоть что-нибудь.

Слушая крики несчастной, Родон Двельтонь невольно сжал кулаки, чувствуя злость уже на себя и на свое бессилие. Пламя уничтожило и черный предмет, а с ним и последнюю зацепку, что госпожа Окроэ могла быть невиновна. Когда крики женщины смолкли, Родон закрыл глаза.

Голодное чудовище по имени Толпа насытилось, однако среди присутствующих вновь раздались крики:

— Сожгите и пособников ведьмы! Защитим наш город! Уничтожим зло! Да здравствует справедливость!

Господин Окроэ, казалось, даже не слышал этих восклицаний. Он был оглушен криками своей жены, и теперь на него обрушилось какое-то тупое равнодушие. Все, что происходило вокруг, было где-то далеко, и его совершенно не касалось. Сначала Шаоль, теперь Акейна. Мужчине больше нечего было терять, поэтому, если бы его прямо сейчас толкнули в костер, он бы воспринял это с куда большей благодарностью, нежели жизнь в одиночестве.

— Если такова воля народа..., - начал было Элубио, но в тот же миг резкий голос Пехира Агль заставил его прерваться.

— Где доказательства, что господин Окроэ — пособник? Предъяви доказательства, чужеземец!

— Доказательства! Доказательства! — раздались редкие голоса.

— Проводится разбирательство, — попытался было защититься Кальонь, но его снова перебили.

— Предъяви доказательства! — продолжал настаивать Пехир. — Или правитель юга уполномочил тебя уничтожать невиновных?

— Нужны доказательства! — подхватил новый начальник стражи. — Даже Верховный Хранитель не имеет права сжигать кого-то без доказательств! Черный предмет назвал только одно имя, а это означает, что над телом Шаоль Окроэ надругались просто так, в угоду своей злости, и мы не позволим сделать тоже самое с отцом девушки.

— Не позволим! — в который раз выкрикнула Оверана Симь, и ее слова, словно эхо, подхватили Колокольчик, Файгин Саторг и многие другие.

— Защитим отца Окроэ! — закричал старший брат Лагона Джиль.

Видя, что толпа совсем разошлась, Кальонь понял, что пора возвращаться в замок.

— Я найду вам доказательства! — в гневе вскричал Элубио и стремительно сбежал с помоста.

«Тупой скот!» — думал он. «Да что они вообще понимают? Слушают только то, что им говорят. Надо убрать проклятого выскочку Агль и восстановить в должности Инхира Гамеля. Почистим ряды этих "сторонничков" Двельтонь. Когда одни увидят, как других запирают в подземельях, мигом закроют свои трусливые вонючие рты».

Казнь господина Окроэ, которую Элубио подумывал провести завтра, теперь была отложена на время «разбирательства». Каменщика решили запереть в подземельях, но Кальонь искренне сомневался, что новый начальник стражи действительно это сделает. Он мог оставить его в своей крепости и содержать, например, в лазарете.

Однако не господин Окроэ больше всего беспокоил Элубио. То, что происходило на площади, наверняка будет передано южному правителю в мельчайших подробностях, и

крики в поддержку Родона Двельтонь могли помешать его свержению. Нужно было сделать так, чтобы мнения горожан как минимум разделились. Наверняка, найдутся те, кто выйдут на улицы за небольшую сумму денег. Обычно купленные гавкают куда громче и старательнее, чтобы выслужиться перед хозяином, отчего подобные волнения всегда выглядят очень правдоподобно. Мнение большинства людей стоит поразительно дешево, и нет ничего проще, чем повести за собой толпу, бросая медяк через каждые несколько шагов.

Оказавшись в замке, первым делом Элубио издал указ, позволяющий Инхиру Гамелю занять свою прежнюю должность. Рыжеволосый мужчина ничуть не удивился, когда к нему явились за несколько минут до полуночи и сообщили, что с завтрашнего утра он обязуется приступить к своим обязанностям в крепости.

— А что будет с нынешним начальником? — поинтересовался Инхир, весело осклабившись.

— Это уже на ваше усмотрение, — ответил солдат и, почтительно кивнув ему, направился прочь. Закрыв за посланником дверь, Гамель приблизился к жене и ласково положил ей ладонь на плечо:

— Заживем, родная. Вот увидишь, заживем еще лучше прежнего.

Элестиа подняла на него заплаканные глаза и резко дернула плечом, желая прервать это прикосновение.

— Надеюсь, на чужих костях тебе хорошо спится, — произнесла она. — Я до сих пор слышу крики Акейны Окроз, а ты победу празднуешь?

— А если и так? Что сделаешь? Уйдешь от меня? — нахмурился Инхир. — Я же ради семьи стараюсь, ради нашего безбедного существования. Однажды ты поймешь и еще скажешь мне спасибо.

— Боюсь, мне больше нечего тебе сказать, Инхир, — с этими словами женщина удалилась и заперлась в спальне. Гамель грубо выругался и прошел на кухню, где плеснул себе виноградной настойки и залпом опустошил содержимое стакана. Он надеялся, что, когда Элестиа успокоится, они помирятся, но пока его супруга совершенно не желала его понимать.

Тем временем в доме Овераны Симь тоже произошла весьма интересная история. Поначалу женщина испытала облегчение, когда, вернувшись домой, не застала мужа на кухне. Однако радость ее была преждевременной. Господин Симь дождался ее в гостиной, держа в руке грубый кожаный ремень. Оверана замерла на пороге, побледнев как полотно. Слова застряли у нее в горле, и она лишь приоткрыла губы, не в силах произнести ни звука.

— А на площади ты была куда более разговорчивой, — произнес Хагал, медленно поднимаясь с места и направляясь к своей жене.

— Не смей меня бить, — прошептала женщина. Она надеялась, что ее голос прозвучит уверенно, однако в глазах ее читался неподдельный страх.

— То есть, позорить своего мужа ты можешь, а бить тебя за это нельзя? — Хагал неприятно улыбнулся. В тот же миг Оверана, словно придя в себя, бросилась прочь, желая поскорее выбраться из дома, однако мужчина без труда нагнал ее. Он повалил ее на пол и, изловчившись, наотмашь хлестнул ее ремнем по руке. Красная полоса мигом вспыхнула огнем боли на коже женщины, и она вскрикнула.

— Не нравится, тварь? — оскалился он, продолжая наносить удары. — И мне не понравилось, когда моя безмозглая женушка начала выкрикивать всякую ахинею в защиту ведьмы и ее муженька. Это же надо быть такой душой! И с каких пор ты начала

интересоваться теми, кто руководит городом? Пустоголовая швея решила, что Родон Двельтонь прекрасно справляется со своими обязанностями? И по каким это критериям ты выбирала? Из-за его привлекательной внешности? Или потому, что он дал тебе десять золотых? Или ты попросту ублажила его за эти деньги? Ты же пошила его дочерям пару платьев, может, и еще где пригодилась? А, шлюха?

— Пусти! — кричала Оверана, пытаясь вырваться, но ее муж был куда сильнее.

Он бил ее до тех пор, пока женщина не затихла, после чего схватил жену за волосы и потащил в спальню. «Развлекаться» с ней сегодня ему не хотелось, но понаблюдать за тем, как провинившаяся жена будет тихо поскуливать от боли, было даже приятно.

Еще одна занятная перебранка произошла на постоялом дворе «Белая Сова». Гимирос Штан напрочь разругался с другими джиннами, так как именно сегодня актеры планировали уехать из города. Однако городская стража велела им поворачивать назад, так как Элубио Кальонь запретил покидать город, пока идет разбирательство. Теперь джинны накиннулись на Гимирос, из-за которого оказались в западне. Маги были взволнованы тем, что, если горожане хотели расправиться даже с господином Окроэ, где гарантии, что приезжий дурак и его слепая толпа не решат истребить всех колдунов в городе. Среди ругающихся джиннов лишь четырехлетний Меккаир непонимающе смотрел на старших, после чего испуганно забился в угол и не выходил оттуда, пока крики наконец не утихли.

I

Рассвет оцарапал небо первыми лучами солнца, отчего тьма постепенно начала распадаться на беспомощные тени. Под крики петухов город медленно просыпался, стряхивая с себя остатки сна, и постепенно все больше людей приступало к своим обычным обязанностям. В лавке пекаря Ронди уже вовсю дымила труба, а из приоткрытой двери пахло свежее испеченным хлебом. В кузнице господина Энтия весело позвякивало железо, рыбаки, нагруженные сетями, направлялись к реке, а торговцы грузили свои товары в телеги, чтобы после вести их на рыночную площадь. Духовные целители проводили песнопение в Поднебесном Доме, кучеры запрягали лошадей в повозки, а крестьяне спешили на поля обрабатывать земли. Рассвет разгорался, заполняя небо светом, чириканьем ранних пташек и голосами заспанных людей.

Амбридия Бокл редко поднималась с постели в такую рань. Обычно она вставала не раньше десяти, поэтому сегодня чувствовала себя буквально разбитой. В какой-то миг ей даже захотелось перевернуться на другой бок и, забыв обо всех своих планах, продолжить спать. Однако в этот раз такое поведение было слишком непозволительно, отчего женщина, зевая и проклиная ненавистное утро, начала приводить себя в порядок. Письмо от Элубио Кальонь по-прежнему лежало на прикроватном столике, поэтому Бокл еще раз пробежала по написанному глазами и слегка улыбнулась. Сумма, которую предложил ей Кальонь, была весьма приличной, поэтому Амбридия решила пожертвовать сном, чтобы поскорее приступить к делу. К полудню все должно было разрешиться, и она понимала, что ее действия сыграют в происходящем немаловажную роль. Всех ненавистников Родона Двельтонь женщина знала в лицо, поэтому ей не составило труда собрать тридцать четыре человека, чтобы организовать волнения, направленные против «ведьмолюбца». Еще сорок семь человек удалось подкупить, поэтому к полудню под окнами Родона собралась внушительная по меркам города толпа.

За появление у ворот замка давали тридцать три медяка, поэтому Матильда Жикирь едва ли не первой явилась в назначенное место. С собой она тащила Лукио, подгоняя мужчину словами, что хоть где-то его безмозглая туша наконец пригодилась.

Находились среди присутствующих и такие личности, как Хагал Симь в компании соигроков, но по большей части у замка столпились нищие, которые готовы были продать что угодно, лишь бы получить несколько медяков на глоток вина или корку хлеба. Для Амбридии это общество было отвратительно, зловонно и убого, поэтому, когда она увидела Матильду с супругом, то заметно оживилась. Бокл уверенно вышла вперед и громко произнесла:

— Уважаемые горожане! Я преклоняюсь перед вашим мужеством, самоотверженностью и любовью к родным краям. Только очень смелые люди, решительные и непоколебимые, могут бросить вызов жестоким чернокнижникам, которые захватили наш город. Ведьмолюбец восседает на троне и смеется над нами, пока наши дети гибнут от колдовских болезней. Мертвецы разгуливают по нашим улицам, убивая невинных, а Родон Двельтонь и его трусливые прихвостни приносят нас в жертву этим кровожадным магам. Элубио Кальонь — единственный, кто может защитить нас от тьмы. Само небо послало его нам, как защитника от черной магии. И мы поддержим его! И свергнем проклятого ведьмолюбца!

Отправим его в пекло вместе с его лицемерными дочерьми.

— В пекло Родона! — закричал Хагал Симвь, и собравшиеся подхватили его крики. Матильда Жикирь яростно потрясала кулаками, стараясь, чтобы ее голос звучал громче всех.

— Мы отомстим Двельтонь за смерть наших детей! — продолжала Амбридия.

— Отомстим мерзавцу! Смерть Двельтонь! Смерть предателю! Смерть пособникам! — выкрикивали остальные.

— Да здравствует Элубио Кальонь! — закончила свое выступление Бокл, и толпа взревела.

Проходящие мимо люди с интересом замедляли шаг, наблюдая за происходящим. Горожане ждали, что вот-вот появится начальник стражи и разгонит крикунов, вот только охрана по-прежнему ничего не предпринимала. Никто пока не знал, что солдат вновь возглавляет Инхир Гамель, а его предшественник брошен в подземелья по подозрению в содействии чернокнижникам.

В это же время в доме доктора Клифаира люди из личной охраны Элубио Кальонь обнаружили еще один черный предмет. Сломал стену в кабинете врача, солдаты извлекли из тайника завернутый в ткань небольшой камень, который до крови обжег ладонь одному из стражников. К счастью, при обыске присутствовали Рикид и Баркал, которые все-таки сумели усмирить черный предмет. Господин Баркал хорошо знал свойства этого артефакта, так как не раз пользовался им по просьбе Дария Кальонь, однако сцена с израненным солдатом должна была произвести сильное впечатление на зевак. Так и получилось. Испуганные, они попятились назад, когда Рикид вынес камень из дома Клифаира и показал его собравшимся.

— Подумать только, доктор Клифаир тоже чернокнижник! — перешептывались люди, показывая пальцами на окровавленную руку стражника. — Да что же это делается? И мы водили к этому подлецу наших детей. Куда смотрит Родон Двельтонь?

— Куда хочет, туда и смотрит, — холодно бросил Баркал. — Семья Кальонь такого в жизни не допустила бы. Неудивительно, что Родон и Клифаир так старательно защищали ведьм Окроэ. Они сами поклоняются тьме. Скорее всего, нечто подобное мы обнаружим и в доме Пехира Агль. Вы ни разу не задумывались, как он стал таким богатым?

— Он тоже слугитель зла, — закричали люди. — Мы должны уничтожить его!

— По крайней мере, заключить в подземелья, пока идут разбирательства, — раздался голос Инхира Гамеля. Остановив коня у дома Клифаира, мужчина спешил и с улыбкой добавил:

— Я имел неосторожность выступить против Двельтонь в одиночку, и меня немедленно сняли с должности. На моем месте оказался глупый болванчик, который способен лишь кивать ведьмолюбцу и его чернокнижникам. Вспомните, как он заискивающе вел себя на площади! Вот, что я вам скажу, почтенные горожане: немедленно идите к замку, выразите свой протест и покажите Родону, что мы не позволим злу восторжествовать. Добро всегда побеждает. Наши сердца чисты, мы любим наш город, и мы уничтожим любого, кто посмеет угрожать нашим детям.

Эти слова должны были воодушевить людей, но в глазах их читался неподдельный ужас. Некоторые женщины плакали от страха, а мужчины могли лишь беспомощно переглядываться, понимая, что против чернокнижников они вряд ли способны сделать хоть что-то. Разумеется, сражаться должны солдаты, и горожане успокаивали себя лишь тем, что Элубио Кальонь привел с собой дополнительное войско и двух сильных магов, а Инхир

Гамель способен временно лишать противника колдовских сил.

— Не бойтесь, люди добрые! Нужно показать Родону, кто в городе главный! — произнес Рикид. — Сам Элубио Кальонь, а так же я и Баркал будем сражаться с вами бок о бок. И мы победим зло!

Рикид точно прочел мысли горожан, и его слова придали людям решимости. Сердца собравшихся переполняли ненависть и страх, поэтому больше они медлить не стали. Вместе с колдунами и Инхиром Гамелем они двинулись к замку, выкрикивая угрозы и оскорбления в адрес Родона Двельтонь. Удивленным прохожим люди рассказывали о том, что у доктора Клифаира обнаружили черный предмет, отчего толпа начала стремительно разрастаться.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Участвовать в обыске дома доктора Эристея ни Инхир Гамель, ни оба колдуна не захотели, решив, что одного найденного черного предмета на сегодня достаточно. Четырех личных стражников Элубио Кальонь отправили осмотреть домишко северянина скорее для правдоподобности. На дополнительное количество негодующих горожан в данном случае не рассчитывали: Эристель жил на окраине, поэтому там вряд ли соберутся зеваки. Куда больше Инхира заботил господин Агль, в чей дом подложить черный предмет заведомо труднее. В охране Пехира были и маги, которые мигом почувствуют столь мощные инородные энергетические колебания. Именно поэтому идеальным чернокнижником получался только доктор Клифаир — его дом находился на оживленной улице и совершенно не охранялся. К тому же, в отличие от Пехира, который до сих пор совершал ошибки при письме, Клифаир был очень образован и не раз использовал легкие заклинания в медицине.

Тем временем обыск дома Эристея проходил иначе, нежели у пожилого доктора. Во-первых, улица, на которой находилось жилище северянина, и впрямь была совершенно пуста, так как все соседи лекаря являлись бедняками, которые сейчас находились у ворот замка, надеясь заработать хоть сколько-нибудь монет. А, во-вторых, дверь четверым солдатам отворила не взволнованная служанка, а странное существо, которое одним своим видом заставило стражников отшатнуться. С минуту пустые белые глаза двуглавого Точи слепялись на незваных гостей, после чего юноша внезапно отступил назад, позволяя солдатам войти. Брезгливость и даже тень страха отразились на лицах стражников, когда обе головы Точи странно улыбнулись. На миг Шенду Лайану даже показалось, что слепой ведет какую-то внутреннюю борьбу, отчего его тело несколько раз дернулось.

Внезапно раздался неприятный скрип, и солдаты увидели, как по ступенькам, вцепившись обеими руками в перила, с трудом спускается хромой Джером. Ноги его были деформированы болезнью, поэтому колени выглядели вывернутыми, а сам старик напоминал сломанную куклу. Он что-то беззвучно бормотал себе под нос, походя то ли на злобного ворчуна, то ли на умалишенного, отчего солдатам стало еще более противно. Все четверо откровенно не понимали, как северянин мог жить с чем-то подобным под одной крышей и при этом не слететь с катушек. Глянув на посетителей, старик замер посреди лестницы, словно забыл, зачем спускался.

— Нам велено обыскать дом пособника чернокнижников! — бросил Дахин Вардар, обратившись к Точи. Он не мог скрыть своего раздражения, отчего его губы искривила неприятная усмешка. — Эй, слышишь меня, тупой урод? Ты должен поклониться, когда к тебе обращаются стражники семьи Кальонь. И ты, старый кривоногий болван. Ты тоже должен поклониться. Небо, как этот докторишка вообще обитает среди такой мерзости!

Остальные солдаты рассмеялись, пытаясь избавиться от неприятного ощущения при

взгляде на жителей этого дома. В прихожей царили прохлада и полумрак, пахло засушенными травами, и все это должно было приносить покой, если бы не тишина, вернувшаяся в дом, едва голоса солдат на миг смолкли. Это беззвучие было тяжелым и затхлым, оно проникало под кожу, рассыпая по телу неприятный озноб. Чтобы вновь оттолкнуть от себя это неприятное чувство, Дахин продолжил цепляться к местным обитателям. Когда те неуклюже поклонились, мужчина плюнул себе под ноги и громко расхохотался.

— Ну, вы и уроды! — воскликнул он. — Что у тебя с ногами, старое корыто? Что ты с ними делал, раз они так вывернулись? Отвечай, когда к тебе обращаются, пень трухлявый!

— Хворь приключилась, милостивый господин, — скрипучий голос старика звучал так, словно его горло давно заржавело.

— Хворь приключилась, — передразнил его Бэскот Онторис. — Да лучше бы ты сдох, чем такие ноги людям показывал. Лекарь ваш, видимо, совсем идиот, раз такое у себя держит.

— Ладно этот, гляньте на двухголового. Где еще такое встретишь? — подхватил Нордек Корт. — Даже война не так страшна, как это убожество.

Солдаты вновь посмотрели на Точи и весело расхохотались.

— Ладно, уроды, — продолжил Корт. — Показывайте свою обитель. Да шевелитесь, мы не собираемся на вас весь день любоваться.

— Можем и не любоваться, — хмыкнул Дахин. Хромой Джером и двуглавый Точи вызывали у него непонятный страх, и это ощущение сильно не нравилось солдату. Ему вдруг невыносимо захотелось убить этих существ и, судя по лицам остальных, те тоже испытывали схожие чувства. — Может, надо облегчить их участь? Докторишко еще спасибо нам скажет, а горожане так вообще песни сложат.

Точи резко повернулся к говорящему, но прежде чем успел среагировать, Дахин метнул кинжал, и острое глубоко вошло в грудь юноши. Сталь пронзила сердце, отчего смерть настигла Точи даже раньше, чем он сообразил, что вообще произошло. Рты обеих голов приоткрылись в немом крике, а затем юноша, словно подкошенный, рухнул на пол. Кровь окрасила его грубую серую рубаху, стремительно пропитывая ткань.

Второй кинжал впился в горло старика Джерома, и тело убитого беспомощно скатилось по оставшимся ступенькам и упало к ногам Бэскота.

— Какая мерзость, — пробормотал солдат и оттолкнул мертвеца носком сапога. — Спасибо, Дахин. Я бы не выдержал, если бы это уродство ползало за нами по дому, пока мы тут работаем.

Нордек нервно усмехнулся и задумчиво кивнул, глядя на лицо слепого, чьи глаза так и остались распахнуты:

— Вот уж точно, спасибо. Я думал, еще чуть-чуть, и мой завтрак попросится наружу...

— Ладно, хорош трепаться, беритесь за дело, — прервал их Дахин. — Бэскот, давай на чердак, Лайан — на второй этаж, я прогуляюсь тут, а ты, Нордек, шагай в подвал.

— Как же это? — вырвалось у Шенда Лайана. Молоденький стражник, который служил у Элубио всего три недели, в ужасе смотрел на убитых, не в силах поверить своим глазам. Шенду всегда казалось, что служба в войске Кальонь принесет ему небывалую славу, а сам он будет творить великие дела, но сейчас на его глазах убили двух невинных людей. Глядя на окровавленные тела, юноша почувствовал приступ дурноты и судорожно сглотнул, боясь, что его сейчас вырвет.

— Что ты там бормочешь? — разозлился Бэскот.

— Дахин, вы... вы убили их! — выдавил из себя юноша и невольно попятился назад. — Что же теперь делать? Нас же повесят!

— Вот молодняк пошел! Каплю крови увидят, и уже падают в обморок, как сопливые барышни. Кто нас повесит, идиот? Сколько служим, до сих пор не повесили, а вот сейчас прямо помчатся за веревками, — отмахнулся Бэскот. — Тоже мне, преступление. Избавили двух уродов от страданий. А точнее, горожан, которым приходится лицезреть эту мразь. Скажем, что чокнутые оказали сопротивление, и нам пришлось защищаться.

— Но они же ничего не сделали! Даже поклонились нам, — Шенд, бледный как полотно, не сводил взгляда с Дахина, но тот лишь раздраженно закатил глаза.

— Ты что, совсем дурак? — рявкнул на него Нордек. — Кому какое дело до этих уродов?

— Они — люди! — вскричал Лайан. — Что же это, если не похожи на нас, значит, смерть им?

— Прости, такова жизнь, — Дахин весело подмигнул новичку, а затем резко добавил, — если вякнешь кому-нибудь, лично перережу тебе глотку. Хотя нет, лучше твоей сладенькой сестренке. Уж больно она хорошенькая.

На лице Шенда отразился неподдельный ужас. С минуту он силился что-то сказать, но слова словно застряли в его горле. Он переводил взгляд с одного солдата на другого, пытаясь прочесть в их глазах сострадание, но мужчины весело улыбались.

— Тебе приказано осмотреть второй этаж, дуралей. Выполняй! — с этими словами Бэскот толкнул юношу в плечо и первым направился наверх, желая поскорее разыскать люк, ведущий на чердак. Благо, нашел он его практически сразу. Солдат ожидал, что на чердаке окажется пыльно, и невозможно будет ни шагу ступить из-за наваленной кругом старой рухляди, однако в этом помещении лекарь сушил травы, поэтому запах растений чувствовался здесь наиболее сильно. Бэскот с улыбкой прошелся по разложенным на тканях листьям, отчего те жалобно захрустели под тяжестью, рассыпаясь на части.

— Тут ничего, кроме засушенной травы. Ни дать ни взять, сено на зиму! — громко закричал он и весело рассмеялся.

— Тогда иди, помоги Шенду. Этот дурак даже не знает, как обыск проводить! — откликнулся с первого этажа Дахин.

Бэскот подчинился. Он нашел юношу в спальне доктора Эристея, просматривающим книги.

Лекарь жил просто, можно даже сказать, бедно, но при этом чистота и аккуратность, которыми так часто пренебрегают нищие, позволяли назвать эту комнату приятной. Спальня оказалась небольшой, но хорошо прибранной. Светлое дерево, из которого были сделаны мебель и пол, придавали комнате дополнительный свет, отчего она выглядела даже уютной. В центре помещения, прижатая изголовьем к стене, стояла широкая кровать, а слева от нее — маленький столик, на котором разместился внушительных размеров светильник. Напротив кровати расположились два шкафа: один доверху уставленный книгами, второй — с одеждой и постельным бельем. На окнах красовались тяжелые светлые шторы.

Бэскот застал Лайана как раз у одного из шкафов. Шенд вздрогнул от неожиданности, услышав приближающиеся шаги, отчего чуть не уронил книгу себе на ногу.

— Ты что, реवेशь? — захохотал Бэскот, заметив, как Лайан поспешно утирает слезы. — Из-за уродов что ли?

— В глаз что-то попало. Книги пыльные, — выдавил из себя юноша.

— А, понятно. И что это ты, собрался просматривать каждую? Состариться тут захотел, дуралей? Кто вообще так обыскивает? — в тот же миг солдат решительно сбросил все книги на пол и весело пнул одну из них, наблюдая за тем, как она ударяется о стену. — Так, тут проверили. Что еще? Посмотрим, во что наряжается этот чокнутый?

С этими словами Бэскот открыл платяной шкаф и начал выбрасывать на пол одежду.

— Разрази меня гром. Это не доктор, а какой-то горный отшельник. Посмотри на эти тряпки! По сравнению с ним, смотрители кладбищ — нарядные павлины. Цвета какие: коричневый, черный, серый... Даже белого не вижу! Неудивительно, что в его доме нет женщин, одни чудовища да солома.

Затем Бэскот направился к постели и сбросил с нее сначала покрывало, следом — подушки, одеяло, простынь и наконец матрац.

— Вот и все, дуралей! Обыск произведен. Идем дальше. Что там у него?

На какой-то миг Лайан остался один, растерянно разглядывая комнату, которая выглядела так, словно в ней побывал ураган. Книги валялись под ногами, ткани застилали едва ли не весь пол, но юноша все-таки не решился пройтись по чужим вещам, как это сделал Бэскот.

— Неужто опять книги? — раздалось из соседней комнаты. — Тут одни проклятые книги! У этого докторишки вообще женщины были? Или он не знает, как это — залезть под юбку какой-нибудь милашки. Ах, нет, он знает! Он об этом читал!

Бэскот расхохотался еще громче, довольный своей шуткой, а затем раздался грохот падающих книг.

— Живет, как крыса, зато все деньги тратит на никому ненужную ерунду, — продолжал солдат. — Надеюсь, хоть магические копии книг. Они стоят куда дешевле настоящих.

Разворотив очередную комнату, Бэскот двинулся дальше. Соседнее помещение содержало в себе стол, огромное количество стеклянных сосудов, часть из которых была наполнена разными жидкостями. Здесь Эристель готовил лекарства, но ничего особенного солдат тут не усмотрел. На какой-то миг ему захотелось разбить все эти блестящие колбы, но уже через секунду Бэскот передумал, решив, что грохот будет уж слишком сильным.

— Идем, Шенд, мы закончили со своими обязанностями.

С этими словами мужчина спустился вниз по лестнице и с интересом огляделся по сторонам. На первом этаже царила абсолютная тишина, что несколько озадачило солдата.

— Дахин? Нордек? Куда вы подевались? — спросил Бэскот, перешагнув через труп хромого старика. — Что, захотели поиграть в прятки?

Солдат прошелся по комнатам первого этажа, однако ни на кухне, ни в обеденной, ни в гостиной, ни в кабинете врача, ни в комнате для больных он так никого и не обнаружил. Поведение Дахина и Нордека показалось Бэскоту странным. Мужчина выглянул через дверь на улицу, предположив, что, может, эти двое решили подышать воздухом, или прибыл кто-то из посланников Кальонь, но снаружи тоже было пусто.

— Шенд, иди сюда. Кажется, они уже уехали пьянствовать в «Подкову» без нас.

Молодой солдатик наконец сбежал по ступенькам и, увидев трупы на первом этаже, почувствовал, что его глаза вновь заволакивают слезы.

— Может, они в подвале? — предположил юноша.

— Проклятье! Я забыл о подвале. Идем, глянем, что там.

Оба стражника спустились по лестнице и наткнулись на дверь, на которой красовался

увесистый замок.

— Вот те на..., - усмехнулся Бэскот. — Я ору, ору, а эти двое, видимо, к кузнецу уехали. Что, ногой выбить не догадались? Дверь то, вон какая хлипкая, того и гляди, развалится. Дурак этот доктор, если думает, что воров удержит такой замок. Тут дверь менять надо.

— Наверное, господин Эристель вообще сюда не спускается. Дом-то не его, он только платит за аренду.

— А ты откуда знаешь?

— Господин Гамель сказал.

— Молодец, раз слушаешь, что господин Гамель говорит. Ладно, отойди в сторону.

Шенд подчинился, и в тот же миг Бэскот с силой ударил по двери ногой. Та задрожала, но не поддавалась. Тогда мужчина нанес еще один удар, затем еще, после чего раздался жуткий треск, и дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Затхлый сырой запах заставил солдата поморщиться, а затем с его губ посыпалась отборная брань.

— Темно, хоть глаз выколи, — проворчал он. — В обеденной есть светильники, зажги их и принеси сюда!

Лайан молча кивнул и бросился вверх по лестнице. При виде мертвецов он опять побледнел. Найдя светильники, он еще несколько минут повозился с ними, чтобы разжечь огонь, а затем спустился вниз. Бэскот уже вошел в подвал, однако, даже чуть привыкнув к темноте, по-прежнему чувствовал себя не лучше слепого. Получив долгожданный светильник, мужчина поднял его выше, желая осмотреться.

Первым делом оба солдата наткнулись на огромный деревянный стол, который находился в самом центре. Он был покрыт толстым слоем пыли, отчего Бэскот с отвращением скривил губы. Затем мужчина заметил ржавые ведра, которые располагались по углам комнаты. Заглянув в одно из них, мужчина увидел, что за исключением паутины, в нем ничего не оказалось, как, собственно, и в трех других.

— Жуткая комнатуха, — хохотнул Бэскот. — Мой подвал — это склад всякой рухляди, которую жалко выбросить. В тот же миг мужчина буквально подскочил от неожиданности. Желая рассмотреть потолок, Шенд случайно попятился назад и перевернул ведро, стоявшее у стены.

— Прости! — пробормотал юноша. Чтобы не потерять равновесия, он оперся рукой о стену и вдруг почувствовал нечто холодное и скользкое под своей ладонью. В брезгливом страхе Шенд отдернул руку и посмотрел на свои пальцы. Ладонь оказалась перемазана чем-то белым, похожим на мел. В тот же миг Бэскот хрипло выругался. Один за другим на стене начали проявляться какие-то символы, нарисованные белой краской. Большинство из них были полустерты, словно кто-то изо всех сил пытался их отмыть, и ему это практически удалось.

— Бэскот, что же это такое? — вырвалось у юноши. Он указал пальцем на стену, где совсем недавно коснулся рукой, и оба солдата увидели четкий отпечаток ладони Шенда прямо на символе. Белая краска в том месте исчезла, а сама комната внезапно начала меняться. На полу стали постепенно появляться человеческие тела. Они лежали в куче, словно выброшенный материал, а на самой вершине покоилась красивая темноволосая девушка. Если бы здесь сейчас находился Гимино Штан, он бы без труда узнал в ней свою пропавшую сестру.

Большинство тел было поражено заразными болезнями, из-за которых мертвецов обычно сжигают. Бэскот в ужасе попятился назад.

— Проклятье, заразимся же, — произнес он. — Нужно позвать на помощь. Уходим отсюда.

Но Шенд не мог даже двинуться с места. В страхе он наблюдал за тем, как символы на стене пропадают, а на полу и на деревянном столе медленно проступают кровавые разводы. Лайан никак не мог отделаться от ощущения, что что-то смотрит на них из темноты.

Внезапно Бэскот вскрикнул. Среди кучи человеческих тел он увидел окровавленное лицо Нордека, чьи глаза пялились на него в немом ужасе. Рядом валялся изуродованный труп Дахина. Позвоночник был вырван из его тела, отчего оно сложилось в издевательском поклоне.

Не помня себя от страха, Шенд бросился прочь из подвала и в тот же миг услышал, как дверь за его спиной резко захлопнулась. Деревянная поверхность полностью восстановилась, словно Бэскот даже не прикасался к ней, а замок все также насмешливо поблескивал на ней, не позволяя войти. Юноша замер на ступеньках, ведущих на первый этаж, не в силах поверить в происходящее. Слезы застилали ему глаза, сердце готово было вырваться из груди, а в голове пульсировала одна единственная мысль:

«Где Бэскот?»

Шенд был уверен, что солдат бежит следом за ним, он четко слышал его шаги, но теперь их разделяла дверь с увесистым замком.

— Бэск..., - тихо позвал юноша. Он дрожал всем телом, и ноги буквально подкашивались, словно не желали его держать. — Бэскот!

«Ну же, ты должен вернуться к двери», — уговаривал себя Шенд, но сам он будто прирос к ступенькам. «Нужно ему помочь».

— Бэск, ответь мне. Я попробую тебя освободить! — выдавил из себя Лайан. Ему казалось, что он кричит, но на самом деле с его губ сорвался еле слышный шепот.

В тот же миг Бэскот ответил. До Шенда донесся душераздирающий крик. Раздался хруст костей, такой громкий, словно и не было преграды в виде захлопнутой двери, а затем наступила тишина.

— Бэск... Кто-нибудь. Помогите!

Шенд бросился на первый этаж и, достигнув прихожей, попытался выбраться из дома. Он дергал дверь, как сумасшедший, пока до него наконец не дошло, что она заперта. Юноша заплакал навзрыд, чувствуя себя загнанным в ловушку.

— Умоляю! — в отчаянии закричал он. В тот же миг Шенд резко обернулся, услышав, как тихо скрипнула половица за его спиной. Перед ним стоял двуглавый Точи, держа в руке связку ключей. Кинжал все еще торчал из его груди, но этот человек больше не был мертв.

— Умоляю, умоляю, — шептал Лайан, забыв о том, что на его поясе все еще висит меч. Он прижался к двери и затравленно смотрел на поднявшегося мертвеца, который с издевательским интересом таращился на него своими белыми глазами. Губы обеих голов медленно растянулись в безумной улыбке, будто Шенд сказал что-то смешное, а затем Точи шагнул к нему, и его вторая голова внезапно открыла ярко-зеленые глаза и тихо произнесла:

— Мы с Точи не любим, когда нас умоляют...

II

В маленьких городках все события разворачиваются намного быстрее, чем в крупных. Люди знают друг друга в лицо, отчего информация распространяется со скоростью болезни, заражая слушателей определенным настроением. Человек превращается в эхо, которое повторяет слова тех, кто звучит наиболее правдоподобно.

Испокон веков самым простым способом создать толпу было обличение общего врага, разжигание ненависти, а затем разрешение собственноручно вершить «правосудие» во имя добра. Семье Кальонь не пришлось придумывать ничего нового: люди направлялись туда, куда им показывали, с мыслью о том, что идут они лишь по собственному желанию. Постепенно толпа разрасталась, а город содрогался от ненависти, звучащей в нестройном гуле голосов:

— Смерть Родону! Смерть предателям! Смерть ведьмолюбцам!

Господин Двельтонь, как впрочем, практически все в замке, сейчас находился у окна и смотрел на бушующую толпу. Происходящее напоминало какой-то безумный сон, от которого никак не удавалось проснуться. Элубио Кальонь, тот, кто недавно хотел жениться на его дочери, теперь захватил город и внушал народу такое, во что не мог поверить ни один трезвомыслящий человек. Люди требовали немедленной расправы над мнимым врагом, даже не понимая, свои ли они озвучивают мысли или попросту повторяют навязанное. Все чаще горожане выкрикивали имя доктора Клифаира, называя его чернокнижником, а Родон никак не мог понять, чем пожилой лекарь заслужил подобные обвинения.

Найалла тоже смотрела в окно, не в силах сдерживать слезы. Она была настолько напугана, что готова была броситься Элубио в ноги и умолять о милости. Если Кальонь позволит ее семье уехать, для девушки это будет высшим счастьем. Из комнаты Найалле выходить не дозволялось, поэтому она не нашла иного способа, чем написать юноше записку. Разумеется, Элубио получил ее, но отвечать не стал, посчитав, что вступать в диалог с дочерью ведьмолюбца ниже его достоинства.

Арайа так же находилась взаперти. Чувствуя страх, ненависть и отчаяние, она сидела на постели, обняв свои колени, и невидящим взглядом смотрела куда-то в стену. Однажды отец сказал ей, что есть стихия, которая приносит куда больше вреда, нежели природные — стихия толпы. Момент, когда у разумных существ стираются имена, лица и чувства куда страшнее, чем когда ветер валит на землю вековые деревья. Природная стихия может не заметить, иногда даже оставить слабый шанс на спасение, в то время как толпа никогда не отпустит свою жертву. Раньше Арайа не понимала эту фразу, но сейчас...

Девочка горько усмехнулась. Зачем она столько лет обучалась музыке, танцам, этикету, если сейчас даже не может защититься. В этот момент Арайа вспомнила, как, прогуливаясь по городу в сопровождении кормилицы и охраны, приблизилась к нищему и хотела бросить ему монетку, как вдруг стальные пальцы старика схватили ее за запястье.

— Ведьминская кровь спит, пока ее не потревожишь, — истерично закричал он, а затем дико расхохотался, трясясь всем телом, словно в конвульсиях. Стражники насильно отцепили его от девочки, и Арайа успокоилась лишь тогда, когда кормилица сказала ей, что на Полоумного Игшу никто не обращает внимания.

— Он вечно несет всякую чепуху, дитя, — говорила женщина, поглаживая юную Двельтонь по плечу. — Нашли кого бояться! Ему то пегасы морские мерещатся, то пыль, которую ни одной метлой не выметешь, то чудовища, не имеющие лица.

— Почему он заговорил о ведьминской крови? — спросила Арайа, подняв на кормилицу испуганные глаза. — Как кровь может спать?

Женщина нервно улыбнулась, а затем произнесла:

— Кто его разберет...

Очередной крик о сожжении ведьмолюбцев вывел девочку из раздумий. Несколько секунд она растерянно смотрела в окно, словно забыла, что происходит на улице, а затем

быстро опустилась на пол, доставая из-под кровати тяжелую книгу. Девочка утащила ее из библиотеки, чтобы продолжить свои изучения разновидности магии, и теперь стремительно листала ее.

«Где же оно было? Где же оно было?»

Внезапно девочка замерла. Ее глаза расширились от изумления, а дыхание словно застряло в горле. Облизав пересохшие губы и отбросив надоедливый локон за плечо, Арайа принялась жадно читать:

«Ведьминская кровь спит, пока ее не потревожишь. Такие чувства, как страх или отчаяние, вызывают неконтролируемый энергетический всплеск, отчего магическая сила ребенка начинает проявляться. Однако большинство живущих не подозревает о том, что унаследовали предрасположенность у своих предков. Чаще всего их находит именно Видящий...»

Тем временем доктор Клифаир мерил шагами комнату, пытаясь понять, что вызвало у людей такую ненависть по отношению к нему. Лекарь приблизился к окну лишь на мгновение, чтобы плотно захлопнуть ставни. Крики о том, что он — слуга тьмы, вызывали у старика бессильную ярость и непонимание. Что-то произошло, пока он находился здесь взаперти, отчего люди совершенно потеряли головы.

Стук в дверь заставил старика вздрогнуть, а затем Клифаир услышал щелчок открывающегося замка. Спустя мгновение в комнату вошел Инхир Гамель в сопровождении четверых солдат из личной стражи семьи Кальонь. Его голубые глаза неприятно царапнули лекаря, а затем бегло осмотрели комнату, словно в ней могла таиться какая-то опасность.

— Доктор Клифаир, — наконец начальник стражи заговорил и поприветствовал старика насмешливым кивком. — Вы обвиняетесь в использовании и сокрытии черного предмета и сегодня вечером будете казнены вместе с семьей Двельтонь. Господин Кальонь решил проявить милость и дать вам возможность покаяться перед ним в своих преступлениях. Пройдемте со мной, он ждет вас в обеденной.

Клифаир не двинулся с места.

— В использовании черного предмета? — с нескрываемой горечью в голосе переспросил старик. — Я же лечил твою жену, твою дочь. Что же ты делаешь, Инхир?

— Я выполняю свой долг, — спокойно ответил Гамель. Упоминание о его семье не слишком понравилось начальнику стражи. Он ненавидел, когда его пытались пристыдить, отчего слова старика вызвали в нем лишь волну раздражения. — Идемте, иначе нам придется применить силу.

Теперь в глазах старика промелькнуло нескрываемое презрение.

— Я бы хотел ненавидеть тебя, Инхир, — устало произнес Клифаир, — но почему-то чувствую только жалость. То, что ты сейчас делаешь для своих новых хозяев, будет сделано и с тобой. Ты этого не видишь, потому что гордыня ослепляет тебя.

— Замолчите, Клифаир, — резко перебил его Инхир. — Меня не волнуют ваши старческие бредни. Вы отправитесь в огонь, как и все чернокнижники, но до этого преклоните колени перед своим новым правителем и покаетесь...

Договорить Гамель не успел. Губы старика что-то беззвучно прошептали, и мужчина отлетел к стене, больно ударившись спиной. Следом на пол рухнул еще один стражник, перед этим успев издать лишь жалобный крик. Но атаковать остальных Клифаиру уже не удалось. Магическая печать появилась на его шее, и те жалкие колдовские силы, которые были у доктора, внезапно исчезли.

— Зря ты это сделал, старик! — процедил сквозь зубы Инхир. Поднявшись с пола, он приблизился к Клифаиру и наотмашь ударил лекаря по лицу. — Силенок у тебя не хватит со мной тягаться.

Затем Гамель обратился к стражникам:

— Отведите этого дурака к господину Кальбонь и расскажите людям, как он оказал сопротивление. Затем отправляйтесь за семейкой Двельтонь. За отшельником и северянином сам схожу: вдруг у нас есть еще один недоделанный маг.

Спустя несколько минут крики толпы вновь усилились. Новая информация о покушении чернокнижника на жизнь начальника стражи обрастала все новыми подробностями, и Амбридия Бокл уверенно рассказывала о том, как Клифаир убил троих охранников.

— Уничтожьте чернокнижника! Он опасен! — кричали люди, внимая страшной истории.

— Инхир Гамель сумел запечатать его силы, и теперь вы в безопасности! — продолжала Амбридия.

— Да здравствует Инхир Гамель!

Лин Стагр, более известный людям, как Колокольчик, растерянно наблюдал за происходящим, стоя чуть поодаль. Против такой толпы никто из союзников Родона выйти не осмелился, поэтому бард молча взирал на бушующих горожан. Искаженные ненавистью лица казались ему какими-то незнакомыми, словно Лин и вовсе никогда не видел этих людей. Разве эта вежливая белошвейка, госпожа Мелонь, могла кричать так яростно, разве улыбчивый гончар Хоки мог сыпать такой отборной бранью? За одну ночь горожан словно подменили, и теперь эти озлобленные, сверкающие глазами люди крайне фальшиво играли роль прежних жителей. Господин Симь в ярости топтал знамя с изображением герба семьи Двельтонь, а затем и вовсе толпа решила сжечь злосчастный лоскут ткани.

— А ты что молчишь, как пень? — услышал Колокольчик голос Матильды Жикирь. — Поддержи народ! А то стоит тут, рот разинул, глаза выпучил, ни дать ни взять, карась, придавленный колесом телеги. Люди добрые, только гляньте на этого молчуна!

— Да кричу я, кричу. Устал просто! — испуганно воскликнул Лин. — В пекло! В пекло!

— Вот так-то лучше. Ишь, бездельник. Только и делаешь, что моего мужа с толку сбиваешь. Сидят в «Подкове», два дурака, один другого бесполезнее.

Лин поспешно отодвинулся от Большой Ма и на всякий случай еще несколько раз крикнул «В пекло Двельтонь!». Люди перестали на него коситься, и бард вздохнул с облегчением.

— Я за тобой слежу! — услышал он грозный голос Матильды прямо у себя за спиной и невольно подскочил от неожиданности.

— Да кричу я! Сами тоже кричите, госпожа Жикирь. А то со мной разговариваете и отвлекаетесь.

— Я тут с самого утра кричу! А ты ленишься. Хочешь ни за что деньги получить, по глазам вижу!

— Какие деньги? — не понял Лин.

— Ишь какой, еще и притворяется. А ну кричи! Пока не откричишь каждый медяк, домой не уйдешь! Расплодилось тут, дармоеды проклятые!

Тем временем, услышав «Да здравствует Инхир Гамель», начальник стражи довольно улыбнулся и направился в комнату господина Закэрэль. Отшельника он застал, сидящим в кресле за письменным столом. Вокруг него было множество рисунков животных, которые

мужчина успел нарисовать, находясь в одиночестве. Это занятие успокаивало его. Вспоминая пятна на шкурах, форму копыт, длину рогов, Лархану удавалось абстрагироваться от происходящего и даже забыть о несчастье, навалившемся на него.

Когда Инхир приблизился к нему и без лишних слов наложил магическую печать, отшельник лишь покачал головой:

— Она в капкан угодила. Надо бы присмотреть. Рана загноиться может.

С этими словами мужчина протянул Гамелю рисунок косули, отчего Инхир не смог сдержать смешка.

— Лучше бы о своей жизни подумали, Закэрэль. Что вам эта косуля далась? Тут людей жгут заживо.

— Люди сами себя жгут, а косуля на сородича капкан никогда не поставит, — с горечью произнес колдун. — И зачем, зачем я поехал? Знал же, что дурное случится.

— Вас еще ни в чем не обвиняют, Лархан, — на миг Гамель даже пожалел отшельника. — Может, и дальше будете в лесу прятаться со своими зверями. Поклонитесь господину Кальонь, скажите, что восхищены его правлением и готовы ему служить. Может, смилостивится и отпустит.

— Вы видели когда-нибудь волков, господин Гамель? — спросил Лархан.

— Доводилось на них охотиться.

— Волки просто так восхищаться не будут. Вожак должен заслужить свое право.

— Вы, главное, это не трепите, где попало, может, чуть дольше проживете, — хохотнул Инхир. — Ну же, идите. Не готов я на ваших косуль весь день тратить.

— Да что там тратить. Повязку надо менять, воду приносить, да траву свежую, — пробормотал господин Закэрэль. — Что же вы, люди, делаете? А еще в лес боитесь ходить... Город — вот где, действительно, страшно.

Инхир ничего не ответил. Отшельник всегда представлялся ему странным. Вся его тяга к нетронутой природе казалась Гамелю чуждой и ненормальной. Как можно ютиться в лесной хижине, в то время как весь мир мечтает жить в замке? Как можно тревожиться о какой-то косуле, когда всем не хватает золота? Ценности Закэрэля были смешны, и начальник стражи считал, что все это лишь потому, что колдун ничего не сумел добиться. Если бы он был таким же сильным, как Рикид и Баркал, то первым делом зарабатывал золото, выполняя поручения великих правителей. Он бы стремился владеть большим домом, на такой улице, где живут зажиточные господа, а то и вовсе в замке, подле своего господина. А так Лархан — всего лишь жалкий, серый отшельник, у которого вся мудрость заключается в том, чтобы выходить какую-то паршивую косулю.

Последняя комната, расположенная в гостевом крыле замка, принадлежала доктору Эристелю. Инхир ни разу не общался с ним, поэтому реакция северянина на происходящее ему была даже интересна. Солдаты говорили, что он очень спокойно воспринял свое заключение, не просит, чтобы его отпустили, не передает записок господину Кальонь.

— Интересно, он вообще осознает всю опасность происходящего? — усмехнулся Гамель. — Или такой же, как Закэрэль, бредит если не о косуле, то о каком-нибудь увядающем лопухе?

Солдаты натянуто рассмеялись. Все еще помнили, что произошло в комнате старого лекаря, поэтому настроение их больше не было таким веселым. Ободряюще подмигнув солдату, которого Клифаир совсем недавно сбил с ног, Инхир без предупреждения повернул ключ в замке и вошел в комнату лекаря. Эристель стоял у окна и смотрел на толпу, когда

магическая печать возникла на его шее. Лекарь обернулся и бросил взгляд на вошедших.

— Доброго дня, доктор Эристель, — поприветствовал его Инхир, внимательно глядя на северянина. — Я — Инхир Гамель, начальник городской стражи. Сомневаюсь, что вы — колдун, однако после того, что вытворил доктор Клифаир, я попросту...

Гамель впервые видел этого мужчину вблизи, но, если раньше лекарь казался ему приятным, то теперь лицо северянина выглядело едва ли не уродливым. Ощущение, что он разговаривает с чем-то неживым, внезапно заставило Инхира замолчать. Но вот странное наваждение прошло, и Гамель продолжил:

— ... не могу рисковать своими людьми. Идемте, вас желает видеть господин Кальонь.

Эристель задумчиво коснулся рукой печати, что красовалась на его шее, точно безобразное клеймо, а затем сухо поинтересовался:

— Инхир Гамель? Неужто вас восстановили в должности?

— А вы сомневались? — насмешливо ответил рыжеволосый мужчина. — Вы, определенно, совершенно меня не знаете, если думали, что я пробуду в отставке долго. Идемте, я не буду повторять еще раз!

— Да вы и не успеете, — задумчиво произнес Эристель. Он бросил взгляд на портрет, висевший на стене напротив входной двери, и его губы тронула едва заметная улыбка. В комнате вдруг ощутился запах сырой земли, и, когда северянин посмотрел на Инхира вновь, мужчина уже лежал на полу мертвым. Черная оспа изуродовала его лицо практически до неузнаваемости, и если бы не рыжие волосы, никто бы не подумал, что столь крепкий мужчина, коим выглядел Инхир с утра, мог «сгореть» так стремительно. Рядом с Гамелем, пораженные той же болезнью, лежали его солдаты. Со смертью начальника стражи исчезла и печать на коже северянина, а также доктора Клифаира и господина Закэрэля. Магическая сила вернулась, и Эристель, переступив через тело Инхира, вышел из комнаты.

Он без помех спустился по лестнице, а редкие стражники, попадавшиеся ему на пути, немедленно падали замертво, не успев произнести ни слова. Из носа, ушей и рта убитых сочилась кровь, а грудные клетки выглядели раздавленными. Солдат, прогуливающихся по первому этажу, колдун убил уже иначе. Снаружи не было никаких повреждений, отчего, когда они поднялись снова, уже будучи мертвыми, привратники без подозрений выпустили Эристеля из замка в сопровождении шестерых солдат.

III

Сидя в обеденном зале и дожидаясь, когда к нему приведут «ведьмолюбцев», Элубио Кальонь старался выглядеть спокойным, хотя его сердце переполняло ликование. Состояние молодого мужчины можно было сравнить разве что с эйфорией, пьянящей и головокружительной, отчего он невольно улыбался своим мыслям. Каждый крик, доносившийся до него снаружи, звучал, как подтверждение того, что замысел удался: Дарий Кальонь впервые посмотрит на своего сына, не как на пустоголового красавца, а на смельчака, который послужил на благо своей семьи.

С самого детства Элубио чувствовал себя ничтожным в глазах собственного отца. Вся любовь доставалась его старшему брату, Карэлию, и то было заслуженно. Он не относился к красавцам, зато, благодаря изворотливому уму, уже в семнадцать лет сумел стать зрителем небольшого городка. Брат ловко умел плести интриги и при этом выходить сухим из воды даже тогда, когда, казалось бы, его разоблачили. Элубио восхищался им, как восхищались все в его семье. Карэлий превосходил всех своих ровесников, был способным в учебе и в фехтовании. Он мастерски держался в седле, являлся прекрасным охотником,

безупречным танцором и в совершенстве владел даже несколькими западными языками. Отец гордился им, и никто не сомневался, кто после Дария Кальонь станет зрителем целого полуострова. Но судьба пожелала сложиться несколько иначе. Мост обрушился по воле несчастного случая, и виновных в смерти юноши не было, но разве это могло успокоить убитых горем родителей. Тело Карэлия, переломанное и окровавленное, внесли в зал в тот момент, когда у Дария проводился совет касательно борьбы с морскими грабителями, которые то и дело разоряли торговые суда. Увидев тело мертвого сына, Кальонь, слывший гордым и высокомерным, бросился к нему и, упав на колени, дико закричал. Он рыдал, прижимая Карэлия к себе, выл, точно раненный зверь, словно и не было никого вокруг. Десятки глаз смотрели на убитого горем мужчину, и собравшиеся господа даже не могли испытывать злорадства по отношению к тому, кого люто ненавидели. Жестокий и кровожадный тиран выглядел таким жалким и сломленным, что никто не смел даже приблизиться к нему.

Этот момент впечатался в память Элубио, словно кто-то выжег его в сознании, и теперь, сидя в обеденном зале семьи Двельтонь, юноша думал о том, что отец наконец-то посмотрит на него иначе. Быть может, этот взгляд будет хоть отдаленно напоминать тот, который Дарий обращал на своего старшего сына.

После смерти Карэлия Элубио не раз вспоминал, как на похоронах отец приблизился к нему и сквозь зубы процедил: «Лучше бы ты, лучше бы ты!». Единственной, кто помог юноше не отчаяться окончательно, была его мать. Ее поддержка придавала ему сил, а так же пробудила в нем интерес доказать отцу, как сильно он ошибался.

Сейчас, находясь в замке Двельтонь, Элубио слышал в криках людей похвалу собственного отца. Быть может, гордый Дарий Кальонь хотя бы извинится, быть может, даже обнимет его, как когда-то обнимал Карэлия.

Сейчас Элубио слушал, как переговариваются Рикид и Баркал, но разобрать их слова юноше не удалось. Радость и одновременно странное безразличие овладели им, и, когда в зал наконец ввели господина Двельтонь, Элубио не сразу понял, что стражник обратился именно к нему.

— А, Родон, — произнес юноша, смерив бывшего зрителя города снисходительным взглядом. — Ты плохо выглядишь. Неужто очередная бессонная ночь?

Господин Двельтонь не ответил, но его глаза говорили яснее слов. Мужчина действительно выглядел уставшим. Темные круги, болезненная бледность, сухие губы и очертившиеся морщины добавляли Родону возраста, однако даже это не уничтожило благородную красоту его лица.

Двельтонь понимал, какая участь его ждет, но он надеялся, что ему удастся защитить хотя бы дочерей. Он просто не мог поверить в то, что Элубио Кальонь решится приговорить к смертной казни двух девочек.

Однако Родон судил по себе. Утреннее письмо от Дария Кальонь хранило в себе четкое указание: уничтожить всех, кто каким-либо образом может претендовать на власть в захваченном городе: "Убивая волка, не забудь уничтожить волчат, какими бы хилыми они не выглядели". Требование Дария Элубио воспринял абсолютно спокойно: он был готов убить кого угодно, если это хоть на шаг приблизит его к отцу.

Удивительно, на что может быть способна толпа, если даже правитель юга позволяет ей вершить самосуд. В своем последнем письме он черным по белому велел угомонить народ любым способом, даже если для этого придется пожертвовать Родоном Двельтонь.

Информацию о том, что среди приближенных бывшего зрителя полно чернокнижников, правитель юга получит уже после исполнения смертного приговора и наверняка испытает облегчение, если до сих пор находился не в ладах с совестью или здравым смыслом.

— Лучше скажи мне, что ты собираешься делать с девочками? — тихо произнес Родон. Эти слова дались ему нелегко, но ради своих детей он готов был даже опуститься на колени. Элубио весело улыбнулся, демонстрируя ряд красивых белых зубов, а затем задумчиво произнес:

— Даже и не знаю, Родон. Учитывая сложившиеся обстоятельства, я должен послужить своему народу, а люди требуют их сожжения.

— Ни Найалла, ни тем более Арайа не являются для тебя угрозой, — ответил Двельтонь. Слова Элубио попали в цель, но мужчина изо всех сил пытался это скрыть. — Отпусти их. Если ты хочешь устроить представление на главной площади, у тебя уже есть один актер. Зачем убивать беспомощных девочек? Хочешь править? Так начни правление с милосердия, а не жестокости. Тебе нужна чья-то жизнь, забирай мою, но не...

— Родон, — насмешливо перебил его Элубио. — Ты разве видишь где-то палатки, весы или торговцев? Я не вижу. Смотрю по сторонам и не вижу. А, значит, мы не на рыночной площади, чтобы устраивать торги. Я — зритель города, мой народ меня поддерживает, а это значит...

В тот же миг Родон дернулся в сторону ненавистного юнца, желая добраться до его горла, но стража успела удержать мужчину на месте. Рикид и Баркал тихо рассмеялись.

— Какие дурные манеры! — деланно ужаснулся Элубио. — Ведьмолубец покусился на жизнь единственного защитника этого убогого городка. Народ обязательно должен об этом узнать. Я велю рассказать об этом всем, даже вашему городскому сумасшедшему, который с утра передал мне записку.

— И что же он мог написать такому человеку, как ты? — с деланным безразличием поинтересовался Родон. На одно мгновение Двельтонь почувствовал, что в его сердце вспыхивает надежда. Полоумный Игша всегда писал нечто странное, но, быть может, в этот раз его предсказание будет понятнее.

Элубио пожал плечами:

— То, что всегда пишут подобные идиоты. Нечто непонятное и бессмысленное. Или, может, ты разгадаешь, что творится в головах твоих ненормальных горожан? Ты же с ним встречался вчера утром. Может, это ты ему посоветовал написать мне записку, или это исключительно его желание?

— Что за записка? — сквозь зубы процедил Родон.

— Цитирую дословно: «Не все трапезы оказываются сытными!». Я полагаю, если этот старик мнит себя предсказателем, то его писанина может означать какую-то угрозу.

Господин Двельтонь молчал. Слова Элубио имели смысл. Видимо, полоумный Игша предвидел даже кровавую жатву, которую устроит юный Кальонь в первые же дни своего правления.

— Отпусти девочек, — тихо повторил Родон. — Пожалуйста.

Элубио задумчиво посмотрел в окно, делая вид, что прислушивается к крикам толпы, а затем весело рассмеялся:

— Чувствую, еще немного, и когда-то гордый Двельтонь скатится до того, что будет ползать у моих ног. Даже противно, надо сказать. Что ты унижаешься, как какая-то крестьянская мразь? Вам уготовлена смерть, так принимай ее с честью. Мой отец никогда

бы не стал просить за меня.

— Конечно, — холодно произнес Родон. — Он бы просил за Карэлия.

Услышав это, Элубио резко поднялся с места и, приблизившись к мужчине, изо всей силы ударил его по лицу.

— Заткнись! Заткнись! — закричал юноша. — Что ты вообще знаешь? Ты — единственный сын в семье, поэтому тебя любили уже потому, что ты родился. Еще одно слово, и, клянусь, я убью твоих детей прямо у тебя на глазах. Слышишь меня, Двельтонь? Я не шучу! Я убью их собственными руками.

Родон молчал, глядя на Элубио, точно на безумца. Из рассеченной ударом губы подбородку мужчины струилась кровь, и когда в зал ввели девочек, он на миг отвернулся, словно боясь испугать их еще больше.

— Отец! — Найалла хотела было броситься к Родону, но стражники удержали ее на месте. — Элубио, пожалуйста!

Арайа дрожала всем телом, но глаза ее пылали. Девочка заставляла себя держаться, но кровь на лице отца мигом разрушила ее броню, отчего по щеке юной Двельтонь скатилась слеза. Она судорожно сглотнула и хотела было вытереть влагу на своей щеке, как солдат грубо схватил ее за руку.

Элубио, казалось, уже успокоился. Он медленно опустился на стул, с насмешкой глядя на обеих девочек. Затем он обратился к Найалле:

— Я получил твою жалкую записку, моя дорогая возлюбленная. И мне ее даже зачитывать стыдно. Неужели семья Двельтонь готова так унижаться, чтобы сохранить свои бессмысленные жизни?

— Я бы посмотрела, как бы ты унижался! — процедила сквозь зубы Арайа. Отец едва заметно отрицательно покачал головой, запрещая ей провоцировать Элубио еще больше, но девочка продолжала: — Трус, который всегда прятался за именем своей семьи, будет учить достоинству остальных? Да кто ты такой?

Юноша весело рассмеялся:

— Ты ли это, Арайа Двельтонь? Где же твое знаменитое воспитание? Ни дать ни взять, пустынная дикарка. Может, еще кусаться начнешь? Или ты вздумала оскорбить нового правителя? Хотя твой отец и не пользовался этим правом, но не нужно забывать, что смотритель города может приговаривать к смертной казни за любое скверное слово в его сторону. Я тоже могу, девочка. Так что, лучше не провоцируй меня.

— А как ты казнишь меня дважды? — с вызовом произнесла Арайа.

Послышались приближающиеся шаги, и в комнату ввели еще одного пленника. В этот раз — доктора Клифаира. На шее старика темнела магическая печать, наложенная Инхиром Гамелем, а сам он выглядел напуганным и злым одновременно.

— Ты вовремя, доктор! — произнес Элубио, обратив взгляд на вошедших. — Присоединишься к общим мольбам или сразу покаешься?

Клифаир не успел ответить: в разговор вмешался стражник, который сообщил, что при задержании лекарь оказал сопротивление. Рикид иронично вскинул бровь, глядя на доктора с нескрываемой насмешкой. То, что старик посмел воспротивиться, показалось ему до нелепого забавным. Баркал и вовсе тихо рассмеялся.

— Вот так! — задумчиво произнес Кальонь. — Людям это крайне не понравится. Я до последнего думал оправдать тебя, старик, но, видимо, ты сам решил выбрать свою судьбу.

— Я — не чернокнижник! — воскликнул доктор. — Твои прихлебатели должны были

почувствовать мою энергетическую силу. Она светлая. Я — не маг в истинном понятии этого слова, но я могу лечить людей с помощью простых заклинаний. Уменьшить боль и замедлить кровотечение. Разве для этого нужны черные предметы? Как вы подсунули его в мой дом? Куда спрятали?

— Вот и заладил любимую песню чернокнижников, — вмешался Баркал. — Подкинули. Подставили. Как можно подставить того, кто может магически лечить людей и чувствовать энергетику темных предметов?

— Я чувствую. Значит, вы подложили его, пока меня держали в замке. Подлецы! Есть в вас хоть что-то человеческое?

Теперь уже в разговор вступил Рикид:

— Не дерзи нам, старик. Мы — не ярмарочные фокусники, чтобы терпеть подобное обращение. Я — ученик Аориана, одного из величайших магов в истории. Неужели ты действительно смеешь обвинять меня в столь низких делах?

— Ради денег вы еще не до того опуститесь. Сколько вам заплатили Кальонь за ваши выходы?

— И эти песни поют чернокнижники, — Баркал усмехнулся и смерил Клифаира насмешливым взглядом. — Вы бы хоть что-то новое придумали для разнообразия.

— А вот и еще один униженный мученик! — Элубио даже всплеснул руками, увидев, как в обеденную вводят господина Закэрэль. Отшельник был единственным, чье лицо выглядело каким-то отстраненным, словно он вообще не понимал, что происходит. На шее его красовалась такая же печать, как у Клифаира, но Лархана, казалось, это не тревожило. Он огляделся по сторонам, замечая кровь на лице Родона, а затем опустил голову, словно провинившийся ребенок.

— Ну же, ведьмолюбец, скажи хоть слово, — потребовал Кальонь, не сводя с Закэрэля глаз. — Может, из тебя получится выдавить что-то поинтереснее, кроме мольбы и угроз.

Отшельник лишь пожал плечами, не видя смысла отвечать. Все его мысли были обращены к лесу, к его саду, где он выращивал яблоки для оленей, к зайчихе, которая недавно обзавелась потомством и, конечно же, к раненной косуле.

— Я виноват только в том, что приехал к людям, — наконец произнес Закэрэль. — Это самое неразумное из того, что я когда-либо совершал. Я попросту не понимаю вас. Звери честнее. Они рычат, прежде чем наброситься, взрывают копытом землю, шипят. Зверь никогда не ластится к тому, кого хочет укусить. А люди...

— Да, не зря тебя называют странным! — воскликнул Элубио. — Родон, кто тебя вообще окружает? Чокнутые да слабаки! И ты хотел править городом с такой поддержкой? Ладно, кто там у нас остался? Ах да, этот приезжий докторишко, на которого твоя дочь хотела меня променять? Верно, Найалла? Какой же у тебя, однако, паршивый вкус! Приведите мне этого северного пса, я заставлю его вылизать мне сапоги и отпущу восвояси. Готов поспорить на свою жизнь, что он даже не обернется, чтобы посмотреть на свою «любимую».

В тот же миг на лицах магов, присутствующих в зале, отразилось беспокойство. Энергетика замка стала сырой и холодной, запахло землей, отчего Рикид первым поднялся на ноги. Он посмотрел на Клифаира и заметил, как печать на его шее потускнела и исчезла. То же самое произошло и с Закэрэлем.

— Проклятье! Инхир убит! — воскликнул Баркал. Он хотел было вновь наложить печать на пленников, но Рикид опередил его. Оба мага выглядели встревоженными, если не

напуганными.

— Что вы стоите? Проверьте, что происходит! — воскликнул Элубио, не понимая, отчего такая реакция.

— Вы готовы остаться без защиты? — Рикид спросил это не потому, что ему хотелось оберегать Элубио, а потому, что ему не хотелось встречаться лицом к лицу с тем, чья магическая энергетика настолько сильна.

— Объясните мне! — вскричал юноша, поднимаясь с места. — Проклятые идиоты! Что ты сделал, Двельтонь?

— Кажется, ты нашел чернокнижника, — ответил за Родона доктор Клифаир, и его губы тронула горькая усмешка.

Для господина Двельтонь эти слова не стали такой неожиданностью, как для других. Он давно подозревал Эристеля, но никак не мог найти доказательств, а теперь, видимо, северянину надоело прятаться. Что-то подтолкнуло его к действиям. Видимо, он понял, что, либо его сожгут, либо разоблачат маги гильдии Аориана, и поэтому он атаковал стражу. На лице Клифаира отразилось мрачное ликование. Он не верил, что северянин придет на помощь, потому что Эристель никогда не проявлял себя с такой стороны. Его не интересовали деньги и власть, поэтому подкупить его тоже было сложно.

— Вы обыскали его дом? Там были черные предметы? — кричал Элубио, в ярости глядя на своих колдунов. Однако в его глазах Рикид видел страх, который юноша тщетно пытался скрыть. Только сейчас Кальонь понял, что единственное, о чем он не поинтересовался, и о чем ему так и не доложили, была проверка жилища Эристеля.

— Гамель отправлял туда четверых людей, — тихо произнес Баркал. — Видимо... Они еще не вернулись.

— Идиоты! Проклятые идиоты! Ни на кого нельзя положиться!

Элубио чувствовал, как его начинает охватывать паника. Он приказывал себе успокоиться, повторяя, что с ним находятся два сильных колдуна, вот только уверенности на их лицах не было, отчего страх все больше захватывал юного Кальонь. Была еще надежда на чернокнижника, которого подослал в город сам Дарий, но он находился не в замке, а Эристель бродил по гостевому крылу. С минуты на минуту он мог явиться в зал и атаковать. На помощь Клифаира и Закэрэля Элубио не рассчитывал, хотя благородные дураки часто совершали идиотские поступки, защищая своего врага. Но, наверное, не в этом случае. Если только северянин атакует их сам, эти двое, возможно, попытаются защититься, хотя, что они могут сделать? Как можно было так проколоться? Почему их собственный чернокнижник не сообщил, что здесь орудует еще один? Или с тех пор проклятый маг так ни разу и не колдовал в полную силу?

Эти вопросы спутывали мысли, отчего паника волнами накатывала с новой силой. Знал ли о происходящем Родон? Наверняка знал, иначе почему поселил северянина в замке? Быть может, это он загнал его, Элубио, в ловушку, понимая, что чернокнижник всегда придет ему на помощь. Вот только обе сестры Двельтонь казались откровенно растерянными. Удивление и ужас Найаллы ни коим образом не выглядели поддельными, хотя младшая отреагировала чуть более спокойно. В глазах Родона тоже читалась тревога, словно он не знал, союзник ли расправился с Инхиром Гамелем, или еще один враг. Клифаир тоже казался встревоженным, хотя на его лице появилось какое-то мрачное ликование. «Получи!» — говорили его глаза.

На лице Лархана Закэрэль тоже наконец появились хоть какие-то эмоции. Он

посмотрел на Элубио и тихо произнес:

— Природа любит так поступать с неопытными ловцами змей. Они хватают ужей и медянок, пока не наступят на гадюку.

Кальонь бросил на мужчину яростный взгляд и отошел поближе к Рикиду и Баркалу.

— Защищайте своего господина! — воскликнул он.

Все настороженно смотрели на дверь, ожидая, когда в ее проеме появится настоящий чернокнижник. Время точно затаилось, и присутствующие не знали, что им ожидать в следующую секунду. Настоящий темный колдун наконец выдал себя, однако расправляться с Элубио он почему-то не спешил. Вместо Эристеля в комнате появился испуганный слуга:

— Господин Кальонь, там все... погибли. Чернокнижник покинул замок и вышел к людям.

Энергетика северянина и впрямь стала чуть слабее, и столь опытные маги, как Рикид и Баркал, не могли этого не почувствовать. Они переглянулись, боясь, как бы юный Кальонь не решил, что Эристель испугался и не отправил их вдогонку. Благо, опасались они зря. Элубио был настолько взволнован, что первые несколько минут не мог найти слов. Никто из присутствующих не решался выглянуть в окно, чтобы увидеть, что происходит на площади. Быть может, в этом они были правы.

Когда лекарь в сопровождении шестерых мертвых солдат вышел за ворота замка, он оказался окружен разъяренной толпой. На миг люди замолкли, словно голодные хищники, которым бросили в клетку ягненка, а затем обрушились на северянина с новой волной ярости.

— Ведьмолубец! Поборник зла! Смерть северянину! Убьем его! Пусть добрый восторжествует! — эти крики сыпались на лекаря со всех сторон, и Эристель мысленно усмехнулся, увидев перекошенные лица тех бедняков, которых он сам когда-то вылечил. Были и те, кто резко замолчал при виде беловолосого доктора, все-таки вспомнив, что когда-то этот самый поборник зла спас им жизнь. Шестеро мертвецов с трудом сдерживали натиск толпы, отчего круг вокруг Эристеля сжимался все стремительнее.

— Смерть мерзавцу! Смерть пособнику тьмы! Умойте его кровью! Бейте его! Бейте!

Эти крики Эристелю были знакомы, как никому другому. Впервые он услышал их в шесть лет, в тот день, когда узнал, что является не таким, как все. То время вонзилось в память отвратительной занозой, а потом возвращалось все в новых обличьях. Люди менялись, но толпа оставалась прежней. Толпа всегда хочет уничтожить зло.

Была осень. Сырая, пронзительная, туманная. Она забиралась под одежду и оседала в легких очередной неизлечимой болезнью. У осени было много лиц, много цветов и нарядов, но именно она приносила в убогие лачуги крестьян хворь, которая разрасталась в груди, выплескиваясь наружу кровавым кашлем. Отец Эристеля увядал дольше других. Иногда даже казалось, что он идет на поправку, словно из-за туч внезапно выглядывало солнце. Тогда он становился веселым, и в доме временно воцарялось призрачное счастье. Но затем болезнь возвращалась вновь. Ни на лекарства, ни уж тем более на магическое лечение денег у нищей крестьянской семьи не могло найтись, поэтому, когда болезнь забрала очередную свою жертву, яма для погребения тела давно уже была вырыта. Жители крохотной деревушки собрались на похороны, чтобы выразить соболезнования убитой горем вдове и ее шестилетнему сыну. Темноволосый зеленоглазый мальчик, обычно неугомонный и общительный, стоял у могилы отца, как громом пораженный. Он не мог даже плакать, словно что-то высушило его изнутри, не мог толком вздохнуть. Рука мальчика беспомощно

коснулась плеча матери, когда женщина упала на колени, глядя на то, как тело супруга начали засыпать землей. Давясь слезами, вдова повторяла одно единственное слово:

— Вернись! Вернись!

Люди с сочувствием смотрели на нее: эта женщина была вежлива и добра, а ее муж не раз приходил на помощь своим соседям, если нужно было помочь починить крышу или вспахать землю. Их сын играл с другими детьми, и, хотя он не был их заводилой, деревенские ребята не гнали его от себя.

— Мужайся, дорогая, — произнесла одна из женщин. — У тебя есть сын, есть, для кого жить, есть, за кого радоваться.

Когда комья сырой земли частично засыпали лицо покойного, мальчик судорожно вздохнул. Шепот его матери вплетался в собственные мысли, и ребенок уже не понимал, что его губы беззвучно шепчут то же самое. Он чувствовал только боль, свою, своей матери, и понимание того, что отца не стало, обрушилось на него с такой силой, что мальчик задрожал. Запах сырой земли, которая забирала любимого человека из его жизни, был так силен, что от него кружилась голова. В висках пульсировала только одна мысль, больше похожая на требование безумца: «Верни моего отца!». Пасть земли поглотила свою жертву, и теперь ее губы смыкались, а тело отца пропадало. Мальчик не помнил, как бросился к могиле и, сжимая в кулаках землю, беспомощно расплакался.

— О, деточка! — жалобно произнесла еще одна женщина и приблизилась к ребенку, желая поскорее отвести его подальше, но в тот же миг мальчик обернулся. Его глаза были белыми и туманными, и, прежде чем люди поняли, что происходит, рука покойного пробилась сквозь землю и накрыла руку сына. То, что начало происходить дальше, вызвало у собравшихся крик ужаса. Умерший выбрался из могилы и, шатаясь, шагнул на встречу жене. Двигался он, точно поломанная кукла, глаза его были такими же белыми и слепыми, как у сына, а затем мертвец рухнул прямо у ног несчастной вдовы.

— Черная магия! Черная магия! — послышалась со всех сторон. Мальчик тряхнул головой, словно не понимая, где он находится. Последние минуты ему казалось, что он провалился в сон, где его отец вернулся. Земля сдалась и отдала его обратно, но радости на лицах местных жителей не было. Он видел ужас в глазах людей и сам испугался от того, как все смотрят на него.

— Чудовище! — вскричал один из мужчин. — Бейте его, что вы стоите?

— Нет, мой сын! — бледная, как полотно, вдова попыталась защитить ребенка от горожан. — Эри, беги же! Беги в лес!

Этот крик отрезвил мальчика, и, прежде чем он осознал, что люди сделают с его матерью, бросился в чащу. Какое-то время он слышал крики у себя за спиной, но боялся обернуться, чтобы не увидеть перекошенные от страха и ярости лица:

— Хватайте чудовище! Убейте его! Убейте чернокнижника! Убейте это исчадие зла!

Мальчик осмелился приблизиться к деревне лишь поздно ночью. Он выглянул из-за дерева, привлеченный огнем большого костра, вокруг которого стояли люди. Женщины охали и причитали, мужчины бранились и плевали на горящие дрова. Из разговоров ребенок понял, что тело его отца сожгли, как и тело забитой насмерть матери. Дрожа от холода и страха, мальчик попятился обратно в лес. Ему суждено было погибнуть, но история сложилась несколько иначе.

— Убейте его! — этот крик прозвучал в очередной раз, но уже спустя много лет под стенами замка Родона Двельтонь. Видя, что солдаты не могут сдержать бушующую толпу,

Эристель обратил взгляд на самого крикливого. Глаза его побелели, и тело одного из местных кузнецов приподняло над толпой.

— Вы же любите представления? — тихо произнес колдун. — Тогда смотрите внимательно.

Раздался хруст костей, и кузнец дико закричал. Что-то сжимало его, отчего кровь хлынула изо рта мужчины, и он начал захлебываться. Жуткая боль охватила все тело, но Эристель не позволял ему потерять сознание, отчего безумный вопль вырывался из горла мужчины до тех пор, пока его тело не разорвало на куски. Кровь обрызгала близ стоящих людей, отчего те в ужасе попятились назад.

— Любого, кто последует за мной, ждет похожая участь, — процедил сквозь зубы колдун. — Пшли вон!

В тот же миг паника охватила горожан и те бросились прочь, барахтаясь и давя друг друга, пока люди, стоявшие по краям достаточно не отделились, чтобы те, кто стоял ближе к воротам, могли наконец убежать. Колокольчик упал на землю, и его чудом не затоптали. Люди бежали, обезумевшие от увиденного, и кричали теперь уже от страха.

Элубио слышал эти вопли, но боялся даже приблизиться к окну. Родон попытался, и стражники, пораженные происходящим, на миг отпустили его. Двельтонь в ужасе смотрел на площадь перед замком, где валялись кровавые ошметки того, что когда-то было человеком. Рядом корчились люди, которых затоптала перепуганная толпа. Беловолосый лекарь направлялся в сторону городских ворот, но, словно почувствовав на себе взгляд, он обернулся и холодно посмотрел на Родона.

IV

Маленький городок, привыкший к спокойной и размеренной жизни, за несколько минут изменился до неузнаваемости. Обычно в это время на рыночной площади велась оживленная торговля, дети играли на улицах, а взрослые занимались своими привычными делами. Где-то обязательно шатался пьяный нищий, приставая к прохожим. Где-то прогуливались молодые девушки, сжимая в руках зонтики, чтобы скрываться от солнца. Но сегодня город как будто подменили. По улицам, точно кипящая смола, разливалась паника. Люди врывались в свои дома, обезумевшие от страха, и хватали своих ничего не понимающих детей, чтобы поскорее увести их из города. Кто-то собирал самое необходимое, заталкивая свои пожитки в тканевые мешки. Кто-то в спешке седлал коня, кто-то усаживался в карету, но всех этих людей гнала прочь одна и та же причина — чернокнижник проявил себя. У горожан не было времени задумываться, справедливо ли была сожжена Акейна Окроз, что теперь ждет семью Двельтонь и доктора Клифаира, у них даже не было возможности остановиться и пересказать своим близким события, произошедшие у ворот замка. Тот, кого горожане считали тихим и совершенно безобидным, внезапно показал свое истинное лицо. Пока овцы бодались между собой, настоящий хищник лежал в тени, незамеченным.

В обеденном зале замка Двельтонь воцарилось тяжелое молчание. Чувствуя, что он теряет контроль над ситуацией, Элубио не нашел ничего лучше, чем приказать присутствующим хотя бы замолчать. Ему нужно было подумать, что делать дальше, а бесконечные выкрики и союзников, и врагов, заставляли его путаться в мыслях и колебаться. В первую очередь, хотелось понять, почему северянин не предпринял никаких попыток, чтобы спасти своего хозяина? Быть может, потому, что Родон никогда ему таковым не являлся? Или потому, что подле семьи Двельтонь сейчас находились Рикид и Баркал? Элубио не раз видел этих магов в действии, и они в разы превосходили Лархана Закэрэль и

большинство других колдунов юга. Эти двое практиковали как светлую, так и темную магию, совершенствуясь и развиваясь под покровительством семьи Кальонь. Рикид обладал хитростью, Баркал — силой, и вместе они могли уничтожить практически любого противника.

Элубио мерил шагами зал и пытался абстрагироваться от пристальных взглядов, направленных на него. Нужно успокоиться и мыслить трезво. Если Эристель отступил, у него были на то свои причины, теперь бы еще понять, как реагировать на такое решение. Если он отступил из страха, самым правильным будет догнать его и уничтожить. Северянин знал только о двоих колдунах среди союзников Элубио, поэтому, когда к делу подключится третий, Эристель будет обречен. С чернокнижником, которого прислал в город Кальонь, Элубио был практически не знаком: знал только то, что он — наемник, который за деньги выпотрошит даже ребенка. Жестокий и беспринципный, он называл свою цену и всегда отработывал ее, отчего сам Верховный Хранитель обещал целый город тому, кто уничтожит колдуна. Дарий Кальонь решил действовать иначе и, вместо того, чтобы убить врага, предложил ему защиту и деньги. Верховный Хранитель пообещал за голову чернокнижника город, в то время, как Дарий собирался с помощью живого мага захватить сразу несколько.

Вспомнив об отце, Элубио почувствовал, как по телу пробегает нервная дрожь. Если Дарий узнает, что произошло в городе, то никогда не простит его. Кальонь-старший дал ему деньги, магов и небольшое войско, а он не смог даже уследить за тем, что здесь действительно обитает какой-то жалкий чернокнижник. Если бы Эристель что-то из себя представлял, он бы, определенно, атаковал своего врага, а не бежал, как крыса с тонущего корабля. Эти мысли еще больше убеждали юношу в том, что нельзя попросту отпустить Эристеля восвояси. Если отец узнает, что, имея в распоряжении трех сильнейших магов юга, Элубио не справился с одним приезжим, он придет в ярость. Нельзя допустить, чтобы слухи вообще дошли до Кальонь-старшего раньше, чем Элубио вернет контроль над ситуацией. Перепуганные люди, наверняка, попытаются покинуть город, и поэтому распоряжение Элубио прозвучало следующим образом:

— Рикид, Баркал, свяжитесь с нашим Другом, сообщите ему, что я уплачу двойную цену, если он убьет лекаря Эристеля и принесет мне его голову. Если же никто из горожан при этом не покинет города, цена возрастет еще больше, и я награжу каждого солдата на стене десятью золотыми монетами.

Затем юноша обратился к охранникам:

— Сообщите заместителю начальника стражи, что Инхир Гамель убит. Пусть собирает войска. Скажите, что я, Элубио Кальонь, брошу все силы на то, чтобы уничтожить чернокнижника и защитить горожан. Пусть люди знают об этом! Пусть не боятся и не бегут из города, тем более что покинуть его нельзя. Солдатам на стенах отдайте приказ, что если кто-то попытается выбраться за ворота, немедленно его расстрелять. Мне не нужна проклятая паника.

— А что делать с пленниками? — спросил один из стражников, указав на Родона и остальных.

Элубио замолчал, прикидывая, как правильное поступить. Убить их на месте было бы самым правильным, однако, если допустить, что Эристель все-таки каким-то чудом одержит верх, именно Родон и его семья могли послужить Элубио в качестве прикрытия. Кто знает, быть может, Двельтонь сохранят ему жизнь, так как он в свое время пощадил их? В любом случае, перерезать пленников можно в любую минуту, благо, это не сложно. Теперь осталось

решить, где их держать. Отправить обратно в комнаты было бы самым простым, но где гарантия, что стражники, которые будут их охранять, не испугаются мести северянина, и, чтобы обезопасить себя, сами не помогут им выбраться из замка. Нет, рисковать нельзя: даже самые преданные могут продаться или, в конце концов, дать слабину. Уже поговаривали, что не все готовы сторожить тринадцатилетнюю девочку или ее старшую сестру, чтобы те, упаси небо, не избежали смертной казни. Иными словами, все пленники должны оставаться подле самого Элубио, и этот обеденный зал был самым подходящим местом.

— Пленники останутся со мной. Чтобы мне было не так скучно, пока вы ловите появившуюся здесь крысу, — произнес юноша. Он опустил на стул и бросил взгляд в окно. Безоблачное небо не предвещало никакой беды, так почему же все случилось именно так, как случилось? Что вообще известно о некоем лекаре, приехавшем сюда с далекого севера?

Слушая, что говорит Кальонь, Родон смотрел на него, как на безумца. В голове почему-то возник образ больного изможденного старика, который, дрожа всем телом, выкрикивал «Не преследуй! Не преследуй! Не преследуй!». Тогда господин Двельтонь не понял этой фразы, но теперь она пульсировала в мыслях, приобретая какой-то устрашающий смысл. Мужчина не знал, как правильно поступить: позволить Элубио действовать по его усмотрению и втайне надеяться, что чернокнижник уничтожит его, или сказать о пророчестве и попытаться остановить этого глупца от возможно роковой ошибки, тем самым подставив под удар собственную семью. Родон не знал, какое из его решений в данной ситуации может оказаться правильным. Судьба людей, пускай до костей озлобленных и прогнивших, жизни солдат, которые станут всего лишь пушечным мясом и в конце — мертвое тело юнца, отдавшего столь неверный приказ. Или судьба девочек Двельтонь, которая оборвется сегодня вечером в пламени костра, если Элубио позволит чернокнижнику беспрепятственно уйти. И все-таки, где гарантии, что Эристель вернется в замок, чтобы расквитаться с юным Кальонь: быть может, погибнут солдаты, мирные жители, даже проклятые Рикид и Баркал, после чего северянин попросту покинет город, оставив семью Двельтонь все в том же плену.

Эта неопределенность сводила с ума. Если бы только знать, что предпримет Эристель, все стало бы куда проще, куда очевиднее. Непредсказуемость чернокнижника делала его схожим с бешеным псом, чьи действия невозможно было предсказать. Некий колдун, Родон уже не сомневался, кто это мог быть, уничтожил два города с общим населением почти в тысячу триста человек. Майарк стерла с лица земли снежная лавина, Ливирт сгорел в белой лихорадке, а из живых не осталось никого. Родон вспомнил предсказание о пыли, что заметет весь город, и, не выдержав, произнес:

— Элубио, ты спрашивал меня о значении записки, которую прислал тебе Полоумный Игша, я же тебе отвечу тем, что этот старик сказал мне при личной встрече. Он повторял одну единственную фразу: «Не преследуй!». Ты не знаешь силы этого колдуна. Вероятнее всего, именно он уничтожил Майарк и Ливирт. Ты попросту похоронишь сотни людей, желая остановить того, кто тебе не по зубам. Мой город не готов к подобной войне.

Юный Кальонь бросил взгляд на Родона, словно пытался проникнуть в его мысли. Слова мужчины несколько сбили его решительный настрой, но теперь уже заговорило упрямство. Не хватало, чтобы еще этот Двельтонь давал ему советы, как управлять городом.

— Ты — глупец, Родон! — резко произнес он. — Я нисколько не рискую городом, так как в моем распоряжении целых три мага, о последнем из которых ты даже не слышал. То,

что несет полоумный старикашка, меня не интересует, так как никто по-настоящему не знает, на что я способен. Будущее не может быть predetermined, так как любой поступок в настоящем может изменить его. Разве что твое будущее остается неизменным, поэтому этот город — больше не твоя забота. Идти на трусливые уступки, вестись на требования черного мага — это твое правление. Я же уничтожаю тех, кто пытается перейти мне дорогу.

С этими словами Элубио вновь посмотрел в окно. Теперь под окнами замка стало тише, практически все люди успели разбежаться, остались только те, кто попали под ноги обезумевшей от страха толпы. Город и впрямь изменился до неузнаваемости. Кто-то пытался выбраться за стены, кто-то, напротив, старался скрыться в собственном жилище.

Элестиа и Катэрия Гамель еще не знали, что Инхир убит, поэтому заперлись в доме, с волнением ожидая, когда глава семьи наконец вернется. То, что кричали горожане, напоминало дурной сон, от которого никак не удавалось проснуться. Говорили о чернокнижнике, но в этот раз вместо доктора Клифаира упоминали Эристея, тихого и незаметного приезжего врача, у которого лечились преимущественно бедняки. Элестиа слышала о нем от матери Лагона Джиль, и женщина отзывалась о нем едва ли не с нежностью. Молодой врач излечил сильные боли в спине ее супруга, отчего старик даже начал подниматься с постели и выходить на улицу. Сама Элестиа видела Эристея издали, когда он суетился над девочкой, провалившейся в колодец во время праздника города. Он не показался ей каким-то особенным, разве что молочно-белые волосы северян выглядели на юге необычными. Сантария Крэвель рассказывала, что Найалла Двельтонь интересуется этим мужчиной, и в тот момент обе женщины весело посмеялись, обсуждая странную хворь хитрой девчонки. Еще Элестиа помнила, как видела Эристея подле Родона на последнем празднике, и Амбридия Бокл выставила лекаря в своей сценке полнейшим дураком. Последними, что всплывало в памяти, были Двуглавый Точи, который тенью ходил за своим спасителем, да ворчливый хромым старик Джером. То, что выкрикивали на улице сейчас, совершенно не вязалось с тем, что знала о лекаре Элестиа.

— Когда вернется отец? — воскликнула Катэриа, заставив мать на миг отвлечься от своих мыслей. — Неужели он не видит, что творится в городе? В любую минуту начнутся погромы. Куда все бегут?

— Не знаю, дорогая, — ответила Элестиа. — Я думаю, нам лучше остаться в доме и не выходить на улицу. Уверена, что твой отец скоро придет и объяснит, что случилось.

— Люди говорят, что убили кузнеца, господина Намхара. Чернокнижник разорвал его тело, как старую тряпку! Этот лекарь Эристель уничтожил его одним взглядом!

— Еще недавно говорили, что у доктора Клифаира ведь дом завален черными предметами, — усмехнулась Элестиа. — Я уже не знаю, во что верить. Одно знаю точно, поддаваться общей панике никак нельзя. Подождем еще немного.

— А если на нас нападут? Если чернокнижник начнет уничтожать всех, мы что, будем сидеть и дожидаться? Отец — не ребенок. Сам разберется. Я же хочу немедленно уехать из города. Слышишь, матушка?

— Катэриа, я прошу тебя успокоиться! Твой отец сказал, что на время разбирательств, город будет закрыт. Люди наткнутся на ворота и разойдутся по домам. Как ты не понимаешь, что суета в данном случае бесполезна!

Катэриа лишь сжала кулаки в бессильной ярости, а затем решительно удалилась в свою комнату. Элестиа изо всех сил пыталась скрыть свою тревогу, но крики горожан раз за разом разбивали ее маску, и женщина почувствовала, как слезы текут по ее щекам.

«Инхир, пожалуйста, где бы ты сейчас ни был, вернись домой!» — думала она, поспешно вытирая лицо тыльной стороной ладони. Это ожидание казалось ей мучительным, оно сводило с ума, отчего каждая минута растягивалась на долгие часы. Элестиа чувствовала себя в маленькой лодочке, которая вот-вот могла перевернуться, в то время как вокруг бушует голодное море.

Происходящее в городе затронуло каждую улицу, каждый закоулок, каждый незначительный уголок. Опустел трактир «Подкова», где всегда находилось множество выпивох практически с самого утра, дымоход пекарни улыбочивого господина Ронди больше не загуманивал небо над ее крышей, а в кузницах больше не грохотало железо. Большинство торговцев даже побросали свой товар прямо на рыночной площади, боясь, как бы чернокнижник не уничтожил их во время сборов.

В доме Матильды Жикирь и ее «бестолкового мужа» все было вверх дном. Лукио настаивал на том, что нужно немедленно покинуть город, в то время как его рыдающая супруга изо всех сил пыталась собрать как можно больше вещей.

— И еще эти стулья, — всхлипывала она, указывая навьюченному мужчине, что нужно еще унести. — Четыре стула уж можно дотащить, ничего с тобой не сделается.

— Я не унесу все это! — не выдержал рыбак. — Единственное, что можно взять, это мои рыболовные снасти — они хотя бы прокормят нас какое-то время, если придется ночевать на берегу реки.

— Снасти ты так и так возьмешь, бестолочь! — на миг женщина отвлеклась от своих слез, и в ее голосе прозвучала откровенная ярость. — Что же это делается-то? Что делается? Чем я, приличная добропорядочная женщина заслужила все это? Жила себе тихо, мирно, никому ничего дурного не делала, а меня то грабят среди бела дня, то чернокнижники преследуют! И вдобавок ко всем моим несчастьям, самый близкий и дорогой человек, которого я любила и обхаживала всю свою жизнь, оказался ленивой скотиной, который даже стулья унести не может. Горе мне! Горе! Из-за таких, как Амбридия Бокл, мне приходится бежать из родного дома, нажитого непосильным трудом, а мой собственный муж даже помочь не хочет. Кабан бестолковый, ишь, как разжирел от хорошей жизни. У других — мужики как мужики, чем больше, тем сильнее. А у тебя вся сила только в брюхе, которое слона переварит вместе с бивнями и хвостом! Живо взял стулья, пока я тебя ими не треснула!

Что касается заклятой подруги Большой Ма, Амбридии Бокл, женщина собирала свои пожитки куда более хладнокровно. В первую очередь, она схватила деньги, которые должна была раздать после окончания волнений и спрятала их на самое дно тканевого мешка. Следом добавились и несколько украшений, представляющих из себя какую-то ценность, и только после этого женщина забросила в мешок несколько платьев, чтобы тканью прикрыть свои сокровища. Сверху она положила еды, которая не могла испортиться слишком быстро, после чего двинулась к западным воротам, ведущим из города. Скорее всего, люди попытаются выбраться оттуда, где это проще всего сделать, то бишь минуя главные ворота, в то время как Амбридия хотела пойти туда, где был шанс подкупить кого-то из стражников. До западных ворот нужно было пройти куда большее расстояние, но госпожу Бокл это не пугало. Скрыв свою голову под шалью, женщина направилась прочь, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Если пройти по главной улице, то можно увидеть жилище господина Агль, вокруг которого толпились горожане, сжимая в руках свои скудные пожитки. Люди, которые

первыми добрались до ворот, и которых так и не выпустили, в отчаянии спешили укрыться за мощными стенами дома Пехира. Наблюдая за происходящим, Дизира Агль пребывала в откровенном бешенстве, но высказывать свое мнение разгневанному мужу во второй раз она уже не решилась. Хватило того, что супруг пригрозил выставить ее из дома, а в ее комнате поселить дюжину самых вонючих стариков и самых вшивых сирот в придачу. Солдаты Пехира помогали людям устроиться в комнатах, но вскоре господин Агль понял, что даже если разместить людей в саду, все равно всех не спрячешь. Слыша, как снаружи плачут женщины, прижимая к себе испуганных детей, мужчина испытывал бессильную ярость, что его дом даже на треть не такой большой, как замок Родона. Туда люди, разумеется, идти боялись, так как где-то поблизости бродил чернокнижник, желающий только одного — расправиться с невинными. Когда Пехир поставил условие, что в дальнейшем приютит у себя лишь женщин и детей, большинство мужчин приняло это в штыки. Они пытались перебраться через стены, при этом напарываясь на высокие пики, кого-то более везучего в плане лазанья, разорвали собаки, охранявшие дом. Вдобавок были убиты шестеро охранников Агля, отчего маги, защищавшие жилище Пехира, были вынуждены окружить забор еще и высокой стеной пламени. Отчаявшиеся люди начали расходиться.

Но самое страшное разворачивалось под окнами постоянного двора «Белая Сова», который размещался как раз неподалеку от главных ворот, ведущих из города. О случившемся в замке Двельтонь Пустынные Джинны узнали не от горожан или напуганного трактирщика: сам воздух в городе стал прогорклым и сырым, отчего Викард сразу определил, какого рода заклинание было совершено. Собравшиеся в одной комнате джинны встревоженно следили за происходящим через окно. Народ спешил покинуть город, но солдаты не открывали ворота, выполняя приказ Элубио — никого не выпускать.

— Сжальтесь! Чернокнижник нас уничтожит! — раздавались крики со всех сторон. И вновь стражники повторяли, что, если люди немедленно не разойдутся по домам, по ним начнут стрелять. Люди с арбалетами выстроились на стене, готовые в любую минуту атаковать неудобных. Вот только угрозы ни к чему не приводили: напуганные горожане все так же напирали на ворота, пока солдаты, стоя на стенах, не убили около двадцати человек. Среди них оказался пекарь Ронди и брат Лагона Джиль, Жаок. Погибших могло быть куда больше, если бы в происходящее наконец не вмешались джинны. Магическое пламя атаковало стрелков и попыталось уничтожить ворота, однако в тот же миг черная дымка окутала главные врата, отчего пламя стремительно погасло. Новое заклинание, куда более мощное по энергетике, нежели то, что было сотворено в замке, запечатало врата, а те, кто еще касался их деревянной поверхности, немедленно падали замертво. Кожа их чернела, вены вздувались, а рты так и оставались разинуты в немом крике.

— Отойдите от стен! Они заколдованы! — воскликнул Викард, пытаясь перекричать толпу. Энергетика темного мага буквально обжигала кожу, отчего джинны попятились назад. Гимино из всех сил пытался оттащить от стен людей, чтобы те не погибли. Под градом летящих арбалетных болтов толпа наконец начала отступать. Окровавленные и израненные, люди кричали от боли и страха, но перечить солдатам уже не могли. Тем временем Викард из всех сил пытался определить источник заклинания. Чернокнижник был в толпе, но «джинн» никак не мог понять, кто из присутствующих тот самый колдун. Маг скрывался, нарочно рассеивая свою энергетiku по собравшимся людям и, словно издеваясь, то и дело концентрировал ее на убитых.

— Мы не выберемся, пока не убьем чернокнижника, — услышал Викард голос Сайара.

Это был тот «джинн», который с легкостью обратился в мантикору во время праздника города. Теперь же рядом с Викардом стоял молодой мужчина с уродливым ожогом на щеке. — Энергетика другая. Чернокнижников двое. Даю голову на отсечение, что один из них черный, второй некромант.

— Проклятье! — выругался Викард. — Ни тот ни другой пока что не атакуют, попробуем помочь людям. Небо, сколько же здесь раненых... Нужно найти кого-нибудь из лекарей.

— Кого именно? Чернокнижника Клифаира или некроманта Эристея? — ядовито осведомился еще один из джиннов, кого люди видели в образе феникса. Это было сорокалетний мужчина, на чьем теле тоже было немало ожогов от неудачной магической практики. — Я не собираюсь гибнуть за весь этот скот: они сами устроили облаву на тех, кто им не по зубам, пусть теперь и расплачиваются.

— Ты — глупец, Криам! — разозлился Сайар. — Если ты думаешь, что, не помогая другим, выживешь, то спешу тебя разочаровать: нам не перебраться через стены даже по воздуху — над городом защитный барьер! Или ты такой болван, который вообще ничего не чувствует?

— Уймись оба! — разозлился Викард. Еще не хватало, чтобы они начали цапаться между собой. Заметив Гимира, держащего на руках плачущую маленькую девочку, мужчина дал ему знак, чтобы тот приблизился.

— Ее мать застрелили из арбалета, — произнес Штан, кивнув на ребенка, который прижимался к его груди, беспомощно стискивая в кулачках ткань его рубашки. — Чувствуете энергетику? Второй чернокнижник был в толпе, я это знаю. Кто-то из них, либо он, либо некромант убил мою сестру. И я не позволю уйти ему живым и невредимым.

— А четырехлетний Меккаир тоже должен записаться в ряды мстителей? — взорвался Викард. — Сейчас нужно сражаться за живых!

Гимира в отчаянии обвел взглядом испуганных окровавленных людей, рыдающих женщин и детей, а затем медленно кивнул:

— Здесь большинство горожан. Если кто-то из чернокнижников рискнет нас атаковать, попробуем объединить усилия и остановить его.

— Главное, чтобы чернокнижники не объединились против нас, — усмехнулся Криам. — Энергетика их заклинаний куда сильнее, чем наша, и я не удивлюсь, если скоро вместо Пустынных Джиннов нас будут называть Мертвыми...

V

Город изменился. То, что когда-то было тихим и размеренным, теперь обратилось в панику, которая захлестывала улицы и дома. Все больше людей в отчаянии металось по улицам, не в силах выбраться за пределы города. Дети, потерявшие своих родителей, плакали навзрыд, не зная, куда им теперь идти, старики прятались в своих домах, понимая, что у них попросту не хватит сил убежать вместе с остальными. Страх перед Эристедем, который внезапно открыл перед ними свое истинное лицо, не позволял ни мыслить, ни даже надеяться. В первый раз колдун проявил себя на площади перед горожанами, которые пожелали выразить несогласие в адрес правления Родона Двельтонь, но потом его атака повторилась вновь: нечто, подчиняющееся только чернокнижнику, напало на женщину и вырвало у нее позвоночник, после чего жадно поглотило его до последней кости.

Внешне тварь походила на человека, но передвигалась она на четырех ногах, преимущественно по стенам. Существо было проворным, как ящерица. То и дело оно

исчезало, утонув в черной дымке, чтобы появиться уже в другом месте. Один из солдат попытался убить чудовище из арбалета, но стрела угодила в дымку, отчего она исчезла, а затем появилась за спиной стрелка и пробила ему затылок. Увиденное спровоцировало панику: истории о том, что творили чернокнижники с целыми народами, разом возникли в сознании испуганных горожан, и теперь люди изо всех сил пытались спастись. Но вместо того, чтобы помочь им, Элубио Кальонь велел запереть ворота и никого не выпускать. Сам он укрылся за стенами замка и теперь никому не позволял покинуть город, которым овладела нечисть.

В той части, где находился дом доктора Эристея, все будто вымерло. Бежавшие отсюда люди видели, как чернокнижник в сопровождении шестерых солдат направлялся в сторону дома. Вот только стражники эти больше не шли ровно и уверенно, а скорее тащились за ним, словно лекарь не желал тратить лишние силы на поддержание их состояния. Колдун сохранял ледяное спокойствие, прекрасно зная, что никто не решится преградить ему дорогу. Его взгляд не задерживался на перепуганных людях, словно их вообще не существовало, а мысли были обращены только к существу, что находилось в его подвале. Мужчина понимал, что прежде чем покинуть город, ему придется «прибраться за собой» и уничтожить работу, которую ему так и не позволили закончить.

Эристель вошел в свой дом и, закрыв дверь, замер в прихожей. Его взгляд скользнул по убитому молодому стражнику, но внимание колдуна привлекло не это. Сама энергетика дома была чужой и враждебной. Материя, над которой маг работал около года, все-таки выбралась наружу, при этом успев насытиться свежей плотью. Мертвечину тварь не жаловала, потому что, питаясь ею, она не могла насытиться и уж тем более окрепнуть. Теперь же существо стало сильнее, быстрее и... злее. Оно не могло разрушить защитные символы самостоятельно так быстро, но могло обмануть солдат, явившихся делать обыск. Видимо, поэтому стражники нашли вход в подвал, который невозможно было увидеть обычному человеку. Энергетика существа стала намного сильнее, чем прежде, и Эристелю это совершенно не нравилось.

Лекарь вздрогнул от неожиданности, услышав шум в обеденной. Его напускное хладнокровие мигом испарилось, но опасался мужчина не собственного творения, а кое-кого другого. Того, у кого могло хватить сил убить их обоих.

Приблизившись к приоткрытой двери, ведущей в комнату, Эристель увидел огромного черного ворона, который сидел прямо в центре стола, растопырив внушительного размера крылья. Клюв птицы был приоткрыт, словно она беззвучно смеялась над вошедшим, и лекарь понял, что второй чернокнижник попросту решил выяснить его местонахождение.

— Напомни ему, что мы с ним не ссорились. Пусть подумает, прежде чем делать что-то, о чем он может пожалеть, — тихо произнес Эристель. Ворон склонил голову набок, словно раздумывая над услышанным, а затем, взмахнув крыльями, вылетел в распахнутое окно.

Тем временем люди, собравшиеся у главных ворот, уже не пытались приблизиться к стенам, но все еще надеялись разжалобить стражников. Кому-то повезло больше, и они укрылись в доме Пехира Агль, но большинство оказалось на улице. Возвращаться в свои дома народ боялся, надеясь, что чернокнижник не посмеет прислать свое чудовище туда, где собрались огненные колдуны. В них до сих пор не признали Пустынных Джиннов, которые развлекали толпу на празднике города, но некоторые люди уже начали об этом догадываться. Викард и остальные суетились подле раненных, пытаясь помочь им, когда Гимино направился обратно на постоянный двор, чтобы забрать отсюда Меккаира и

оставшегося подле него Хасима. Этот джинн был самым старым в труппе, поэтому Викард счел правильным оставить его присматривать за ребенком. Гимиро стремительно вбежал в дом и позвал их по имени, вот только никто не откликнулся на его зов.

— Хасим! Меккаир! Куда вы подевались? — юноша в тревоге оглядел комнату и едва не вскрикнул, когда увидел мертвое тело старика. Он лежал на кровати, небрежно накрытый одеялом, но рука убитого свисала на пол, и с кончиков ее пальцев капала кровь. Энергетика комнаты жглась, отчего Гимиро сразу понял, кто убил второго Пустынного Джинна. Колдун, который наложил защитное заклинание на стены города, начал медленно избавляться от тех, кто мог ему помешать. Он решил начать с самых слабых и тем самым показать Викарду и остальным, на что он способен.

— Меккаир, как же это..., - вырвалось у юноши. Мысль о том, что проклятый колдун расправился с ребенком, заставила его до боли сжать кулаки. — Ему было четыре года, ублюдок!

Последнюю фразу Гимиро прокричал. Отчаяние и бессильная ярость захлестнули его, отчего по щекам юноши потекли слезы. — Тварь! Проклятая тварь! Убью! Убью...

Он беспомощно шептал последнее слово, повторяя его до тех пор, пока не услышал голос Викарда.

— Ты нашел мальчика? — тихо спросил он. — Я даже не чувствую его энергетики.

Гимиро молча покачал головой.

— Чернокнижник убивает нас поодиночке, словно желает показать, кто здесь хозяин, — ответил Викард.

— А кто здесь и вправду хозяин? — закричал Гимиро, схватив мужчину за ворот рубашки. — Это ты не хотел, чтобы мы искали этого мерзавца и мстили за мою сестру. А теперь погибли еще двое из нас. Ты думал, что, не вмешиваясь, можно остаться в стороне, но так не бывает. В смерти Халима и Меккаира виновато наше проклятое равнодушие. Мы сказали, пусть Родон разбирается сам, и нас это не касается. А теперь посмотри на город! В данный момент нас тоже ничего не касается?

— Успокойся! — перебил его Викард. — Я не намерен перед тобой каяться за свои решения. Я лишь пытался защитить нашу группу. Никто из нас не мог предположить, что появится этот Элубио Кальонь и в городе начнется хаос.

— Неправда, ты боялся, что мы здесь задержимся и не успеем на следующее выступление. И не получим денег. Так вот что я тебе скажу, Викард, теперь тебе придется выступать бесплатно, потому что чернокнижник с легкостью перебьет нас, если не оказать сопроти...

В тот же миг юноша прервался. С улицы донеслись крики, и Штан бросился к окну. Нечто черное материализовалось прямо в воздухе и прыгнуло на спину молодого мужчины, стоявшего в толпе. Существо блестело на солнце, словно состояло из жидкости, но Гимиро мог видеть, как мышцы перекачиваются под водянистой кожей этого существа. Раздался жуткий крик боли, от которого по коже юноши побежали мурашки, и затем он увидел, как тварь стремительно пожирает позвоночник убитого. Джинны попробовали атаковать ее, но в ту же минуту существо исчезло, растворившись в дымке. Люди испуганно озирались по сторонам, пытаясь понять, откуда чудовище нападет вновь. И они были правы, не надеясь на то, что существо исчезнет. В этот раз оно напало на маленькую девочку, которую еще совсем недавно Гимиро носил на руках. Огненная вспышка, созданная Викардом, опалила шкуру существа, отчего оно истошно завизжало и исчезло. Девочка лежала на земле, расцарапанная

когтями чудовища, и громко плакала. Испуганная, она не понимала, что произошло, лишь чувствовала жуткую боль, а затем тепло, словно солнце опустилось ниже, чтобы отпугнуть невидимую тварь.

Гимиро бросился на улицу и в следующий раз, когда существо опять появилось и убило в этот раз девушку, он атаковал его едва ли не в упор. Существо зашипело, выгнувшись в спине, словно кошка. Глаза его были черными, как смоль, а из окровавленной пасти торчали кривые желтые клыки. В тот же миг оно исчезло и, прежде чем Гимиро успел среагировать, он уже сам оказался на земле, а тварь попыталась вонзить зубы в его горло. Тогда юноша обратился в пламя, и обожженное существо отступило вновь. Теперь оно уже больше не возвращалось. Плечи Гимиро были изранены, отчего рубашка пропиталась кровью, но, к счастью, серьезно юноша не пострадал.

— Нормально, нормально все, — произнес он, когда Криам помог ему подняться. — Я... Я убил эту гадину?

— Не знаю. Кажется, она просто исчезла, — ответил мужчина и огляделся по сторонам. — Ну, вот ты и выдал нашу тайну.

В толпе раздавались перешептывания, и люди начали показывать на мага пальцами, повторяя название их группы.

— Пустынные Джинны здесь... Вы не просто колдуны, как говорили ранее. Вы — Пустынные Джинны.

— Ну, Пустынные. Ну, Джинны, и что теперь? — не выдержал Сайар. — Будете дальше тыкать в нас пальцами или поможете придумать, как отбиваться от гадов, которые заполонили ваш город? Барьер преодолеть нельзя из-за заклинания, которое испепелит вас. А оставаться тут и ждать, пока черная тварь нас сожрет попросту глупо.

— Но и расходиться тоже нельзя! — закричал Хагал Симь. — Чернокнижник перебьет нас поодиночке. Джинны должны защищать нас, а мы будем защищать свои семьи.

Оверана смотрела на супруга испуганными глазами. Тот, кто клялся ее защищать, совсем недавно зверски избил ее, и теперь девушка с трудом ступала на левую ногу. Происходящее в городе она воспринимала не иначе, чем кару за смерть женщин семьи Окроэ. Оверана не относилась к суеверным, но черная тварь повергла ее в ужас. Она сидела на земле, обняв себя за колени, и дрожала всем телом, в то время как ее супруг требовал у джиннов защиты.

То существо, что раз за разом нападало на горожан, когда-то именовалось господином Скири. Конечно, у большинства людей язык не поворачивался обращаться к нему столь уважительно, потому что Лэран Скири представлял собой самое низшее сословие из тех, что когда-либо ходили по этому городу. Он был нищим, как канализационная крыса, совершенно не имел родственников, зато стадия болезни, с которой он притащился к Эристелю, была весьма серьезной. Тридцатилетний мужчина с трудом переставлял ноги и умер у лекаря практически на пороге, вот только хоронить его колдун не торопился. Эристель решил воскресить его не в качестве живого мертвеца, а попробовать вернуть к жизни именно человека. Ему хотелось, чтобы существо получилось разумным, имело память и хоть какие-то чувства, поэтому вместо того, чтобы поднять мертвеца или поместить в него часть себя, как то проделывалось с двуглавым Точи или Джеромом, Эристель заключил в тело уже разумную сущность. Она была темной, но в книгах говорилось, что человеческое сознание могло оказаться сильнее низшей твари, у которой и оболочки то не было. В таком случае умерший вернулся бы. Да, с провалами в памяти, да, с галлюцинациями и сильной

слабостью в конечностях, скорее всего, слепыми или глухим, но он был бы уже самим собой. Не мертвецом, безвольным, как марионетка, а настоящим живым человеком.

Наверное, проведя за своим занятием еще какое-то время, Эристелю удалось бы добиться своего. Несколько раз человек приходил в себя, кричал, пугался, просил его отпустить, а затем сущность снова захватывала его. Сердце его не билось, волосы и ногти не росли, ему не хотелось есть или пить, но, тем не менее, мертвец был разумен. Все остальное время по подвалу металась темная тварь, запертая в теле человека, хищная, злобная и ненасытная. Она питалась преимущественно человеческим костным мозгом, но мертвечина не была для нее лакомством. Такая пища ослабляла ее, отчего в последнее время человеческий разум все чаще возвращался в свое измученное тело. Но закончить проделанную работу Эристелю так и не удалось. Теперь ему оставалось только решить, что делать с ней дальше — забыть и уехать из города или тратить драгоценное время в попытках найти ее и убить. То, что чудовище уничтожало людей, мага не слишком заботило — они сами сунулись в подвал, накормили его и распахнули двери.

Покинув свой дом, лекарь уже предчувствовал, что на него вот-вот начнется охота. Отправляться к главным воротам было бессмысленно, так как его главный противник запечатал все выходы. Наверняка, именно туда начнет стекаться и само войско, но куда больше Эристеля беспокоили колдуны. Сильная огненная энергетика, схожая с той, которую некромант чувствовал на празднике города, давала понять, что Пустынные Джинны никуда не уехали и теперь находятся у главных ворот. Там же, вероятнее всего, находился и чернокнижник. Следовательно, нужно направляться к западным воротам. И добыть лошадь.

С одной стороны Эристелю было даже жаль, что все обернулось именно так. В редкий период своей жизни он наконец-то смог почувствовать себя в безопасности и заниматься своими делами, не привлекая лишнего внимания. Этот городок прогнил до основания, но здесь хотя бы было спокойно. На севере, западе и востоке лекарю с трудом удавалось задержаться хотя бы на год, так как каждый раз маги Аориана его выслеживали и силились уничтожить. Эристель пробовал скрываться и в крупных городах, и в малых, уходил и в горы, и на болота, пытаясь слиться с толпой или полностью оградить себя от людей, как то в свое время сделал господин Закэрэль. Но со временем его выслеживали, разоблачали и в который раз стремились убить. На юге Эристеля никто не знал. После уничтожения двух северных городов, где на него в который раз объявили охоту, лекарь решил уехать далеко на юг, где слухи о нем не настолько распространились. К тому же на юге было немало других именитых чернокнижников, которых так же преследовали и пытались уничтожить. Незаметный, вежливый доктор в маленьком городке был воспринят весьма равнодушно: да, лекарь был странноват, но все эти северяне и уж тем более доктора немного с «придурью»...

Заметив одного из стражников, который верхом направлялся к замку, Эристель произнес заклинание, отчего лошадь наездника упала замертво. Вскрикнув, мужчина грохнулся на землю и попытался высвободить ногу из-под коня.

— Прощу! Прощу, не надо! — взмолился он, увидев приближающегося к нему беловолосого колдуна. — Доктор Эристель, вы знаете мою семью, мою жену, моего ребенка. Пощадите, пожалуйста. Не убивайте меня. Отпустите к сыну!

Глядя на этого человека, Эристель вспомнил, как когда-то, в возрасте восьми лет, он так же умолял разъяренную толпу не убивать его. Со старым отшельником, который нашел шестилетнего мальчика в лесу, измученным, голодным и продрогшим, люди уже расправились. Если бы не охотник, появившийся в тот момент на поляне, история Эристеля

закончилась бы еще в детстве. Незнакомец оказался колдуном, который позже отвез мальчика к своему другу, а тот, в свою очередь, помог ребенку обуздать магические способности.

— Доктор Эристель, пожалуйста! — солдат в страхе смотрел на беловолосого мужчину, не в силах выбраться, но в тот же миг убитая лошадь фыркнула и, тряхнув головой, поднялась с земли. Глаза зверя были белыми, и обычно норовистый конь, коим являлся Агат, спокойно позволил чужаку вскочить в седло. Бывший владелец остался лежать на земле, боясь подняться и привлечь к себе внимание колдуна, который, минуя главные улицы, поехал к западным воротам. Решение лекаря искать выход именно там было обусловлено еще одной причиной: в то время как Кальонь собирал свое войско, Эристель понимал, что ему тоже не помешала бы помощь.

VI

В какой-то момент напряжение в городе стало напоминать натянутую струну, которая вот-вот лопнет. В то время как одни люди стремились добраться до главных ворот, другие, которые уже там побывали, бежали им навстречу, чтобы укрыться в своих домах. Но большинство предпочитало держаться Пустынных Джиннов, наличие которых заставляло людей уверовать в то, что само небо прислало невинным такую защиту. Сидя у ворот, испуганные горожане обсуждали увиденное, успокаивали друг друга и заверяли, что небо не допустит их смерти. Несколько лекарей, которые так удачно оказались в толпе, обрабатывали раны пострадавших, пытаясь облегчить их боль.

Лин Стагр, более известный в городе как Колокольчик, к главным воротам не пошел. В первую очередь он руководствовался тем, что жестокий чернокнижник, скорее всего, направится туда, где собралась толпа. Будь он на месте доктора Эристеля, жаждущего расправы и кровопролития, то немедленно отправился бы искать самое большое скопление людей. Кто-то из горожан поговаривал, что у главных ворот безопаснее, так как там находятся Пустынные Джинны, но Лина подобное не слишком успокаивало. Он своими глазами видел, что рассерженный колдун сотворил на главной площади с кузнецом, поэтому решил, что больше к толпе и близко не подойдет. Нет, самое разумное в данной ситуации держаться от всех подальше.

В доме, где бард арендовал чердак в качестве места для ночлега, мужчина тоже решил не оставаться. Люди говорили про какое-то существо, созданное колдуном, которое нападает на горожан и пожирает их. Сталкиваться с подобным Колокольчику совершенно не хотелось. Он думал о том, где ему надежнее всего будет укрыться. На ум приходила крепость городской стражи. До нее недолго было добираться, там наверняка будет охрана, вот только где гарантия, что именно туда Эристель не направится в первую очередь? В крепости хранились изъятые магические артефакты — об этом Колокольчику проболтался солдат, который выпивал с ним за компанию в трактире «Подкова». Кто знает, вдруг Эристель отправится напрямую за ними? К тому же, Элубио Кальонь велел солдатам собраться на площади перед замком, а это означало, что в крепости из охраны останутся только самые хилые.

Когда горожане двинулись к дому Пехира, Колокольчик не пошел туда по той же причине, что и к воротам: у господина Агль опять-таки собиралась толпа. Возможно, на данный момент самым безопасным местом в городе будет жилище самого Эристеля, которое сейчас наверняка пусто. Но, вспомнив о наличии Двуглавого Точи и старика Джерома, мужчина мигом отбросил от себя столь соблазнительную идею. Нет, нужно найти такое

место, где никогда не бывает многолюдно. У западных ворот, наверняка, соберется какое-то количество людей, но у выхода из города располагалось то, что вряд ли заинтересует чернокнижника. Как, собственно, и горожан.

Сердце Стагра забилося чаще, и мужчина почувствовал, как надежда начинает теплиться в груди. Главное, выбраться из центра города и не попасться чернокнижнику на глаза, а в этом Колокольчик был весьма неплох. Сколько раз ему приходилось убегать от городской стражи, уже не вспомнить, однако именно эти погони помогли ему изучить самые тихие закоулки.

До западных ворот Лин и впрямь добрался без труда. Зная самый короткий и при этом безопасный путь, мужчина бежал туда, где с неизменным постоянством находил убежище от стражников или разъяренных горожан. Старое кладбище, которое решили не выносить за стены города из-за Склепа Прощания, десятки раз выручало непутевого барда, и сейчас Лин был уверен, что и в этот раз это убежище его не подведет.

На кладбище и впрямь оказалось безлюдно. Среди ясного дня это место казалось едва ли не самым уютным после всего того безумия, что творилось в центре города.

Пробираясь между памятными статуями, Лин осторожно огляделся по сторонам и пробежал оставшиеся десять шагов по открытому пространству, после чего оказался под сводами Склепа Прощания. Здесь больше не пахло дымом, однако языки пламени облизали белые стены копотью, отчего на миг барду стало жутковато. Он вспомнил, как здесь сжигали Шаоль Окроэ, и по коже мужчины побежали мурашки. Но испугала его не мысль о том, что призрак темной ведьмы может бродить по кладбищу, а то, как вели себя горожане, сжигая тело несчастной. Люди всегда предпочитают придумывать чудовищ, чтобы хоть кто-то был страшнее их самих.

Тяжело дыша после длительного бега, Лин опустился на пол и стер со лба пот рукавом рубашки. Несколько минут он пытался восстановить дыхание, после чего вновь огляделся по сторонам, прислушиваясь к доносившимся до него крикам. Удивительно было то, как на фоне всего этого безумия, весело щебетали птицы, словно и знать не знали о происходящем. Колокольчик решил не покидать склеп до тех пор, пора не наступит темнота. Тогда он попробует добраться до ближайшего дома и стащить оттуда немного еды. Если чернокнижник убьет всех, извиняться барду уже будет не перед кем, но в душе мужчина надеялся, что городская стража и колдуны Элубио Кальонь все-таки остановят чудовище. Быть может, даже публично сожгут его на городской площади, чтобы другим мерзавцам было неповадно.

Тем временем в небольшом деревянном домике семьи Жикирь, Матильда сидела на тяжелом деревянном сундуке и жалобно плакала. Весть о том, что ворота, ведущие из города, заперты магически, вызвала у женщины приступ отчаяния. Она надеялась, что сможет уйти из города, унеся с собой хоть какие-то вещи, но проклятый Кальонь лишил всех последнего шанса на спасение. Лукио сказал, что на улице слышно, будто Элубио собирает войска и готовится к наступлению, и что один из солдат, чью лошадь забрал некромант, успел доложить о том, что доктор Эристель направляется в сторону западных ворот.

— Отобьемся, дорогая! — ласково произнес рыбак, поглаживая супругу по плечам. Та взяла его за руку и нежно пожала ее.

— О, Лукио, если небо нас пощадит, начнем все по-новому, — в порыве отчаяния воскликнула Матильда. — Будем жить в любви и радости, будем поддерживать друг друга и помогать. Видит небо, мы оба исправимся в лучшую сторону. Будем добрыми и

законопослушными, будем жить по совести и относиться к людям с уважением. Вот Амбридия Бокл — у нее никогда ничего хорошо не сложится, а у нас все получится. Вот увидишь, Лукио, все получится.

Сидя в обнимку на деревянном сундуке, супруги Жикирь старались утешить друг друга чем могли. Перед лицом опасности Матильда вновь стала той кроткой и любящей женщиной, которую Лукио помнил еще до свадьбы. В тот момент рыбак даже подумал о том, что он впервые чувствует себя счастливым за столь долгое время.

В это самое время Эристель приближался к западным воротам. На миг он натянул поводья, заставляя коня остановиться: здесь энергетика второго чернокнижника казалась ему особенно сильной. Лекарь чувствовал, как колдун наблюдает за ним, но при этом в бой вступать не торопится. Защитное заклинание, которое не позволяло выйти за черту города, действовало и здесь, однако стражи на стенах было в разы меньше. Атаки со стороны болот город не ждал, поэтому все охранники находились преимущественно у главных ворот. Понадобится некоторое время, чтобы разрушить чары, но Эристель был уверен, что сможет с ними справиться. Вопрос заключался в том, как будет действовать его основной противник? Определенно, он выжидал неспроста. Хотел посмотреть, что будет дальше или...?

Услышав приближающийся топот копыт, лекарь понял, что погоня настигает его. Видимо, Элубио Кальонь был настолько нетерпелив, что велел своим колдунам переместить войско магическим путем, отчего оба ослабли, но солдат все-таки переправили. Пришпорив коня, Эристель стремительно свернул с главной дороги на узкую тропинку, ведущую в сторону городского кладбища. Черный конь с легкостью перепрыгнул через невысокую ограду и приблизился к Склепу Прощания, после чего Эристель спешил, а животное рухнуло замертво. Взбежав по ступеням, ведущим в склеп, лекарь достал из рукава своей мантии нож для бумаги, который ранее пригодился ему для защиты комнаты в замке. Полоснув себя по ладони, он начал рисовать кровью какие-то символы, при этом что-то торопливо нашептывая. Закончив рисовать на одной стене, он перешел к другой и так до тех пор, пока на всех четырех не появились багровые руны.

— Перестаньте ползать с места на место, господин Стагр, я с самого начала знал, что вы здесь, — произнес Эристель, внезапно посмотрев на барда, который, посерев от ужаса, жался в противоположном углу. Стремительное появление колдуна на кладбище застало Лина врасплох, отчего мужчина не успел не то, что скрыться, а даже подняться с пола. Страх перед неминуемой гибелью охватил мужчину, и единственное, на что у него хватило сил, это отползти в самый дальний угол, пока чернокнижник занят своим жутким ритуалом. Расширившимися от ужаса глазами, бард следил за манипуляциями колдуна, понимая, что секунды его жизни сочтены. Однако, покончив с одной стеной, Эристель перешел к другой, не обращая на Лина ровным счетом никакого внимания. В эту минуту в душе барда проснулась робкая надежда, что некромант, увлеченный колдовством, его не заметил. В склепе было достаточно темно, а Колокольчик находился в самом дальнем углу. В голове барда даже возникла храбрая мысль попытаться незаметно добраться до выхода, поэтому, каждый раз, когда лекарь переходил от одной стены к другой, Колокольчик, затаив дыхание, полз дальше. Когда мужчине уже казалось, что он вот-вот доберется до заветных ступеней, голос Эристеля прозвучал так неожиданно, что Лин подскочил на месте и забился в угол. В этот миг бард уже готов был умолять не убивать его, но внезапно передумал. Осознав, что колдун, зная о его присутствии с самого начала, до сих пор не прикончил его, Лин решил не напоминать магу о его упущении.

Дрожа от ужаса, бард тарасился на колдуна, не в силах понять, как судьба могла сложиться таким образом, что он, Лин, всеми силами пытаюсь убежать от чернокнижника, внезапно оказался с ним лицом к лицу.

«Нужно что-то сказать ему, пока он не разозлился!» — в панике подумал Колокольчик, и только эта мысль заставила его, наконец, выдать из себя хоть какие-то звуки.

— Да я..., - начал было Лин, но тут же запнулся.

«Говори, а то точно убьет!» — «ободряюще» подсказал внутренний голос, тем самым вынудив барда закончить фразу:

— Да я, знаете ли, вам мешать не хотел. Вы... Вы не обращайтесь на меня внимания. Я сейчас же уйду. Клянусь, если бы я заранее знал, что вы тут планируете поработать, я бы никогда в жизни не посмел вас потревожить.

За долгие годы Колокольчик стал первым, кто вызвал у Эристея столь сильное недоумение. На секунду лекарь даже забыл, что его преследуют, и всё внимание сконцентрировалось на человеке, который додумался скрываться от некроманта на кладбище.

Чувствуя, что пауза затягивается, Лин еще раз решил попытать счастья и задобрить кровожадного колдуна, теперь уже сделав ему комплимент.

— Честно признаться, — начал бард, — я вас всегда уважал. Вы очень трудолюбивый и старательный человек, а то, что вы — чернокнижник, так это даже хорошо. Значит, вы любите книги, много читаете, стремитесь стать мудрее... Мудрость — это не порок! Я рад, что встретил вас здесь и смог сказать вам то, о чем давно собирался. Но, раз вы заняты, то я больше не смею вас отвлекать. Я пойду, ладно?

Последнее слово Колокольчик едва ли не пропищал. Он смотрел на колдуна снизу вверх умоляющим взглядом, и Эристель уже хотел было что-то ответить, как внезапно резкий голос Хаода Вергера, нового начальника стражи, донесся до них со стороны входа на кладбище.

— Чернокнижник! — прокричал Хаод, не сводя глаз со склепа, в котором укрылся лекарь. — Маги Элубио Кальонь обнаружили тебя. Больше некуда бежать: городские стены тебе не преодолеть, а солдаты не позволят тебе покинуть кладбище. Мы знаем, что ты посмел осквернить своим колдовством Склеп Прощания. Но, если ты немедленно сдашься, не оказывая сопротивления, великодушный смотритель города проявит снисходительность, решая твою судьбу.

Некромант невольно усмехнулся: с каких пор Элубио Кальонь числился среди великодушных? И зачем ему, Эристелю, сдаваться на милость дурака, который ослабил своих колдунов ради магического переноса в данном случае почти бесполезного войска? Видимо, Рикид и Баркал тоже не испытывали радости от такого приказа. Заметно ослабев обоим приходилось утешаться тем, что солдаты выступают в роли живого щита, который будет отвлекать врага от них самих.

Чувствуя магическую энергетику Рикида и Баркала, которая уже не могла похвастаться прежней стабильностью, Эристель почувствовал себя увереннее. В его голосе даже прозвучала ирония, когда он вновь обратился к своему несчастному соседу по склепу:

— И куда же вы пойдете, господин Стагр? Едва вы высунете голову, стрела пробьет вам ее насквозь. К тому же, вполне возможно, что вас сочтут моим сообщником.

То, что Эристель продолжал вести беседу после такого жуткого предупреждения, окончательно уверило Лина в том, что чернокнижник совершенно не дружит с головой. А

его слова о том, что барда могут причислить к соучастникам, и вовсе возмутили несчастного.

— С-сообщником? — голос Лина задрожал так, словно мужчину держали в ледяной воде. — П-Позвольте же... Я не сделал ничего дурного. Нет, вы не поймите меня неправильно, я хорошо отношусь к чернокнижникам. Очень приятные люди, грамотные. Но до сообщника я никак не дотягиваю. Я это... пишу и то с трудом. О каком колдовстве может идти речь?

Однако, вспомнив о том, что его могут убить собственные защитники, Лин поспешно добавил:

— Но, если вы считаете, что выходить нельзя, может... Может, я тогда тут тихонечко посижу? Вот здесь, в уголочке. Вы меня даже не заметите.

Бровь некроманта нервно дернулась, но монолог Колокольчика он комментировать не стал. Если бы не сложившиеся обстоятельства, этот человек даже позабавил бы его.

Тем временем голос начальника стражи прогремел вновь, в этот раз еще более требовательно и нетерпеливо:

— Сдавайся, колдун! Ты загнал себя в угол и оказался один против семидесяти солдат. Если ты сдашься и позволишь наложить на себя магическую печать, Элубио Кальонь, может, даже пощадит тебя. В противном случае, мы будем вынуждены атаковать тебя.

— Как считаете, господин Стагр, семьдесят солдат — это много? — вновь поинтересовался Эристель у своего собрата поневоле. Бард подскочил от неожиданности и поспешно закивал, напоминая ярмарочного болванчика, отчего лекарь тихо усмехнулся и произнес:

— Мне так не кажется...

В то же время в замке Двельтонь молодой смотритель города медленно прогуливался по обеденному залу. Он чувствовал на себе пристальные взгляды пленников, однако заговаривать с ними больше не собирался. То и дело мужчина приближался к столу, в центре которого лежал магический свиток. Этот артефакт позволял получать информацию с любой точки города, отчего Кальонь мог оставаться в замке и при этом быть в курсе всех событий. Второй свиток находился у заместителя начальника стражи, в который он записывал свои наблюдения, а те, в свою очередь, отражались в свитке Элубио.

Заметив, что артефакт начинает светиться, юноша бросился к столу и жадно прочитал очередное послание, а затем его губы растянулись в улыбке. Обмакнув перо в чернила, он написал одно единственное слово: «Атаковать!», после чего опустился на стул и самодовольно оглядел пленников.

— Ну, вот и все, — произнес он, остановив ироничный взгляд на лице Родона. — Поминайте своего чернокнижника, как звали. Его загнали в ловушку, и он забился в Склеп Прощания, как перепуганная крыса.

Услышав слова Элубио, Родон переменялся в лице. На миг юноше даже показалось, что так Двельтонь выразил свой страх, ведь теперь для него всё кончено, но ответ бывшего смотрителя города вызвал у него растерянность.

— В Склеп Прощания? — эхом переспросил Двельтонь и тут же воскликнул, с трудом сдерживая ярость, — Глупец! Это не стражники загнали его в ловушку, это он загнал их туда. Кладбище не может служить ловушкой для того, кто поднимает мертвецов! Уводи оттуда войско и позволь некроманту уйти. Мой город не готов к подобному сражению!

— Это уже не твой город! — вскричал Элубио. — Ты здесь — никто, Родон Двельтонь.

Мои колдуны уничтожат твоего чернокнижника, потому что ходячие мертвецы ничего не могут сделать вооруженным всадникам в доспехах.

— Глупец! — снова повторил Родон. — Неужели ты не понимаешь, что живые всегда будут уязвимы перед мертвыми, потому что у первых можно отнять жизнь, а что отнимешь у вторых? Вели войскам отступить!

— Я велю отрезать тебе язык! — в ярости прокричал Элубио. — Я никому не разрешал говорить, понятно?

«Нет, это он нарочно меня сбивает с толку. Нарочно просит, чтобы я отпустил северянина, чтобы потом он вернулся за своими союзниками. Определенно, именно этим руководствовался колдун, покидая замок».

— Из-за тебя погибнут люди, — устало произнес доктор Клифаир. — Одумайся, мальчик, твоя жажда власти уже погубила десятки невинных.

— Замолчи! — красивое лицо Элубио перекопилось от злости, и старик затих. Он бросил взгляд на испуганную Арайю и слабо улыбнулся девочке, отчего та попыталась улыбнуться в ответ. Найалла смотрела в пол, чувствуя, что у нее не осталось сил даже плакать. Слезы как будто высохли, и теперь на нее обрушилось какое-то тупое безразличие. В свою очередь, Лархан Закэрэль с грустью взглянул на Элубио, словно тот был зверем, который пытался укунить тех, кто помогал ему выбраться из капкана. Мужчина думал о том, как люди собственными руками умудряются разрушить то, за что цепляются из последних сил. Он не мог понять, что даст Элубио его жажда власти? Неужели, владея городом, он станет от этого счастливее? Неужели возможность ставить печать под очередным документом вообще может сделать кого-то счастливым?

I

В какой-то момент на старом городском кладбище, у ограды которого выстроились вооруженные всадники, воцарилась привычная тишина. Все замерло, как по волшебству, и только щебетание птиц рассыпалось в воздухе дразнящей веселой трелью. Ветер колыхал листву, путался в лошадиных гривах, словно не понимая, отчего возникло столь гнетущее напряжение. Солдаты ждали приказа своего командира, не сводя пристального взгляда со Склепа Прощания, в котором таился их враг. Все эти мужчины, обученные проливать кровь в бою, впервые чувствовали себя нерешительно, даже подавленно. Они не до конца понимали, с кем им предстоит сражаться, и, если этот колдун настолько силен, насколько его описывают, стоит ли вообще надеяться на победу. Страх, липкий, холодный, пронизывающий насквозь, проникал в сердце и мысли, уничтожая боевой дух и веру в лучшее. Собравшиеся здесь солдаты готовы были погибнуть, но не за Родона и уж тем более не за Элубио: они готовы были умирать за свои семьи. Доктор Эристель сотворил в городе чудовищные, непростительные вещи, за что обязан поплатиться собственной жизнью. Вот только северянин расплачиваться не торопился.

Когда новый начальник стражи потребовал, чтобы Эристель сдался, до него донесся холодный голос лекаря. Колдун говорил тихо, но его слова звучали в сознании каждого присутствующего, отчего солдаты в тревоге начали переглядываться. В тоне колдуна не было ни злобы, ни угрозы, ни насмешки, лишь поразительное спокойствие. Казалось, северянин попросту констатирует факт:

— Вы еще можете позволить мне уйти. Для вас это будет самым правильным решением. Я хочу, чтобы вы понимали, что, в противном случае, я уничтожу вас, ваших жен и ваших детей, а затем сотру с лица земли весь этот город. Зачем вам умирать, исполняя бессмысленный приказ чужеземца, которого даже нет среди вас? Снимите с ворот защитное заклинание, и все закончится прямо сейчас.

Хаод Вергер молчал, как молчали и остальные солдаты. Гнетущая тишина обрушилась на кладбище, быть может, еще более страшная, нежели крики и звон мечей. Лин Стагр испуганно вжимался в стену, словно мечтал слиться с ней, а его глаза неотрывно смотрели на спокойное лицо Эристеля. Его поражало хладнокровие человека, который четыре года жил с ним в одном городе, здоровался с теми, кто сейчас выстроился у ограды кладбища, а теперь с легкостью выносит всем смертный приговор.

Тем временем начальник стражи бросил на колдунов Элубио нерешительный взгляд, словно ища у них поддержки. Наверняка, эти двое понимают, что чернокнижник, будучи загнанным в угол, попросту блефует, но ни Рикид, ни Баркал не произнесли ни слова. Они напоминали собак, которые учуяли волка, и теперь не сводили настороженного взгляда с того места, откуда он мог напасть. Не ожидая такой реакции, Хаод обернулся на свое войско, пытаясь прочесть на их лицах выражение той решимости, которую утратил он сам. Но и его солдаты выглядели испуганными. Даже Файгин Саторг, обычно уверенный и бесстрашный, сейчас казался потерянным.

— Мы должны защитить наших близких! — произнес Хаод, обратившись к своему войску. — Пусть чернокнижник знает, что мы его не боимся. Сразимся за наш город! Вперед!

— Вперед! — подхватили солдаты, несколько воспрянув духом. Они не знали, смогут ли выбраться с этого кладбища живыми, но были уверены в том, что сражаются за благое дело. В первую очередь, за своих родных.

Рикид в тревоге озирался по сторонам, словно ожидая кого-то, кто до сих пор не явился в назначенное место. Его глаза искали человека, который мог с легкостью закончить сражение, даже не начав его, однако именно в этот момент на ветку дерева опустился внушительных размеров ворон. Он открыл клюв, словно хотел рассмеяться в голос, но так и не издал ни звука. Третий колдун семьи Кальонь к кладбищу так и не пришел, как на то надеялись Рикид и Баркал, а, словно в насмешку, прислал вместо себя бестолковую птицу, желая понаблюдать за сражением со стороны.

Услышав приказ Хаода Вергера, Эристель устало вздохнул, уже не скрывая своего разочарования, а затем тихо произнес, обратившись к Лину:

— Вот видите, как получается, господин Стагр. А потом ведь скажут, что это чернокнижник устроил кровавую резню...

Колокольчик снова вздрогнул, поняв, что некромант разговаривает уже с ним, и поспешно кивнул.

— Негодяи! — выпалил он, боясь, как бы колдун не решил начать выполнять свое обещание прямо с него. То, что Эристель собирался уничтожить город, уже не казалось Колокольчику настолько жутким, куда страшнее было понимание того, что именно Лин может первым узнать, насколько хорошо некромант умеет держать свое слово.

В тот же миг стены склепа задрожали, а с потолка посыпалась каменная крошка. Колокольчик вскрикнул и закрыл голову руками, чувствуя, что убежище вот-вот развалится и погребет его под собой. Трещины избородили мрамор, словно глубокие морщины, отчего казалось, что склеп рассыплется, точно мозаика. И так, действительно, должно было произойти. Сильнейшее магическое заклинание, произнесенное Баркалом, с легкостью разнесло бы постройку, однако в этот момент защитные руны, созданные Эристелем, сработали, отчего убежище уцелело. Символы начали кровить, а склеп наполнился запахом сырой земли.

Глаза некроманта побелели, и Лин чуть не вскрикнул вновь, наблюдая это жуткое преобразование. Кожа Эристея стала едва ли не прозрачной, отчего барду показалось, что кости некроманта стали просвечиваться. Что-то происходило вокруг, но у Колокольчика не хватало духу выглянуть наружу. Несмотря на теплый сухой день, воздух внезапно сделался сырым, словно на юг пришла осень. Лин был знаком этот запах: так пахла промозглая стужа на западных землях, откуда он уехал в возрасте восемнадцати лет в поисках хорошей жизни. Это ощущение заставило мужчину зябко поежиться, и в этот момент он услышал испуганные крики солдат.

Войско сражалось с чем-то непостижимым, о чем Стагр мог лишь догадываться. Невидящий взгляд Эристея смотрел куда-то в стену, в то время как за пределами склепа один за другим из могил поднимались мертвецы. Кто-то полуистлевший, но большинство из них были скелетами. Сплошной стеной они направлялись к солдатам, толпой атакуя их поодиночке. Мертвецы стаскивали воинов с лошадей, срывали шлемы и вгрызались зубами в незащитное горло. Но, как только несчастный погибал, он уже через несколько минут поднимался вновь, сжимая в руке меч, и нападал на своих бывших товарищей.

Солдаты изо всех сил пытались отразить атаку, однако враг превосходил их численностью. Кто-то узнал среди оживших мертвецов недавно забитого насмерть кучера,

Лагона Джиль. Когда его поразили мечом, он мгновенно поднялся вновь и с яростью набросился на своего противника.

Зная, что его силы не безграничны, Рикид предпочитал выжидать, отбиваясь только в крайней необходимости. Баркал, напротив, растрачивал свою энергетику, стремясь уничтожить как можно больше мертвецов. Когда к захороненным на кладбище стали добавляться убитые солдаты, вооруженные и закованные в доспехи, войско Хаода Вергера начало отступать. Тогда Баркал повторил свою попытку разрушить склеп, и снова потерпел неудачу. Чувствуя, что один из магов практически выдохся, Эристель покинул свое убежище, оставив Лиана благодарить небо за то, что судьба оказалась к нему настолько великодушна. Некромант обратил взгляд к Баркалу и беззвучно прошептал заклинание. Смертельный недуг должен был сбросить жертву с лошади, но Баркал выдержал, лишь амулет на его шее разлетелся на осколки, глубоко оцарапав мужчине подбородок. Тогда Баркал попробовал атаковать в ответ. Он чувствовал, что его силы на исходе: магический перенос войска, сражение с мертвецами и попытка разрушить склеп существенно ослабили его, и перед тем, как Эристель вновь произнес заклинание, Баркал крикнул Рикиду:

— Чего же ты ждешь? Помоги мне!

Однако вторую атаку некроманта Баркал вновь отбивал один. Теперь уже с трудом. Он едва удержался на лошади, сильно закашлявшись. Во рту появился металлический привкус крови, и колдун в ужасе осознал, что заклинание Эристеля достигло цели.

— Рикид! — опять закричал мужчина, в отчаянии посмотрев на своего друга. Баркал никак не мог понять, отчего колдун до сих пор ни разу не попытался атаковать Эристеля. Но уже через миг ему стало понятно, что его друг даже не собирался этого делать.

Поспешно прошептав заклинание, Рикид направил все силы на то, чтобы пройти через защитный барьер и переместиться за пределы города, после чего упал на землю, энергетически истощенный. Осознав, что Эристель куда сильнее, чем казалось на первый взгляд, Рикид решил не рисковать своей жизнью ради молодого дурака, который никак не мог удержаться на троне, и так поднесенном ему буквально на блюдечке.

Лёжа далеко за стеной города, мужчина долго смотрел в небо, наблюдая за тем, как скользят облака, а затем тихо рассмеялся. У него получилось сбежать. Все-таки получилось...

Баркал рухнул замертво, и его тело несколько минут лежало неподвижно. Окровавленный рот так и остался раскрыт в безмолвном крике, но вот мужчина медленно поднялся с земли и произнес какое-то слабое заклинание, отчего приблизившийся к нему Файгин Саторг начал задыхаться. Солдат судорожно хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Лицо его посерело, и Файгин непременно бы погиб, если бы в этот момент начальник стражи не срубил Баркалу голову.

То, что один колдун убит, а второй исчез, вызвало у оставшихся солдат панику. Их ряды заметно поредели, в то время как мертвецов становилось все больше. Стрелы, пущенные арбалетчиками в сторону Эристеля, рассыпались, так и не достигнув цели, благодаря все тем же защитным рунам на стенах склепа.

— Отступа..., - начал было Вергер, но договорить он уже не успел. Взгляд некроманта обратился к нему, отчего мужчина почувствовал, как рот наполняется кровью. Эристель убил его тем же способом, что и Баркала, затем перевел взгляд на заместителя начальника стражи. Тот вскрикнул и, выронив магический свиток, рухнул на землю.

В это время Файгин медленно пятился назад, видя, как оживший Хаод Вергер

поднимается и замахивается на него мечом. Завязался короткий бой, а затем сталь вонзилась глубоко в плечо Саторга. Солдат вскрикнул, и от боли у него потемнело в глазах. Он упал на землю без сознания, так и не узнав, успели ли оставшиеся в живых отступить.

Живых не осталось. Убитые всадники вскочили в седла своих умерших лошадей, ожидая, когда их новый предводитель приблизится к ним верхом на своем черном коне. На кладбище вновь воцарилась тишина, теперь уже не нарушаемая даже пением птиц.

Эристель оглядел поле битвы и, прищорив коня, направил свою армию в сторону западных ворот. Безмолвные мертвецы следовали за ним, подобно тени: сначала всадники, затем шли остальные. Эта битва несколько измотала лекаря, но у него все еще оставалось достаточно сил, чтобы выполнить свое обещание. Чернокнижник, которого Эристель опасался, принял решение не вступать в бой, а Рикид попросту сбежал, что позволило северянину почувствовать себя увереннее. Однако защитный барьер вокруг города все еще оставался, и теперь лекарь задавался вопросом, стоит ли тратить силы на то, чтобы разрушить барьер и выбраться за пределы города, совершенно обессилив, или лучше вернуться и поквитаться с молодым ублюдком, который не позволил ему закончить интересную работу.

Тем временем Лин, оставшись в полном одиночестве, по-прежнему не смел выбраться из склепа. Кровавые символы на стенах потускнели, но мужчина боялся даже разогнуться, несмотря на то, что его спина затекла. Угол, в который забился Колокольчик, теперь казался ему едва ли не священным, отчего бард решил не покидать его до тех пор, пока не стемнеет.

«Небо, защити меня!» — мысленно повторял мужчина. У него не хватало смелости выглянуть из склепа, чтобы хотя бы понять, что произошло за его пределами. Лин не хотел рисковать жизнью, которая все это время висела на волоске, и которую некромант почему-то не стал обрывать. Колокольчик подумал, что во всей этой суматохе Эристель попросту забыл о своем соседе, и теперь надеялся, что колдун так о нем и не вспомнит. Затем мысли Лина переметнулись к тому, с какими надеждами он покидал западные земли, как обустроивался в этом городе, как он нашел свою первую работу у пекаря Ронди. Несмотря на то, что начальник оказался веселым и добродушным, уже на третий день он не выдержал и уволил своего помощника. Лин никак не мог проснуться после гулянок в «Подкове», поэтому так ни разу и не растопил печи и не замесил тесто вовремя, чтобы Ронди сразу принялся за дело. В результате, все эти три дня хлеб поставлялся на рынок не раньше полудня, отчего торговцы приходили в ярость и обещали отказаться от услуг столь некомпетентного партнера. В итоге, Ронди нанял кого-то другого парнишку, а ему, Лину, велел больше никогда не показываться на глаза. Правда, Колокольчик не сильно расстроился. Ему всегда казалось, что работа в пекарне может повредить его нежные руки, предназначенные только для струн, поэтому юноша решил посвятить себя одному лишь искусству. В трактире «Подкова» его песни пользовались успехом у пьяных купцов и приезжих, однако не настолько, чтобы жить в достатке. Лин арендовал комнатку на чердаке у обнищавшей семьи, которая жила неподалеку от Эристея. В каком-то смысле, Колокольчик и лекарь всегда были соседями, и судьба, словно поиздевавшись, решила не разлучать их до самого конца, столкнув напоследок еще и в склепе.

«Ужас какой!» — подумал Лин и поежился. Благо, с уходом Эристея, сырая стужа тоже исчезла, и бард постепенно отогрелся, но мысли о некроманте по-прежнему вызывали у него дрожь. На миг Барду показалось, что он услышал слабый стон, долетевший откуда-то с кладбища, но в этот раз он поклялся себе, что не сдвинется с места до наступления темноты.

Спустя какое-то время Лин искренне обрадовался своему решению: жуткие крики испуганных горожан донеслись до него со стороны западных ворот, и бард вновь закрыл голову руками.

«Я не могу им помочь», — убеждал себя Колокольчик. «Они сами разозлили чернокнижника. Если бы все действовали как я, были вежливыми и приветливыми, и к тому же позволили ему спокойно уйти, ничего бы этого не случилось!»

Но, почему-то, совесть продолжала терзать его, и Лин зажал уши ладонями, не в силах слушать крики, наполненные ужасом и отчаянием.

У западных ворот, действительно, происходило нечто страшное, хотя в первые минуты собравшиеся там люди даже не догадывались о своей судьбе. Когда до них донесся шум сражения со стороны кладбища, горожане почувствовали себя спокойнее. В их сердцах появилась надежда, что Элубио Кальонь наконец заставит некроманта заплатить за содеянное. Все это время новый смотритель города показывал себя не с лучшей стороны, но теперь его действия получались оправданными. Элубио закрыл город, чтобы Эристель не смог уйти, и сейчас городская стража загнала чернокнижника в угол. Теперь мысли людей обратились к тому, что уже совсем скоро они вернутся в свои жилища и постараются как можно быстрее восстановиться после пережитого. Славную битву с чернокнижником воспоют барды, а имена героев-солдат высекут на городской стене.

Когда звуки сражения затихли, людей вновь охватила тревога, но вот вдалеке показались всадники, облаченные в доспехи, которые ярко блестели на солнце. Они шли стройным рядом, уверенные и непоколебимые, и, глядя на них, люди испытывали своего рода трепет. Было в этих воинах что-то величественное, и даже отсутствие знамен не умоляло этого впечатления. Вскоре один из горожан заметил среди всадников беловолосого колдуна и радостно воскликнул:

— В плен взяли! Смотрите, везут его, проклятого!

— Чувствую, на площади разожгут знатный костер! — с ликованием подхватил другой горожанин.

Ощущение радости захлестнуло людей, и они невольно заулыбались, встречая победителей. Обманулись даже стражники, что стояли на стенах. Сверху они могли разглядеть не только всадников, но и идущих за ними горожан, видимо, спасенных из рук чернокнижника. Скелетов среди них не было, потому что Эристель посчитал, что лучше растрачивать силы на конницу, нежели на «ходячие кости».

— Да здравствует Элубио Кальонь, наш брат и защитник! Да здравствуют бесстрашные воины нашего города! — закричал один из собравшихся, и люди хором подхватили эти крики. Войско приближалось, и теперь присутствующие могли разглядеть кровавые разводы на их доспехах, одежде и лошадях.

— Тяжелая битва была, — пробормотал кто-то. — Ай, тяжелая!

— Слава нашим защитникам! — раздался радостный женский крик, уж больно знакомый окружающим. Амбридия Бокл, сжимая в руках тканевый мешок, с улыбкой смотрела на всадников. Ей так и не удалось подкупить стражников и выбраться за стены, но теперь в этом уже не было необходимости: Элубио Кальонь победил. Заметив среди воинов беловолосого мужчину, она представила, с каким удовольствием плюнет в лицо ненавистного лекаря, а затем еще долгие месяцы будет высмеивать его в своих спектаклях. В них же она откроет истинные лица Родона Двельтонь, Пехира Агль, доктора Клифаира, отшельника Закэрэль и остальных подлецов.

Эристель ехал, опустив голову, словно нарочно решил не разочаровывать горожан раньше времени. На самом деле, ему попросту не хотелось, чтобы они разбежались. Их радостные крики несколько забавляли его, а брань в его адрес и вовсе вызывала улыбку.

— Небо, да они же все мертвые! — вскричал один из солдат на стене. Его слова прозвучали, как гром среди ясного неба, отчего радость на лицах собравшихся сразу померкла. Люди увидели, как всадники одновременно обнажили мечи, а затем, пришпорив коней, стремительно бросились на толпу. Позади остался лишь Эристель, чьи белые глаза равнодушно наблюдали за происходящим. Одного за другим мертвецы уничтожали горожан, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Группа солдат на стенах еще пыталась отстреливаться от нападающих, но Эристель прошептал заклинание, отчего стражники рухнули вниз, словно соломенные куклы, сбитые сильным порывом ветра.

Амбридия Бокл попыталась выбраться из толпы, которая теснила ее, не позволяя толком понять, что происходит вокруг. Перепуганные люди умоляли открыть ворота, и кто-то из стражников даже попытался это сделать, но едва он коснулся деревянной поверхности, его тело обратилось в пыль.

В какой-то момент толпа начала редеть, и Амбридии наконец удалось выбраться из этой безумной давки. Не помня себя от страха, женщина пыталась убежать, но какой-то мужчина внезапно преградил ей дорогу. Она не узнавала его лица, так как сильные побои изуродовали его, но одежда этого человека показалась Амбридии уж больно знакомой.

— Лагон Джиль? — в страхе пробормотала она. — Нет, ты же умер...

В памяти Амбридии появилась сцена, где этот молодой человек пытался уберечь тело Шаоль Окроз от сожжения, но толпа набросилась на него, повалила на землю и пинала до тех пор, пока Лагон не испустил дух. Госпожа Бокл вспомнила свои крики «Бейте пособника чернокнижников!», и ее лицо перекопилось от ужаса.

— Нет, ты не можешь быть живым! Не можешь!

Губы Лагона растянулись в хищной улыбке, и он медленно направился к Амбридии, словно смакуя приближающийся момент расправы. Женщина пятилась назад, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

— Лагон, родненький, я умоляю тебя, не убивай! — вскричала она. — У меня же сын растет, пропадет без матери. Вспомни, ты же знаешь моего Корше. Ты даже сам отгонял от него каких-то хулиганов. Пощади, родимый!

На миг Джиль остановился, словно прикидывая, как ему теперь поступить. Несколько секунд он смотрел на женщину своими белыми глазами, а затем отрывисто, словно каждое слово давалось ему с трудом, произнес:

— Тогда... На кладбище... Пока меня избивали... Я понял, что... Милосердия... Не существует...

Вскоре крики затихли, и у ворот воцарилась тишина. Она опустилась, точно тяжелое покрывало, и Эристель мог слышать, как хлопают на шпилях смотровых башен знамена семьи Кальонь. Лекарь направил коня к воротам, но прикасаться к ним не стал, прекрасно чувствуя энергетику неизвестного чернокнижника. Северянин никак не мог понять мотивы своего возможного противника.

«Если ты не стремишься меня убить, то почему не позволяешь уйти?» — думал Эристель. «Неужто тебя это забавляет?»

П

Черный замок, угрюмый и величественный, возвышался над городом, словно

происходящее совершенно не касалось его. Он с насмешливым высокомерием провожал взглядом удаляющееся в сторону кладбища войско и снисходительно смотрел на перепуганных горожан, которые стучались в его ворота в надежде укрыться за мощными стенами. Солдаты, охранявшие замок, вновь и вновь просили людей разойтись, выполняя приказ нового правителя, однако с каждым разом становилось все тяжелее. Страшно было узнавать в заплаканной, дрожащей женщине швею, у которой супруга покупала платья на праздники. Страшно было смотреть в испуганные глаза ребенка, которого в шутку катал на лошади, позволяя ему притвориться стражником. Страшно было выполнять приказ чужеземца, который велел, несмотря ни на что, не впускать людей в замок.

Горожане наперебой рассказывали о существе, которое охотится в городе, словно дикий зверь. Оно уже проникло в несколько домов, убивая всех, кого замечало, отчего душераздирающие крики несчастных разносились по улицам. Не в силах спастись в своих жилищах, горожане бросились к замку, надеясь, что Элубио Кальонь укроет их у себя. Но их ожиданиям так и не суждено было оправдаться.

Тем временем черная тварь продолжала охотиться. Она стремительно передвигалась по крышам, подобно гигантской ящерице, оставляя на поверхности мокрые отпечатки. Пустынные Джинны нанесли ей существенный урон, однако костный мозг съеденных жертв позволял чудовищу восстанавливаться, отчего постепенно раны от ожогов окончательно исчезли. Тем не менее, тварь оставалась голодна. Она помнила, где находилось наибольшее количество людей, поэтому вскоре вернулась к главным воротам, желая полакомиться остальными. У нее не хватало разума понять, что причинило ей столь сильную боль в прошлый раз, но от этого она решила нападать осторожнее.

Пустынные Джинны по-прежнему находились подле людей. Испуганные горожане теснились, желая оказаться поближе к своим защитникам, отчего в какой-то момент на площади завязалась драка. Вначале Викарду удалось усадить людей на землю, чтобы, глядя на них сверху, заметить, когда тварь рискнет напасть снова. Но вскоре перепуганные люди вновь начали протискиваться поближе к колдунам. Горожане отталкивали друг друга и лезли вперед, отчего опять началась давка. То и дело в толпе раздавались отчаянные крики:

— Защитите моего ребенка! Позвольте моему сыну стоять рядом с вами!

Криам хрипло выругался, когда один из мужчин отдал ему ногу и попытался сунуть в руки сверток с истошно кричащим младенцем.

— Защити его, колдун. Ради неба, сбереги! — взмолился мужчина, хватая «джинна» за руку. — Твоя сила дана тебе неспроста. Исполни свой долг. Защити ребенка!

— А остальные, значит, пустьдохнут? — взорвался Криам, а затем добавил, обратившись уже к своему предводителю: — Я больше так не могу, Викард! Если еще хоть один из этих орущих и плачущих коснется меня, я буду сжигать их проклятые конечности!

Викард не ответил. Люди атаковали его с не меньшим напором, и он изо всех сил пытался успокоить перепуганную толпу. Узнав, что погибли еще двое «джиннов», Викард старался выглядеть хладнокровным, однако даже его потрясла жестокость чернокнижника. Он попросил Гимира пока не рассказывать другим о случившемся, потому что «джинны» и так подавлены, на что юноша без лишних вопросов согласился.

«Мертвым не поможешь, нужно помогать живым», — твердил себе Штан, вновь и вновь пытаясь усадить людей на землю.

— Пожалуйста, сядьте, иначе мы не видим остальных! — уговаривал он женщину, которая пыталась прижаться к его груди.

— Защити меня, — шептала она, вцепившись пальцами в воротник его рубахи. — Пожалуйста, защити.

— У меня есть деньги, — раздавалось с другой стороны. — Я озолочу тебя, только спаси! Отдам все до последней монеты!

— Доченьке моей всего три годика... Пожалуйста, возьмите ее! — причитала еще одна женщина, держа на руках заплаканную девочку. — Совсем кроха ведь!

Услышав эти слова, Гимирос почувствовал, как на глазах наворачиваются слезы. У них в группе тоже был свой кроха. Тихий, послушный, не по годам усердный и очень отзывчивый. Маленький сирота из приюта, казалось, воспринимал бродячих артистов не иначе, чем семью, отчего он изо всех сил пытался услужить своим новым близким. Но поразило Гимирос то, что именно Меккаир оказался единственным, кто хотел идти искать пропавшую Лавирию вместе с ним. Он тоже не хотел уезжать из города, пока не выяснится судьба девушки, к которой мальчик был наиболее привязан. Лавирия рассказывала ему сказки перед сном, а он слушал, глядя на нее восхищенными глазами и счастливо улыбался. Но чернокнижник убил его точно так же, как и Лавирию. Разнообразие он проявил, лишь уничтожив старика «джинна», который попытался защитить ребенка.

— Пожалуйста, сядьте! — взмолился Гимирос, чувствуя, как его охватывает отчаяние. — Поймите, ваши действия нам только мешают. Я не могу защитить тех, кого не видно.

— Всех не защитишь. Защити тех, кто рядом, — закричал Хагал Симь. Он стоял в толпе крепко держа Оверану за запястье. Протиснуться ближе к Гимирос ему никак не удавалось, отчего он злился и срывался на своей супруге.

— Без меня ты бы давно сдохла, девочка, — то и дело повторял он, словно желая напомнить Оверане, что она даже теперь остается от него зависимой. — Ты должна понимать, что твой муж делает, чтобы тебя спасти.

«Например, режет ножом», — подумала Оверана. Ее плечо невыносимо болело после того, как муж постоянно грубо дергал ее за руку, таща вперед, а люди толкали. И именно эта боль напоминала ей о докторе Эристеле, который теперь предстал перед горожанами в совершенно ином обличье. Оверана до сих пор не могла понять, как человек, который был к ней так добр, внезапно оказался чернокнижником, наставшим на город безжалостное чудовище. Женщина вспомнила, как тот, от кого она сейчас бежит, использовал обезболивающее, чтобы зашить рану, оставленную тем, кто называет себя ее защитником. И от этой мысли Оверана вдруг почувствовала, как ее охватывает ненависть, и жгучие слезы бессилия потекли по ее щекам. Почему погиб пекарь Ронди, а такой человек, как ее супруг, продолжает жить? Чем добродушный толстяк мог заслужить такую участь, в то время как Хагал остался цел и невредим?

Оверана понимала, что так думать нельзя, что это неправильно, но ничего не могла поделать со своими мыслями. Она утешала себя лишь тем, что, живя с таким человеком, могла заниматься любимой работой, в которой преуспела. Девочки семьи Двельтонь, а также Дизира Агль и состоятельные модницы из соседних городов носили платья, пошитые ее рукой. Любой бал становился для Овераны «золотым», и к назначенной дате она едва не засыпала на ходу от количества проделанной работы. Но больше всего Оверане запомнились те дни, когда она шила камзол самому Родону. То и дело она встречалась с ним на несколько минут для примерки, и с каждым разом непонятное чувство охватывало ее. Вначале Оверане казалось, что она попросту испытывает трепет перед столь значимой персоной, но затем начала ловить себя на мысли, что она все более тщательно готовится к этим встречам. Она

даже не надеялась привлечь его внимание, но, тем не менее, на примерку надевала только те платья, которые смотрелись на ней наиболее выгодно. Во время примерок, подгоняя камзол по фигуре мужчины, она то и дело оказывалась с Родоном в непозволительной близости. И те чувства, которые охватывали ее, пугали Оверану. У нее был супруг, и она не могла даже в мыслях представить себя с другим мужчиной, однако эти самые мысли преследовали ее все чаще. Даже лежа с Хагалом в постели, Оверана думала о том, каким был бы на его месте Родон Двельтонь. В разговоре с ней смотритель города всегда был сдержан и вежлив, однако во время последней примерки она почувствовала на себе его оценивающий взгляд, отчего начала нервничать и до крови уколола себе палец.

— Осторожнее, — произнес тогда он и протянул ей свой платок. На мгновение их руки соприкоснулись, и лицо Овераны предательски вспыхнуло. Родон заметил эту неловкость, и внезапно в его глазах промелькнул интерес. С тех пор они не встречались до следующего праздника города, где увидели друг друга лишь мельком, потому что после той примерки Двельтонь неожиданно получил от Овераны записку. В ней швея приносила свои извинения, что не справляется с его заказом, так как практически всегда занималась пошивом женской одежды. Здесь она слукавила, решив не провоцировать судьбу лишними встречами. Однако платок Родона она хранила до сих пор, и именно он стал той вещью, которую женщина попыталась спасти прежде всего.

Сейчас, находясь рядом с Хагалом, женщина думала о том, что ждет семью Двельтонь дальше. Когда пошли слухи, что Эристель служит Родону, она испытала призрачную надежду, что тот поможет ему, но вот люди заговорили, что некромант ушел к западным воротам, а Элубио выслал за ним целое войско. Оверане хотелось спросить людей, не знают ли они, что стало с Родоном Двельтонь, но рядом с мужем боялась даже произнести имя постороннего мужчины.

От размышлений Оверану отвлек пронзительный крик. Что-то черное материализовалось неподалеку от нее и на куски разорвало молодого мужчину. Затем женщина вновь утонула в толкотне, чувствуя, как Хагал пытается ее оттащить в сторону. Огненная вспышка ослепила ее, лизнув теплом по телу, а затем вновь раздался душераздирающий крик. Теперь уже ближе, откуда-то слева. Кричала женщина. Огненная вспышка заставила Оверану зажмуриться, и сильный запах паленой кожи ворвался в легкие, вызывая тошноту. Сразу два заклинания угодили в цель, но, если Криам пытался ударить на поражение, то Викард выжег на неуловимой твари клеймо.

«Я тебя чувствую, гадина!» — с ненавистью подумал предводитель "джиннов". Его золотистые глаза обратились к крыше одного из домов постоянного двора «Сова». Судя по теплу человеческих тел, внутри никого не было, поэтому, собравшись с силами, Викард накрыл постройку огненным куполом. Остальные «джинны», поняв ход мысли своего предводителя, повторили это заклинание, и когда диаметр пламени начал сужаться, все здание сторело дотла. Жуткий визг погибшей твари еще долго звенел в ушах присутствующих, а затем радостные крики оглушили еще больше. Звонко смеясь, люди обнимали друг друга, не веря в свое спасение.

— Да уйдите вы от меня! — не выдержал Криам, когда восторженная толпа вновь обратилась к нему, теперь уже с обьятиями. Вырываясь, словно кот, которого несли к реке, «джинн» бранился так яростно, что в итоге обжог ладони самым любвеобильным горожанам.

Хагал весело расхохотался, оглядывая толпу. Он все еще был напуган, но теперь чувство

гордости охватило его, и он грубо притянул к себе жену. Схватив ее за подбородок, он заставил Оверану посмотреть ему в глаза, после чего насмешливо произнес:

— Ты бы точно умерла без меня, девочка.

Затем он резко прижался губами к ее губам, демонстративно целуя свою «собственность».

— Я тебя спас, — сказал он, на миг отстранившись. — Слышишь, неблагодарная девка? Я спас тебя!

Тем временем, в замке нового смотрителя города, Элубио Кальонь с нетерпением ждал донесений с поля боя. Магический свиток молчал подозрительно долго, и юноша начинал нервничать все сильнее. Все это время он был уверен в том, что Эристель, каким бы сильным он не был, никогда не победит трех колдунов и целое войско разом. Однако теперь отсутствие каких-либо вестей казалось ему все более мучительным. Чувствуя на себе пристальные взгляды молчаливых пленников, Элубио вновь подумал о том, что разумнее уничтожить их прямо сейчас, но одна неприятная мысль, холодная, словно пальцы страха, мерзко копошилась в голове, поднимая в сознании ил сомнений: что, если Эристель победил? Что, если он и впрямь работает на Родона и послушает только его?

«Проклятье!» — Элубио вновь посмотрел на свиток, а затем поманил к себе одного из стражников и произнес:

— Езжай на кладбище. Выясни, что у них там.

Услышав эти слова, Родон горько усмехнулся. Мысли о том, что Эристель мог уничтожить все его войско, вызывали и страх, и бессильную ярость одновременно. Даже Полоумный Игша велел не преследовать его, словно опасаясь, что это приведет к непоправимым последствиям. Но тогда почему лекарь провел в замке столько времени, не предпринимая никаких действий? Неужели он попросту развлекался, наблюдая за происходящим, или же...?

В мыслях Родона вновь промелькнуло воспоминание о пророчествах Игши. «Редко какая смерть разгуливает рядом с тем, кого не собирается забирать», — писал он неровным торопливым почерком. Теперь уже Двельтонь не сомневался, что речь шла о нем и Эристеле. Именно подле него некромант «разгуливал» в последнее время чаще всего. И до сих пор «не забрал» его. Не означает ли это, что ему, Родону, вообще не стоит опасаться этого колдуна? Если верить пророчеству Игши, некромант не убьет его, и, быть может, даже получится с ним договориться. Это было слишком слабое утешение, чтобы Родон позволил надежде затеплиться вновь, однако и чувство обреченности больше не казалось таким беспросветным. Быть может, все-таки лучше надеяться на то, что победит Эристель? Жестокая мысль, но, в конце концов, не Родон предал свой город, а его люди отреклись от него.

По странной случайности Арайа думала о том же самом. Город-предатель получил идеального для него смотрителя, и почему-то теперь девочка чувствовала некое злорадство. Оно было постыдным и неуместным, и совершенно недопустимым для достойной дамы, но Арайа не могла сочувствовать тем, кто сжигал несчастную женщину и еще совсем недавно требовал смерти ее семьи. Надо быть кем-то настолько высоким, ростом с небо, чтобы уметь прощать своих врагов, и, к своему стыду, у девочки это не всегда получалось.

Затем мысли юной Двельтонь вернулись к Эристелю. Его бледное лицо с пронзительными зелеными глазами теперь вызывало у нее дрожь, и тот момент, когда она предупреждала свою сестру не связываться с этим человеком, промелькнул в памяти, словно

в насмешку.

Положение, в котором сейчас оказался Колокольчик, тоже нельзя было назвать иначе, чем насмешкой. Судьба не просто над ним хихикала, она весело хохотала, запрокинув назад свою подлую голову. Видимо, встречи Лина с Эристедем ей оказалось маловато, и теперь она не оставляла барда в покое уже другим способом: чей-то тихий болезненный стон вновь ворвался в сознание Колокольчика, и он едва не выругался. Ну, за что ему это? Неужели придется вылезать из укрытия и смотреть, кто там так неудачно остался в живых? Почему нельзя было умереть со всеми и позволить ему, Лину, спокойно дождаться наступления темноты. Но нет, раненый не унимался.

«Да чтоб тебя!» — подумал Колокольчик, зажимая ладонями уши. «Не пойду за тобой! Не буду!»

Но в ту же секунду сознание обратилось к нему самым ехидным из своих голосов и мерзко поинтересовалось: «А не боишься, что некромант услышит и вернется? И вспомнит про тебя?»

От этой мысли Лин едва не подскочил. Он испуганно огляделся по сторонам, лихорадочно соображая, что предпринять. Раненый, определенно, униматься не планировал, поэтому нужно было либо добить его, либо затолкать в рот лоскут рубахи и ждать, пока он умрет. От этой жуткой мысли Стагру стало не по себе. Что-что, а убивать он уж точно никого не хотел. И пускай все решат, что это сделал некромант, он, Лин, до самой смерти будет жить с такой страшной тайной.

Выругавшись, бард все-таки подполз к выходу из склепа и, мысленно обратившись к небу, осторожно выглянул наружу. Увиденное заставило его побледнеть: все могилы выглядели так, словно их вскопали, а кругом валялись человеческие кости. Один из черепов устался на Лина своими пустыми глазами, отчего мужчину передернуло от ужаса. Но вот слабый стон повторился, и Колокольчик наконец разглядел источник этого ненавистного звука. У ворот кладбища лежал молодой темноволосый мужчина. Ткань на его плече была насквозь пропитана кровью, отчего Лин почувствовал, что его начинает подташнивать.

«Ну, почему ты не умер? Почему?» — Колокольчик едва не взвыл, наблюдая за столь ужасной картиной. Его взгляд метнулся в угол, с которым мужчина уже сроднился, и Колокольчику безумно захотелось вернуться назад и убедить себя в том, что он ничего не слышал и уж тем более не видел.

Однако, вспомнив о некроманте, который рыщет поблизости и может услышать раненого, Стагр помрачнел окончательно.

«Почему я вечно попадаю в такое положение?» — расстроенный Лин в отчаянии наблюдал, как солдат делает слабую попытку подняться, отчего снова застонал.

«Зачем он там все время шевелится? Его преимущество в том, что его спутали с мертвецом, а этот болван сейчас делает все, чтобы это опровергнуть».

Теперь Стагр почувствовал, что начинает злиться на раненого дурака, и это придало ему решимости. В который раз оглядевшись по сторонам и скрючившись едва ли не до земли, Колокольчик на полусогнутых ногах быстро перебежал к ближайшему дереву и спрятался за ним. Сердце в груди колотилось так бешено, что Лин невольно прижал к ней ладонь, пытаясь хоть немного успокоиться.

«Небо, как же мне страшно! Пусть он умрет, пожалуйста! Прямо сейчас, легко и быстро. Раз и все! Очень милосердная смерть!»

Но раненый умирать не торопился. Он напоминал перевернувшегося на спину жука,

который шевелил лапой, словно это как-то могло повлиять на его печальное положение.

«Умирай, дурак!» — злобно подумал Лин, добежав до следующего дерева, за которым он вновь смог укрыться. Но вот, оказавшись ближе, он наконец разглядел лицо раненого.

«Файгин? Вот же тебя угораздило!» — на миг Колокольчик даже забыл о своем опасном положении. Раненого солдата он знал, как никто другой. Именно Файгин не позволил стражникам поколотить барда за то, что тот в беседе с другом громко называл их идиотами. Этот же Файгин то и дело подкармливал его в «Подкове», кидал монеты во время выступлений и даже пытался свести с какими-то красотками. Последнее особенно поднимало авторитет Саторга в глазах Колокольчика. Вот теперь Лин почувствовал уже укол совести и, собравшись духом, на четвереньках дополз до раненого. Добравшись до цели, он распластался рядом с Файгином, надеясь, что со стороны он тоже будет выглядеть, как мертвый.

— Нам надо добраться до склепа! — прошептал Колокольчик удивленному солдату, который слабо улыбнулся при виде него. — Слышишь, ты сможешь доползти? Там мы будем в безопасности!

— Здравствуй, Лин, — отозвался Файгин пересохшими губами. От потери крови он был бледен, как полотно. — Как ты... Как ты тут очутился?

— За тобой, дураком, пришел, — последовал сердитый ответ. — Спрашиваю, ползти сможешь?

— Я не уверен. Крови много ушло. Ослабел.

— Я не буду перевязывать тебя тут. Увидят. Надо в склепе.

— Надо вернуться в город, Лин. Надо воевать с чернокнижником, иначе он погубит всех.

— Отвоевался уже. Я сомневаюсь, что он умрет от страха при виде полудохлого солдафона, а других способов его одолеть я не вижу.

— Нужно найти Оверану, — продолжал Файгин. На его красивом лице на миг отразилась тревога, отчего Лин усмехнулся.

— Почему именно Оверану? У нее муж есть. Пусть он ее и ищет.

— Я должен о ней позаботиться...

— О, запел песню. Об этом надо было думать до того, как ты пришел сюда сражаться с тем, кто тебе не по зубам. Тоже мне, заботливый... Так позаботился, что теперь самому нужна забота. Все, хватит нести всякую чушь. Давай, попробуем доползти до того дерева.

— Лин, помоги мне добраться до города.

— Ты головой треснулся, или что? Куда ты пойдешь? Тебя мертвецы уже и так за своего приняли. Хочешь, чтобы еще поприветствовали?

— Лин..., — поморщившись, Саторг попытался подняться, и Колокольчик помог ему сесть. Солдат замер, чувствуя, как у него темнеет в глазах, а боль в плече взрывается с новой силой. — Перевяжи, и пойдём. Я буду опираться на свой меч. У меня хватит сил. Я уже чувствую себя лучше.

— Отлично, как раз дойдем до склепа, — в тон ему ответил Лин, но в тот же миг Файгин нахмурился.

— Если ты не хочешь идти со мной, оставайся. Но помоги хотя бы встать.

«Нет, он издевается надо мной!» — разозлился Лин. В тот же миг он услышал вдалеке какой-то хруст, отчего почувствовал, как сердце уходит в пятки. Тем временем, уже дотянувшись до меча, Файгин попытался опереться на него, чтобы подняться, и Лин в ужасе

представил, как некромант обрушивает свою ярость сначала на храброго дурака, а затем на него, ни в чем неповинного барда.

Глядя на измученного солдата, Колокольчик лихорадочно соображал, как остановить своего героического друга. Не зная, что еще предпринять, Лин вслепую нащупал на земле какой-то большой круглый камень и от души стукнул им Файгина по затылку. Солдат тихо охнул и, потеряв сознание, рухнул обратно на землю.

— Вот же дурак мне попался! — выругался Лин. В задумчивости он посмотрел на камень в своей руке и тут же в ужасе отшвырнул его прочь, обнаружив, что все это время сжимал чей-то череп. Мужчину буквально передернуло, и он еще с минуту бешено тер ладонь о свою одежду, пытаясь справиться с ощущением брезгливости.

Наконец успокоившись и еще раз внимательно оглядевшись, Колокольчик потащил раненого в сторону склепа. Файгин слабо застонал, почувствовав под собой ступеньки, и Лин мысленно усмехнулся.

«Так тебе и надо! Насколько сильно должен не соображать собственный череп, что по нему приходится стучать чужим?»

Только оказавшись под сводами склепа, Колокольчик почувствовал себя в относительной безопасности. Тяжело дыша от усталости, он внимательно осмотрел рану Файгина, испытывая уже не злость, а жалость. Красавец Саторг всегда нравился девушкам, но сейчас, когда он такой бледный и замученный, от его привлекательности не осталось и следа.

"Бедняга!", — подумал Лин и, не найдя бинтов лучше, оторвал рукава своей рубахи, после чего принялся старательно перевязывать рану.

Тем временем "бывшее" войско Элубио Кальонь, вернулось в город и замерло на главной площади. Эристель резко осадил лошадь, почувствовав странную магическую энергетику. Она была едва уловимой, словно запах засушенных трав на первом этаже его дома. Но что-то в ней настораживало.

На площади не было никого, кроме маленького мальчика. Он сидел рядом с колодцем, на высокой деревянной скамейке, спиной к колдуну. Казалось, он совершенно не слышал стука лошадиных копыт и вообще не замечал, что творится в городе. Взгляд ребенка был обращен куда-то вдаль, словно его мысли блуждали где-то далеко. Но вот мальчик медленно обернулся. Его губы искривила холодная улыбка, после чего он грубым мужским голосом насмешливо произнес:

— Смилуйся, Эристель! Целое войско против четырехлетнего ребенка? Тебе не кажется, что это слишком?

III

В этот день и впрямь все было чересчур. Город, привыкший вершить расправу над неугодными, внезапно сам оказался в числе неугодных и теперь, затаив дыхание, наблюдал за своим же судом. Ни один из местных жителей, кто еще оставался дома, не смел даже шагу ступить на улицу. Большинство людей находилось у главных ворот, но были и те, кто, отчаявшись, вернулись, и теперь проклинали себя за свое решение. Запах сырой земли, исходивший снаружи, казалось, проникал под кожу, рассыпая по телу неприятный озноб. Перепуганные горожане замерли у окон, с ужасом взирая на окровавленное войско, которое совсем недавно должно было уничтожить ненавистного некроманта, а теперь безвольно подчинялось ему. Солдаты городской стражи не двигались, словно парализованные, но еще страшнее было смотреть на их лошадей. Белоглазые кони, казалось, были вырезаны из

камня, на поверхности которого темнели засохшие пятна крови.

Когда войско появилось на площади и внезапно остановилось, люди решили, что безумный колдун сейчас отдаст приказ, и всех, чье сердце посмело биться, мертвецы немедленно уничтожат. Но кое-кто все-таки мог из своего окна разглядеть истинную причину промедления некроманта. На площади остался маленький мальчик, который сидел на скамейке, совершенно беспомощно глядя на своего будущего убийцу. Видимо, в суматохе бедный малыш отбилась от своей семьи и пришел на главную площадь, надеясь, что родители вспомнят о нем и сумеют наконец разыскать. Лицо мальчика нельзя было разглядеть в деталях, но наверняка он плакал от страха, даже не понимая, что вряд ли сможет этим разжалобить колдуна. Однако, стоя у окон, ни один из свидетелей происходящего так и не осмелился выйти наружу, чтобы попытаться спасти несчастного ребенка. Четырехлетний мальчик был обречен, и жертвовать своей жизнью ради чужого отпрыска никто из горожан не хотел. Впрочем, Меккаир собственноручно убил бы того идиота, который посмел бы испортить ему веселье.

Мальчик сидел на скамье и с откровенным наслаждением смаковал замешательство Эристея. Определенно, некромант не ожидал, что его противником окажется маленький ребенок. Пускай на фарфоровом лице мужчины было крайне сложно прочесть хоть какую-либо эмоцию, Меккаиру и не требовалось проникать в мысли Эристея, чтобы понимать его истинное состояние. Некромант не относился к тем дуракам, которые судят по внешнему виду и вечно недооценивают своих противников, поэтому его настороженность в данном случае была весьма уместна.

Жуткий грохот ударяющегося металла о каменную поверхность заставил мальчика раздраженно поморщиться. Один за другим воины Эристея вместе с лошадьми рухнули на землю, мерзко звеня доспехами, и среди этого месива из мертвых тел стоять остался лишь сам некромант. Его глаза потеряли свой мутно-белый окрас и теперь стали прежними, отчего мужчина вновь сделался похожим на того доктора Эристея, который четыре года спокойно проживал бок о бок с остальными горожанами.

— О, неужели ты воспринял мои слова так буквально, что решил сражаться со мной один на один? — Меккаир вновь улыбнулся. Ирония в его голосе была напускной: он прекрасно знал ответ на свой вопрос. Дело было не в благородстве Эристея, а в том, что некромант предположил, что мертвое войско ему ничем не поможет, поэтому не хотел затрачивать лишние силы на его поддержание.

— Мы все-таки будем сражаться? — в голосе врача послышалось легкое удивление. — Видимо, я один пока что не вижу в этом смысла. Скажи мне, незнакомец, какая нам выгода поубивать друг друга на потеху этому гнилому городишке? Может, прояснишь, и я, так и быть, поддержу твоё рвение?

— Незнакомец? — Меккаир спрыгнул со скамейки и решительно направился к противнику, словно желая, чтобы лекарь разглядел его вблизи. — Право, ты меня оскорбляешь, Эристель. Редкий человек, кто может похвастаться тем, что ни разу обо мне не слышал. И ты, определенно, не из их числа. Может, так будет лучше?

В тот же миг глаза Меккаира потемнели, и его тело начало стремительно меняться. Черная дымка окутала фигуру мальчика, отчего та начала расти, и, когда магический туман рассеялся, перед Эристелем стояла красивая высокая женщина с длинными ярко-рыжими волосами. Ее золотисто-желтые глаза царапнули противника насмешливым взглядом, а губы искривила ядовитая улыбка. Черное платье заставляло ее кожу выглядеть еще более белой,

чем на самом деле, отчего уродливое клеймо на шее женщины казалось особенно заметным. Грубое изображение скорпиона, нанизанного на иглу, символизировало причастие данной особы к черной магии, за что ее приговорили к смерти через сожжение. Однако именно эта женщина стала единственной из существующих колдунов, кого подобная казнь не уничтожила.

— Сейширская ведьма, — тихо произнес Эристель, давая понять своему противнику, что узнает его. Конечно, эту женщину нельзя было не узнать. За убийство Сейширской ведьмы многие правители предлагали внушительную сумму денег, и немало охотников планировало таким образом озолотиться. Однако в течение восьми лет никто так и не достиг своей цели. Смотрителям городов либо приносили головы невинных рыжеволосых женщин, либо пытались солгать, будто от тела колдуньи ничего не осталось, кроме какого-нибудь черного предмета, которых у охотников всегда имелось в избытке.

Сейширскую ведьму впервые выследили ученики Аориана. Шестеро магов гильдии охотились за ней почти два года, а их сражение длилось более пяти дней. То была жестокая битва, в ходе которой трое колдунов погибли, однако в этот раз судьба оказалась к колдунье не столь благосклонной. Охотники не давали ведьме восстановить магические силы, атакуя один за другим до тех пор, пока перед ними не осталась ослабевшая девушка. Аориан не собирался зарабатывать на смерти этой ведьмы и устраивать публичную казнь. Старик собственноручно заклеил пленницу, а затем в том же лесу женщину сожгли. Но во время казни пламя костра внезапно окрасилось иссиня-черным, а дым сделался красноватым, отчего маги с опозданием поняли, что колдунья попросту исчезла.

Во второй раз ее выследил уже некий Интаро Грайт, колдун-охотник с южных земель. Он стал первым человеком, получившим самую большую сумму денег за пойманную ведьму. Заплатил ему смотритель одного из крупнейших городов на побережье, после чего колдунью передали южному правителю. Спустя несколько дней мучительных пыток, устроенных на главной площади столицы южных земель, ведьма испустила дух. Изуродованное тело женщины разрубили на куски и повесили на городской стене, чтобы любой чернокнижник, явившийся на юг, помнил, какая участь ожидает его здесь.

Теперь же Сейширская ведьма, которую давно считали убитой, стояла перед Эристелем, прекрасно зная, какое впечатление на него произвела. Некромант слышал о ее заслугах в западных городах, когда один за другим люди умирали в страшных муках от неизвестных проклятий. Эти заклинания были настолько древними, что, наверное, только Аориан и его первые ученики обладали достаточными знаниями, чтобы нейтрализовать их действие. Сейшир стал первым городом, печально известным благодаря темным обрядам ведьмы. Один из таких ритуалов помог ей призвать темных духов, которые истребили большую часть жителей Сейшира, а также близлежащих городов. Именно ее колдовство уничтожало урожай, отчего люди умирали от голода, а в лесах заводилась нечисть, влекомая губительной энергетикой столь темной магии.

Эристель и впрямь был неприятно удивлен, отчего безупречная маска его спокойствия впервые дала столь заметную трещину. Лекарь невольно отступил на полшага назад, не сводя с противницы пристального взгляда, словно пытаясь предсказать ее дальнейшие действия. Сейширская ведьма была сильнее его, гораздо сильнее многих из живущих ныне колдунов, и теперь Эристелю стало ясно, почему Элубио Кальонь не попытался первым бежать из города, а предпочел закрыть его. Этот юноша хоть и был слишком самоуверен, тем не менее, к дуракам, которые попусту рискуют жизнью, его причислить нельзя. Теперь ход

мысли Кальонь стал Эристелю понятен: бой с солдатами, Рикидом и Баркалом был рассчитан на то, чтобы некромант потратил силы. Затем лекарь поднял убитое войско, и вновь его магическая энергия начала уходить. Теперь же, когда перед ним стоял его истинный противник, у Эристеля вряд ли был хотя бы один шанс уничтожить его. Опять-таки, если бы лекарь попытался пройти через барьер, который окружает город, то, как и Рикид, разом утратил бы все силы, и враг без труда убил бы его, едва Эристель оказался бы за воротами. Обе дороги вели к обрыву, а некроманту оставалось лишь выбрать, каким способом умереть ему будет приятнее.

— Меня не интересуют деньги, назначенные за твою голову, — спокойно произнес лекарь, теперь уже делая вид, что происходящее начинает его утомлять. — Поэтому я по-прежнему не вижу смысла убивать тебя. Повторюсь, ведьма, мы с тобой не ссорились.

— Еще бы мы ссорились... Ты думаешь, в мире так много людей, кто со мной ссорится и после этого остается в живых? — хохотнула женщина. — Если честно, Эристель, мне даже жаль тебя. Молоденький колдун, наверняка гонимый всеми едва ли не с рождения, пытался жить спокойно и заниматься своими делами. Но беда в том, что ты выбрал не тот город и совершенно случайно оказался на пути не тех людей. Дарий крайне не любит, когда кто-то рушит его планы.

— Я понимаю, — ответил Эристель, задумчиво растягивая слова. — Но перед тем, как мы начнем, скажи, сколько Кальонь обещали тебе заплатить за твою жизнь?

— За мою жизнь? — переспросила ведьма, удивленно вскинув бровь. — Ты хотел сказать, за твою жизнь?

— Смотря с какой стороны посмотреть... Ты ведь понимаешь, что сражение далеко не всегда значит — пойти и убить. Чаще всего сражение — это пойти и умереть.

Ведьма расхохоталась так весело, что, казалось, эти двое разговаривают о чем-то крайне смешном. Прижав руки к груди, она с улыбкой смотрела на своего противника, не в силах понять, действительно ли Эристель настолько самоуверен, или он просто не понимает, с кем имеет дело. А вот сама колдунья чувствовала себя в относительной безопасности. Некромант с севера не был ничем особо примечателен. Его энергетическая сила не заставляла воздух дрожать или жечься, у него не было мощных защитных артефактов или темных предметов, а сам лекарь больше производил впечатление тихого затворника, нежели властолюбивого тирана. Бесспорно, к слабакам этот маг не относился, но и до магов Аориана заметно не дотягивал.

Единственное, в чем ведьма была не уверена, — живой ли перед ней человек или мертвый: если живой, то убить его будет гораздо проще, однако теперь появлялся вопрос касательно возраста колдуна и, соответственно, его опыта. Внешне Эристель выглядел не старше тридцати, однако в этом и заключалась вся хитрость некромантов: им могло быть и двадцать лет, и несколько сотен, отчего их знания могли вместиться и в один жалкий свиток, и в целую дюжину увесистых книг.

Что еще Сейширская ведьма знала о своем противнике? Только то, что он бежал с севера, где некий чернокнижник уничтожил целых два города, причем совершенно разными способами. Майарк был стерт с лица земли снежной лавиной, а в Ливирте свирепствовала белая лихорадка. В том, что Эристель и «некий чернокнижник» — это одно лицо, ведьма не сомневалась. Единственное, ее удивляло то, каким образом лекарь смог постичь и некромантию, и магию земной стихии одновременно. Таких случаев в истории колдовства она не могла припомнить, отчего женщина начала подозревать, что, возможно, на севере

действовали двое. В любом случае с этим нужно быть осторожнее и не забывать о том, что сама земля может подчиняться Эристелю. Был еще один нюанс, который, несмотря на напускное веселье, не позволял ведьме увериться в том, что ее противник слаб, как слепой котенок. Эристель так же, как и она, подавлял свою магическую энергетику, причем у него это не слишком хорошо получалось. Даже обычные люди при встрече с ним могли почувствовать нечто неестественное, даже неприятное, словно смотрели не на живого человека, а на покойника. В данном случае здесь могло быть два варианта: либо Эристель совершенно неопытен, либо силен настолько, что у него не получается приглушить свою энергетику до конца.

— Ты прав, — наконец произнесла ведьма. — Однако десять тысяч золотых на дороге не валяются, как и покровительство столь мощной семьи, благодаря которой несчастная Сейширская ведьма наконец обрела покой. Знаешь, Эристель, мне даже отчасти жаль, что тебе придется умереть.

В каком-то смысле колдунья и впрямь не хотелось убивать того, кто устроил переполох на севере и несколько отвлек внимание Аориана от ее скромной персоны. После того, как Сейширскую ведьму сожгли, она временно ослабла, отчего, когда добралась до юга, едва держалась на ногах. Разумеется, первый же охотник, которому она попалась, немедленно приволок ее к семье Кальонь, и сам Дарий заплатил за нее двадцать тысяч золотых. Уже зная о том, что пламенем эту женщину не убить, он собирался пытаться ее на главной площади до тех пор, пока она не испустит дух, однако перед этим явился к ней в тюрьму и предложил свою защиту в обмен на ее помощь в некоторых делах. Таким образом одна из самых влиятельных семей юга обрела в лице Сейширской ведьмы этакую «подружку», которая всегда приходила на помощь, когда требовалось сделать нечто интересное. Вместо колдуньи на главной площади столицы измывались над рыжеволосой крестьянской девушкой, которую люди Дария привезли с запада. Сейширская ведьма перебрала на нее часть своей энергетики, после чего изменила свою внешность и предстала совершенно другим человеком. А спустя несколько дней люди узнали о чернокнижнике, который уничтожил большую часть населения города Зирин...

Колдунья атаковала Эристеля внезапно. Ничто не выдало ее намерения, поэтому, прежде чем некромант успел среагировать, черная дымка уже окутала его с ног до головы, а затем превратилась в стремительные лезвия. Однако, когда чары рассеялись, Сейширская ведьма с наигранной досадой всплеснула руками.

— Ну, вот, ты испортил мое любимое заклинание, — воскликнула она, с улыбкой глядя на своего противника. Тело некроманта, действительно, оказалось покрыто царапинами, которые кровили, однако это был совершенно не тот результат, который оставлял после себя подобное колдовство. Тело Эристеля должно было рассыпаться на куски, но почему-то этого не произошло. Видимо, некромант умел защищаться лучше, чем казалось на первый взгляд. Обычно маги его типа предпочитают рисовать кровью магические символы или пентаграммы, чтобы нейтрализовать или отразить вражеское заклинание. Эристель же попросту поглотил его.

— И что это за выходки такие? — улыбнулась ведьма. — Разве это красиво — портить даме настроение в столь приятный солнечный день?

— Если бы вся наша жизнь зависела от погоды..., - ответил Эристель, стирая со щеки кровь тыльной стороной ладони. Теперь его глаза вновь были окрашены в мутно-белый цвет, а кожа начала просвечивать до костей. Несмотря на финальный результат, защита от

заклинания с такой мощной энергетикой далась Эристелю крайне тяжело. Хотя его оболочка пострадала незначительно, некромант ощутимо ослабел. Он понимал, что атаковать в ответ может быть куда опаснее, чем защищаться, потому что от этого силы будут расходоваться еще стремительнее.

— Скажи-ка мне вот что, — продолжила рыжеволосая, неспешно прогуливаясь по площади. — Каким образом ты обрушил лавину на Майарк? Ты — некромант, и земля не может быть тебе подвластной. Но запах сырости в момент, когда ты колдуешь, говорит об обратном. Обычно люди исповедуются перед смертью, так что позволь мне побыть немного в роли твоего духовного целителя.

— Я сам себе целитель, — усмехнулся лекарь. Они оба тянули время, пытаясь перевести дух и сосредоточиться на следующем заклинании. Ведьма отвлекала противника разговорами, в то время как Эристель лихорадочно искал способы покончить с этим бессмысленным боем. Одному ему было не справиться, но в городе был еще кое-кто, способный хотя бы отвлечь эту бестию на некоторое время.

На вопрос о земной магии некромант отвечать не торопился, однако именно он заставил мужчину вновь задуматься об истинном возрасте его противницы.

— Сейширская ведьма, Зиринский колдун, вероятнее всего, Шагтанский призрак тоже..., - колдун начал перечислять, нарочно провоцируя свою собеседницу на откровение.

Внезапно черная дымка вновь окутала фигуру ведьмы, и перед Эристелем предстал темноволосый молодой мужчина. Внешне ему можно было дать не более двадцати пяти лет. Карие глаза юноши казались почти черными, а кожа белой, словно горный снег.

— Шагтанский призрак? — насмешливо переспросил темноволосый. — Мне больше нравится, когда меня называют Шагтанским зверем. Сердобольные крестьяне никак не могли понять, что пожирает их замечательных ребятишек, и только семье Кальонь удалось уничтожить кровожадного волка. Черная голова зверя до сих пор красуется в приемном зале Шагтанского замка. Мне же особенно приятно, когда люди радуются своим нелепым победам.

— Каждый верит в то, во что ему хочется. Нужно быть снисходительнее к обычным смертным. В конце концов, именно они вдохновляют нас на то, чтобы совершенствоваться.

Молодой мужчина кивнул, забавляясь столь странным диалогом. Эристель не пытался атаковать его, словно берег силы, а многоликий маг видел в этом промедлении своего рода отчаяние. Лекарь лишь оттягивал неминуемую гибель.

— До Сейширской ведьмы тоже было немало колдунов, — уклончиво ответил юноша.

— Только не пытайся причислить себе заслуги всех чернокнижников разом, — вот теперь в голосе Эристеля послышалась издевательская насмешка. — Куда тебе до Зеркального колдуна и уж тем более до Саирия?

Юноша хищно осклабился, а затем его внешность снова изменилась. Теперь перед Эристелем предстал седой старик с длинной белой бородой. Облачен он был в темно-синюю льняную мантию и со стороны казался добродушным отшельником, который являлся в город на праздники, чтобы показать фокусы наивным ребятишкам. Однако старик был слепым, и нечто пугающее было в его холодном взгляде. Его мутные глаза царапнули собеседника, и, когда некромант вновь невольно отступил на шаг, губы многоликого тронула довольная улыбка.

— Действительно, куда мне до Саирия, — передразнил Эристеля старик.

Больше он не позволил лекарю тянуть время. Еще одно заклинание, куда более мощное,

чем прежде, обрушилось на некроманта все той же черной дымкой. Эристель душераздирающе закричал о безумной боли, когда нечто невидимое начало пожирать его тело, пытаясь обглодать до костей. Именно это заклинание когда-то одного за другим уничтожало детей Шагтана, оставляя несчастным родителям баюкать скелеты собственных сыновей и дочерей.

Дикая боль, вгрызающаяся в плоть, на какое-то время заставила Эристеля потерять контроль. Он упал на колени, чувствуя, что еще чуть-чуть, и заклинание уничтожит его. Защитные чары не могли справиться со столь сильным колдовством, отчего кожа и мышцы лекаря постепенно растворялись. От боли он практически ничего не соображал, и, конечно же, не мог услышать цокот копыт появившегося на площади всадника. Безумная пытка прекратилась лишь тогда, когда истерзанный некромант ощутил поблизости жар пламени. И в этот самый миг огненная волна полностью поглотила старика.

— Ты же знаешь, что меня этим не убить, — с раздражением произнес Саирий. Сдерживать пламя обыкновенным черным щитом для него не составляло никакого труда. Тем не менее, от Эристеля он все-таки отвлекся, обратив свое внимание на нового противника. Им оказалась покойная Лавириа Штан, девушка-джинн, пропавшая в ту роковую ночь, когда Саирий впервые проявил свои магические способности. Чтобы понимать, что происходит в городе, он временно покинул собственное тело, переместившись в ворона. В то же самое время Лавириа почувствовала незначительные изменения в энергетике маленького Меккаира. Избавившись от свидетеля, колдун мог уже не бояться быть разоблаченным, поэтому на следующую ночь устроил расправу с насильниками Шаоль. Принять облик покойной девушки ему не составило труда, как впрочем и проникнуть в крепость.

— Эристель, это бессмысленно, — продолжил старик, вновь и вновь с легкостью отбиваясь от огненной волны. — Ты лишь теряешь последние крохи своих сил, переметнувшись в тело мертвой колдуньи. Если ты знаешь историю Сейширской ведьмы, то должен помнить, что меня уже пытались убить пламенем.

Он бросил быстрый взгляд на тело некроманта, которое лежало на земле, совершенно не двигаясь. Черная дымка вокруг него развеялась, и теперь колдун мог собственными глазами оценить результат своего заклинания. Наполовину обглоданный скелет, завернутый в мантию, как в тряпку, лежал на камнях среди тел солдат. От рук и ног Эристеля остались только кости, частично были уничтожены даже внутренности, однако сердце некроманта все еще билось.

Насмешливая улыбка сошла с губ старика, когда он заметил, что крови, которая должна была залить камни под телом противника, нигде нет. Казалось, она впиталась в землю, не оставив даже алых разводов, отчего Саирий заметно насторожился. Он отшвырнул тело Лавирии Штан, словно надоевшую тряпичную куклу, а затем почувствовал, как запах сырости начинает усиливаться. Камни, которыми была выложена главная площадь, начали покрываться сеткой трещин, откуда начала сочиться кровь, образуя вокруг старика пентаграмму из древних символов.

Понимая, что некромант стремится захлопнуть ловушку, Саирий обрушил новое заклинание на истерзанное тело Эристеля, желая добить его окончательно. Но было уже поздно. Нечто холодное стремительно вытягивало из многоликого колдуна силы, состаривая до тех пор, пока чернокнижник не упал на землю в облике полуразложившегося трупа.

В ту же минуту тело некроманта восстановилось. Кровь частично вернулась в его тело, а

плоть вновь выросла на костях, словно и не было никакого сражения. Однако, на ноги Эристель поднялся с трудом и тут же пошатнулся, чувствуя сильное головокружение. Тяжело дыша, лекарь скользнул рукой под ткань своей мантии и прямо из груди извлек какой-то серый камень, который немедленно рассыпался в его пальцах. Именно этот артефакт, по сути, спас ему жизнь, первый раз поглотив заклинание, а во второй раз слегка замедлив его действие.

Дрожа всем телом, Эристель судорожно сглотнул и облизал пересохшие губы. Его невольно передернуло от воспоминания о той безумной боли, что еще несколько минут назад терзала все его тело. Какое-то время он боролся со своей слабостью, а затем все-таки поднял одного из мертвых солдат и оперся на него, теперь уже чувствуя откровенную злость.

— Ты был слишком стар, чтобы убить меня, — произнес он, медленно приблизившись к старику. Он смотрел на него, невольно задаваясь вопросом, как бы повел себя легендарный Саирий, зная, что лавину некромант обрушил не потому, что повелевал стихией земли, а потому, что сумел состарить большую часть горы. Это же заклинание, направленное на живых, в свою очередь, помогало некроманту восстанавливать свою оболочку и таким образом прожить более шестидесяти лет, внешне оставаясь молодым.

Эристель никогда не стремился к господству над людьми и уж тем более не задавался целью уничтожить прежние уклады человечества. Единственное, что его интересовало, это способность развить свой собственный организм настолько, чтобы перед ним отступила сама смерть. Практически все исследования, которые он проводил, были направлены на то, чтобы усилить защиту собственной оболочки, а также научиться сохранять разум поднятых из могил мертвецов. В отличие от Саирия, так полностью и не восстановившегося после сражения с колдунами Аориана, Эристель не нуждался в покровительстве известной семьи и уж тем более в их деньгах. Его главным желанием оставался покой. Городишко Двельтонь стал для некроманта своего рода роскошью. Именно здесь четыре года жизни прошли как нельзя более продуктивно. Если бы проклятый Кальонь с его амбициями не заявился сюда, Эристель бы закончил свое исследование и наконец сделал хотя бы одного мертвеца разумным.

Глядя на поверженного противника, лекарь думал, почему Саирий выбрал столь сложный способ проникнуть в город. Чтобы попасть сюда, ему пришлось принять облик маленького мальчика из приюта, две недели выступать с «Пустынными Джиннами», уничтожить Лавирию Штан, когда та обличила его во время колдовства над телом Шаоль Окроз, а затем еще несколько дней наблюдать за происходящим со стороны. Получалось, что никакого Меккаира, как и Сейширской ведьмы, Шагтанского призрака и остальных темных магов не существовало. Все они были личиной одного колдуна, который теперь был убит лишь потому, что его возраст был слишком велик даже для чернокнижника. Но что же столь великому магу мешало явиться в город в обличье, например, какого-нибудь торговца? Быть может, в городе Двельтонь находилось какое-то мощное защитное заклинание, оставленное...

Эристель обернулся и задумчиво посмотрел на черный замок, мрачно вззирающий на него сверху вниз. Возможно, кто-то из прежних правителей этих территорий сам был чернокнижником, который прекрасно знал, кто такой Саирий, и попытался уберечь от него свой дом. Люди говорили, что дед Родона был из простых кузнецов, но так ли «прост» был этот человек, каким хотел казаться?

Чувствуя, что барьер вокруг города растаял, Эристель подумал о том, что именно сейчас

ему лучше всего покинуть это место. Это было бы самым верным в его положении, но мысль о том, что он пообещал сделать с городом, если ему не позволят уйти, заставила некроманта задержаться еще ненадолго.

Глаза Эристея вновь побелели и обратились на Лавирию Штан. Девушка изогнулась, словно невидимые руки подняли ее с земли, а затем, склонив голову на бок, посмотрела на своего хозяина, который совсем недавно подобрал ее мертвое тело в сточной канаве.

— Уничтожь здесь все, — еле слышно произнес колдун, а затем медленно направился в замок. В тот же миг мощная огненная волна обрушилась на ближайшие дома, обращая их в пепел. Душераздирающие крики людей, сторающих заживо, разносились по площади. Несчастные изо всех сил пытались спастись, но пламя неизменно настигало каждого. Пламя уничтожило и жилище Инхира Гамеля, в котором погибли Элестиа и ее дочь Катэриа.

Тем временем Эристель добрался до замка. Его силы были на пределе, однако, даже сейчас столь слабые маги, как Лархан Закэрэль и уж тем более доктор Клифаир не представляли для него серьезной угрозы. При виде лекаря, люди, которые толпились у ворот замка, бросились врассыпную, и некромант не стал тратить драгоценную энергию, расправляясь еще и с ними. С появлением лекаря солдат, охранявших крепость Двельтонь, уничтожила черная чума, после чего те поднялись и открыли ворота перед своим новым хозяином.

Впервые ступеньки показались Эристелю настолько серьезным препятствием. Опираясь на идущего рядом мертвеца, лекарь чувствовал, как дрожат его колени, но злость заставляла его двигаться дальше, чтобы найти своего последнего врага. Он с трудом добрался до обеденного зала и магическим заклинанием уничтожил засов, отчего двери с грохотом распахнулись. Элубио находился внутри вместе с пленниками и шестерыми солдатами. Они стояли у противоположной от дверей стены и в страхе смотрели на того, кого знали не иначе, чем кроткого доктора Эристея. Бледный как полотно, Элубио Кальонь прижался к стене, а его солдаты разом выхватили кинжалы, направив острие на горло пленников.

— Мы еще можем договориться, некромант, — пересохшими губами произнес юноша, с трудом узнавая свой собственный голос. Найалла тихо вскрикнула, чувствуя, что острие кинжала до крови впивается ей в шею, и по щекам девушки вновь потекли слезы. Родон судорожно сглотнул и в отчаянии посмотрел на Закэрэля, замечая, что магическая печать на его шее, оставленная Рикидом, заметно потускнела.

«Сделай же что-то!» — подумал он, глядя на колдуна. Но тот не двинулся, и тогда Родон вновь перевел взгляд на Эристея, с трудом узнавая в нем прежнего доктора.

Измощенный, со слипшимися от крови волосами, некромант с трудом держался на ногах, опираясь на локоть стоявшего подле него мертвеца. Темные круги под глазами придавали лекарю особенно болезненный вид, и казалось, что мужчина вот-вот потеряет сознание. Арайа смотрела на него в отчаянии, не смея даже представить, что с ним произошло и что теперь этот человек в отместку сделает с ее семьей. Закэрэль опустил глаза, ожидая неминуемую смерть. Единственный, кто попытался заговорить после Элубио, был доктор Клифаир.

— Девочек хоть пощади..., — тихо произнес он, не особо веря в то, что колдун послушает его.

— Молчи, старик, — перебил его молодой Кальонь, а затем вновь посмотрел на Эристея. — Послушай меня, чернокнижник, я могу заплатить тебе больше, чем обещал Саирию. Намного больше! Ты можешь стать магом семьи Кальонь, тем самым получив

покровительство, деньги, а, главное, возможность и дальше заниматься своими безумными исследованиями. Если пожелаешь, создашь хоть тысячу тварей вроде той, что пожирала здешних обитателей. Ну, же, лекарь, соглашайся. Зачем тебе служить столь слабому правителю, как Родон Двельтонь, когда подле моей семьи ты можешь сыскать великую славу?

— Я всего лишь просил позволить мне уйти, — Эристель заговорил медленно, и было видно, что каждое слово дается ему с трудом. Его голос прозвучал слабо, едва слышно, однако в нем сквозила неприкрытая злоба.

— Так уходи, — в страхе вскричал Элубио. — Ни я, ни кто-либо из моей семьи больше никогда не будет преследовать тебя. Или, клянусь всем, что у меня есть, я убью Родона и его дочерей.

— Почему ты думаешь, что меня заботит семья Двельтонь? — Эристель слабо улыбнулся. — Нет, уважаемый смотритель, я явился за тобой. Смотрю, чтобы укрыться от меня, ты выбрал обеденный зал. Что же, пора начинать трапезу...

Родон услышал, как стражник за его спиной, начал хрипеть от удушья, и это позволило ему выхватить из ослабевших пальцев солдата кинжал и стремительно вонзить клинок в его шею. Клифаир тем временем отшвырнул другого военного к стене, отчего тот ударился головой и потерял сознание. Остальные стражники были убиты Эристелем, однако уже через миг поднялись на ноги и двинулись на Элубио.

Крича от ужаса, Кальонь пытался сопротивляться, но вскоре его повалили на пол, и солдаты, когда-то давшие присягу защищать его, вцепились зубами в его горло.

Найалла вскрикнула и закрыла лицо ладонями, Родон же подхватил на руки Арайю, желая поскорее оттащить ее подальше от оживших мертвецов. Закрывая собой Найаллу, он прижал младшую дочь к себе, не позволяя ей смотреть на столь страшную смерть до тех пор, пока дикие крики Элубио не смолкли. На полу осталось лежать истерзанное тело, из шеи которого еще сочилась теплая кровь. Остальные мертвецы замерли рядом, безумно улыбаясь своими перепачканными ртами.

— Доктор Эристель, — в нависшей тишине голос Лархана Закэрэль прозвучал неожиданно, отчего взгляды присутствующих немедленно обратились к нему. — Надо бы о косуре позаботиться... Она в капкан угодила, и нужно за ней приглядеть, иначе не поправится. Рана загноилась, и хорошо бы обработать ее еще раз.

Некромант задумчиво посмотрел на чудаковатого отшельника, а затем отступил в сторону от двери, кивком головы указывая, что Закэрэль может уйти. Арайа недоверчиво смотрела на Эристеля, не веря, что Лархан вот так просто доберется до выхода из зала. Но все было именно так. Уже в дверном проеме отшельник обернулся на Родона и тихо произнес:

— Простите меня. Ей, правда, нужно помочь. Совсем молоденькая косуля.

С этими словами господин Закэрэль покинул замок. Он беспрепятственно добрался до конюшни, оседлал свою лошадь, а затем уехал из города, в который с того момента больше никогда не возвращался. Пламя Лавирии Штан расступилось, позволяя Лархану добраться до западных ворот и наконец ступить под навес любимого сердцу леса.

IV

Обычно в это время дня прислуга замка Двельтонь занималась тем, что суежилась в обеденном зале, накрывая на стол. Они расставляли посуду, раскладывали начищенные до блеска серебряные приборы, продевали в кольца льняные салфетки, на которых был вышит

фамильный герб правящей семьи. Единственное, что иногда вносило разнообразие в привычную рутину, были визиты зрителей соседних городов, во время которых использовался праздничный сервиз, приглашались музыканты, а зал украшали большим количеством цветов. Сегодняшний день тоже принес разнообразие, из-за которого стол так и не был накрыт в положенное время.

На полу в луже еще теплой крови лежал самый молодой и самый непродолжительный владелец этого замка. Его красивое лицо было бледным, а остекленевшие глаза слепо таранились в потолок. Губы юноши так и остались приоткрыты в беззвучном крике, словно он по-прежнему звал на помощь кого-то невидимого. Однако слова были вырваны из его горла вместе с плотью, отчего шея Элубио напоминала огрызок яблока, в центре которого вместо сердцевины находились позвонки.

Рядом с убитым в каком-то неестественном безразличии замерли лучшие солдаты из стражи Кальонь, которые дали присягу самому Дарию оберегать его сына от любой опасности. После смерти Карэлия, мужчина озаботился тем, как бы второй его ребенок и теперь уже единственный наследник не погиб по такой же жестокой случайности. С этого момента личная охрана сопровождала Элубио повсюду, готовая сражаться за него до последней капли крови. Но теперь в поблекших глазах стражников было какое-то равнодушное спокойствие, словно они смотрели на гору камней, а не на мертвое тело своего господина. Этот пустой взгляд в сочетании с окровавленными ртами, растянутыми в безумных улыбках, вызывали ощущение ужаса, отчего никто из присутствующих, чье сердце еще смело биться, не мог смотреть на них без содрогания.

Пряча за спиной обеих дочерей, Родон в который раз бросил взгляд на двери, через которые вот так спокойно вышел один из бывших пленников Элубио. Все это время, пока они находились в обеденном зале, Лархан Закэрэль думал только о какой-то косуле, жизнь которой оценивал куда выше, чем человеческую. В сложившейся ситуации его обращение к Эристелю прозвучало настолько нелепо, что Родон почти наяву представил, как чернокнижник одним взглядом расправляется с наивным отшельником. И каким же было его изумление, когда некромант молча позволил Лархану уйти. Закэрэль не бросился ему в ноги с благодарностью, а Эристель не произнес смертельного заклинания, глядя уходящему в спину. Напротив, словно издеваясь, отшельник обратился именно к нему, к Родону, желая попросить прощения за свой уход. То, что он оставил в опасности двух невинных девочек ради животного, которого, быть может, уже спустя неделю подстрелит охотник, у мужчины не укладывалось в голове. И почему Эристель отпустил его? Родон прокручивал в памяти моменты общения этих двоих, и ничего, кроме вежливости двух собеседников он не припоминал. Оба колдуна не были ни друзьями, ни врагами, ни даже приятными знакомыми. Быть может, это великодушие со стороны некроманта должно продемонстрировать что-то остальным? А на самом деле, едва Лархан покинет замок, живые мертвецы немедленно растерзают его? Или Эристель хотел, чтобы он, Родон, умолял его о милости?

Эта надежда казалась господину Двельтонь куда более жестокой, нежели угрозы Элубио. Эристель хранил издевательское молчание, словно размышляя, что бы такого еще сотворить, в то время как Родон отчаянно искал правильные слова, которые смогли бы защитить его девочек от неминуемой смерти. После того, что произошло с Элубио Кальонь, мужчина все еще сжимал в руке кинжал, отобранный у одного из стражников, словно такое жалкое оружие могло остановить некроманта.

Доктор Клифаир выглядел не менее растерянным. Его глаза в изумлении уставились на Эристеля, лицо которого вновь стало непроницаемым. Лекарь и впрямь размышлял над тем, что делать с оставшимися живыми в этой комнате. С одной стороны, Эристель обещал уничтожить всех, кто посмеет преследовать его, однако семья Двельтонь и Клифаир в этом явно не участвовали, как, впрочем, и Лархан Закэрэль, который в свое время замучил лекаря своими рассказами о заячьем выводе и лосе, застрявшего рогами в развилке дерева. Но больше всего отшельник переживал именно за косулю, отчего Эристелю даже пришлось написать ему рецепт одного из зелий, которое помогло бы животному скорее восстановиться. То, что Лархан предпочел не благородствовать, а сказать то, что его беспокоило на самом деле, лекарю пришлось по вкусу. Как и он сам, отшельник не любил иметь дело с людьми и всю свою жизнь посвящал тому, что ему было действительно интересно.

Взгляд Эристеля скользнул по лицу Найаллы, молоденькой притворщицы, которая, как ему казалось, придумала свою влюбленность от безделья. Он не раз встречал тех, кто изображал из себя тяжелобольных, чтобы тем самым манипулировать своими близкими или добиваться своей цели. В городе Ливирт к Эристелю приводили мужчину, который, ссылаясь на неведомый недуг, не хотел работать в поле, и все хозяйство тащила на себе его несчастная жена. Она отдавала докторам последние монеты, чтобы те вылечили ее супруга, а лекари лишь разводили руками, не понимая, в чем дело. Зато понимал Эристель, и, когда к нему привели этого человека в четвертый раз, серьезный недуг действительно овладел телом притворщика. Страшные боли терзали его тело в течение долгих двух месяцев, после чего хворь лени сняло, как рукой. То же самое Эристель уже подумывал проделать со старшей Двельтонь, однако в тот день он увидел на столе Родона письмо с печатью Аориана и решил повременить с расправой. Девчонка могла узнавать для него необходимую информацию, к тому же, Родон мог переполошиться и попросить мудреца приехать в город и излечить его дочь. Этого внимания Эристелю уж точно не хотелось.

Сейчас Найалла была настолько напугана, что беспомощно цеплялась за плечо Родона, комкая в пальцах тонкую ткань его камзола. Внешне девушка походила на отца разве что жгуче-черными волосами. Она унаследовала черты своей матери, которая не относилась к первым красавицам, отчего люди даже сплетничали о том, что такой привлекательный мужчина, как Родон Двельтонь, непременно стал жертвой приворотного зелья.

Что касается Арайи, то эта девочка была ли едва не копией своего отца. Ее строгое лицо, сверкающие глаза и страх, который она так старательно пыталась скрыть, являлись зеркальным отражением чувств, которые Эристель читал в глазах Родона. Определенно, Арайа боялась, но при этом ей казалось чем-то недопустимым прятаться отцу за спину, тем более от того, кто совсем недавно давал ей совет, как правильно опускать руку в кувшин для лотереи. То, что Эристель отпустил Лархана, удивило и несколько приободрило девочку, и теперь Арайе казалось, если они правильно себя поведут, то этот чернокнижник не станет лишать их жизни.

«Нужно что-то сказать ему. Не отцу, не доктору Клифаиру, а мне!» — подумала она. Почему-то Арайе казалось, что ввиду ее юного возраста, некромант будет чуть снисходительнее, но Родон все-таки опередил ее, заговорив первым. Его голос прозвучал нарочито спокойно, хотя подобное сейчас давалось мужчине с невероятным трудом.

— Итак, господин Эристель, — произнес Родон, невольно крепче сжимая рукоять кинжала. — Вам не кажется, что уже пора остановиться? Вы поквитались с тем, кто пытался

вас уничтожить, и теперь в этом городе вас больше ничего не держит. Я уж точно не буду вас преследовать. Оставьте невинных людей и уезжайте.

Некромант задумчиво посмотрел на темноволосого мужчину и, чуть помедлив, тихо ответил:

— Вы ошибаетесь, господин Двельтонь. Меня держит мое обещание. Я же сказал, что уничтожу город, если мне помешают уйти. А теперь посмотрите на мое состояние: сразу видно, что мешали мне с особым упорством.

Губы лекаря тронула усталая улыбка, и он продолжил:

— Вы слышите эти крики, господин Двельтонь? Именно эти, как вы выразились, «невинные» люди совершенно недавно требовали сжечь ваших дочерей на костре. Отчего же вас должно беспокоить, что горят их дети?

— Быть может, потому что я еще пытаюсь удержатъ свою ненависть. А вы, Эристель, почему не сдерживаете свою? Что, кроме магии, отличает вас от той жестокой толпы, которую вы решили покарать? Они хотя бы руководствовались страхом, а вы... Чем руководствуетесь вы?

— Отличает то, что я никогда ничего не делаю во имя добра. Мне было шесть, когда я впервые понял, что все, что творится толпой во имя добра, связано с чьим-то убийством.

— Половина жителей юга с шести лет знают, что такое голод, холод и побои. Тем не менее, не все они стали убийцами и головорезами. Довольно, Эристель. То, что сейчас творится в городе, это не правосудие, это резня! Многие их тех, кого вы убили, еще недавно были вашими больными.

— Это не остановило их от желания отправить меня на костер.

— Люди оправданно боятся темных колдунов и тех, кто покровительствует им. Сколько городов было уничтожено злыми силами.

Эристель вновь чуть заметно улыбнулся:

— Я правильно вас понимаю, господин Двельтонь: вы желаете, чтобы я успокоил пламя снаружи и сжег тех, кто находится внутри этой комнаты? Я — темный колдун, а вы в глазах людей по-прежнему остаетесь моим покровителем.

Эти слова на миг заставили Родона растеряться. Он чуть приоткрыл губы, желая что-то сказать, но ни одна подходящая мысль не пришла на ум так стремительно, как этого хотелось.

— Вот вы и ответили на мой вопрос, — с ухмылкой продолжал Эристель. Говорить ему становилось все сложнее, а поддержание в живых Лавирии Штан окончательно измотало колдуна. — Я хочу, чтобы вы запомнили этот день, когда люди, которых вы так отчаянно защищаете, захотели вас сжечь. Пусть они сгорят. Я желаю, чтобы вы еще долгие месяцы видели под своими окнами пепелище и каждый раз представляли, что все тот же огонь мог уничтожить вас и ваших детей. Вас предали все, кому вы доверяли. Продали за бесценок. Именно поэтому я хочу, чтобы вы жили и до конца своих дней убеждали себя в том, что прощаете этих ничтожеств. Они же делали это не со зла. Кто-то хотел быть сытым, кто-то богатым, кто-то влиятельным. Ничего из ряда вон выходящего... Но, поверьте мне, господин Двельтонь, как бы вы с собой не боролись, вы, как и я, никогда не сможете их простить по-настоящему. А это пусть послужит вам напоминанием...

Внезапно Родон почувствовал, как его ноги слабеют, и уже через миг он беспомощно осел на пол, не в силах пошевелиться. Нижняя часть его тела совершенно не слушалась, отчего в глазах мужчины отразился страх. Родон оказался парализован.

— Отец! — вскрикнула Найалла и, упав на колени подле Родона, в отчаянии разрыдалась. — Нет, что же вы делаете? Пожалуйста, не оставляйте его таким!

Испугавшись, что колдун собрался убить остальных, Клифаир попытался атаковать Эристеля заклинанием, но безрезультатно. Лекарь одним взглядом отбросил старика к стене, и тот потерял сознание.

— Умоляю, Эристель! Пожалуйста, исцелите его! — не помня себя от ужаса, кричала Найалла. — Отец не виноват. Он не желал вам зла!

— Хоть кто-то в этой семье не будет притворяться больным, — равнодушно бросил Эристель и направился к выходу. Некромант уже переступил порог комнаты, когда Арайа, не в силах больше себя контролировать после пережитого, дрожащим от страха и ненависти голосом крикнула ему вслед:

— Небо мне свидетель, Эристель, клянусь, я сделаю все, чтобы однажды найти вас... и убить!

Колдун обернулся, не ожидавший подобной выходки от девочки, которая изо всех сил старалась быть настоящей дамой. В его глазах промелькнуло легкое удивление, а затем губы мужчины тронула ироничная улыбка.

— Вы точно как я. Был когда-то.

Чуть помедлив, он добавил:

— Я буду ждать, госпожа Двельтонь.

Это было последнее, что произнес Эристель, после чего он покинул замок. Огненная магия Лавирии Штан прекрасно отвлекала внимание, отчего лекарь вскочил на первую попавшуюся лошадь и направился к западным воротам. Его силы стремительно уходили, отчего боль, нанесенная заклинаниями Саирия, начала возвращаться. Скоро в городе появятся маги Аориана, а это означало, что на передышку не будет времени. Радовало то, что, ослабнув, Эристель лишится своей магической энергетике, отчего колдунам будет куда сложнее его найти. Скорее всего, будут искать одинокого беловолосого мужчину, поэтому в идеале нужно будет возвращаться на север, где беловолосых пруд пруди и снова пытаться завести семью. Брошенных женщин с детьми, мечтающих о прекрасном рыцаре, на севере, как, впрочем, и везде, полно, поэтому временно можно будет перекантоваться у одной из таких дам. А до этого пару месяцев можно пожить в горах. На западе есть несколько заброшенных деревушек, где раньше жили добытчики золота. Когда рудники опустели, искатели покинули свои поселения в поисках новой наживы.

Мчась во весь опор по лесной дороге, Эристель почувствовал, как последний источник, отнимающий его магические силы, был уничтожен. Пламя, поглотившее почти весь город, встретило сопротивление в той части, где находились главные ворота. Гимири Штан и остальные «Пустынные Джинны» вступили в свое последнее в этот день сражение. Кто-то боролся с пламенем, силясь не допустить сожжения всего города, но Викард и Криам старались уничтожить непосредственно Лавирию Штан. Тело девушки полностью растаяло в пламени, и теперь она походила на ифрита, который упивался своей жестокой забавой. Она стремительно шла вперед, при этом не касаясь земли, а вокруг нее дома, деревья, животные и люди обращались в пепел.

— Она — моя сестра! — закричал Гимири, пытаясь остановить Криама, когда тот в который раз атаковал ее.

— Это больше не твоя сестра, глупец! В ней жизни не больше, чем в других мертвецах этого проклятого некроманта. Я не чувствую тепла ее тела.

— Погасите огонь вокруг нее, и она станет уязвимой! — теперь уже Викард пытался справиться с огненной ведьмой. Он стремился поглотить пламя, исходящее от нее, но уже вскоре закричал от боли, чувствуя, что огонь противницы начал сжигать его заживо. Но Эристель слабел, а вместе с ним слабела и Лавириа. Сражение длилось еще несколько минут, после чего тело девушки обратилось в пепел.

— Вы убили ее... Убили..., - прошептал Гимирос. Он не замечал, что его тело покрыто ожогами, потому что другая боль была гораздо сильнее. Викард без сил опустился на землю, кашляя и тяжело дыша. Ему до сих пор не верилось, что пламя вокруг утихло. Криам же яростно бранился, чувствуя, что уже не может себя сдерживать. Он и так был одним из самых несдержанных колдунов, теперь же ему хотелось послать всех в пекло и уйти из этого ненавистного города.

— Проклятый Двельтонь! И за это все мне заплатил всего лишь тридцать золотых?

— Угомонись, — пробормотал Викард. — Твоего Двельтонь скорее всего уже нет в живых. Гимирос, возьми себя в руки. Здесь столько людей нуждается в твоей помощи.

Штан вздрогнул и в гневе посмотрел на предводителя.

— Ты не понимаешь... Я любил ее больше всего на свете. Я должен был ее защитить.

— А мы должны были уехать сразу после выступления, — рявкнул Криам. — И уж тем более не брать к себе непроверенных людей. Я с самого начала был против этого мальчишки! И что теперь! Вы все чувствовали его энергетику на площади. Выжившие люди говорили, что Меккаир обратился сначала в женщину, а потом еще несколько раз неизвестно в кого. Не удивлюсь, если именно этот многоликий ублюдок убил Лавирию, а второй ублюдок воспользовался ее магией уже после смерти. И вообще, я хочу расторгнуть наш договор! Я не собираюсь помогать всей этой своре вопящих и плачущих. Надо было думать, прежде чем орать «В пекло Двельтонь!». Вот и доорались. Пекло само пришло за ними.

— Хватит, Криам! — не выдержал Викард. — Я бы давно расторг с тобой договор, если бы знал, как это делается.

— А ты не знаешь???

Остальные «джинны» растерянно следили за перебранкой своего лидера и самого буйного из них всех. Крики, причитания и надрывный плач поглотили город, отчего колдуны откровенно не знали, что делать дальше.

— Говорят, кроме замка не сгорел еще дом какого-то богача, — произнес Парсиль, молоденький «джинн», которому колдовство давалось сложнее всего. — У него несколько магов в охране, поэтому они и протянули. Может, у него можно расположить раненых?

— Полагаю, его дом забит до трещин в фундаменте, — устало отозвался Викард. — Судя по теплу, в замке есть живые люди. Колдун не тронул их. И в замке будет достаточно места. Пусть те, кто здоровы, помогают переносить раненых. В конюшнях «Белой Совы» остались несколько лошадей и пара телег. Воспользуемся ими, чтобы перевезти особо пострадавших. Гимирос, слышишь. Нужна твоя помощь!

Юноша поспешно протер глаза, не желая, чтобы люди пялились на его слезы.

— Ладно, давайте займемся делом, — произнес он. — Криам, идем. Потом позлишься. Я даже поддержу тебя в этом начинании.

Сплюнув себе под ноги, Криам что-то пробормотал себе под нос и первым направился обратно к «Белой Сове».

Тем временем в замке Двельтонь пришедший в себя Клифаир попробовал снять заклинание Эристеля. Несмотря на то, что Родон велел заниматься ранеными, доктор

отказывался его слушать.

— Я прошу вас, Клифаир, — в который раз повторил мужчина. — У меня ничего не болит, я и подождать могу. А вы расходуете свои ценные силы напрасно.

Найалла и Арайа сидели подле отца. Старшая Двельтонь еще никак не могла успокоиться от пережитого, в то время как младшей сильно досталось от отца за ее безрассудство.

— Глупая взбалмошная девчонка! — сказал ей Родон, едва Эристель скрылся из виду. — Этот колдун мог убить тебя одним взглядом, а ты додумалась ему угрожать! Мне казалось, что я достаточно хорошо тебя воспитывал, чтобы ты научилась пользоваться разумом. Как же я глубоко ошибался.

Произнеся в очередной раз лечебное заклинание, Клифаир вздохнул и устало потер переносицу:

— Нет, не смогу. Проклятье выцарапано прямо на костях. Я думаю, что полностью уничтожить его никому не удастся. Разве что перенести. Быть может, маги Аориана смогут хотя бы передвинуть эти руны на левую руку.

— Это лучше, чем ничего, — ответил Родон. — Все, довольно меня жалеть. Нужно заняться горожанами. Найалла, Арайа, утрите слезы. Вы — Двельтонь, а не крестьянские девчонки. Велите слугам...

— А вы не боитесь, что эти самые горожане убьют нас, отец? — спросила Арайа, посмотрев на мужчину совершенно недетским взглядом. — Эристель прав, они считают нас пособниками чернокнижника.

— Значит, моя болезнь послужит им доказательством, что это не так, и..., - внезапно Родон прервался, на миг представив, как будет оправдываться перед правителем Юга. До него наверняка дошли слухи, будто Двельтонь покровительствовал силам тьмы, однако теперь его болезнь станет своего рода опровержением. Если Эристель наложил на него такое проклятье с целью защитить его, то теперь мужчина ощутил некоторую растерянность.

Сумрак опустился на город, словно занавес, объявивший об окончании спектакля. На сцене остались лишь обгоревшие фрагменты построек, которые черными клыками выделялись в тусклом сиянии луны. Ветер лениво гонял пепел по линиям улиц, и, казалось, что сама пустыня пожаловала в этот город, кругом оставляя песчаные следы.

Этим вечером здесь было удивительно тихо. Никто из местных жителей не шатался по улицам, фальшиво голоса шуточные песни. Не было стражников, которые объезжали город в поисках нарушителей. Мужчины не спешили в трактир «Подкова», чтобы после работы пропустить там стаканчик горячительного, а женщины не прогуливались по рыночной площади, выбирая тот или иной товар. Некогда шумный, живой и неутомимый городок словно вымер и теперь представлял собой обуглившееся кладбище, в центре которого вместо Склепа Прощания возвышался черный замок семьи Двельтонь. Он, частично разрушенная крепость городской стражи, а так же дом господина Агль напоминали своего рода маяки, которые остались зажженными в окружении безжизненного моря пепла.

Уставший и осунувшийся, Пехир в который раз обходил комнаты, отдавая распоряжения слугам касательно размещения людей, оставшихся без крова. Он только что вернулся от Родона, и хоть мужчина изо всех сил старался казаться бодрым, состояние господина Двельтонь произвело на него тяжелое впечатление.

— Где наша не пропадала, зритель! Вырвемся. Зубами прогрызем, но вылезем из этой передраги! — сказал Пехир Родону, желая хоть немного его приободрить. Хлопнув

мужчину по плечу, он залихватским голосом продолжил:

— Я знаю дюжину толковых магов, которые мне должны, к тому же с утра здесь уже будут колдуны Аориана. Подлатаем тебя, и снова на балах будешь отплясывать похлеще мальчишки, нацелившегося нырнуть под юбку какой-нибудь хорошенькой...

Заметив легкое удивление и в то же время иронию в глазах господина Двельтонь, Пехир несколько смутился, поняв, что ляпнул лишнего, поэтому поспешно добавил:

— Извини, Родон. Из меня, когда я волнуюсь, вечно прет мое крестьянское прошлое. Я хотел сказать, что твой недуг — ерунда. Да и город восстановим. И, быть может, если повезет, даже некроманта поймаем. Хотя даже не знаю, как оно было бы, если бы горожане продолжили вершить расправу. Может, мы бы сейчас с тобой на соседних кострах горели.

— Самое страшное, что я тоже постоянно об этом думаю, — усмехнулся Родон. — Если бы не некромант, кто знает, как бы сложилась участь моей семьи. Мне до сих пор не верится, что все, кто был вокруг меня... Все оказались замешаны в заговоре. Бегиль Карж, Инхир Гамель... Им я верил даже больше, чем тебе.

— Что касается твоего казначея, он и впрямь был толковым, хоть и подворовывал. Впрочем, если казначей не подворовывает, это не казначей, а дурак. То, что Бегиль переметнулся на сторону Кальонь поразило не только тебя. А что касается Инхира, этот ублюдок всегда был себе на уме. Ты его создал, а он тебя так отблагодарил. Но ты — не первый и не последний, Родон. Хорошее нужно делать очень осторожно, иначе вскормишь паразита, который в итоге тебя сожрет.

— Но ты-то повел себя иначе, — ответил смотритель.

— Я часто выезжаю за ворота и вижу, как живут под властью Кальонь. Столица полуострова выпила все города до дна, оставив только нищету да разруху. Твой город — это еще одно пшеничное поле, которое Кальонь собирались сожрать и вытоптать. И двинуться дальше. Тем же методом действовал и Инхир. Разве что в данном случае он старался продать свою шкуру подороже. Говорят, некромант хорошо с ним повеселился. В ту часть замка теперь вообще нельзя заходить до приезда магов?

— Да. Клифаир сказал, что чувствует энергетику черной оспы. Еще не хватало, чтобы она распространилась по замку. Зараженных чумой хотя бы уничтожило пламя, а вот тело Инхира по-прежнему представляет собой опасность. Кстати, может, тебе известно, что стало с его семьей? Элестиа — хорошая женщина, и мне бы не хотелось, чтобы народ начал отыгрываться на ней. Настроение у людей крайне непредсказуемое. Уже поговаривают о том, чтобы убить всех выживших сторонников Элубио... Как будто теперь это что-то изменит.

Услышав имя госпожи Гамель, Пехир заметно помрачнел.

— Погибла она, — сухо произнес он. — Сгорела при пожаре вместе с дочерью. Страшная смерть. Карж, кстати, тоже. И его супруга, и трое ребятишек. Старшая девочка была очаровательна. Я хоть и зол на твоего казначея, но такой участи никогда бы ему не пожелал.

Родон кивнул, а затем спросил:

— Что еще известно в городе?

— Уцелели только дома у «Главных ворот», крепость городской стражи, мой постоянный двор, хотя там и сгорело основное здание, когда ловили эту черную тварь, да городское кладбище. У западных ворот — гора трупов. Среди них — вся семья Сантарии Кревель помнишь, прачку такую хорошенькую? Еще вечно за Овераной Симь и Элестией бегала.

Господин Двельтонь вновь кивнул, и Пехир продолжил:

— Там же лежит Амбридия Бокл. Кстати, при ней нашли золотые монеты, отчеканенные Кальонь.

— Я не удивлен, — усмехнулся Родон. — Именно она громче всех кричала «В пекло Двельтонь!».

— Небо меня накажет за такие слова, но вот эту жабу мне ни капельки не жалко. От нее и муж сбежал, и сын, и явно неспроста.

— А что с госпожой Симь? — этот вопрос Двельтонь хотел задать с самого начала, но посчитал, что нельзя спрашивать напрямик, чтобы не скомпрометировать себя и уж тем более Оверану. Родон помнил эту красивую женщину, и то, как она отказалась пошить ему камзол.

— Она и ее супруг у тебя в замке. Хагал в полном порядке, а Оверана ранена. В толпе ей умудрились порезать плечо, хотя, честно сказать, мой лекарь, который занимался ей, сказал, что рана была нанесена до всего случившегося и даже оказалась защита... Давно поговаривают, что это муженек Овераны характер проявляет. Полагаю, он и порезал девушку.

— Из-за чего? — Родон заметно насторожился.

— Да кто его знает. Наверняка, в распутстве подозревает. Ну, оно и понятно. Ты вообще видел эту Оверану? Мужики шеи ломают, когда она проходит мимо.

— Мельком, — уклончиво ответил Двельтонь. Ситуация с Хагалом ему крайне не понравилась. Он уже задумался о том, чтобы вызвать этого типа к себе на разговор, сославшись на то, что до него дошли слухи о рукоприкладстве. Но вдруг Оверана скажет, что это ошибка? Быть может, она настолько запугана, что даже слова не посмеет сказать против мужа? И тогда он, Родон, ничего не сможет сделать.

— Знаешь, смотритель, я тут подумал по поводу нашей хорошенькой госпожи Симь, — заговорщическим тоном начал Пехир и вдруг рассмеялся. — У меня есть парочка людей, которые иногда выполняют мои поручения не самым вежливым способом. Зато Хагал навсегда запомнит, какого это — избивать слабую женщину. Тоже мне, герой нашелся.

Губы Родона тронула улыбка.

— У меня тоже есть такая парочка людей, но, мне кажется, что поколотить его единожды будет маловато. Я бы предпочел вышвырнуть его из города.

— И он заберет Оверану с собой. Проклятье! Знал бы, что некромант собирается все тул сжигать, собственноручно привязал бы Хагала к какой-нибудь каменной колонне. Надеюсь, небо не слышало то, что я только что сказал, но я искренне сомневаюсь, что такой человек как он изменится после случившегося.

— Что-что, а приструнить мерзавца у меня хватит сил, — мрачно произнес Двельтонь, и Пехир согласно кивнул. Больше они не перечисляли убитых. Теперь уже проще было назвать имена оставшихся в живых. В какой-то миг Родон поинтересовался состоянием жены Пехира, отчего мужчина поморщился, словно жевал лимон.

— Брюзжит, как заведенная. Ей уже мерещится, что наш дом обокрали, мужчины смотрят на нее с нескрываемой похотью... На нее, представляешь..., а женщины кривят лица от зависти. К тому же ее якобы унижает подносить воду старикам. Особенно ее пугает тот полоумный дед, который вечно болтает себе что-то под нос.

— Игша? — не поверил Родон. — Он жив?

— Да. С чего ему умирать, если он первым притаился в мой дом? Впрочем, ведет себя

прилично, только бубнит какую-то ерунду.

В этот миг Двельтонь переменялся в лице:

— Что именно?

— Да ничего особенного, — отмахнулся Пехир. — Что-то вроде: "говорил же, говорил... Ну, вас всех!" И так по кругу, без передышки.

Родон не сказал господину Агль, что Полоумный Игша оказался куда умнее, чем большая часть горожан, и его пророчества совершенно не являлись чем-то нелепым. Видимо, старику было крайне сложно объяснять свои видения, отчего и получалась бессмыслица в глазах окружающих.

Тем временем в бальном зале замка, где устроили своеобразный лазарет, разместились оставшиеся в живых горожане. Здесь уцелевшим докторам было проще всего уследить за ранеными, чем если бы они постоянно перемещались по гостевым комнатам. Те помещения, в свою очередь, заняли женщины с грудными детьми, чтобы плач младенцев не мешал отдыхать остальным. Большинство людей все никак не могло заснуть, обсуждая случившееся со слезами на глазах и дрожью в голосе. Произошедшее в каком-то смысле хотя бы на время сплотило несчастных, отчего каждый пытался успокоить и приободрить другого.

Все еще не выпуская любимого мужа из объятий, Матильда Жикирь нежно поглаживала его плечи своими пухлыми ладонями и шептала ему, что все наладится. То, что эти двое остались в живых, стало чистой случайностью, потому что именно в тот момент, когда их дом должна была поглотить огненная волна, в бой с Лавирией Штан вступили «Пустынные Джинны». Матильда до сих пор видела перед собой напряженное лицо Криама, который буквально дрожал всем телом, сдерживая пламя. Он выиграл семье Жикирь драгоценные несколько секунд, и те чудом успели выбраться из дома. Все их вещи сгорели, но теперь Матильда старалась не думать об этом и радовалась лишь тому, что они с мужем выжили.

— Надо бы к сыночку съездить, — бормотала она, все еще всхлипывая. — Ох, Лукио. Справимся мы. Заживем по-новому. Дом нам помогут отстроить, река нас прокормит. Еще лучше прежнего заживем. Небо справедливое все видит, всем хорошим помогает. Все достойные люди сейчас здесь. А эта Амбридия как жила подло, так же и померла. Я всегда знала, что именно так сложится ее судьба. И спектакли мне ее никогда не нравились. А то розовое платье с воланами делало ее еще более похожей на свинью. Подложи ее на стол мяснику, тот даже не отличит. А ты слышал, Лукио, что она денежки Кальонь себе прикарманить хотела? Весь кошель был набит до треска, но у западных ворот правосудие и ее настигло. Не нужны нам грязные деньги этой мерзкой семьи! Мы с тобой, Лукио, все сами откладывали и теперь будем жить в достатке по сравнению с другими. Сорок два золотых, пятнадцать серебряных и восемьдесят два медяка — это целое состояние. Давай подумаем, где бы нам спрятать деньги, чтобы никто из этих дармоедов даже не пытался их у нас украсть.

Матильда не сразу заметила, как напрягся ее супруг, когда речь зашла о накоплениях. Положив голову ему на грудь, она ворковала о том, какими богатыми они теперь будут среди этого пепелища, в то время как Лукио почувствовал, как у него от страха похолодели ладони.

— Главное, что в живых остались, — не своим голосом пробормотал он.

— И не просто живыми, с деньгами! Ох, заживем, мой миленький! — радостно подхватила Большая Ма и с нежностью посмотрела в глаза своего мужа. В тот же миг счастливая улыбка исчезла с лица Матильды, а глаза подозрительно сузились в две маленькие щелочки.

— Ты же взял со стола кошель, правда?

Лукио судорожно сглотнул:

— Так ведь крыша начала обваливаться. И этот огненный колдун как закричит: убирайтесь вон! И я... И я сразу за тобой...

Большая Ма выглядела так, словно на нее вылили ушат холодной воды. Ее глаза широко распахнулись, а рот несколько раз приоткрылся, не издав ни звука. Женщина была настолько ошеломлена, что забыла, как говорить, дышать и думать. В голове осталась только одна единственная мысль, которая занозой засела в мозгу, принося женщине страшные душевные страдания: деньги пропали!

— Что же это..., - в растерянности выдохнула Матильда, глядя на мужа невидящими глазами. — Что же это делается-то... Родной муж убил... Небо премудрое, родной муж убил... Чернокнижники не одолели, пламя не поглотило, а самый близкий человек нож в спину вонзил.

В тот же миг лицо женщины изменилось. Теперь из страдающего оно сделалось гневным, а пухлые кулаки Матильды сжались в своеобразные молоты, которые она в ярости обрушила на голову и плечи своего супруга.

— Ах ты, кабан безмозглый! Ах ты, скотина бестолковая! — кричала она, не обращая внимания на людей, растерянно уставившихся на них. — Что ж ты делаешь-то, что творишь с женой своей, проклятый! Я, дура, всю жизнь на тебя положила, а ты даже деньги не смог из дома унести, свою толстую тушу поджарить побоялся. Ох, горе мне. Ох, горе!

Кто-то из присутствующих мужчин попытался было вступить за Лукио, и Матильда немедленно переключилась на несчастного храбреца.

— Хорошо, что живы? — визгливо передразнила она. — Хорошо, что живы, говоришь? Ишь ты, утешитель нашелся, всю морду аж перекосило от злорадства. А ну, исчезни с глаз, пока тоже не получил!

Тем временем в другой части зала Колокольчик сидел подле Файгина и то и дело расталкивал его, едва тот собирался уснуть.

— Потом выпишься, — весело восклицал он, поглядывая на посеревшее лицо своего измученного друга. — Ну, как тебе? Ты видел, как она на меня смотрела.

— Видел, — слабым голосом подтвердил Файгин. — Послушай, может, с утра об этом поговорим. Я вот-вот потеряю сознание.

— Тогда держи крепче свое сознание, потому что я до утра не собираюсь спать. Все только и говорят, что обо мне и о том, как я оказал сопротивление безумному колдуну. Они обалдели, когда я сказал, как подкрался к нему и даже попытался ранить ножом...

— Лучше скажи мне, как Оверана? — перебил его Файгин.

— Да что ты заладил. Жива твоя Оверана.... Так, на чем я остановился? А, так вот когда Эристель понял, что я могу убить его, он только поэтому вышел из склепа. Иначе у вас вообще не было бы возможности навредить ему. Он все стены изрисовал какими-то буквами, и ничего не могло его пронять. Так что, я спас тебя, дуралея. Пока ты валялся без сознания, некромант то опять вернулся. Почувствовал, что ты еще жив и пришел, чтобы добить тебя. И я вступил с ним в бой. К счастью, он уже ослабел и был просто человеком. И тогда я бросился на него и так отлупил, что он еле ноги унес.

— Я был без сознания, Лин, — отозвался Файгин. — Но, если мы живы, наверное, так оно и было.

— Что значит, наверное? Он так бежал, что оглянуться боялся. Наверняка, загнал

лошадь до смерти.

Саторг чуть нахмурился, глядя на своего друга с сомнением, однако озвучивать свои мысли не стал. Колокольчик теперь находился в центре внимания: мужчины смотрели на него с уважением, а женщины даже с долей кокетства.

— Может, оно и хорошо, что так вышло, а, Файгин? — продолжал донимать своего друга Колокольчик. — Может, мне даже стоит переименовать себя? Колокольчик — это как-то несерьезно. Может, назваться ребенком или даже бубном? Бубном-то преимущественно женщины пользуются, а мое сердце ох как чует, что красоток в моей жизни отныне будет предостаточно. Теперь это я буду делиться с тобой своими подружками. Да очнись ты наконец. Я тебе жизнь спас, а ты даже дослушать не можешь! Представляешь, сколько сейчас безутешных вдовушек в этом зале? Можно каждую рассмотреть, а затем выбрать самую лучшую и осушить слезки с ее прекрасного личика. Ты только подумай, сколько мужиков сегодня погибло. Да что там мужики, даже сам Родон Двельтонь, который не может ходить, больше нам не соперник. Файгин, ты что, спишь? Вот же, неблагодарный. Ладно, спи! Утром поблагодаришь!

Тем временем доктор Клифаир был занят тем, что наносил лечебную мазь на ожоги одного из раненых. Оверана Симь сидела подле него, придерживая руку больного, пока старик не закончил обрабатывать поврежденную поверхность.

— Оверана, милая, тебе бы самой отдохнуть, — произнес доктор, взглянув на свою измученную помощницу. Его губы тронула ласковая улыбка, но женщина лишь отрицательно покачала головой.

— Я все равно не могу уснуть, так какой смысл созерцать потолок, — произнесла она.

— Я говорю о твоей ране и о том, насколько устало ты выглядишь.

— Вы выглядите не лучше, доктор, — усмехнулась Оверана. — Лучше скажите, кому еще нужна помощь? Как себя чувствуют девочки Двельтонь? Как сам... правитель?

— Найалла спит. Я дал ей успокоительного зелья, и бедняжка наконец затихла. Она так плакала из-за отца, что я уже начал опасаться за ее состояние. Младшая девочка посильнее будет. Арайа удивительно мужественная. Она все еще находится после отца и никак не хочет возвращаться в свою комнату. Кормилица уже даже отругала ее, но не слушается. Вот тебе и дама... А ведь такой сдержанной была.

— А господин Двельтонь? — Оверана старалась говорить уверенно и при этом выглядеть так, словно ее вопрос — всего лишь проявление внимания.

— Господин Двельтонь..., - старик чуть нахмурился. — Будем надеяться на лучшее.

— Но он ведь будет ходить? Вы же сами говорили, что проклятье не обладает полной силой, потому что в момент колдовства Эристель уже ослабел.

— Да я то много чего могу сказать. Ведь я — не чернокнижник. И совершенно не разбираюсь в их магической энергетике. Главное, чтобы колдуны Аориана смогли хотя бы переместить заклинание. Лучше пусть не действует левая рука, чем обе ноги.

— Кто за ним ухаживает сейчас? — этот вопрос слетел с губ Овераны раньше, чем женщина успела осознать, насколько он неприличен.

— Он просил, чтобы все слуги сейчас занимались ранеными. Но я периодически заглядываю к нему. Благо, господин Двельтонь не испытывает боли.

— Если ему потребуется помощь, сообщите мне, доктор. Я не намерена сидеть здесь сложа руки.

— Он гордый, Оверана, — вздохнул старик. — Чужая жалость унижает его.

— Я не собираюсь его жалеть. Я просто... хочу помочь.

Клифаир улыбнулся и кивнул. Раненый слабо застонал, и на лице доктора вновь появилось прежняя тревога. Он сомневался, что этот несчастный протянет до утра.

В это время в спальне Родона Двельтонь все еще горел свет. У постели мужчины сидела его младшая дочь, держа в руках тяжелую книгу. Ее лицо выглядело заплаканным, хотя при отце она не смела так откровенно показывать свои чувства. Когда мужчина спросил о ее состоянии, девочка сказала, что наслушалась рассказов пострадавших, отчего немного всплакнула.

— Но сейчас все хорошо, — решительно добавила она. — Я уверена, что маги Аориана снимут с вас проклятье, и первым же делом мы вместе поедем осматривать город. Я буду помогать вам во всем, отец. Перед сном я полистаю магические книги. Быть может, там что-то сказано о подобных проклятьях.

— Лучше ложись пораньше. Завтра будет тяжелый день, — ответил Родон. — Твоя помощь понадобится доктору Клифаиру.

— Знаю, но ночь принадлежит мне, и я буду использовать это время по своему усмотрению.

— Не слишком ли вы много дерзите, юная дама? — усмехнулся Двельтонь. — И с каких пор ты так интересуешься магией?

— С тех пор, как я столкнулась с ней лицом к лицу. Какой смысл в том, что я умею петь, вышивать и танцевать, если я не могу защитить ни себя, ни тех, кого я люблю. Лучше бы я обучалась магии.

— У тебя нет предрасположенности к этому.

— Не уверена, отец. Один городской бездомный сказал мне, что ведьминская кровь спит, пока ее не потревожишь. Кормилица сказала, что он — сумасшедший, но, заглянув в одну из книг, я убедилась в обратном.

— Полоумный Игша?

— Да... Кормилица называла его именно так. Вы что-то знаете о этом пророчестве, отец?

Родон нахмурился, а затем взял руку дочери с свою и чуть тише произнес:

— Дарайа рассказывала мне, но тогда я не придавал тому значения. Дело в том, что его предсказания не совсем точны, и проходит какое-то время, прежде чем начинаешь понимать смысл сказанного. Твой дед не любил вспоминать о своем отце, но люди до сих пор поговаривают о том, что первый смотритель семьи Двельтонь практиковал магию. Черную магию.

Арайа внимательно смотрела на отца, невольно испугавшись того, что унаследовала столь сомнительный дар.

— Но, быть может, — продолжил Родон. — Пророчество говорит о том, что небольшая часть магической силы передалась тебе в миг твоего рождения. Ты должна была погибнуть, как и твоя матушка, но лекарь, который находился в тот час после вас, использовал свои магические силы.

Девочка до боли прикусила губу, не зная, что и сказать. Хотя Арайа ни разу не говорила этого отцу, она всегда винила себя в смерти матери. Неужели нужно было прожить целых двенадцать лет, чтобы узнать, что и она не должна была родиться. Быть может, именно это и означало странное предсказание Полоумного Игши? Тупая боль и одновременно облегчение проникли в сердце девочки, и она слабо улыбнулась.

— Спасибо, что сказали мне об этом, отец. Хотя я и не могу пообещать вам перестать интересоваться магией, вы сегодня сделали мне своего рода подарок.

— Подарок заключается в том, что тебе теперь не нужно выслеживать самого страшного колдуна в мире, которого ты так лихо поклялась убить? — Родон иронично прищурился, отчего щеки девочки вспыхнули. — Да, ты верно меня поняла, моя дорогая, я буду припоминать тебе эту выходку до тех пор, пока не выдам тебя замуж.

Арайа тихо рассмеялась, а затем еще больше смутившись, чмокнула отца в щеку и поспешно покинула комнату. Проводив дочь взглядом, Родон устало закрыл глаза. Теперь можно было сбросить все маски и остаться наедине со своими мыслями. Этот страшный день подошел к концу и, быть может, уже на рассвете все покажется не таким чудовищным? Нет, все будет выглядеть еще хуже. Приедут маги Аориана и, либо Родон навсегда останется инвалидом, либо ему придется выехать за пределы замка и осмотреть свой уничтоженный город. Кто знает, как теперь будет складываться судьба оставшихся в живых. Люди, которые сейчас в бальном зале с ужасом вспоминают безжалостную стихию огня, совсем недавно не менее безжалостно сжигали заживо мать покойной Шаоль Окроэ, браня ее, смеясь над ней и улюлюкая. Словно в насмешку, пламя перекинулось на них самих. Вот только подобная кара уже никого не вернет к жизни. Ни юную Шаоль, ни ее мать, ни отца, повесившегося вчера ночью в мрачных подземельях крепости городской стражи.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net